

Татяна Латукова

Ведьма в лесу

Ведьма 1.0

Издательские решения
По лицензии Ridero
2018

УДК 82-3
ББК 84-4
Л27

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Латукова Татьяна

Л27 **Ведьма в лесу : Ведьма 1.0 / Татьяна Латукова. — [б. м.] :**
Издательские решения, 2018. — 556 с. —
ISBN 978-5-4490-4584-3

Кольца времени соединяют загадочную историю усыновления и любовные похождения молодой женщины. Случайные встречи оказываются роковыми, а плетения богинь судьбы изрядно запутанными.

Кто и почему убивает давно забытых любовников Риты Рогальской?

Связаны ли убийства с ядом в бутылках вина? Имеет ли для убийцы значение то, что Риту называют ведьмой?

УДК 82-3
ББК 84-4

18+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4490-4584-3

© Татьяна Латукова, 2018

Часть 1

1. День рождения

Изящная женская фигурка вскинула руки и закружилась в сложном рисунке танца. Желтая ткань юбки обвилась вокруг тонких ног летящей волной, переливающейся под светом юпитера. Сделав круг по площадке, танцующая девушка приблизилась и протянула ко мне руки. Я подалась к ней, но плотная густая темнота сковала мои неуклюжие руки и ноги, заставив отступить. Танцовщица снова закружилась под пронзительно грустную мелодию, легко очерчивая кончиками пальцев волшебный круг, внутри которого свет создавал иллюзию гармонии и счастья. Туда, туда, к ней, скорее, скорее же... Я протискивалась сквозь тяжелые волны тьмы, размывавшие чудесный образ, и опаздывала, отставала, удалялась от девушки в желтом. Плясунья рассмеялась знакомым и оттого причиняющим боль смехом, а затем словно растворилась во тьме...

Я осталась одна-одинешенька на краю мира...

Привидится же этакое. Почему видения так любят будоражить меня не в обычный будничный день, а именно тогда, когда я рассчитываю выспаться получше, чтобы выглядеть вечером как нормальная молодая женщина? Пусть я и не вполне нормальная молодая женщина.

У меня серые глаза, широкие скулы, длинная шея и тонкие пальцы рук. Я не красавица в общепринятом понимании красоты, но я — ведьма. Я умею заглядывать в прошлое. И предугадывать будущее. Знать настоящее. Не всегда и не для всех. Иногда по желанию. Иногда внезапно. Я не кручу спиритические столики и не всматриваюсь в хрустальные шары. Но как еще назвать свою способность чувствовать мир, не знаю. Не знаю, есть ли

другие, такие же, как я. Не знаю, подозревают ли люди о моих способностях. Не знаю, является ли мой талант даром или проклятием...

Знаю, что сегодня моей лучшей подружке Осинке исполняется двадцать пять. И несмотря ни на что, я все-таки надену на ее праздник желтое платье с шикарной летящей юбкой, сколько бы снов о давно погибшей маме не подсовывало мне подсознание. Я люблю платья, я люблю желтый цвет, и желтые платья — моя явная слабость. Так что пусть хоть черт лысый пригрезится, все равно надену восхитительный желтый наряд от Милки Софриной.

Моя дружба с Осинкой — продолжение дружбы наших мам, когда случайно познакомившиеся женщины, настолько разные, насколько можно вообразить, из разных кругов, с разным отношением к миру продолжали общаться годами и десятилетиями. И то, что мы с Осинкой пошли тем же маршрутом — результат настойчивости тех же мам, которые напоминали нам обеим — позвонить, поздравить, поговорить — столько лет, что это вошло в привычку. В спасительную привычку, потому что обеим нам пришлось повзрослеть быстро и в жестких обстоятельствах. Скачки по школам, которые устраивали нам родители, не позволили ни мне, тихоне и скромнице, ни Осинке, общительной веселушке, завести дружбу в естественной для этого среде. И когда мы обе оказались в одиночестве, привычка созваниваться стала основой не слишком откровенной, но бескорыстной дружбы.

День рождения моей подружки был задуман с королевским размахом. Большой модный ресторан, дорогое меню и алкоголь рекой, живые выступления попсы, Мэри Кром в качестве ведущего, не считая шоу мыльных пузырей и ночного фейерверка. Круг избранных го-

стей — знаменитости, политики, гламурные и светские персонажи. Плюс жесткий запрет на присутствие прессы, чтобы публика могла по-настоящему расслабиться. Такие сборища люди определенного склада стараются не пропускать — это же круто, статусно, понтово.

Вот только главной персоной на торжестве Осинка никак не предполагалась. Да и можно ли подумать о соперничестве с Ариадной Сергеевной Тернопольской? Это же наше все. Великая актриса, звезда экрана и громких театральных премьер, счастливая жена олигарха, экстраординарная красавица Ариадна в любом месте и любых обстоятельствах была женщиной номер один. Что могла противопоставить своей знаменитой маме неловкая Осинка со всеми своими комплексами неполноценности?

Однако своим появлением нам удалось произвести все же некий фурор. Я уговорила Осинку сделать вполне себе достойную прическу, макияж, а также приодеться в эксклюзивное платье, сотворенное все той же Милкой. Не то, чтобы Мила Софрина уже покорила подиумы мира, просто она сама была мне симпатична, и я подбила Осинку устроить «промо-акцию» платьев от «восходящей звезды» (то есть, пока никому не известной звезды) русской моды. Во всем этом Осинка чувствовала себя неудобно, но перестала быть гадким утенком. В момент ее торжественного выхода к гостям Ариадна Сергеевна даже поперхнулась вином и одарила меня неодобрительным взглядом. Ох, боюсь, на этот раз я переступила черту допустимых проделок. Да и плевать, хоть наемся вкусовых до отвала.

За роскошным столом с мыслимыми и немыслимыми яствами я размышляла о жизненных метаморфозах. Поскольку я совсем не пью, мне бывает не по себе в сборищах вроде нынешнего, и остается только философствовать.

Вот сидит удивительная женщина, властительница дум и мужских сердец. Сколько Ариадне сейчас лет? Со-рокалетний юбилей был, кажется, в позапрошлом году? А двадцать пять лет назад она рожала свою задвигаемую в тень дочку в обычном роддоме, как все простые женщины, каковой, собственно, она тогда и была. И уже тогда ей было на три года больше, чем Осинке сейчас, поскольку я точно знала, что Ариадна была всего на год младше моей мамы. В сухом остатке получается, что великая Тернопольская мило распрощалась с десятком лет своей жизни.

Что такое десять лет, ерунда. В это десятилетие у Ариадны легко уместилось три брака, несколько звездных ролей в кино, инфаркт одного знаменитого режиссера, пара тихих разводов, и кто знает, что еще... Вероятно, моя мама была бы одной из тех, кто знал. Но... десять лет назад она насмерть разбилась на пустой подмосковной трассе.

Я как-то видела эту автокатастрофу во сне.

Белая машина летит по лужам на изъеденном трещинами и ямами асфальте, внезапно машина скользит, цепляет обочину, заваливается набок, а потом кувыркается вниз с насыпи. Тишина, только шум ливня, а потом столб пламени обращает тысячи капелек падающей с неба воды в горячий пар...

Отец верит, что мои заскоки начались после смерти мамы. Что я, как пришла в неуравновешенное состояние после ее смерти, так и остаюсь в нем до сих пор. Но заскоки начались намного раньше. Я даже пыталась объяснить маме, что подчас ощущаю и вижу. Мысленные образы часто не дают никаких ответов, только плодят кучу новых вопросов. А маленькому ребенку хочется знать именно ответы. Увы, мне так и не удалось объяснить, что «чувствовать» иногда означает для меня нечто особое. Наверное, я попробовала бы так или иначе изучить свой

дар в подростковом возрасте, но после смерти мамы было не до этого. А сейчас я уже слишком побаиваюсь таких «экспериментов».

Отец приехал на праздник Осинки, как на любое другое светское мероприятие, с опозданием, но с достаточным шумом, чтобы привлечь к себе внимание. Раньше его к Ариадне не приглашали, но теперь расклад изменился. Теперь мой дорогой папочка вещает со всех телеэкранов страны про разное непонятное в качестве ведущего эксперта по эзотерике, нло, темпоральной физике и проблемам поиска атлантиды (все это вместе взятое перемешать, взболтать и употреблять неокрепшим умам в качестве средства от интеллектуального запора). К тому же он с таким пафосом и драмой в голосе говорит о произошедшей в его жизни личной трагедии, что иногда мне кажется, что его и приглашают вовсе не ради рассказов о зеленых человечках. Людям нравится слушать о том, что можно истово любить всю жизнь одну-единственную женщину и сохранять эту любовь даже спустя десятилетие после смерти любимой.

Я не теряю надежды, что однажды он решит возвести на пьедестал своей великой любви живую женщину. Во многом из-за того, что однажды мне привиделось, как отец с безумным взором стоит на коленях перед портретом матери в спальне и закликает ее о даровании ему свободы. Но это главная проблема видений. Иногда нельзя понять наверняка: видишь то, что есть, или то, что хочешь видеть. Умеешь угадывать то, что произойдет, или то, что происходит, оказывается результатом угадываний? А даже если правильно угадываешь, это все равно не приносит ни спокойствия, ни радости, только подчас ненужные знания, которые только мешают воспринимать мир таким, каким он кажется.

Начались танцульки, и мне в кавалеры навязался стареющий фотогений Дионис. Прекрасный пример случая, когда тайное знание чужой особенности напрочь лишает меня способности нормального общения. Дионис — гомосексуалист, в чем он даже сам себе не признается. Его одиночные редкие связи с мужчинами обычно глубоко засекречены, а сам он считает, что это очередное «бес попутал». Чтобы доказать себе собственную мужественность, Дионис соблазняет и ублажает женщин разными экзотическими способами. Женщины его обожают, мужчины избегают. Что нисколько не мешает Дионису быть своим в самых разных тусовках.

Вообще, зовут его Денисом Петровичем Шкуркиным. Но с виду он самый настоящий Дионис, даже поредевшая шевелюра вокруг плечи на макушке создает иллюзию венка из виноградных листьев. А бесформенные рубахи, почему-то почитаемые Дионисом верхом моды, дополняют образ пародией на древнегреческую тунику. Во всяком случае, однажды он, еще в далеком детстве, привиделся мне именно в виде мифологического персонажа, да так им в моем восприятии и остался.

Все время, пока я позволяла Дионису тискать свою талию, он разглагольствовал о моей красоте. Вот не знай я, что ему моя красота до лампочки, пожалуй, приняла бы за чистую монету. Ну, или, хотя бы, попыталась принять: не каждый день тот, кто моделей на обложки выводит, комплименты моей форме носа расточает. Но истинное положение дел из головы не выкинешь, и я чувствовала себя полной дурой. Тупо улыбалась и томно закатывала глаза. Кажется, перестаралась, потому что Дионис, подводя меня обратно к столику, решил развить свою мысль перед Ариадной (ну перед кем же еще?):

— Посмотри, Ариадночка, как же Риточка похожа на покойную Машу. У нее такой же трагический разрез глаз, такая же аристократическая посадка головы. Ну,

копия, лицо один в один. Ох, Маша, жаль не дожила ты на свою девочку полюбоваться.

Интонация Диониса выдавала, что он уже изрядно поднабрался.

Маша, то есть моя мама, была роковой брюнеткой с настоящими «черными глазами» и шикарнейшей косой до пояса. Я — обычная среднерусская девушка: глазки серенькие, волосики русые и жиденькие (оттого и собранные в прямой и, надо признаться, куцый хвост), никакой «фемме фатале» и в помине. Так что сходство с мамой — просто обалдеть.

К моему удивлению, Ариадна попыталась остановить пьяную болтовню:

— Пока тихо, не буди лихо, незачем базарить глупости во всю глотку.

Краем глаза я заметила, как поморщился отец. Бедный мой папа, он не выносит, когда обсуждают покойную мамочку, а тут мало того, что ее помянули всуе, так еще и со мной сравнили. Настоящий кошмар. Жаль, но бестактная реплика Диониса выльется мне в очередной ледниковый период в отношениях с отцом.

— Не лезь к Риточке. Похожа, не похожа — какая разница. Маша ушла, и душа ее упокоилась на небесах. Ни к чему покойницу на празднике поминать.

Ариадна явно хотела заткнуть рот Дионису. Но его несло дальше:

— Эх, какие девчонки выросли! А ведь еще буквально вчера малявками здесь бегали. Ариадна Сергеевна, а ваша-то девочка какова: такая взрослая и такая красавица!

Великая актриса сверкнула грозным взглядом, но ничего не случилось. Странно, я была уверена, что Дионис испепелится прямо на глазах у всех. Все же, если Ариадна тоже ведьма, то добрая.

Осинка реплик Диониса не слышала, занятая болтовней с неким чувственным красавчиком. Ей явно

шампанское в голову ударило. Только этим можно было объяснить неожиданные выверты бедра и взмахи руками, как у подстреленной чайки. Видимо, она преисполнилась мысли о том, что красавчик клеит ее, как самую очаровательную даму дня. Чуть позже придется обоим просветить. Осинку — насчет расценок красавца, а самого альфонса — касательно истинного положения дел в ее кошельке. Осинка почувствовала мои грязные мыслишки, демонстративно показала мне язык и увела красавчика в другую комнату. Что ж, она проспорила мне очередной столик, хотя еще два часа назад жарко уверяла меня, что уж сегодня то ни за что не будет жертвой мужского обаяния.

Вечер катился гладко. Своим чередом выступили циркачи, почти голые певички, трубачи и саксофонисты, а также артист разговорного жанра в неадекватном серебристо-золотом костюме, от блеска которого болели глаза. Но мне хотелось уйти. Прочь от толпы, от ее коллективных мыслишек, касающихся только еды и похоти.

Я уже договаривалась с таксистом, когда ко мне снова привязался Дионис. Он слегка стиснул меня в своих объятиях, потом отстранился и жарко зашептал в самое ухо:

— Риточка, приезжай ко мне. Сделаем потрясную серию. Ты и твоя мать — одно лицо, эпохи разные. Не думай, денег не возьму, выставку хочу сделать зимой, выставлю там всю подборку. Это будет сенсация!

— Да ну, ты напьешься, приставать будешь.

— Когда я к тебе приставал? Нет, ты скажи? Я разве смею?

Вздохнув, я, думая, что вру, пообещала:

— Ладно, будет время — заскочу.

2. Семейный секрет

Спустя пару недель я действительно заскочила к Дионису. Не потому, что мне так уж хотелось позировать. Впервые после многих лет кто-то вдруг заговорил о маме, и я решила, что будет любопытно повыспрашивать Диониса о том, о сем.

Но Дионис был в творческом ударе. Поэтому он сразу начал громить шкафы в собственной студии, собирая барахло, которое, по его мнению, должно было что-то там символизировать. Старое-новое, мертвое-живое и тому подобное. В итоге он водрузил на меня черный парик под Мирей Матье и шляпу, увидев которую, любая красotka рококо скончалась бы от невыносимой зависти. Вместо платья мне пришлось облачиться в халат с множеством висящих лоскутов. По команде Диониса я то сидела на роскошном красном диване (снимок на этом диване для моделек Диониса — что-то вроде ордена «За заслуги перед фотографом», так что я собой возгордилась), то лежала на черно-белом ковре, то зависала над огромным подоконником.

Дионис снимал меня и раньше. Мое неузнаваемое под макияжем лицо засветилось даже на нескольких международных биеналле, но лишь теперь он вдруг стал по-настоящему одержим придуманным для меня образом и чем-то, что видел в окошке своей камеры. Я слышала возбужденный шепоток девчонок-моделей, которых парочка-другая всегда пасется в студии. Дионис творит! Гений! Фотограф века!

— Ты, Риточка, потрясена будешь. А еще говорят, от нас что-то зависит. Все, все уже заложено. Вот они, гены-хромосомы-днк. И руки у тебя, как у матери. С такими же длинными пальцами. Потрясающе!

Когда творческий азарт фотографа поостыл, я все же решила выдать Дионису семейный секрет:

— Дядь Денис, ты только не обижайся, но то, что я похожа на мать, доказывает только то, что воспитание закладывает в нас куда больше, чем кажется.

— Не понял, к чему ты клонишь.

— Меня усыновили. В три года. Мы с мамой не родные друг другу.

Дионис долго смотрел на меня, склонив голову набок, а потом решительно отверг факты:

— Не может быть, чтобы не было никакого родства.

— Ну, бывают же люди-двойники. Наверное, она поэтому и заметила меня в детдоме.

— Почему я ничего об этом не знаю?

— Ну, изначально никто ничего не скрывал. Некоторые факты сначала тихо умалчивали, не афишировали. Потом за давностью лет все, что называется, быльем поросло.

— А твои братья?

— Их тоже усыновили. У мамы не могло быть детей.

Дионис молча дошел до бара, налил себе чего-то крепкого из пузатой бутылки, рывком опрокинул содержимое стакана в рот, выдохнул, а затем тяжело высказался:

— Я поражен до глубины души. Правда. Потому что в этой истории кое-что не сходится. У тебя есть мамины фотографии?

— Дома есть. Но я туда соваться не буду. Ты же знаешь, мы с отцом не ладим. Мне его лишний раз злить из-за такой ерунды не хочется.

— Ладно, я как эти твои фотки сделаю, пороюсь в старых коробках, тогда ты сама все увидишь. Не может такого быть, чтобы ты была ей чужой. Ты по масти другая, это да, но в остальном сходство неоспоримое. Ты когда на вечеринке появилась, я прямо замер. У твоей ма-

тери тоже было желтое платье, и на мгновение я решил, что вижу ее призрак. Знаешь, она была необыкновенной, неземной, и я бы не удивился, если бы она превратилась в привидение. Я даже был разочарован, что это всего-навсего ее живехонькая дочь.

— Мне не по себе от твоих слов. Но спасибо. Ты хорошо знал маму?

— Ну, как тебе сказать. Тебя я вот хорошо знаю? Настолько, насколько мне камера позволяет. Ты — комнатный цветочек с хрупкими лепестками, вынужденный расти не в теплой уютной оранжерее, а на обочине скоростного шоссе. Ты выглядишь, как обычная девушка, каких полно в этом городе. Но все это — обман, потому что ты выносливей пустыряника и вредней чертополоха. Ты разочаровываешь проявлением внутренней силы. А вот Маша всегда и везде была шикарной розой. В любых условиях она завораживала чем-то таинственным, спрятанным между лепестков. Ее любили за красоту и одухотворенность, за страстность и гордость. Посмотри, как Ариадна пыжится быть неотразимой — так вот это она твою мать копирует, хотя и с успехом провинциальной мартышки из цирка.

Я невольно засмеялась, представив себе некую мартышку с чертами лица великой актрисы. Дионис улыбнулся и продолжил:

— У твоей матери было много обожателей, но она сама была замкнутой. С виду общительной, веселой, но не откровенной. Ариадна сейчас о великой дружбе глаголет, но кто знает, что было бы, доживи Маша до нынешних лет.

— А в ее великую любовь с отцом ты веришь?

— Да. Это было, как озарение с небес. Во всяком случае, с его стороны точно. Он глаз от нее отвести не мог. И готов был на все ради одной ее улыбки. Знаешь, это только звучит красиво, но на деле пугает. Прикажи она

ему выпрыгнуть в окно, он бы, не задумываясь, прыгнул в тот же момент. Думаю, твою мать такая самоотверженность напрягала, потому что она всегда была очень точна в своих пожеланиях и просьбах. Зато никогда ни о чем не беспокоилась. Полагалась на отца. Сообщала ему о том, что нужно купить, достать, сделать, и забывала о проблеме.

— А мы, дети? Ты, правда, не знал об усыновлении?

— Милая, я не настолько стар, как тебе хочется это представить. Я когда с твоими предками познакомился, ты уже в школе училась. Думаешь, меня волновало твое существование, не говоря о прочих тонкостях твоего бытия?

— Ты сказал, что у тебя есть мамины фото?

— Да, однажды я сделал для нее серию, но ей не понравилось.

— Пообещай, что как-нибудь найдешь их, ладно?

— Ритуля, я пообещаю хоть луну с неба, только это ничего не будет стоить, да ты и сама это знаешь. Но если тебя мать интересуется, поговори с Ариадной, с отцом, узнай, как она жила, с кем общалась. Может, и ребус с усыновлением решишь.

Дионис быстро пропустил еще стаканчик. Все эти откровения явно охладили его художественный раж. Поболтав еще немного о своей будущей великой выставке, он меня откровенно выпроводил, пообещав прислать мои снимки, «как только я решу, что они готовы», и мамины старые фото, «если вдруг о них вспомню». По опыту я знала, что все это равновероятно может означать любой день от завтра до никогда.

Не сплупила ли я, раскрыв свое усыновление Дионису? Хотя, чего бояться?

Я узнала о том, что я — приемный ребенок, около десяти лет назад, через две недели после похорон матери.

Однажды вечером, после проверки уроков, отец усадил меня за стол и своим фирменным деловым тоном поставил меня в известность о том, что я — подкидыш. Меня, как и всякую подобную шваль, поместили в дом ребенка. Мама случайно увидела меня за забором этого мерзкого заведения, и я, подлое существо (трех лет от роду), обманным путем (состроив умильную мордашку) втерлась к ней в доверие. Отец был категорически против, но мама все же уговорила его забрать домой лживое отродье, из-за которого семье пришлось пережить множество неисчислимых бед (двойки за поведение, отиты, простуды, траты на платья и колготки)...

Истории братьев оказались примерно такими же, кроме одной детали — они были полными сиротами, их родители умерли, и в детском доме они оказались из-за того, что никто из родственников не пожелал взять малюток к себе. Костика усыновили в четыре года, и почти сразу за ним двухлетнего Сашу. Я в тот момент только появилась на свет и оказалась в доме Рогальских еще через три года...

Какое-то время после этих откровений я обвиняла отца в ненависти к нам, но потом поняла, что он был всего-навсего честен. Когда-то он принял нас, потому что так хотела мама, которую он безумно любил. Но без неё вытерпеть нас он не смог.

Двадцатилетний Константин сразу перевелся из престижного Московского Университета в захудалый провинциальный вуз Дальноресинска. Город был выбран наобум, но там же Костя и обосновался после окончания учебы. Проворачивая непонятные мне дела вокруг порта, он быстро встал на ноги, обустроился и зажил размеренной жизнью предпринимателя средней руки.

Александр перетерпел несколько месяцев до восемнадцати и ушел в армию, чтобы после срочной службы завербоваться по контракту и начать воинскую карьеру.

С отцом осталась только я. Девочка-ведьма с фантазиями о неведомой женщине, материализовавшейся в одной отдельной точке пространства-времени лишь для того, чтобы произвести меня на свет. Я придумывала о ней разные истории. То она была глубоко религиозной женщиной, которая попала в неприятную историю с мужчиной и, зная, что возненавидит ребенка, выбрала противоречивое решение — родить ребенка и бросить. То я верила, что трепетная девушка родила меня от большой любви, но обстоятельства разлучили ее с любимым, и она оставила меня на время, пока ветер не переменится. Но он так и не переменился, несчастная попала в ужасные беды и умерла в горе и одиночестве, так и не увидев больше свою милую крошку (Диккенса я прочитала много позже).

Одно время я сделала из биоматери этой женщины вариант Робинзона Крузо: она попала в кораблекрушение и выживает на необитаемом острове только для того, чтобы найти и обнять меня со слезами.

Все эти самообманки не были предательством мамы. Только попыткой спастись в иллюзорном мире. Настоящий мир подчинялся железной воле отца. Два года я старалась быть тихой и незаметной, чтобы только не нарываться на бесконечные нотации с неизменным выводом о том, что я могла бы лучше беречь память о маме. А потом оказалось, что все обязательства отец по отношению ко мне выполнил, и я могу быть свободна. Проще говоря, вольна катиться на все четыре стороны. Я и покати-лась...

3. Книжная ярмарка

Дионис, сам того не желая, заронил мне в голову идею, которая росла, росла и выросла до того, что однажды в выходной день я встала с кровати, собралась, настроилась и отправилась туда, где рассчитывала встретить отца. Осинка, которую я активно агитировала составить мне компанию, заупрямилась, неопределенно ссылаясь на важную встречу. Ага, знаем мы эти встречи. «Здравствуй мой милый диванчик, как давно я тебя не видела». И все это с интонацией мамы дяди Федора, бросающейся на шею почтальону Печкину.

ВДНХ моего раннего детства все еще проглядывает сквозь рекламы и растяжки ВВЦ двадцать первого века. Фонтаны, павильоны, аллеи — когда-то мама приводила меня сюда покататься на аттракционах. Мы тогда жили совсем недалеко, в скромной девятиэтажной панельке. До великих книг отца было еще несколько лет.

Я мгновенно перенеслась в прошлое и увидела изящную красивую женщину, кружащую на руках маленькую девочку в яркой желтой курточке. Малышка залиристо расхохоталась — обычно такой смех вызывает у окружающих неприязнь, в нём слишком много веселья, слишком много эмоций, слишком много детской необузданности. Пара милых старичков резко снялась с насиженной лавочки и отправилась восвояси. Женщина на все кружила ребенка...

А я все еще стояла на одной из аллей ВВЦ. Да, это было точно здесь. И даже лавочка стоит на том же месте. Нет, уже не та самая: старые лавки были такие закругленные, длинные, располагающие к долгим посиделкам. Сейчас же на старом месте стояла скорее скамейка.

На такой уже не получится часок посидеть, почитать газету с комфортом. Так, лишь на бегу присесть на полминутки поправить обувь.

От глупых мыслей о лавочках я вернулась к размышлениям о маме и задумалась, была ли я ребенком в желтой курточке? Зачем меня посетило это видение?..

Я прибавила шагу и вошла, наконец, в павильон книжной ярмарки.

Книжки, книжки, еще книжки. Натыкаясь на спины и наступая на ноги, я машинально бормотала извинения, пробираясь все дальше, все глубже, к не слишком приметному стенду, где должна была быть выложена новая книга отца. «Теория взаимодействия между информационными струнами пространства и электрическими сетями человеческой цивилизации».

Я не физик, но с моей точки зрения все, что писал и пишет отец — бредятина. Мое мнение, разумеется, не мешает ему публиковаться приличными тиражами, выступать с мутными речами в передачах по зомбоящику и даже читать лекции перед собраниями вроде «Общества поддержки иноземных цивилизаций» или «Движения за экологию против техногенных изменений планеты». Недавно отец даже стал академиком, правда не той самой Академии наук России, а всего лишь академиком РАЭН (Российской академии эзотерических наук), эдакого места, где любой может стать академиком. Но в разговоре это ему не мешает скромно упоминать: «Я все-таки академик».

Я увидела отца издалека. Высокий мужчина с благородным лицом хорошо поставленным голосом произносил речь, наполненную мудренными словами. Я не понимала и половины из них. «Импринтинг», «дискретность», «солипсизм», «дифференциальность», «гендерность» — судя по умным лицам толпы вокруг, идиоткой была я одна. Ох, учиться надо, учиться.

Смиренно дождавшись окончания речи, я болталась рядом с выставочным стендом еще битый час, прежде чем улучила момент и подошла к светилу новой научной мысли. Светило немного перекошилось в лице, но затем спохватилось и изобразило вежливый интерес:

— Вот уж никак не ожидал тебя здесь увидеть. Заинтересовалась серьезной литературой?

— Пап, я хотела повидаться с тобой.

— Здесь достаточно много людей, которые собрались для этого. Тебя интересует что-то конкретное?

— Я давно не была дома. Может быть, у тебя будет минутка, чтобы я могла ненадолго заскочить. Пожалуйста.

— Ты ходишь кругами. Так и не научилась излагать свои просьбы в доступной форме. Что конкретно тебя интересует?

— Я хотела бы посмотреть мамины фотографии.

— О, Господи!

В голосе отца зазвучали явные укоряющие нотки, хотя в целом тон оставался спокойным. Ведь вокруг было много публики.

— Маргарита, я был бы тебе благодарен, если бы ты не стала выкладывать свои ерундовые проблемы в столь ответственный для меня момент. Ты должна понимать, что от презентации этой книги зависит многое в моей профессиональной жизни.

Все заготовленные слова застряли у меня в горле. Я безнадежная дура. Зачем я сюда приперлась? Разве я не знала, что так и будет? С языка по привычке рвались оправдания и извинения, но мне удалось подавить этот рефлекс и вместо лепета «невиноватая я» выдать:

— Отец, подари мне книжку с твоим автографом? Мне было бы приятно показать ее друзьям.

Кажется, мне удалось его удивить. Здорово так удивить. Мое отношение к его великим открытиям в обла-

сти физики и информатики не было секретом. Поэтому просьба выглядела неожиданно выкинутым белым флагом. Отцу понадобилось с полминуты, чтобы обмозговать сказанное. Наконец, он протянул мне экземпляр книги, но не преминул добавить:

— Маргарита, в твоём возрасте не стоит зарабатывать авторитет за счёт известности отца. Хвастаться книгами родителей свойственно подросткам, а ты все же взрослая женщина.

Тонко подмечено, отец. Как бы мне теперь поаккуратнее дать задний ход и выбраться отсюда? Отец продолжил сеанс моего воспитания:

— И ещё хочу дополнительно заметить, что ты могла бы выбрать менее загруженный день для посещения. Я должен успеть пообщаться со всеми. Ведь от успеха книги зависит и твоё будущее тоже.

Я ни в чём не зависела от отца последние десять лет, с тех пор как по его вежливой просьбе ушла из дома. Да и в самом «доме» я была за это время считанное количество раз, неизменно с папиного высочайшего позволения и только в ситуациях, когда обстоятельства подпирали. Но я знала, что перед своими друзьями он выставляет меня этакой вечно маленькой девочкой, капризулей и, в некотором роде, лентяйкой. Почти все его знакомые убеждены, что он до сих пор полностью меня содержит. А я никогда не опровергала его слова. Зачем? Прослыть ещё и неблагодарной? В конце концов, ему пришлось терпеть меня долгие годы. Пусть говорит, что хочет, мне все равно.

— Да, пап, ты прав, конечно. Извини. Я уйду, до свидания.

Торопясь оказаться как можно дальше и как можно быстрее, я не заметила выскочившей мне наперез массивной тетечки, в результате чего получила мощный

импульс и отлетела в чей-то упругий живот. Тетечка не замедлила прошипеть что-то малоцензурное, и я автоматически увидела в ее рту пару перекошенных и полуразрушенных нижних зубов. Бедненькая, ей очень больно. Что ж, я не обижаюсь, мне действительно жаль, что я вас задела, простите.

Повернувшись, я посмотрела на того, кто так удачно предотвратил мое падение.

Мужчина был немного выше меня, но шире в плечах раза в два. В нем было что-то такое спортивное, крепкое. Некрасивое лицо с резкими чертами смягчалось добрым выражением внимательных карих глаз.

Да еще каких глаз! Я вдруг на долю секунды представила себе эти глаза смеющимися, счастливыми, смотрящими на меня с любовью...

Внутренний голос оказался начеку: «Рита, у тебя сегодня „день идиотизма“? Такие порывы добром не кончаются. Ходу отсюда, быстро! Быстро, быстро, ногами шевели, на выход, бегом!..»

Мужчина чуть склонил голову набок и протянул мне руку:

— Кирилл.

Силы небесные, я что, еще и коснуться его должна? Может, закосить под сумасшедшую и сбежать?..

У него теплая приятная ладонь. Трудится на интеллектуальной ниве, но не чурается физического труда по выходным. Где-то есть домик в деревне. Простой, но уютный. Настоящий. Именно туда ему очень хочется сбежать отсюда прямо сейчас...

— Ау, ты забыла представиться.

Хороший голос. Уверенный, но без властных ноток. И сразу на «ты». Мило.

— Рита.

Отпускать его не хотелось. Хотелось так и стоять, впитывая чужую уверенность и спокойствие. И вот эту

тягу к дому. Стремление к конечной точке на земле, которая называется домом.

Он первым отпустил мою руку и спросил:

— Нашла, что искала?

Я не сразу поняла, о чем это он. И только по смеси недоумения и легкого презрения на его лице поняла, что он разглядывает книжку отца. Значит, он тоже не верит в информационные струны. Но пускаться в объяснения было бы нелепо.

— Да, нашла.

— Я ухожу. Подвезти тебя?

Никаких лишних слов. И все сказано. Я точно влипла. Надо было сразу бежать. Но теперь уже поздно. Теперь эти карие глаза обладают властью сделать со мной все, что захотят. Интересно, он хоть немного догадывается, насколько я уже влипла?

Удобно устроившись на переднем сидении огромной машины, я немедленно принялась рефлексировать на тему «что делать, чтобы все не испортить». У меня было не так уж много романов, и все они кончались примерно одинаково: моими слезами и размышлениями на тему собственной женской несостоятельности. Обычно мужчины после непродолжительных отношений выставляли меня из своей жизни и вздыхали с облегчением. К тому же несколько лет я сознательно уклонялась от любых романтических историй и теперь с ужасом поняла, что понятия не имею, о чем нужно говорить и как себя вести.

Кирилл уверенно управлял автомобилем, время от времени посматривая на меня, словно пытаясь удостовериться, что я не испарилась. И сколько времени мы уже так едем? И куда?

Зазвонил мобильник.

Почему у меня всегда так? Чертова электроника. Проклятые мобильники. Ненавижу звук звонка. Почему люди всегда звонят мне, если у них проблемы?

В трубке глухо звучал голос Осинки:

— Рита! Риточка! Помоги! Пожалуйста, Ритка, помоги! Мне очень плохо. Я отравилась... Никого больше нет. Приезжай...

Я засунула телефон поглубже в сумку и попросила Кирилла:

— Останови здесь.

Мысли скакали галопом. Позвонить Ариадне — пошлет на три буквы. Однозначно. Осинка уже вешалась. И резала вены. Великой Тернопольской было на это наплевать. Теперь отравление. Неужели из-за альфонса? Вроде до статуса великой любви очередное увлечение Осинки еще не доросло? Или я что-то пропустила?

Кирилл притормозил у какого-то ларька и повернулся:

— Так куда едем?

Он не собирался меня отпускать. Что ж, я его за язык не тянула.

— На набережную Яузы.

Огромный дом, где жила Осинка, всегда казался мне похожим на монету. С одной стороны он был исполнен добропорядочности: недалеко река, рядом сквер с большими тополями, гуляют люди с колясками, сидят старушки. Но другая сторона, нависающая над железнодорожными путями и станцией, собирала возле себя все пороки мира.

Я коротко и четко командовала Кириллу, куда поворачивать, но когда машина, наконец, притормозила возле подъезда с массивной дверью, замялась.

Кирилл улыбнулся и, быстро выскочив из машины, галантно распахнул дверь с моей стороны:

— Добро пожаловать домой?

Я отрицательно покачала головой:

— Это не дом. Здесь подруга. Она отравилась.

Выражение его лица стало серьезным:

— Я пойду с тобой.

Надо было возразить, но я боялась. Я чувствовала беду. Большую беду...

На долгий звонок никто не откликнулся. Я вытащила из сумки маленькую пилку для ногтей и привычным жестом подцепила хреновину в глубине замочной скважины. Я научилась этому, когда Осинка была еще студенткой, и иногда я забегала к ней переночевать. Дверь распахнулась, и я ворвалась в одно-единственное огромное помещение.

Осинка лежала прямо посередине большого круглого ковра, все еще держа в руках телефонную трубку. Белая как мел и отвратительно воняющая. Все вокруг было уделано ее рвотой. Усилием воли я отключила обоняние и быстро опустилась рядом с телом на колени.

Руки холодные, сердце бьется. Жива. Пока. Продержится еще пару часов, но нужны antidotes. Я закрыла глаза и взяла ее за обе руки. Чем ты травилась, Осинка, расскажи мне. Объясни, это важно. Покажи мне этот яд, я должна знать.

Большая комната-студия. Дурацкий проект самой Ариадны. Снесены все перегородки, включая и те, что создавали подобие интимности в санузле. Медная ванна стоит на постаменте, который чуть загораживает, но не закрывает целиком антикварный стульчак, сразу за которым начинается пандус барной стойки. Круглое ложе задвинуто в угол. Красивое на картинках, оно жутко неудобно в качестве кровати. Спать можно только одному и посередине. В любых других вариантах какая-нибудь часть тела обязательно сваливается.

Мужчина слез с шелковой простыни и сразу затиснулся в чрезмерно узкие джинсы. Быстро одевшись, он

направился к выходу, не обращая внимания на полуго-
лую женщину, оставшуюся в постели. Хлопнула дверь,
и только тогда Осинка неловко слезла с кровати. Помя-
тое лицо, грустные глаза... Зачем спать с женщиной, если
потом так себя презираешь?

Подружка натянула коротенький халат, затянулась
сигаретой и потянулась рукой за тумбочку. Там оказалась
початая бутылка вина. Осинка сделала несколько жадных
глотков прямо из горлышка бутылки. Умница. Пила бы
понемножку маленькими глотками, я бы уже черное пла-
тье заказывала...

Кто-то тряс меня за плечи. Кирилл. Он здесь. Не сбе-
жал сразу, это здорово.

— Рита, очнись, я обо всем договорился. Мы отвезем
ее в больницу.

— Хорошо.

Я вынула из резного винтажного комода чистое поло-
тенце и через него осторожно вынула из щели бутылку.
Все мое существо протестовало против приближения
к опасному предмету, пришлось в очередной раз доказать
собственному организму, что главное — мозги. Доставим
яд в больницу, а там пусть медики разбираются, наверня-
ка у них есть какие-нибудь лаборатории.

Кирилл без всякого смущения и сомнения поднял
грязное тело Осинки на руки и уверенно вышел на лест-
ницу.

— Рита, пошли, не стоит медлить.

Я вдруг представила себе, как было бы здорово, ес-
ли бы Кирилл подхватил бы на руки меня... Подруга по-
мирает, а я думаю о том, как бы прыгнуть на руки к му-
жику. Молодец.

Через час с небольшим мой мир вернулся в относи-
тельное равновесие. Осинка лежала в специальной пала-

те, опутанная капельницами и проводами. Опасности для ее жизни больше не было. Мы с Кириллом стояли рядом возле небольшого парапета у приемного покоя. Стояли и молчали.

Я думала о том, как поблагодарить Кирилла. Косилась на случайного знакомого и не могла подобрать слов. «Ах, не знаю, чтобы я делала без тебя!» или «Ты мне так помог, так помог!» явно не подходили. Я бы спасла Осинку и без него. Наверное. Но все же его помощь оказалась очень кстати...

Мы все молчали и молчали. Потом я ограничилась коротким:

— Спасибо, Кирилл.

Возникла пауза, словно мы оба ждали друг от друга каких-то еще слов. Наконец, решив заговорить, мы начали одновременно и снова замолчали. Потом, пользуясь моим теперь уже твердым решением молчать хоть до третьего пришествия, Кирилл заметил:

— Я боялся, ты произнесешь длинную речь: «... не знаю, чтобы я делала без тебя. Ты мне очень помог...» Столько смысла в одном простом «спасибо». Я рад, что оказался здесь. И рад, что довелось помочь.

Я молчала, собираясь с мыслями, чтобы выдать что-нибудь финальное, вроде «До свидания».

К воротам больницы подкатила кавалькада машин. Из второй вперед всех охранников выскочила Ариадна и бросилась бежать по широкой аллее к крыльцу. Вахтер маленькой сторожки на въезде попытался было выскочить вслед за ней, но тут из джипов посыпались дюжие молодчики, и он сразу утратил к происходящему активный интерес.

Кирилл изумленно взгляделся в приближающуюся женщину:

— Господи, мне не мерещится? Это же...

— Да, только не болтай журналистам. Пожалуйста.

Ариадна вцепилась в меня с неожиданной силой, и я едва удержалась на ногах.

— Где? — выдохнула она, и я, бросив Кириллу короткое «Пока», повела ее наверх, к палате реанимации.

Только через несколько часов, когда машина охраны Ариадны притормозила в Крысино, чтобы меня высадить, я сообразила, что понятия не имею, как теперь найти Кирилла.

4. Журналист

Когда я добралась до своей каморки, было шесть утра. Спать хотелось до чертиков, но спала я плохо. Заблокированная на время память стала услужливо прокручивать случившееся с Осинкой. Обрывки впечатлений, кусочки информации. Осинка повесила новые бежевые шторы, я их еще не видела. Часы в стиле барокко потеряли левую завитушку, отчего стало сразу понятно, что это пластиковая подделка. Рюмки для шампанского были приготовлены, но не использованы. Осинка, хоть и строила из себя богемную даму, разухабистым стилем поведения иногда больше напоминала простую синьку, хлещущую алкоголь из горла.

Две самых важных мысли я откладывала на потом до предела. Но совсем выкинуть их из головы не получалось. Во-первых, Осинка на этот раз слишком далеко зашла. Следующая попытка может оказаться удачной. Во-вторых, ну почему именно в этот злополучный день я должна была встретить Кирилла? Вот можно представить себе что-нибудь менее романтичное для первого дня знакомства, чем чье-то заблеванное тело, которое нужно тащить в больницу?

Немудрено, что Кирилл и не подумал продолжать столь специфическое знакомство. Хотел бы, сразу взял бы телефон. Их, мужчин, этому учат. Так прямо и вдалбливают: «увидел, влюбился, телефон». Если сам не спросил, а я, растяпа такая, сама не навязала, значит все, адью, не сложилось.

Кирилл снился мне в виде какого-то светлого расплывчатого образа с неопределенными чертами, и я шептала ему во сне что-то нежное. Но проснувшись, я со смущением поняла, что действительно не помню его

лица. Только добрые карие глаза. И резкую линию скул. Вот помнить чужие шторы — это да, помню со всеми складочками. А вспомнить, во что был одет любимый человек — это для моих запутанных мозгов непосильная задача.

Почему я обратила внимание на часики, а вот в чужую машину села, даже не взглянув на номер? Ладно, номер, я и на марку внимания не обратила. Большая черная машина. Типа внедорожник. Буду останавливать все подряд, заглядывать с надеждой в окно и ласково спрашивать: «Кирилл?» Интересно, как быстро меня упакуют в соответствующее заведение? Или войду в историю городского транспорта под кликухой «Кириллова ведьма»? Будто мало мне других кликух...

Я стояла в павильоне книжной ярмарки ровно на том же месте, где врезалась в Кирилла позавчера. Переминаясь с ноги на ногу, я смотрела на двери главного входа и мяла в руках бумажку с телефоном. В абсолютно пустой голове не было ни видений, ни мыслей. Только тупая переключка маленьких барабанчиков: «Придет — не придет, увижу — не увижу, узнаю — не узнаю».

К сожалению, первым, кто меня увидел, оказался отец. Видимо, он решил лично присутствовать возле стопки своего бесценного творчества каждый день, завлекая в свою интеллектуальную секту побольше адептов информационных струн. Несколько секунд отец надеялся, что я неприятная, но галлюцинация. Потом понял, что глаза его не обманывают, и пришёл в крайнее раздражение. Мгновенно раздвинув толпу, он направился прямо ко мне и с упреком спросил:

— Зачем ты на этот раз пожаловала? Мне казалось, мы поняли друг друга в прошлый раз? Я что-то непонятно изложил? Ты могла бы быть более внимательной к моим просьбам.

— Здравствуй, папа.

Уголок мужественного рта отца чуть дернулся. Он не любил, когда его называли на людях столь фамильярно, по-домашнему. Я это знала. Он знал, что я знаю, ну и так далее. Обычно я всячески ухажу от любых конфликтов, поэтому такое отступление от правил его напрыгло. И все же я поспешила объяснить:

— Видишь ли, я не к тебе. Я ищу одного молодого человека.

— Почему надо выбирать такие нелепые места для встреч? Он что, совсем бедный?

Вопрос денежности моих потенциальных женихов всегда волновал отца в первую очередь. Несмотря на всю велеречивую патетику и призывы к альтруизму, которыми изобиловали его книги, в жизни отец был абсолютным прагматиком. И в отношениях со мной и братьями никогда не стеснялся задавать прямые вопросы.

— Я не знаю, бедный он или нет. Как раз собираюсь выяснить.

— Думаю, имеет смысл делать это в первую очередь.

— Ты бедность мамы тоже проверял в первую очередь?

Вот кто меня за язык тянул? Вот объясните мне, зачем дергать тигра за усы? Ясное дело, отец сразу сошел с катушек. Но как истинный интеллигент не позволил себе треснуть меня по башке. Припечатал словесно:

— Рита, ты ведешь себя как гормонально неустойчивый подросток. Позволь напомнить, что тебе двадцать пять лет. Ты — взрослая молодая женщина и подобные выпады тебе не к лицу. Прощаю тебе твою грубость, но, пожалуйста, избавь это место от своего присутствия.

Отец окатил меня презрительным взглядом, но не ушел, как я надеялась, а демонстративно встал в позу ожидания. Что может сделать кролик перед удавом? Позорно отступить, конечно. Я осторожно попяти-

лась, не решаясь сразу покинуть заветное место и в то же время показывая отцу, что да-да, я вот уже ухожу, ухожу. Когда отец все же повернулся и ушел, сзади раздался уверенный голос Кирилла:

— Рита, ты что, всегда перемещаешься спиной вперед?

Я обернулась, и мне вдруг отчаянно захотелось броситься ему на шею. Может, он это правильно поймет? Увы, я только протянула ему руку с зажатой бумажкой:

— Это мой номер телефона.

Карие глаза смотрели на меня с веселым изумлением. Кажется, я переборщила с простотой подхода. Кирилл быстро внес цифры с бумажки в свой мобильник. И сразу набрал номер.

Затренькал мой телефон. Я машинально нажала отбой, и Кирилл засмеялся:

— У тебя мой номер определился? Запомни его.

Оторвавшись от телефона, я поняла, что Кирилл решает в голове какую-то сложную проблему. Наконец он молча взял меня за руку и повел за собой. Люблю решительных мужчин. Все эти лишние «Дорогая, не будешь ли ты так любезна последовать за своим повелителем» в действительности утомляют.

Кирилл привел меня к стенду сравнительно нового независимого издательства «Григорион». Молодой человек с козлиной бородкой шагнул нам навстречу:

— Ну, нашел свою очередную фею?

О-о, это я — фея? Мило. Но «очередная», конечно, обидно.

В глазах Козлиной бородки плеснулось острое неодобрение. Я вдруг увидела себя его глазами: этакое красивое, но глупое существо, томно хлопающее глазами и полное самомнения, хотя ничего в действительности из себя не представляющее. Понятия не имеющее,

как сварить сосиски, и уж тем более не знающее, что полы иногда моют. Цепляющееся за мужчин, словно растение-лиана, и намертво обвивающее его ветвящимися побегами.

Козлиная борода уже видел Кирилла, сосредоточенным на удовлетворении глупых капризов «феи» и оттого начисто потерянным для мира.

Значит, Кирилл предпочитает подружек-фей? Я на мгновение задохнулась от острого чувства ревности. Мысль о другой женщине рядом с Кириллом резала ножом. Фея. Неземная, воздушная фея... Я знаю, как варить сосиски. И по части чистки полов я много чего знаю. Но смогу ли я быть доброй волшебницей? И надолго ли меня хватит?..

Кирилл не слишком деликатно вытолкнул меня вперед, и я смело протянула руку Козлиной бороде:

— Рита. Я — ведьма. Но если надо, нафячу от души. Обращайтесь.

— Идальго Мигель.

— Буэнос диас, Мигель.

— Буэнас, буэнас. Буу-эээ-нас.

Отчего-то я раздражала Мигеля.

Идальго было ввернуто для красного словца, но парень оказался действительно Мигелем — потомком переселившихся в Союз испанцев. После нескольких дежурных фраз мужчины перешли к трескотне на темы какой-то публикации в журнале. Отвлекаясь от беседы, я прошла вдоль стенда и вдруг обратила внимание на один из буклетов. Взяв его и рассмотрев поближе, я с трудом удержалась от истерического смеха. На обороте буклета были расположены фотографии популярных авторов с краткими анонсами статей. На одном из фото был вполне узнаваемый Кирилл Весенин, а аннотация гласила, что это один из перспективных молодых репортеров, завоевавший премию имени там кого-то.

Я вспомнила свою вчерашнюю фразу: «Не болтай журналистам». Вот это высказалась, так высказалась. Одно хорошо — судя по всему, Кирилл не писал для желтой прессы.

— Рита, пошли!

Я быстро кивнула Мигелю на прощание и вслед за Кириллом стала пробираться сквозь толпу к выходу.

Открыв передо мной дверцу машины и галантно подержав меня под локоть (хорошо, что я с перепугу его этим локтем не двинула), Кирилл небрежно спросил:

— У тебя много подруг?

— Нет, парочка. Одну мы вчера оттащили в больницу, а вторая почти нормальная.

— А родственники есть?

— Вообще, конечно, есть. Но они далеко.

— Поехали ко мне?

— Хорошо.

Кирилл жил в скромной пятиэтажке в отдаленном районе. Но квартира была только что отремонтирована. И почти половину единственной комнаты занимала новая шикарная кровать. Нет, «кровать» — слишком примитивное определение. Это было королевское ложе.

На несколько мгновений мной завладела неуверенность. Я долго была одна. Но затем темная сторона меня послала все сомнения к черту. Я достала из сумки телефон, отключила его и положила на барную стойку, уходящую по сложной траектории вглубь кухни. Кирилл небрежно бросил рядом и свой выключенный мобильник. Больше мы ни на что тратить время не стали — провели несколько блаженных часов в объятиях друг друга.

Уже вечером, полюбовавшись спящим мужчиной напоследок, я тихо вышла и в наступающих сумерках поймала такси. Не то, чтобы мне хотелось домой, нужно было немного времени, чтобы перевести дух. И я знала, что вернусь.

5. Фотографии

Кирилл был терпелив и настойчив, но к полудню дошел до иступления. В справочнике забытого Ритой телефона было около сорока номеров. Двадцать четыре оказались телефонами разных компаний. Вежливые секретарши понятия не имели ни о какой Рите. Риты у них не работали. Точнее, трех Рит он все-таки нашел, но они оказались совсем не теми Ритами. Три номера были выключены или вне зоны действия.

Двадцать восьмой номер был его собственный. Записанный под обозначением SKV.

Борясь с желанием раздолбить чертову коробочку о стену, Кирилл набрал двадцать девятый номер, названный TLP. Ответил вежливый голос, от которого веяло холодом и раздражением:

— Рита, чего ты добиваешься? Я ясно выразился — у меня нет времени на твои глупости. Займись своими делами и перестань меня дергать. Между прочим, сейчас рабочее время, и я занят решением важных проблем.

Вот урод. Кирилл поймал себя на остром желании найти этого придурка и въехать ему по морде. Неужели это что имеет значение для Риты? Мысль была нестерпимой. Нет, этого не может быть.

— Простите, но я не Рита. Она оставила у меня свой мобильник, и я хотел бы с ней связаться, чтобы вернуть его. Вы не подскажете, как я могу ее найти?

— Молодой человек, прежде чем звонить по всем подряд номерам, следовало бы подумать о том, что некоторые могут оказаться приватными, для экстренных случаев. И не предназначенными для идиотских звонков вроде вашего. Прежде чем приводить к себе подружку, можно было бы получше узнать ее, верно? Тогда

не пришлось бы разыскивать ее таким нелепым образом.

Трубку повесили.

Энергично побоксиравав воздух минут пять, Кирилл принялся методично звонить дальше. И снова объясняться с секретаршами.

Третий номер от конца — XNA — оказался недействительным. Повезло на предпоследнем номере — ZOV.¹ Ответила девушка, которая, вникнув в ситуацию, устроила журналисту небольшой допрос. Но и удовлетворив свое любопытство, Изабелла (так представилась телефонная незнакомка) не смогла дать никаких координат Риты. По ее словам, телефон был единственной ниточкой, связывавшей Риту с миром. Адреса девушка не знала. Электронной почтой и прочими нормальными средствами связи Рита не пользовалась. Единственное, что удалось Изабелле, это процентов на 75 убедить Кирилла в том, что Рита хорошо запоминает номера. И уж точно догадается позвонить на собственный телефон, как только обнаружит его отсутствие. Это могло произойти не так скоро, но зато наверняка.

Узнав полное имя подружки — Маргарита Евгеньевна Рогальская, Кирилл сделал несколько тщетных попыток найти о ней что-нибудь в интернете. Зато выяснил кучу самых разных фактов об авторе книжки, которую Рита забыла у него в машине. Не было никаких сомнений, что именно этот занудный тип, приходящийся Рите отцом, скрывался под загадочным обозначением TLP.

¹ Что означают коды в мобильнике Риты: TLP — Твой Любимый Папа (Евгений Рогальский), SKV — С Книжной Выставки (Кирилл Весенин), XNA — Осинка (Олеся Блюнтер), ZOV — Зотова (Изабелла Зотова)

Системы в обозначениях по-прежнему не просматривалось, но жить стало немного веселее. Ради интереса, он обзвонил оставшиеся номера. Один не отвечал, а еще два опять же были телефонами компаний.

Резюме оказывалось не слишком веселое. Безликая работа. Странная подружка. И скучный папаша, читающий Рите нотации. Ничего, разберемся.

В конце рабочего дня телефон ожил, выдав замысловатую серию трелей. Мягко грассирующий голос сообщил, что ждет Риту сегодня же, потому что получившиеся фото превзошли все самые смелые ожидания. Кирилл объяснил, что завладел телефоном по стечению обстоятельств, а потом, вдруг решившись на маленькую авантюру, сообщил, что постарается подъехать вместе с Ритой. Но даже если он ее и не перехватит, то приедет один, так как не может усидеть на месте, зная, что фото все-таки готовы.

Записав адрес и на всякий случай списав с определителя номер телефона фотографа, Кирилл бросился узнавать все, что можно было узнать про Дениса Шкуркина. Знания оказались разнородными и противоречивыми. И остаток времени до встречи с фотографом в голове Кирилла бились самые невероятные предположения.

До шести вечера Рита так и не позвонила. Кирилл отправился к фотографу один. Денис оказался совсем не тем человеком, которого он ожидал увидеть. Но фотографии превзошли все его самые смелые ожидания. Он весь день боялся, что может не узнать ее. Представляя девушку, он осознал, что хорошо запомнил только ее серые глаза и пленительную линию рта с мягкими губами. Но увидев первую же фотографию Риты, он понял, что теперь вряд ли сможет забыть это выразительное лицо. Денису удалось схватить разные оттенки эмоций девуш-

ки: на снимках она то чуть печалилась, то хмурилась с раздражением, то весело улыбалась. И везде Рита завораживала.

Денис отложил в отдельный конверт около десятка фотографий, затем вытащил из пачки бумаг на столе еще один конверт и протянул оба Кириллу:

— Отдай Ритуле. Здесь, во втором конверте, ее мать. Я думаю сделать к зимней выставке серию «Пересечение времен». Не знаю, парень, насколько ты в курсе истории с усыновлением, но я думаю, что Риту крупно обманули. Она очень похожа на ту, которую считает только приемной матерью. Без общих генов тут не обошлось.

Кирилл сделал было попытку открыть второй конверт, но Денис его остановил:

— Эй-эй, не сейчас! Потом посмотрите. И еще, скажи Рите, что я смогу использовать снимки для рекламы. Отказов не приму. Я знаю, для нее лишних пара-другая тысяч на дороге не валяются.

После беседы с фотографом Кирилл окончательно убедился в том, что его девушка совсем одинока. Мама умерла, отец — напыщенный идиот, не желающий разговаривать с дочерью. Друзья — чокнутая с суицидальными наклонностями и экзальтированная спелетница, не знающая, где Рита живет и чем в жизни занимается. Если Кирилл и тешил себя легкой надеждой, что внезапное наваждение схлынет, стоит только удовлетворить страсть, то теперь ему ничего не оставалось, как признать самому себе в том, что он влюбился по уши в таинственную ведьмочку.

6. Средний брат

Разумеется, на работе меня ждал строгий выговор за незапланированный отгул, но чтобы мне там не высказывала хозяйка, я глупо улыбалась, вспоминая чудесный вечер с Кириллом. Этим я ее окончательно расстроила. Да и пусть себе побесится, ей полезно.

Забеспокоилась я только к вечеру. Кирилл не звонил. И только после работы я сообразила, что отсутствие звонков — прямое следствие отсутствия телефона. Молодец, кто бы еще так быстро догадался.

Набирая номер Кирилла в автомате, я немного волновалась. Долгие гудки уже почти меня расстроили, когда милый голос нетерпеливо спросил:

- Рита?
- Я у тебя забыла телефон.
- Ты где?
- У Красных ворот.
- Я недалеко, сейчас приеду.

Как с ним просто. Вскоре я удобно устроилась в кресле огромной машины и с удовольствием вглядывалась в проносящийся мимо ночной город, полный огней и спешащих людей. Здорово положиться на судьбу и не загадывать ничего вперед...

Два дня я пребывала в счастливо-законсервированном состоянии, когда плевать на все горести мира, потому что не существует никаких горестей, их не может существовать в этом прекрасном мире. И я щедро тратила драгоценное время на работу, сон, магазины и мелочи вроде уборки, не подозревая, что это маленькое счастье выпало мне в момент разворота корабля судьбы носом к штурму.

Потом зазвонил мобильник. И Акела поставил меня в известность, что прибыл в первопрестольный град, и поэтому мне надлежит срочно бросить все свои дела и приступить к решению его проблем.

Брата Сашу всегда тянуло к приключениям. Он зачитывался всеми мальчишескими романами и выдумывал игры с участием понравившихся героев. В период увлечения Кипплингом и миром джунглей он стал называть себя свободным волком Акелой. Костя, разумеется, превратился в мудрого Каа. Малявке Рите нужно было бы стать умной и сильной Багирой, но, увы, оба брата сошлись на том, что до Багиры пятилетняя я никак не дотягивала. Мимолетно придуманные прозвища прижились настолько, что и до сих пор братья называли друг друга не иначе, как Акелой и Каа. А вот я как была просто Ритой, так и осталась. До гордой и гибкой Багиры по-прежнему не дотягивала.

С обоими братьями у меня были сложные отношения. Костя предпочитал отмахиваться от факта нашего совместного воспитания и общих приемных родителей. Я не была его сестрой — и точка. Саша, наоборот, всегда подчеркивал факт родства, что не мешало ему изображать избалованного мальчика, которому сестра должна то, да се, да вот это, тридцать пятое.

На этот раз Саша преподнес мне замечательную новость: я должна немедленно достать ему пару билетов на завтра, на самый модный и популярный спектакль. Он, видите ли, решил дать Изабелле еще один шанс.

Изабелла была моей второй и малозначащей подругой. Я долго считала ее третьей лишней в треугольнике девчачьей дружбы я — Осинка — Изабелла. Но, в конце концов, мне пришлось признать, что и я, и Белла составляем лишь пару катетов к гипотенузе — Осинке.

Одним из цементирующих наше трио вещей стала ве-

ликая любовь Изабеллы к Акеле. Забавно, но изначально это он положил на нее глаз. Однако после двух лет страстей, взаимных обвинений, истерик, хлопаний дверьми и бурных примирений в постели Саша однажды собрал свои вещи и ушел. Изабелла быстро перешла от роли королевы к партии несчастной служанки, и этого, как ни странно, хватило еще почти на год. Но к текущему моменту обе стороны находились в состоянии глубокого непонимания, чего же они хотят друг от друга...

Вы когда-нибудь пробовали объяснить брату, что вы уже большая девочка? Акела, услышав о том, что мчаться к нему в гостиницу немедленно я не собираюсь, воспринял это практически как повод к дуэли с моим коварным похитителем. В былые времена он непременно уговорил бы меня бросить все и рвануть к нему. Но теперь у меня был Кирилл. И Саша приехал к нам сам, снедаемый любопытством и желанием поруководить моей жизнью. С моей стороны это оказалось ошибкой, потому что он так и завис у нас на все три дня.

Пожалуй, Кирилла следовало все же заранее предупредить о внешности брата. Саша не просто красавец, у него та красота, от которой у женщин открываются рты и подгибаются ноги, а у мужчин проявляются худшие качества собственников и ревнивцев. Открытый высокий лоб, тонкий нос, выразительный рот и глубоко посаженные синие глаза. Такого необычного синего цвета без примеси серого или зеленоватого. Сапфиры. Коротко постриженные, чуть вьющиеся каштановые волосы разбавлены седой прядью. Добавьте сюда высокий рост и тренированное тело профессионального военного. Если мой брат подмигнет девушке на остановке, она полдня будет считать себя счастливицей.

Немудрено, что в течение первого часа знакомства Кирилл смотрел на себя в зеркало не меньше семи раз,

выполнив недельную норму обращений к отражающему стеклу. Полагаю, что очень многие в компании моего брата чувствуют себя не слишком уверенно. Даже молодые талантливые журналисты. Хотя надо отдать должное и Кириллу — освоился он быстро. Буквально на следующий день вел себя как обычно. Не каждому это удается с моим братом.

Мой внезапный интерес к маме Акелу сначала несколько удивил, но потом он разговорился:

— Мама была чудесной. Никогда не ругалась, не злилась. Куришь, сыночек? Кури, только покупай хорошие сигареты. Пиво пьешь? Пей, только не в подворотне, а дома или в приличном баре. С девочками гуляешь? Гуляй, только побеспокойся о своей безопасности. Ни у кого из моих друзей не было таких понимающих родителей. Никаких подростковых комплексов, никакого излишнего контроля. Но в то же время я всегда знал, что она поможет, поддержит. И боялся ее огорчить. Может, от этого и не вляпался ни разу по-крупному.

— Что-то я не помню, чтобы ты вообще вляпывался. Ты всегда был паинькой.

— Не совсем. Помнишь гопоту, с которой я лет в четырнадцать связался? Дружки те почти все потом сели. А мама в ведомстве по образованию работала и всегда на мою сторону вставала. С ней не спорили, спускали все на тормозах. Мне стыдно было, что я ей вру, а она мне верит. Поэтому никогда дальше мелочей не шел.

— По-моему, ты сгущаешь краски. А Костя? Мама его тоже баловала?

— Еще как. Все эти железные дороги и модели самолетов, которые она ему покупала по первому слову. Думаешь, у наших друзей было столько подарков и игрушек?

— Как ты думаешь, я на нее похожа?

— Ты о фотках, которые тебе чудак фотограф сделал? Думаю, он тебе польстил.

— Но мы действительно похожи.

— Да, только на тебе дурацкий парик, а глаза и губы специально подведены так, чтобы старые фотки напоминать. Грим для того и придумали, чтобы простаков обманывать. К тому же мама на фотках — настоящая, а ты — кривляка, сразу видно, что аж из себя выпрыгиваешь, чтобы нечто неповторимое изобразить.

— Спасибо, поддержал.

— Умей принимать здоровую критику. Кстати, мама никогда даже голос не повышала, только иногда чуть укоризненным тоном высказывала отцу свое мнение. Он тогда бледнел и терял дар речи, а я в угол кровати забивался, пока она меня не обнимала и не целовала. Она часто нас обнимала, правда?

— Наверное. Я размыто все помню. Помню, было состояние спокойствия, мира. А потом раз — все кончилось, и я уже оказалась совсем в другом измерении. Ты помнишь, как тебя усыновили?

— Нет, но я знаю, что в самом раннем детстве я испытал какой-то ужас. Иногда мне снятся кошмары, и, проснувшись, я понимаю, что видел что-то оттуда, из самого изначального своего времени. Но не могу тебе даже обрисовать, что это. Остается только ощущение глубокого страха и отчаяния.

Я вздохнула и без особого разбега нырнула в опасную глубину:

— А вдруг она была моей настоящей матерью?

Акела одарил меня грустной улыбкой:

— Ты, Ритка, неисправимая фантазерка. И все еще малышка. Ты впитала в себя ее манеры, ее интонации в голосе, ее жесты и прочее, и поэтому ты на нее похожа. Я знаю, ты была очень одинока после ее смерти. Тебе ее не хватает, даже сейчас, а может, именно сейчас. Но за-

полнить эту пустоту никто не сможет, сестричка. Будь она хоть приемной, хоть биологической матерью — она ушла навсегда.

Зря я боялась, что Саша будет злиться из-за моего сумасшедшего предположения. Может, и следующий вопрос обойдется без отповедей:

— Я все никак не могу понять, почему она столько лет с отцом прожила?

— Ты все еще не наплевала на него, верно? Но это только ты его раздражаешь. А маму он боготворил. На руках носил, цветами задаривал, в любви объяснялся. Словно они не были женаты двадцать лет, а застряли в конфетно-букетном периоде. Думаю, все вокруг ей завидовали. Они красивой парой были, а когда он еще и комплименты ей расточал — люди вокруг как в романтическом фильме оказывались. Я никогда больше таких отношений не видел.

— Странно, что о его великой любви все знают. Особенно после ее смерти. А она любила его?

Акела несколько раз моргнул, потом неожиданно обнял меня и прижал к себе:

— Прости меня, Ритка, прости, сестренка.

Так мы вроде не ссорились?

— Да я и не сержусь, Саша. Правда. Что это на тебя нашло?

Мощные руки только стиснули меня покрепче в объятиях. Я слышала гулкие удары большого сердца лучше, чем приглушенные сбивчивые оправдания брата:

— Я должен был после смерти мамы позаботиться о тебе. Я должен был понять, что ты останешься совсем одна. Мама всегда говорила, что мы должны помогать друг другу, что кроме нас самих мы ни на кого не можем рассчитывать. Я подвел ее. И тебя. Мы ведь могли бы что-то придумать вместе.

— Саша, да успокойся ты, никого ты не подвел. Ты ничего не знал и ничего не мог сделать. Пусти, мне дышать нечем.

Акела лишь немного ослабил хватку, только чтобы я смогла поднять голову. Его синие глаза требовательно искали в моем ответном взгляде что-то успокаивающее, хорошее. Странные все же существа мужчины, склонны к порывам чувств тогда, когда этого меньше всего ждешь. Несколько лет назад я от таких слов была бы неделю на седьмом небе. Но сейчас все было пережито и забыто. К чему теперь эти объяснения...

— Ритка, я, может, спятил, но у тебя все хорошо? Я знаю, тебе много плохого пережить пришлось, но сейчас ведь все наладилось? Ты ведь никогда раньше не говорила о маме, а теперь вдруг решила, что похожа на нее. Если тебе что-то надо, ты мне только скажи. Тебя журналист обижает? Ты несчастна?

— Акела, у меня все хорошо, и журналист — отличный парень. С чего ты вдруг заволновался? Я что-то не то спросила?

— Поклянись, что ты интересуешься мамой, что ты не думаешь о... смерти. О ее смерти.

Я определенно чего-то недопонимала. Почему Саша связывал мой интерес к матери со смертью? Пока я быстро перебирала в голове варианты, он вдруг легко отодвинул меня от себя и резко спросил:

— Ты не знаешь?

— Наверное, нет. Что я должна знать?

Брат отвел от меня взгляд и уставился в какую-то интересную точку на откосе окна. Я молча ждала. Он вздохнул и тихо признался:

— Говорят, что ее смерть не была несчастным случаем, что мама покончила с собой.

Я попыталась представить слетающий с дороги автомобиль, но образ ускользнул, хотя осталось смутное

ощущение неправильности. Я не поверила словам брата. Потому что он ошибался? Или потому, что я не хотела в это верить?

— Акела, я хотела поговорить с тобой о маме. И я не собираюсь сводить счеты с жизнью, если ты вдруг предположил, что это единственная причина моего интереса.

— Я глупо себя веду, да? У меня какое-то дурное предчувствие...

— А ты женись на Изабелле. Она тебе по утрам будет про Вангу рассказывать, в обед гороскоп на завтра зачитывать, а вечером вы будете обсуждать новые явления апостолов на святых местах. Вот тогда от предчувствий и топором не отмахнешься.

Акела снова стиснул мои плечи руками:

— Черт с ней, с Беллой, обещай, что в случае чего позовешь меня на помощь.

— Да, братик, всенепременно.

Только в качестве самой последней надежды, когда ничего другого не останется.

7. Родные и близкие

В субботу у нас получилась импровизированная вечеринка. Кроме нас с Кириллом в маленькую квартирку набились еще и Акела с Изабеллой, Мигель с симпатичной подружкой Анютой, а также пара приятелей Кирилла по редакции.

Посиделки были веселыми, но для меня утомительными. Слишком много пустых разговоров и попыток произвести впечатление. Формально я была хозяйкой вечера, но я переложила свои обязанности по обслуживанию гостей на милую Анюту, хотя и испытывала легкие укоры совести, наблюдая за тем, как она время от времени носится на кухню. Акела с Мигелем затеяли вечный спор военного и пацифиста, Изабелла кокетничала с редакционными деятелями, Кирилл немногословно, но веско подводил итоги тех или иных обсуждений. Мне же спустя час-полтора уже хотелось выбраться прочь из душной атмосферы всеобщего братства и любви.

Скуку и легкое уныние сняло как рукой, когда я вдруг заметила быстрый, но пристальный взгляд, которым синие сапфиры брата одарили Анютку. Застенчиво взлетевшие ресницы приоткрыли лукавые светло-карие глаза девушки и тут же спрятали их вновь. Странная компания. Маленький перекресток времени и пространства. И узелок в плетении Мойр, связавший две ниточки водино. Ни Изабелла, ни Мигель еще не догадываются, что два неровных дыхания только что попали в такт. Я присмотрелась к открытому лицу Анютки. Простая, веселая, милая — никаких экзальтаций и разыгрываемых страстей. Может, Акеле это и нужно для счастья?

Я представила себе один из скверов Питера. Красивого мужчину, так уставшего от внимания претенциоз-

ных и светских женщин, и веселую девушку, которой не так уж важна его красота, она влюблена не в красоту, а в хорошего парня. Он кружит ее на руках, а она доверчиво прижимается к нему упругой грудью.

Замечтавшись и увлекшись разглядыванием фигуры новой знакомой, я не сразу заметила, что расстановка фигур изменилась в результате рокировки. Теперь Акела громил двух журналистов на пару с Мигелем, Анюта скромно сидела рядом со своим кавалером, а Изабелла что-то втирала Кириллу. Ее прямо распирало от эмоций, Кирилл явно произвел на нее самое лучшее впечатление...

Надо признаться, раньше я понятия не имела о том, что такое ревность. Теперь, видимо, моя психика решила компенсировать это недопонимание за все прошедшие годы. Так сказать, доставить товар оптом.

Дура патлатая, что ты ему глазки строишь? Думаешь, ему твои ужимки интересны? Бестолковая дрянь, придвинулась вплотную, бедро к бедру. Ты ему не нужна, ротозейка. Так тебе и надо, чтобы Акелу у тебя из-под носа увели. Но моего Кирилла ты взамен не получишь, я тебя в порошок сотру, гадина... Изуродую, что мама родная не узнает... И руки, что ты распустила, повыламываю...

Словно в тумане я вышла на кухню и прижалась лбом к холодному окну. Нужно взять себя в руки, нужно успокоиться, включить мозги. Ничего же не произошло. Все сидят, разговаривают. Изабелла просто сидит рядом с Кириллом. Внутри снова вздыбилась волна злости.

Акела подошел сзади и положил руки мне на плечи. Наваждение схлынуло.

— Мне не померещилось, Ритка? Ты ревнуешь. Ты, правда, влюбилась в журналиста по уши. Никогда не видел тебя такой.

Я резко развернулась и попыталась задеть его словами:

— Да ты вообще меня мало видел.

Брат улыбнулся до ушей.

— Хвала небесам, а я-то боялся совсем другого. Давай, Ритка, злись, сердись, нападай. Хочешь, даже поколоти меня. Я рад за тебя, сестричка. Ты вылезла из норы посмотреть, что мир не так уж плох. Готов Весенину памятник за это поставить.

— Его это будет счастливо. Отстань от меня. Все в порядке.

— Да, теперь точно в порядке.

Саша, кажется, и вправду считал, что моя влюбленность вправит мне мозги. Увы, кажется, все обстоит ровно наоборот. До сих пор я никогда не испытывала желания сломать кому-нибудь руки.

Словно специально, улучив момент, Изабелла затерла меня в углу кухни и сочла необходимым поделиться восторгами относительно моего приятеля:

— Ритуля, он полный отпад! Обаятельный, интеллигентный и не бедный, судя по всему. Милая, скажи мне, где ты откопала такого принца? Яс ума схожу от того, что такие мужики ходят рядом и без присмотра.

Нахлынувшее чувство оказалось слишком... бесконтрольным. Ручки сломать — это мелочи. Надо что-то такое, чтобы ты, курица, визжала до седьмого пришествия.

Спасло Изабеллу вмешательство самого Кирилла. Собственнически обняв меня сзади, он чмокнул меня в макушку и весело заметил:

— Девочки, кончайте обсуждать нас, сильный пол. Давайте споем?

И мы спели. А потом и сплясали.

В воскресенье вечером мы, наконец, спроводили Александра восвояси.

Но выспаться мне все равно не удалось. В половине седьмого утра понедельника начал надрываться дверной

звонок. Я надеялась, что мы сможем притвориться, что нас нет. Или я на правах гостя смогу не выбираться из теплой постели еще затемно. Но, увы, пока я придумывала речь для препирательств, любимый спихнул меня с кровати. Выгонять гостей явно предстояло мне.

За дверью оказалась невысокая и полная женщина с макияжем толщиной в сантиметр. Брючный костюм безобразно обтягивал все складки расплывающегося тела, отчего гостья казалась гусеницей, неловко задравшей передние лапки. Моя избыточно вежливая речь, кажется, ее шокировала:

— Чем могу быть Вам полезна, мадам?

— Ты кто такая?

— Я — Рита. А Вы?

Гусеница бросила презрительный взгляд на мой наспех накинутый прозрачный халатик, доходящий только до края попы, и перешла в наступление. Я не ожидала ее чисто физического напора и была вынуждена отступить ввиду явного превосходства массы противника. Женщины ворвалась в комнату и завопила:

— Кирюша! Как ты мог?! Хочешь себя погубить?

К моему удивлению, звук голоса Гусеницы сподвиг Кирилла на необыкновенную прыть. Выскользнув из кровати, он в течение буквально нескольких секунд оказался одет в спортивные штаны и толстовку. Галантно полупоклонившись, он вытянул руку и с нарочитой елейностью произнес:

— Представляю тебе, о моя почитаемая матушка, прекраснейшую из женщин, волшебный цветок из долины царицы Семирамиды, заветную драгоценность из сокровищницы Сулеймана Великолепного — Риту Рогальскую.

Вот незадача. Тетка, которую я мысленно назвала Гусеницей, оказалась мамой Кирилла. Причем мамой уважаемой и любимой. Немного недалекой, но оттого

только более очаровательной в его глазах. А еще очень трогательной в беззаветной и беспощадной материнской любви.

— Рита, это моя мама, Елена Афанасьевна, прошу любить и жаловать.

Гусеница поджала губы, строго оглядывая меня с головы до ног. Я поняла, что этот экзамен мне не выдержать никогда. Мама Кирилла будет довольна только идеально красивой и очень умной подружкой сына, которой вдобавок можно будет немного манипулировать.

Честно говоря, я пока не собиралась знакомиться с чьими-либо родителями. И предпочла бы более торжественную обстановку. Для начала хотя бы оделась соответствующе. Заметив растерянное выражение лица Кирилла, я сообразила, что и он никак не ожидал подобной встречи.

С максимальной почтительностью (и удержавшись от книксена) я поприветствовала Гусеницу:

— Рада познакомиться, Елена Афанасьевна.

Раскрашенная маска скривилась в гримасе неодобрения:

— А я не рада. Совсем не рада, потому что много чести для всякой дряни со мной знакомиться. Собирай свои ма-натки и проваливай, чтобы духу твоего здесь не было.

— Мама! Перестань!

Я послушно, но не торопясь, начала одеваться и складывать немудреные пожитки в большой пакет. Хорошо, что я в целом за практичный подход в одежде. Не так уж много шмотья накопилось. Кирилл вскочил с кровати и попытался мне помешать. В его чудесных карих глазах светилась любовь:

— Рита, перестань, не уходи. Это недоразумение.

Я чмокнула его в щеку:

— Я вернусь. Сейчас тебе нужно поговорить с мамой. Без меня.

— Мы без твоих советов обойдемся, шалава!

— Мама, прекрати!

Глупо ревновать сердечного друга к его маме? А я снова не по-детски злилась. Меня распирало от всяких дурацких мыслей. Укоротить бы ей поганый язычок, чтобы впредь думала, прежде чем пасть разевать.

Вот напасть, моя крыша едет быстро и без всякого шурушания. Если засунуть башку в морозильник — поможет?

Закрывая за мной дверь, Гусеница нарочито громко высказалась напоследок:

— И как не совестно навязываться женатому мужчине?

Хм, глупо с ее стороны так сразу выкладывать козыри. Я умею держать удары.

— Нет, Елена Афанасьевна, не совестно. У меня нет совести.

Дверь захлопнулась, позволив мне в одиночестве справиться с бурей чувств, вызванных словосочетанием «женатый мужчина». Может, успокоительных попить, откуда такие непредсказуемые реакции?

Вместо успокоительных я устроила себе День Ударника. Хозяйка отнеслась к моему рвению подозрительно, но это и понятно. В ее восприятии ждать от меня хоть какого-то проблеска мысли значило бы признать, что я такое же существо, как и она сама, а этого не допускало ее самомнение жены мелкого банкира. Кого-то такой подход, наверное, обижал, а меня только развлекал. Чем тупее были рассуждения этой мадам, тем веселее проходил день, а чего еще желать от трудовых будней?

Кирилл позвонил после обеда и сказал, что заедет за мной вечером. Я остаток дня придумывала в уме сложные конструкции диалогов, позволяющих нам обоим разобраться в ситуации, но так, чтобы ни в коем случае

не задавать прямые и непростые вопросы. Вся эта мыслительная деятельность свелась к тому, что едва я плюхнулась в машину, мой рот раскрылся сам по себе с вопросом:

— Ты женат?

В карих глазах блеснула лукавая улыбка, и в тон мне Кирилл ответил:

— Был. А ты замужем?

— Нет.

И тема оказалась закрыта за очевидным отсутствием сколь-либо интересного содержания. Добравшись домой, мы устроили себе роскошный ужин. Потом, развалившись на кровати, решали, какое кино посмотреть на сон грядущий. Под мерцание экрана мне уже стало казаться, что впереди сплошная счастливая жизнь.

И тут зазвонил телефон. (Кто говорит? Слон??)

— Здравствуйте, Маргарита Евгеньевна. Это из оперативного отдела ОВД «Хрипаново» вас беспокоят. Мы бы хотели побеседовать с вами об обстоятельствах отравления Олеси Блюнтер. Приезжайте завтра, к 11 часам.

Здорово. Моей работодательнице предстоит отличный сеанс психотерапии за мой счет. Думаю, она самое малое дня три будет беспрепятственно поносить меня как самое ленивое, безответственное и тупое существо на свете. Через минуту зазвонил телефон у Кирилла. Оперативный отдел хотел видеть и его тоже.

8. Ведется следствие

Обшарпанное здание ОВД состояло из двух половин, словно прислоненных друг к другу, и за счет этого державшихся вместе. Дореволюционная часть — кусок доходного дома — дополнялась послевоенной сталинской пристройкой с наполовину отвалившимися барельефами-венками и рассыпавшимися столбиками балконов. Я сразу поняла, что это здание-монстр, пожиратель душ и судеб. Хочешь — не хочешь, придется проследовать прямо в его пасть — высокую подворотню между частями здания.

В нужном нам кабинете, выкрашенном в грязно-желтый цвет, оказалось сразу три мента. Огромный хмурый верзила и худой парень-ботаник в очках дружно указали нам на третьего, представившегося как Бирман.

У Бирмана оказалась внешность этакого истинного арийца с высоким лбом, прямым носом и темно-серыми глазами, пугающими внутренней безжалостностью. Не люблю я такие взгляды: слишком прямые, слишком откровенно неприязненные, слишком бескомпромиссные.

Бирман не возражал против нашего общего с Кириллом разговора и протянул руку для рукопожатия сначала ему. Потом повернулся ко мне, я коснулась его широкой ладони и провалилась в кошмар.

Я видела, как он бежит через осенний лес, бежит отчаянно, сбивая с веток желтые листья и капли недавно прошедшего дождя. Он боится не успеть. И очертя голову выбегает на красивую поляну, в центре которой навалены ящики, контейнеры, бочки. Он бросается вперед, к чему-то важному за этой кучей хлама, и пули встречают его на полдороге. Маленькие стальные осы впиваются

в тело, смертельно жала и убивая. Убийца выдает себя этими выстрелами и через мгновение с ним тоже покончено. Но изменить уже ничего нельзя, и рослые люди в камуфляже снимают каски...

— Эй, Маргарита Евгеньевна, с вами все в порядке?

Сколько раз я слышала эту фразу от людей. Нет, со мной не все в порядке. Потому что только что я видела смерть человека, которого все еще держу за руку. Серые глаза Бирмана сверлят меня, а я тщетно пытаюсь найти слова.

— Да, все хорошо.

Я внимательно рассматривала Бирмана, пытаюсь (как и обычно, без особого успеха) понять, почему здесь и сейчас меня накрыло этаким вот мраком. Как я ни старалась, никаких других видений не возникало. Только сам Бирман, кажется, несколько недоумевал насчет моего откровенного изучения его внешности. Я заставила себя оторваться от лица потенциального героя неизвестного сражения и вникнуть в то, о чем уже, кажется, давно вещал Кирилл.

А Кирилл рассказывал о том, как мы нашли отравившуюся Осинку. В его изложении получалось, что в тот день мы и не в первый раз встретились, и не собирались проводить время вместе, он подвозил меня по пути, когда раздался тревожный звонок. Он, как истинный джентльмен, разумеется, вызвался помочь, потому что от меня, конечно, не было бы никакой пользы в такой ситуации. Я, как существо слабое, до сих пор нахожусь в состоянии стресса и не готова обсуждать такие ужасы. Он боялся, что я прямо там упаду в обморок, так меня потрясло случившееся.

Кирилл, обычно склонный скорее действовать, чем говорить, превратился в другого человека. Нанизывая многорядные бусы слов, он незаметно менял смысл про-

исходившего на прямо противоположный, маскируя за подробностями суть и размывая общую картину. Речь его — плавная, быстрая, логичная — все кружила и кружила вокруг бессознательной Осинки, и даже я уже запуталась в сплетенной паутине. Интересно, если его не остановить, он долго может так говорить?

Похоже, такая же мысль пришла в голову и Бирману. Оперативник прервал Кирилла на полуслове и переключил свое внимание на меня:

— Маргарита Евгеньевна, вы в приемном покое заявили, что это попытка самоубийства. Почему?

Разумеется, он все знает. Сейчас выставит Кирилла идиотом, а меня — дамочкой, сваливающей на первых попавшихся мужчин свои неприятности. Не зря же так ехидно посматривает.

— Потому что я была в этом уверена.

— Из каких соображений?

— Осинка, то есть Олеся Блюнтер, уже пыталась покончить с собой.

— Откуда вы это знаете?

— У нее привычка сразу после попытки самоубийства звонить мне, чтобы я примчалась и спасла ее.

— Что вы имеете в виду, говоря о привычке?

— Так было два раза до этого отравления. Я решила, что это та же схема.

— В предыдущий раз тоже были отравления?

— Нет. В первый раз она пыталась повеситься. И ждала, пока я начну открывать дверь, чтобы спрыгнуть с табуретки. Во второй сначала перерезала вены, потом позвонила мне.

— В обоих случаях вы оказывали ей первую помощь и вызывали подмогу?

— Да.

— Вы думаете, что справились бы и на этот раз?

— Вероятно.

— Так почему попросили Кирилла Викторовича о помощи?

— Потому что он справился с этим куда лучше меня.

Кирилл казался абсолютно невозмутимым. У меня появилось ощущение, словно все это он и так прекрасно знал, хотя странности Осинки мы с ним не обсуждали. Хорошая мина в неизвестной игре. Достоинно восхищения.

— Зачем Вы взяли с собой бутылку с вином?

— Я решила, что Осинка отравилась, и подумала, что медикам понадобится знать, чем именно. В сериалах все время показывают, что доктора роются в квартирах пациента в поисках отравы или инфекции.

— Почему именно вино?

— Потому что она пила его прямо перед этим.

— Откуда вы это узнали?

— У нее было свидание с мужчиной. Обычно на свиданиях что-нибудь да пьют.

— Она сама сказала вам про свидание?

— Нет. Но возле кровати валялся использованный презерватив. А Осинка была одета в красивое белье. Логично решить, что там был мужчина.

— Где стояла бутылка?

— За прикроватной тумбочкой.

— Вы знали, что бутылка там?

— Да. Раньше я иногда у нее ночевала. Осинка обычно держала одну-две открытые бутылки возле кровати, чтобы можно было опохмелиться, не вставая. С тумбочки можно было нечаянно бутылку столкнуть, а за ней как раз получалось удобно.

— Вы узнали бутылку, в которой был яд?

— Узнала? Бутылку? Нет. А мы с ней были знакомы?

Кирилл улыбнулся. Хорошо, что он здесь. Одной было бы намного сложнее. А вот оперативник не улыбается. Поймав быстрый серый взгляд, я поняла, что он знает

намного больше нас. Знает что-то плохое и думает, что мы к этому плохому причастны.

— Мать Олеси утверждает, что это вы подарили ей злополучную бутылку.

— Возможно. Иногда мне дарят алкоголь. А я обычно отдаю его Осинке.

— А вы пили то подаренное вино вместе Олесей?

— Нет. Я не пью вина. Вообще алкоголь не употребляю.

— Что, совсем?

— Совсем. Ничего спиртного.

Ух ты! Нет, я конечно знала, что такое признание вызывает неадекватные реакции, но чтобы сразу два интересных мужика от меня дар речи потеряли. Любуйся собой, Рита, пользуйся моментом.

Бирман думал пару секунд, выбирая между версиями: алкогольчика со стажем в завязке или просто врушка. Кажется, склонился ко второму варианту. Кирилл отложил сомнения на потом. Он явно представлял, как будет последовательно соблазнять меня французскими именными винами, ХО коньяками, гавайским ромом или текилой. До него еще пока не дошло, что то, что я сейчас не пью ничего, вовсе не означает, что я не успела попробовать достаточно много мировых алкогольных брендов раньше.

Опомнившись, Бирман вернулся к происшествию с Осинкой:

— Олеся не совершала попытки самоубийства.

— А-а. Что же тогда случилось?

— В бутылке оказался специфический яд. Вы оказали большую услугу подружке, прихватив с собой в больницу его образец. Без быстрого анализа Олеся, скорее всего, была бы уже мертва.

— Кто-то подсыпал яд в бутылку?

— Может быть, это вы?

Я растерялась. Но признала, что оперативник придумал весьма логичную версию. Мотив можно придумать, возможность у меня была. Только вот в ядах я не разбираюсь, но поди докажи это уверенному в себе менту. Кирилл положил свою руку поверх моей и тихим пожатием меня успокоил. Я покачала головой:

— Нет. Это не я.

Но Бирман уже шел в атаку с другого направления:

— Маргарита Евгеньевна, вы знакомы с Денисом Петровичем Шкуркиным?

Пытаясь собрать мысли и в бесстрастных серых глазах уловить хоть какую-нибудь эмоцию, я выдавила:

— Что с ним случилось?

Оперативник немного поиграл со мной в гляделки, но потом отступил и ответил:

— Позавчера поздно вечером Денис Петрович отравился. Вином.

— Он... жив?

— Да, но состояние стабильно тяжелое.

— Он и Осинка пили одно и то же вино?

— Да. И яд в бутылках одинаковый.

Я промолчала. Что тут скажешь. Что ни с того ни с сего я втянула только что обретенного кавалера в мутную уголовщину. Веселая я девушка, прямо не заскучаешь. То дев грязных носи, то по ментовкам шастай, теперь вот еще и с фотографом будут нервы мотать. В ответ на мои мысли Кирилл только тепло улыбнулся и весело подмигнул. Можно подумать, мы балетную премьеру обсуждаем.

Я начала рыться в сумке. Нашла три фото, которые таскала в сумке с мыслью сделать для них красивые багетные рамки, и протянула их через стол:

— Вы наверняка хотите спросить об этом. Дионис сделал для меня несколько фотографий. Вот эти, например. Готовые фото Кирилл забрал в прошлый вторник.

Я забыла у него, ну, то есть у Кирилла, свой телефон, и Дионис договорился о встрече с ним.

Бирман уставился на снимки, точно видел перед собой нечто фантастически интересное. Изучив фото, он пристально уставился на мое лицо, словно пытался найти соответствие между оригиналом и художественной работой. Мне стало обидно. Вот дурак, неужели непонятно, что это я на фотках?

— Я могу оставить их пока в деле?

— Эти нет. Я сделаю копии.

— А это все фото, что были сделаны?

— Нет. Думаю, около сотни снимков всего было. Хороших — штук двадцать. Пять-семь вошли бы в коллекцию.

— А Вы видели их все?

— Нет, Дионис отобрал снимков десять для примера. Чтобы доказать, что он не замылил тему в стол.

Бирман вопросительно уставился на меня. Сзади кто-то хихикнул.

— Я имею в виду, что у него бывали работы и отснятые серии, которые никогда не печатались и не выставлялись. Когда я согласилась позировать, я была процентов на пятьдесят уверена, что и с этой темой будет так же. Что он напрыгается с камерой вокруг меня, а потом и думать забудет фотографии сделать.

Бирман неожиданно перебрал снимки на стол великану, до этого сидевшему в образе монументального изваяния. Тот мельком глянул на них и протянул ботанику. Ботаник поднес снимки к самому носу, отставил обратно, снова приблизил и высказался:

— Нет. Я абсолютно уверен, что нет.

Мы с Кириллом недоуменно переглянулись. Бирман забарабанил пальцами по столу и объяснил:

— Студия Шкуркина была разгромлена. Есть предположение, что искали какие-то фотографии. Мы вчера

весь день там рылись. И не видели ни одного вашего фото, Маргарита Евгеньевна.

— Но должны были остаться негативы.

— Пока мы ничего подобного не нашли.

Ну, неужели эта компания арийца, верзилы и очкарика полагает, что Диониса отравили из-за бесценных бумажек с моей физиономией? Нет, я, конечно, неплохо получилась на этих фотках, но зачем фотографа калечить?

Внутри меня вдруг созрела уверенность, что в ответ на мой интерес к маме тихо приоткрылась дверца семейного шкафа со скелетами. Было весьма вероятно, что я если не родная мамина дочь, то родственница. Но кто и почему мог решить, что это представляет для него угрозу? Денег в семье больших никогда не было. Старинные легенды о сокровищах прадедушки отсутствовали. Никаких фамильных брьюликов, золотых дублонов и потерянных замков. Тогда из-за чего сыр-бор?

Пока я размышляла, оказалось, что Кирилл и оперативники уже прощаются. Бирман разглагольствовал о том, что «ведется следствие». Журналист обещал сохранить тайну и всячески содействовать ментам в их работе. Мужчины обменялись кучей рукопожатий, визитками, непонятными шуточками.

Только напоследок Бирман повернулся ко мне:

— До встречи, Маргарита Евгеньевна.

— До свидания. Берегите себя.

В серых глазах появился невысказанный вопрос. Не дождетесь. Никаких объяснений. Никаких лишних слов.

9. Служебный роман

На следующий день я вылетела с работы. Хозяйка, разумеется, изгалялась как могла, описывая мне в красках мою же недобросовестность. Отгулы без предупреждения стоили мне недоплаты тысяч в десять. Но я со стоическим равнодушием выслушала все претензии и даже обошлась без напутственных отправлений скандальной тетки к черту.

После обретения свободы я лихо потратила изрядную сумму на кучу новых шмоток. Одно дело, когда ты живешь в одинокой норе и вылезает из нее только для похода в супермаркет. И совсем другое, когда есть, для кого принаряжаться. После сомнений я даже прикупила роскошную шифоновую тунику с названием «Весенняя фея». Ничего, что на дворе осень, феи — существа всепогодные.

Денег у меня было достаточно. По моим меркам достаточности. Кормилась я в домах, где работала. Небольшую часть от заработка я тратила на оплату крохотной квартирki с кухней в три квадратных метра в доме гостиничного типа. Я снимала эту квартирку у пожилой пары, жившей в загородном доме сына. Основными достоинствами квартирki были относительно дешевая арендная плата и абсолютное равнодушие владельцев к тому, что, как и когда я делаю. Все, что их интересовало — поступление денег. А то, что я периодически платила вперед, обеспечивало мне в их глазах репутацию очень, очень надежного жильца. Второй моей статьёй расходов с недавнего времени было образование. Но оно отнимало вполне посильные суммы, к тому же весь этот год я уже оплатила, а до следующего еще нужно дожить.

Снова искать работу я пока не собиралась. Не потому, что собиралась сесть на шею Кириллу. Захотелось немного передохнуть. Последний отпуск у меня случился года два с половиной назад, так что пару месяцев я вполне могла потратить на копание в семейных тайнах...

Самый простой путь — подчас самый заковыристый. Я знала, что мама много лет работала в системе образования. Но лишь несколько дней обивания разных порогов позволили мне узнать, что четверть века назад мама работала в районном управлении образования методистом. То есть следила за тем, чтобы во всех школах таблицы умножения были нарисованы достаточно красиво и идейно правильно.

То самое РОНО, но под другой вывеской все еще работало в том же здании, и, кажется, все с той же мебелью и теми же таблицами умножения. Тупо обходя все кабинеты с радостным выражением лица и восторженной интонацией в голосе, я у всех спрашивала, не знают ли они кого-либо, кто работал здесь двадцать-двадцать пять лет назад. Подозреваю, что мое явление надолго войдет в местные байки под названием «Как одна сумасшедшая искала маму». Тем не менее, этот подход сработал. Идиотам обычно легче продвинуться в поисках информации — их жалеют и стараются помочь. Будь я в деловом костюме с заготовленной серьезной речью, тетки посылали бы меня вон, даже не повернув головы.

В итоге я разжилась скудной, но многообещающей информацией. Хотя маму никто не помнил, меня отправили в вышестоящую инстанцию к некоей Лидии Борисовне Коряге. На повышение она ушла всего пару лет назад, а до этого бессменно руководила РОНО как раз лет двадцать пять.

Прорыв к Лидии Борисовне оказался не столь быстро решаемой задачей, но, в конце концов, принцип

«только отвяжись от меня, сумасшедшая баба» сработал и здесь.

Лидия Борисовна оказалась тучной женщиной лет сорока пяти. В ней собрались все классические черты неумной и ограниченной в представлениях о мире стареющей женщины, уверенной, что она может помыкать отданными в ее власть детьми. Из таких получаются мерзкие завучи и вредные училки, становящиеся прототипами героинь жалостливых фильмов и народных анекдотов.

— Простите за беспокойство, но я собираю сведения о жизни Марии Рогальской. Вы вместе работали в РОНО больше двадцати лет назад. Она умерла, а я так мало о ней знаю. Вы не могли бы немного рассказать о ней? Можете все, что хотите говорить: и хорошее, и плохое. Мне ценно любое мнение.

О, этот мой экскурс в историю оказался очень удачным!

Едва уловив из моего вступления ненавистное имя и осознав, что его обладательница умерла, Лидия Борисовна вдруг преобразилась в ту наивную девушку, которая жаждала нести в мир доброе и вечное четверть века назад. Обиженную и ревнивую девушку, которой нанесли незаслуженное оскорбление. Первый муж светоча знаний, Василий Коряга, пал жертвой роковых чар моей мамы и опустился до самого низменного поступка — измены.

Смысл длинного монолога моей собеседницы сводился к тому, что мама была, мягко говоря, одержима жаждой влюблять в себя всех мужчин мира. У нее было множество любовников. Некоторые даже дежурили у РОНО, чтобы подвезти ее домой. На машине! Но Рогальской этого было мало. Встретив случайно Васеньку, подлая Машка сразу положила глаз на красавца — мужа подруги. Хотя у самой Машки был в наличии какой-ни-

какой, а законный муж, подлая подружка подкарауливала Васеньку, где только могла, и буквально кидалась на него всем телом, прижимаясь, извиваясь и соблазняя.

Бедная Лида не заметила сговора между мужем и другой. И только когда все вокруг стали открыто насмеяться над обманутой женой, она заподозрила неладное. Любовники не особенно и таились: первая же засада, организованная Лидой, повергла ее в состояние ступора. Ее дорогой Васенька любил Машку прямо на ее рабочем столе в той позе, которую и назвать неприлично. Разоблаченные любовники не переживали. Вероломная гадина Машка, поправив юбку, заявила, что у Лидки, дескать, большое воображение. И ничего такого у них не было, Вася лишь помог бумагу найти. А тем, у кого с головой плохо, надо в Кашенко отправляться и лечиться на всю катушку.

Обозленная Лида вынесла инцидент на обсуждение коллектива, но неожиданно оказалось, что ее мало кто поддерживает. Васька ходил с довольной мордой, Машка твердо стояла на том, что Лидка ее оговаривает, потому что подсидеть хочет. Муж Машки, которого Лида взялась просветить, неожиданно встал на защиту чести жены, заявив, что его верную и нежную возлюбленную оклеветала злобная базарная баба.

Дослушивая уже автоматически эту любовную эпопею, я быстро сопоставила даты: в момент романа Васи с моей матерью Лиде было чуть больше двадцати. Значит, я уже родилась. Василий Коряга не может быть моим отцом. Это и хорошо. Вряд ли достойный человек будет так беспардонно изменять молоденькой жене.

Вернувшись из мечтательных далей в кабинет Лидии Борисовны, я обнаружила, что конструктивная часть рассказа исчерпана, осталось только бездумное поливание грязью подлых Васьки и Машки. Я попробовала поставить все заключительные точки в рассказе:

— Скажите, а вы развелись с мужем из-за этого?

— Развелась бы обязательно. Но вскоре после скандала он погиб.

— Мне жаль.

— А мне нет. Все это получилось к лучшему. Я поговорила, а потом встретила хорошего человека, и думать забыла про свои печали.

— А вы слышали что-нибудь о детях Маши?

— Нет, никаких детей у нее не было. Вот и вертела попой, как хотела.

Неожиданно. Мальчиков усыновили как раз незадолго до этого времени. И, если я действительно родная дочка, мама должна была ходить с животом какое-то время? Возможно, Лида не знала о существовании сразу двух приемных сыновей у Маши. Но не заметить живота перед родами? С другой стороны, может ли усыновившая двух детей женщина еще и сразу после родов быть настолько сильной и не замотанной бытом, чтобы романы на работе крутить? Тонкие временные грани пока не складывались в понятный рисунок...

— А ты, девочка, собственно, чтой-то интересуешься Машей. Столько лет прошло.

Неожиданно прорезавшийся деревенский говор прозвучал настолько нелепо, что я не сразу вникла в суть вопроса. Время все же не настолько властно над нами, как подчас кажется.

— Понимаете, Мария — моя приемная мать. Она погибла десять лет назад. А я сейчас ищу информацию о том, как и почему меня усыновили.

— Ишь ты, а что это тебя усыновили, своих детей не было?

— Нет.

— А у меня двое. Дочка и сын. Взрослые уже, того гляди бабушкой сделают.

Я поняла, что она наслаждается торжеством победы. Она взяла верх над соперницей. Пережила ее на целых

десять лет. Сумела выносить и родить собственное потомство, плоть от плоти своей. А еще я подумала, что Лида всю жизнь любила одного-единственного мужчину — Васеньку. Она так и не смогла смириться с его изменой, с его гибелью. И многолетнее уговаривание себя, что жизнь прекрасна и без него, превратило ее в ту самую ограниченную вредную бабу, завистливую к чужому счастью и непримиримо враждебную к красивым женщинам.

На прощанье я получила номер телефона бывшей начальницы мамы с заверением:

— Кажется, на похороны этой мумии еще не звали.

Что ж, из клубочка показалась тонкая ниточка. Если потянуть, клубочек будет разматываться? Или сплетется в гордиев узел?

10. Неудачный визит

В списке моих дел следующим пунктом значился визит к Павлу Васильевичу Одоевскому.

Павел Васильевич был одним из лучших друзей отца. Еще в юности они познакомились в стройотряде и продолжали общаться, несмотря ни на что. В пору моего детства Одоевский был обязательным гостем семейных праздников, дней рождений и прочих домашних вечеринок. И всегда дарил мне и братьям чересчур дорогие подарки, отговариваясь от смущенных укоров мамы отсутствием собственных отпрысков. Отпрысков у него в действительности было аж трое, но я узнала об этом много позже, когда поселилась в его доме.

Нелепые отношения, которые связали нас на несколько коротких месяцев, были полны мучительных для нас обоих противоречий. И однажды Павел Васильевич поставил решительную точку во всех наших спорах и разладах. Однако именно ему я обязана свободой в выражении сексуальных эмоций. Одоевский был известным в узких кругах содержателем салона, в котором юные и не очень нимфы одаривали своей благосклонностью состоятельных мужчин. Я не была одной из этих нимф, но могла свободно наблюдать за всем, что происходило в изысканных комнатах снятого Одоевским особняка.

Одно время я чувствовала себя униженной из-за жесткого запрета принимать участие в веселых пирушках и оргиях других обитательниц особняка, но затем поняла, что Одоевский оставил для меня открытой дверь в обычную жизнь. Мало кто из его нимф выбирался из трясины продажной любви. Даже несколько вышедших замуж прелестниц, в конечном счете, все равно вер-

нулись к древнему ремеслу. А я отделалась лишь несколькими годами заниженной самооценки и устойчивым пренебрежением к некоторым нормам морали.

Старый особняк, в котором некогда Одоевский снимал целый этаж, давно развалился. На его месте отгрохали новое здание с отдаленно похожим фасадом: портик и фронтон заменили декоративные элементы из пластика. Этажей стало на два больше, и теперь Одоевский был не арендатором, а полноценным владельцем всего здания. Деньги он всегда зарабатывал все тем же сводничеством, но на ином уровне: знакомил людей, проводил у себя их встречи, выступал в некоторых сделках гарантом или посредником. В лицо ему говорили много уважительных слов и засыпали благодарностями, но за глаза презирали, хотя и продолжали пользоваться его услугами по всем направлениям.

Ради встречи со своим первым мужчиной я приоделась и навела красоту на физиономию. Я не люблю косметику и обычно не пользуюсь никакими красками-замазками. Но для Одоевского женщина без макияжа — не женщина, поэтому пришлось немного расстараться. В качестве достойного одеяния я выбрала длинную каскадную юбку, полупрозрачную блузку и классические лодочки на высоченной шпильке. Я даже потратила очень некую сумму на роскошную кожаную сумку ярко красного цвета. Все это вместе взятое несколько резало глаза, но мне было наплевать.

Во всей этой гламурной упаковке я явилась в особняк в оговоренный день и час. Вежливая девушка на ресепшене была осведомлена о моем визите и объяснила, как найти апартаменты Одоевского. Она же предупредила, что хозяин этим утром еще не вставал. Бедная девочка пыталась деликатно сказать то, что я знала и без подсказок — с похмельным Одоевским лучше не иметь дела. Вот только вряд ли сама девушка знала, что это я была

той единственной отчаянной дурой, с которой Одоевский не рисковал связываться на больную голову. Уж очень его шокировала моя терапия обливания ледяной водой.

Нехорошее предчувствие заронилось во мне, едва за моей спиной закрылись двери лифта. На этаже было идеально тихо. Не знаю, что и как мои органы чувств определили в окружающем пространстве, но мозги в доли секунды выдали резюме: мертвая тишина. В смысле — живых здесь нет.

Прижав сумку к себе, я отправилась в путешествие по апартаментам. Нет, можно было бы, конечно, потихому смыться. Но такое решение созрело в моей голове только на приличном отдалении от лифта. И жалкие остатки здравого смысла были в корне задавлены тем любопытством, которое сгубило достаточно и кошек, и неразумных девушек.

Я нашла Одоевского в нелепой желто-бежевой спальне, на кровати. Его руки и ноги были связаны вместе, отчего тело казалось упавшей на бок детской лошадкой. Голова неестественно выгнулась назад. Павлу Васильевичу перерезали горло. Аккуратно, не широко, но смертельно...

Нашарив в сумке телефон, я дрожащими руками набрала номер экстренной службы и, как мне казалось, четко обрисовала ситуацию и продиктовала адрес. На самом деле, я, конечно, лепетала что-то малоразборчивое. Не потому, что испугалась трупа (мертвые точно не кусаются, что бы там, в Голливуде, не снимали) или меня так уж шокировала насильственная смерть Одоевского (собственно, ему столько раз ее предсказывали, что меня больше удивила бы его тихая кончина от старости). Как раз во время объяснений, что я не спятила и ничего на месте преступления

не трогала, мне пришло в голову, что я слишком потопилась со звонком.

Расставшись с девушкой-оператором, я дала волю своим мыслям. Они немедленно сорвались с обрыва и полетели расправляющими крылья птицами.

Я бросилась к ванне и сдернула с металлической трубы первое попавшееся полотенце. Обернув руку этой тряпкой, я решительно дернула дверь-купе гигантской гардеробной. Окинув быстрым взглядом верхние полки, я почти сразу увидела то, что искала. Но до старой потрепанной шляпной коробки с пола было не дотянуться.

Я с трудом подтащила к шкафу тяжелый стул, залезла на него но, даже встав на цыпочки, до коробки не достала. Пришлось воспользоваться одной из вешалок. Тыкая одним из концов деревяшки в картонный бок, я все же сумела сбить шляпницу на пол.

Ура! Осторожно сняв крышку, я развернула бумагу внутри коробки и быстро достала из старинной шляпы толстую пачку евро и скатанную в трубочку пятитысячную купюру. Прогресс. Раньше Одоевский хранил баксы и пятьсот рублей. Задрал юбку, я затолкала деньги за резинку чулок — с внутренней стороны бедра. С современной модой даже если кто и заметит некоторую неаккуратность в моей одежде, то спишет ее на фасон. Потом я максимально аккуратно закинула коробку обратно и вернула стул в комнату.

Следующая мысль заставила меня выскочить из спальни, промчаться по коридору до лестницы и сбежать этажом ниже. Здесь должны были быть комнаты нимф. Я начала стучать во все двери подряд, пока из некоторых не начали показываться заспанные физиономии девушек.

— Одоевский убит! Сейчас здесь будут менты! Уходите!

Самые смысленные девчонки уже через минуту направились к выходу. Пусть непричесанные и полуголые, зато с дорожными сумками наперевес.

Я вернулась в спальню и рассмотрела несчастного Одоевского. Коснувшись его холодной руки, я попыталась представить себе эту несуразную спальню несколько часов назад. Что здесь произошло?

Вчера кто-то из девушек разбил в кабинете Одоевского зеркало. Мелкие осколки стекла усеяли пол и ковер, поэтому бизнес-деятельность пришлось перенести в спальню. Павел Васильевич долго и обстоятельно беседовал с убийцей, обговаривая детали сделок, перемежая льстивые похвалы деловой хватке собеседника бахвальством о своих неограниченных возможностях. Но затем вдруг все изменилось. Убийца заткнул Одоевскому рот тряпичным свертком, заставил лечь на кровать, не спеша связал руки и ноги, достал из принесенного свертка обычный кухонный нож, и через две минуты все было кончено...

Мое увлекательное мысленное представление смерти бывшего любовника прервали вдруг заполнившие весь дом Одоевского крепкие и решительные мужчины. Я назвала себя, подтвердила, что это я звонила, и послушно забила в угол, отвечая время от времени на разные вопросы. С любопытством наблюдая за суетой ментов, я не сразу поняла, что сама стала объектом наблюдения.

Темный взгляд того, кто командовал «парадом» следователей и экспертов, время от времени останавливался на мне, словно решая, что со мной сделать: четвертовать или повесить. На мужчине был отличный костюм, явно сшитый на заказ. А его прическа волнами напомнила мне старые фильмы про чудеса кино. Только этого деятеля окружала не аура обаяния, а ореол власти.

Команда обращалась к нему коротко и соответствующе: Лорд. Вот только темных повелителей мне и не хватало для полноты впечатлений.

Лорд держался прямо и уверенно, так, словно знал все тайны мира и мог повернуть землю без всякой точки

опоры. Заложил он руку за борт пиджака, получился бы Наполеон. Вскинь руку вперед — Гитлер. Я кожей чувствовала инстинктивное желание повиноваться этому человеку, склониться перед ним и пойти туда, куда он позовет, без сомнений и размышлений. Обалдеть. Почему этот человек командует пятеркой болванов в форме, а не ведет всю страну в светлое будущее?

Присмотревшись, я сообразила, что он вряд ли старше меня, совсем молодой еще парень. И при этом примчавшиеся откуда-то Бирман и его дружок-верзила явно были впечатлены его корочкой. А вот от моей ослепительной улыбки и вежливого «Здрасте» их прямо передрнуло. Что они здесь забыли, интересно? Разве у ментов нет разделения по территориям?

Оказалось, что дело, в котором я ухитрилась занять место в партере, в высших ментовских инстанциях отнесли к делам повышенной важности и секретности, для которых не существует границ. Ведь здесь были замешаны известные личности и криминальные структуры (по принципу два в одном: Одоевский был и известной личностью, и целой криминальной структурой). Лорд был одним из тех, кто копал под Одоевского и вот-вот собирался отправить его отдыхать под небом в клеточку, а Бирман и верзила вошли в команду как первооткрыватели темы «Рита Рогальская — звезда преступного мира».

У ментов не было ни малейших сомнений, что Одоевского грохнули в ходе криминальных разборок. Но почему-то они увязывали в одну кучу и убийство, и отравления Осинки с Дионисом. Я не поняла логической связки, которую излагал Лорд в обоснование этой теории, зато прекрасно расслышала высказанное Бирманом предположение о том, что за убийцей и ходить далеко не надо — вон она, птичка, расселась и расслабляется после нелегкой киллерской работы.

Я боялась, что придется надолго застрять на месте преступления, но примерно через полтора часа меня отпустили, пообещав вызвать еще. Я уже стояла у выхода, когда глубокий властный баритон вдруг перекрыл пространство с зовуще-вопросительной интонацией:

— Эй ты, ведьма?!

Вот зачем я откликнулась? Шла бы себе спокойно дальше, никакая я не ведьма, Ритой меня зовут. Но ведь нет, потянуло приколоться. Мало того, что я остановилась и обернулась, я еще и в тон ответила:

— Вы звали меня, Темный Лорд?

Вокруг стало очень тихо. Отозвавшись на прозвище, я подтвердила, что знала убитого слишком хорошо. Но почему черные глаза Лорда блеснули столь явным торжеством? Ему что, еще не сказали кто я? А если сказали, то неужели в его досье на Одоевского нет странички про меня? Было бы немного обидно.

— Ты ошиблась, ведьма. Я — Властелин Света.

Ой, меня забыли предупредить, что я попала в ролевое фэнтези-шоу. Кто-нибудь, подскажите мне, мы идем ловить чудиков с колечком? Или будем пытаться уничтожить мальчика со шрамом?

Выдав поразительный пассаж, Лорд уставился на меня, но не мне в глаза, а чуть ниже. С легким запозданием я поняла, что в этом сборище мужчин нашелся один, оценивший мой откровенный наряд. Лорд нагло пялился на мою грудь.

Повернувшись к замершей аудитории, я махнула рукой на Властелина Света и тоном строгой воспитательницы детского сада, объясняющей неразумным родителям ошибки в воспитании их чада, припечатала:

— Не давайте ему читать Толкиена.

В черных глазах вспыхнуло принятое решение — четвертовать. Я пожала плечами и наконец-то ушла.

11. Чужие тайны

Тяжелый день закончился тем, что еще два раза мне пришлось пересказывать лайт-версию событий Кириллу. Он сразу вцепился в меня как профессиональный журналист, поэтому на некоторых поворотах пришлось «подключать блондинку» и списывать собственную невнимательность на волнение и испуг. Увы, даже прямые жалобы на усталость не помогли мне отвязаться от его надоедливых: «А что стояло на окне?» и «Ты не заметила, где был его телефон?» Про окно я не могла ничего вспомнить, а выключенный телефон остался лежать на небольшом столике сразу у двери, но объяснять все это Кириллу у меня не было сил.

Когда он, наконец, заснул, я еще долго обдумывала свой дальнейший план действий. Увы, на Одоевского я возлагала большие надежды. И знала, как и чем на него надавить. Теперь одна из ниточек клубочка оборвалась и осталась где-то глубоко внутри. Совпадение ли, что Одоевского убили как раз тогда, когда я собиралась вытрясти из него все, что он знал о родителях и обо мне самой?

Может, перестать копать семейные тайны? Так я ведь даже не понимаю, есть ли они, эти тайны? Может, дело в чем-то другом? Осинка была знакома с Одоевским, и даже пару раз бывала у него в доме. Фотограф тоже был знаком с Одоевским, поскольку оба одновременно могли бывать в нашем доме. Может, он делал для моего бывшего какие-нибудь провокационные снимки? Осинки, например? Хотя сомневаюсь, что даже искусство Диониса способно создать из ню-фоток Осинки то, ради чего можно начать убивать направо-налево. Ну, разве только в обратном смысле... Чтобы больше ни у кого и мысли такой не возникало.

На следующий день, едва Кирилл отчалил в редакцию, я отправилась к Терабайку, веселому парнишке из Люберец. Он все пытался сделать деньги на интернет-кафе, посетителями которого неизменно оказывались мутные подростки, отчего все потуги хозяина кафе сделать заведение интеллектуальным и солидным быстро проваливались. Все его заведения напоминали зал советских игровых автоматов. Несколько раз кафе сгорало дотла, но Терабайк с упрямством носорога снова и снова восстанавливал свой «частный бизнес». Я могла бы, конечно, воспользоваться компьютером Кирилла, но не хотела оказаться в идиотском положении, если бы вдруг наткнулась на что-нибудь вредоносное. Подставлять лучшего друга Энского мне тем более не хотелось. Идти в незнакомое место могло оказаться рискованным. А Терабайк простил бы дорогой Мэл все, лишь бы она, как и прежде, пожелала ему счастья.

Единственный щекотливый момент заключался в том, что я не хотела, чтобы Терабайк засунул бы свой мясистый нос в мою информацию, но и это обошлось. Ему пришлось разнимать подравшихся подростков, не поладивших в виртуальном пространстве и перенесших выяснение отношений в реальную жизнь.

Пятитысячная купюра, свернутая трубочкой, была ключом к коллекции видео уважаемого Павла Васильевича. С нимфами, а также разными известными и богатыми личностями в главных ролях. Павел Васильевич уверял, что никогда ничего не снимает. Но некоторые записи свиданий использовались в качестве страховки на случай осложнений в отношениях с нимфами и их посетителями. Цифры номера купюры были паролем к серверу, реально расположенному где-то за океаном. И первое, что я сделала, кое-как разобравшись в жутком количестве разных опций управления, так это поменяла пароль.

Когда-то давно Одоевский гордился своей коллекцией, но затем упоминание о существовании видео стало табу. Павел Васильевич заявлял, что даже подозрение о том, что он может заниматься столь грязным делом, воспринимает как оскорбление.

Тем не менее, коллекция существовала и пополнялась. Причем давние съемки, что называется, в домашних условиях, не шли ни в какое сравнение с тем, что я увидела сейчас. Качественная картинка, хороший звук, кое-где даже отслеживание камерой отдельных моментов, крупные планы лиц, динамичный монтаж — кто-то отлично поработал и подзаработал на киношках для Павла Васильевича. Одоевский вроде не занимался шантажом, справедливо полагая, что башку быстро оторвут. Но, может, что-то изменилось, иначе зачем тратить столько сил на создание профессиональных фильмов?

С точки зрения шантажиста коллекция, наверное, стоила миллионы. Приятно, конечно, узнать, что потенциально являешься счастливой обладательницей таких денег. Неприятно вдруг понять, что за полученную информацию и отравят, и горло перережут, и в придорожном лесочке тихо закопают...

На прощание я, как и прежде, предсказала Терабайку скорое изменение в жизни: в ней должна была появиться путеводная звезда, которую необходимо уважать и слушаться. Может и впрямь, найдется толковая женщина, в руках которой из увальня получится отличный муж и отец.

Купюру в пять тысяч я разменяла на рынке у станции, купив в приступе шопинг-азарта шелковый халатик до пят, усеянный рюшечками и бантиками. Буду изображать фею — дореволюционную барышню. И считать, что Одоевский сделал мне подарок.

Добравшись до своей норы в Крысино, я вдруг приняла революционное решение. Несколько лет я жила, что называется, на чемоданах. Причем, в роли чемоданов выступали картонные коробки с всевозможным хламом, который я смогла выторговать по мелочам у отца. К старым коробкам добавились новые. Кроме коробок появились большие клетчатые сумки. А выбросить что-либо казалось мне невозможным. Бедность вырабатывает привычку хранить все, что может пригодиться. В результате запасы растут, а жизненное пространство сокращается.

Так жить нельзя, надо что-то делать. Я наметила порядок действий и приступила к нудной работе по разбору завалов и запасов.

Первой пострадала цивилизация моли, уже начавшая постигать тайны строительства пирамид на жалких клочках меха, едва держащихся на съживившейся высохшей шкурке моей детской шубки. Возможно, маленьким белым бабочкам повезло продолжить свое развитие в ином месте, поскольку я не устроила им тотальный геноцид, а всего лишь изменила координаты их вселенной. То есть завернула шубку в пакет и вытащила на помойку.

Понадобилось еще три рейса к мусорке во дворе, чтобы избавиться от склада стаканчиков из-под йогурта, пластиковых бутылок, битых тарелок и поломанных кастрюль, нескольких мешков с ветхими вещами, которые я носила в детстве, нескольких стопок макулатуры, собрания старой обуви, связок деревяшек, коллекции растянутых резинок для волос и непригодных заколок. Вздыхнув, я избавилась и от кучи пустых коробочек, которые потенциально могли сыграть роль хранилища для чего-либо ценного.

Шмоток у меня было не так уж много, но почти два часа я энергично разбирала старые кофточки и водолазки, юбки и джинсы, откладывая только то, что носила

в данный момент. От остального следовало избавиться. Я сделала исключение только для одной вещи. Фирменного дизайнерского комплекта какого-то полоумного француза. Этот уродский желтый костюм я ненавидела. Но выбрасывать не хотела. Стоило моей пятой точке почесаться в ответ на мысли о поисках приключений, как сигнальный маркер в мозгах сразу выдавал сигнал отбоя, образно представляющий из себя как раз мой вид в этом желтом помешательстве.

Самое трудное ожидало меня в предпоследней коробке. Среди старых школьных дневников и тетрадок я откопала полиэтиленовый пакет с детскими фотографиями. Я знала, что они там есть, и хорошо помнила почти все снимки, но, тем не менее, никогда их не доставала. Зачем травить себе душу, когда этим с успехом занимается куча народа вокруг?

Теперь же, высыпав фотки прямо на пол, я была шокирована. Моя память о себе оказалась достаточно далекой от того, что запечатлели фотки. У совсем маленькой меня было ангельское личико с широкой безмятежной улыбкой. В школьном возрасте стало преобладать серьезное выражение лица, сразу выдающее тихоню и отличницу, погруженную в собственные думы. На последних по времени двух фотографиях — с выпускного вечера — я казалась тоненьким и бледным привидением, словно случайно оказавшимся среди веселой толпы разодетых парней и девушек. Неужели все было настолько плохо, неужели я все это уже забыла?

Потом одна карточка из раннего детства полностью завладела моим вниманием. Это был групповой снимок со дня рождения старшего брата Костика, и на нем впереди стоял сам Костик, я, Акела и еще двое парнишек. А вот сзади дружно обнимались отец, мама и еще один крупный мужчина с простым выражением лица. Мужчина был мне смутно знаком, но я была точно уверена, что

в более позднем возрасте он уже не был гостем нашего дома, даже при жизни мамы. Я вглядывалась в его лицо, но никаких ассоциаций не возникало, никаких воспоминаний, ничего. И все же он должен был быть близок нашей семье, ведь здесь, на снимке, он так запросто обнимал маму за плечи, а отец обнимал его, вытянув поверх его руки свою...

Кто он? Родители с ним дружили? Почему перестали? Где он сейчас? Может, у этого человека есть ключик к семейным тайнам?..

После разборок все бумаги и документы уместились в сумке-планшете, шмотки заняли одну-единственную коробку, постельное белье и разные мелочи влезли в две клетчатые «мечты челнока». Часть пачки денег я спрятала под дверцей встроенного шкафа в прихожей. Держащаяся на двух гвоздях фанерка приоткрывала пространство между двумя сторонами двери и была самым провидением предназначена для хранения разных тайных вещей. А несколько денежек я оставила в шкатулке с нитками. Если уж воры залезут в мою нору, пусть порадуются.

С точки зрения китайцев мой дом теперь должен был наполниться жизненной энергией «ци», свободному течению которой до этого препятствовал мусор. Надеюсь, столь резкие и неожиданные изменения в этом течении не повлекут за собой разрушительных последствий. Ведь большое значение придается и сохранению баланса.

Уже в опустившейся на город темноте, оглядывая с радостным изумлением почти пустую комнату, я вдруг поняла, что не разобрала вещи, а, скорее, собрала их. Словно собиралась покинуть свою нору навсегда... Предвидение? Или подсознательно принятое решение?

Трясаясь в старом автобусе, медленно перемещавшем меня к Кириллу, я размышляла о своих порывах. Зачем я украла личный архив Одоевского? Чтобы досадить стер-

ве, числящейся его женой? Мадам всегда рвалась засунуть нос в его дела и наверняка будет исходить злобой от невозможности разыскать самые лакомые куски. Но неужели я настолько мелочна?

Или я хочу получить кучу бабла, потому что некоторые секреты Одоевского стоят больших денег? Что, правда, буду шантажировать почтенных отцов семейств связями с красивыми девушками?

Может, мне не терпится оказать помощь следствию и получить медаль за выкладывание всех неприглядных тайн Павла Васильевича?

Иногда я совершенно себя не понимаю.

12. Белые халаты

Для того чтобы загубить день, начните его вместе с Гусеницей.

Неугомонная мама Кирилла твердо решила, что если уж сын выбрал себе в подружки столь неподходящую особу, как я, то она сделает все возможное, чтобы наставить меня на путь истинный. Честно говоря, меня впечатлило то, что Кирилл вообще смог донести до матери то, что наши с ним отношения — нечто серьезное. Не то, чтобы у меня был большой опыт в общении с мамами близких мне, но резкий переход от грубых определений вроде «шалава» к уменьшительному «Ритулечка» казался прямо-таки волшебным. До сих пор в отношении ко мне никто не демонстрировал такой гибкости.

О своем мирном отношении к этой перемене я быстро пожалела. Елена Афанасьевна поставила себе высокую цель, сверхзадачу для супермамы — приобщить меня к подлинной духовной жизни посредством обращения в православное христианство. С ее точки зрения вера заключалась сугубо в обрядовой стороне церковной жизни, поэтому и мое воспитание она начала с уговоров сопроводить ее на воскресные службы.

— Ты, Ритулечка, может, не сразу, но поймешь, что ничего лучше для души нет, чем отстоять службу. Ангелы так и слетаются с небес от злых чертей тебя охранять. А Господь милостями одарит сразу, надо только часик в неделю потратить. Давай, милая, соберись, помолись, грехи свои исповедуешь и сразу почувствуешь Христову благодать. Да и для здоровья полезно.

— Елена Афанасьевна, видите ли, мне пока Христова благодать не светит. Я не крещеная.

— О-ой, да как же это ты?.. Да что ж ты ждешь то?..

— Не уверена я в вере своей, так зачем креститься?

— Ритулечка, это у тебя от непонимания. Надо, надо обязательно креститься. Чем раньше в церковь придешь, тем больше благодати и получишь.

Меня словно стукнуло. Мудрые люди уже две тысячи лет назад все об этом написали. Я быстро парировала:

— А помните, в Евангелие от Матфея есть притча о хозяине виноградника и о том, как он расплатился с работниками?

Гусеница застыла почти на манер соляного столпа. Можно спорить на любые деньги, что притчи она не то, что не помнила, а и вообще не знала. Немного выпрямившись и придав голосу распевные речитативные нотки, я проговорила:

— Глава двадцатая: «Пришедшие первыми думали, что они получают больше, но и они получили по динарию, а получив, стали роптать на хозяина дома и говорили: эти последние работали один час, и ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной. Он же в ответ сказал: разве я не властен делать, что хочу? Будут последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а мало избранных...»¹

Сделав паузу, чтобы было понятно, что религиозный текст уже закончен, я добавила:

— Я лучше приду вечером и все равно получу динарий. Мир несправедлив.

Кирилл смотрел на меня с откровенным изумлением. Я боялась, что он вдруг спросит, с какого перепуга молодая девушка в наше время свободно цитирует Евангелие. Но он только поинтересовался:

¹ Рита цитирует притчу о хозяине виноградника весьма вольно, опуская некоторые строфы.

— Ты только Матфея знаешь?

— Не дословно, конечно, но раньше многое из всех четырех знала, сейчас, наверное, что-то подзабылось.

Елена Афанасьевна закрыла рот, потом снова его открыла, словно собиралась что-то сказать, потом все же передумала. Она быстро собралась и ушла — несомненно, обретать Христову благодать.

— Ты, случайно, в монастырь не собиралась?

Кирилл все же перешел к неудобным вопросам, пусть и подбирающимся к теме издалека. До встречи с ним я провела несколько лет в своем собственном персональном монастыре, но как это попроще ему объяснить? «Милый, это такая длинная история, давай присядем, и я успею рассказать ее тебе раньше, чем на землю упадет большой метеорит». «Дорогой, это покажется тебе необычным, но все было так ужасно, так ужасно». «Солнышко мое, это был такой мрачный особняк, а в нем жила вредная старуха, которая заставляла меня читать ей Евангелия вслух целыми днями».

В итоге я ограничилась более коротким:

— Нет, но что ты думаешь о 28 строфе пятой главы: «Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем»?

Кирилл обнял меня и уронил на кровать:

— Виновен. С этой женщиной я прелюбодействую все время...

Зазвонил телефон.

Даже в выходной моего любимого мужчину ждали писательские подвиги.

Не следовало начинать день с цитат из Библии. Тем более с таких цитат. Кирилл уехал на целый день, и я расстроилась. Но, поразмыслив, решила, что терять время не стоит, если можно попробовать разузнать что-нибудь интересненькое.

Обычные девушки хорошо ориентируются в каких-нибудь политических кулуарах или театральном закулирье, но я необычная девушка, и если бы проводились соответствующие чемпионаты, я была бы бесспорной чемпионкой по ориентированию в больницах любого уровня.

Несмотря на все преграды и заслоны, возведенные заботливой мамой Ариадной возле навороченной палаты дочери, я проникла туда примерно к трем часам дня. Все, что потребовалось — белый халат, акцент и пара сотен рублей.

Осинка лежала в лекарственном сне, облепленная капельницами и трубочками катетеров. Ее койка выглядела подобием стартового ракетного комплекса. Вокруг стояли мониторы, датчики, компьютеры. Половина из них не несла никакой информации вообще (и не могла нести, так как даже не была подключена к розеткам). Видимо, руководство больницы собрало всю эту бутафорию ради произведения впечатления на Ариадну (и выставления соответствующих счетов за лечение). Я уже знала, что, несмотря на жалкий вид подруги, ее будущее выглядело вполне оптимистично. Но если между собой сиделки трепались об этом свободно, то звезде преподносили только неопределенные домыслы и только из уст медицинских светил.

Я осторожно примостилась на край постели Осинки. И бережно взяла ее руку в свою. Давай, подружка, постараемся увидеть что-нибудь еще. Белая рука лежала в моих ладонях теплым, но безжизненным фаршем. А я ничего не ощущала. Совсем ничего.

Не было даже малюсенького намека на самое крохотное виденьице. Даже мыслей никаких в голову не приходило. Кроме того, что кто-то из ухаживающих за Осинкой сестер был весьма небрежен — один из прежде холеных ногтей на руке пациентки был варварски зарезан до мяса.

Я попробовала вспомнить наши веселые денечки, гулянки, секретики. Без толку. Представила Осинку в петле. Безуспешно. Дотошно вспомнила остановку в ее комнате. Все равно ничего. Помаявшись минут пятнадцать, я осторожно вернула руку подруги в прежнее положение. Затею следовало признать бестолковой.

На площадке у лифтов я нос к носу столкнулась с Ариадной Сергеевной. Неужели я приврала в цитате, и теперь небеса гnevаются? Первой мыслью было притвориться мебелью и тихо проскользнуть мимо звезды. Но не удалось. Ариадна высокомерно оглядела мой маскарад и поморщилась:

— Боже, даже здесь от тебя нет никакого спасения. Зачем пожаловала?

— Да я на минутку, думала, может, чем-нибудь Осинке помочь.

— Глупая и дурная мысль. Осинке нужен покой, а не общение с взбалмошной подружкой.

Странно, вроде раньше Ариадна не позволяла себе таких наездов на меня. Что изменилось? Есть что-то, чего я не знаю? Потом у меня мелькнула быстрая мысль, что я могу попробовать использовать ситуацию для себя. И я спросила:

— Ариадна Сергеевна, а вы хорошо помните мою маму?

Вот зря я так. Нельзя людей без предупреждения вопросами напрягать. Но, задумавшись секунд на десять, Ариадна ответила:

— Значит, опасения Жени не напрасны: ты действительно интересуешься матерью. Да, я хорошо помню твою маму. Мы были подругами, если ты не забыла. Она меня понимала. Но огромное количество вещей она совсем не понимала. Например, что нельзя иметь все, что хочешь. Или что невозможно быть одинаково любимой

всеми. Или что усыновленный ребенок все равно остается приемным и не более.

— Я нее похожа?

— Даже и думать забудь. Маша была красавицей для любых времен. А ты, уж прости меня за откровенность, словно плохая пародия на то, какой она была. Я не отрицаю, что-то общее есть, но порой думаешь, что лучше уж и этого сходства не было бы.

— А вы знаете, как меня усыновили?

— Как всех. Привели за ручку в дом и начали учить пользоваться туалетом, носить тапочки и есть вилкой.

— Мама когда-нибудь говорила, почему выбрала меня?

— Ты была очень хорошенькой в детстве, прямо картинка. И, думаю, Маша была разочарована тем, в кого ты выросла.

Ариадне нравится говорить обо мне гадости? Откуда это взялось, вот в чем вопрос. Однако вслух я спросила о том, что не давало мне покоя:

— А вы знаете, что мама изменяла отцу?

Еще один пристально-настороженный взгляд Ариадны выдал ее ответ. Да, она знала. И, вероятно, куцый хвостик информации, накопанный мной, был самой верхушкой айсберга.

— Рита, я не хочу обсуждать личную жизнь твоей матери. Это неприятно мне, и крайне неуважительно с твоей стороны.

— А почему она не ушла от отца?

На этот раз взгляд был снисходительным:

— Маша была без ума от Жени. Я бы даже сказала, у нее была болезненная зависимость от него. И она полностью вручила ему свою жизнь, никогда ни о чем не заботилась, абсолютно все предоставлялось делать и решать твоему отцу. А он боготворил ее, иначе и не скажешь. От таких мужчин не уходят...

— А он знал о ее приключениях на стороне?

— Она не особенно пряталась. Но он всегда был выше подозрений. Верил только ей. С одним другом у нее вышла совсем смешная история: этот малый явился к твоему отцу и все ему выложил. И получил по морде за клевету.

— А...

— Все! Я сказала — мне это неприятно. Не порочь память матери своими грязными домыслами. Ты молиться должна на то, что она тебя выбрала и на ноги поставила.

— Ариадна Сергеевна, последний вопросик, пожалуйста. Это правда, что она покончила с собой?

Гордый поворот головы, царственный взгляд на совершеннейшее ничто у ног, сквозь зубы брошенное «не знаю» на грани понимания, что это не дефект акустики, а именно ответ, и Тернопольская уплыла от меня вдаль по этажу. Ничего нового. И как мне подобрать ключики к этому ларчику?

У Диониса мне тоже не повезло.

Он лежал в другой больнице, попроще и попримитивнее. Я проторчала в его палате полчаса, но так ничего и не добила. Мои способности молчали.

В отличие от злого мужчины с темными глазами, который окликнул меня, едва я спустилась с крыльца:

— Ведьма!

Ну уж нет, два раза этот фокус не сработает. И надо же, в одной больнице попасться Ариадне, в другой — Лорду. Это наказание какое-то. Зацикленность на молчащем внутреннем голосе выключает меня из внешнего мира, а там разные подстерегающие невинных кроликов тигры того гляди слопают пушистых бедняжек вместе с ушками и хвостиком.

Лорд в три широких шага перегородил мне дорогу и гневно воскликнул:

— Ты что, оглохла? Я к тебе обращаюсь!

Примерно с такой же интонацией Людовик-Солнце, наверное, обращался к фрейлинам, которых заподозрил в неучтивости. Подумаешь, нашелся, тоже мне, монарх. И я вложила в ответ максимум легкомысленного пренебрежения:

— Мы знакомы?

Перебор, Рита, явный перебор. Этак бедного парнишку удар хватит. Нельзя над мужчинами так откровенно смеяться. Особенно над теми, кто воображает себя пупом земли. Впрочем, Лорд быстро взял себя в руки. Подрастет — далеко пойдет.

— Что ж, раз ты предпочитаешь такой стиль... Я — Серго Лордкипанидзе, меня часто называют просто Лордом. И в моей власти прямо сейчас отправить тебя за решетку по подозрению в убийстве.

— Валяй.

— Что ты делала у фотографа?

— Навещала старого друга.

— Он без сознания.

— Знаю. Но в сериалах всегда показывают, что люди в коме могут слышать, что с ними разговаривают, да и заботу чувствуют.

— На тебе сразу два белых халата. Значит, это второй визит за сегодня?

М-да, это что-то клиническое, видимо. Представив себя со стороны, я невольно рассмеялась. Но Лорд даже не улыбнулся. И от его следующих вопросов у меня не то, что мурашки по коже забегали, они построились и начали парад с перестроениями и выкладыванием фигур вроде надписи «Опасность».

— Почему ты считаешь себя ведьмой?

— О, нет. Я *не* считаю себя ведьмой. Прозвище дурацкое прилипло.

— И ты никогда не ощущала ничего необычного?

— Что имеется в виду?

— Умение управлять другими людьми. Предвидения. Знания, которые появляются сами по себе. Изменение судьбы.

— Манипулирование, навыки аналитического мышления, хорошая память, принятие небанальных решений... Нет, это не про меня.

— И как же ты оказалась втянута в масштабное дело с убийством?

— Я бы и сама хотела это знать.

Я ловко обошла собеседника и направилась по дорожке к больничным воротам, заставляя его пойти рядом. Но Лорд и на ходу продолжал забрасывать меня вопросами:

— И у тебя никогда не было чувства, что ты отличаешься от других людей?

— По-моему, такое чувство свойственно любому и каждому, особенно в возрасте лет пятнадцати. Разве нет?

— Ты не думала, что относишься к немногим избранным с особыми способностями?

— А что, предложишь съесть таблетку на выбор: синенькую или красненькую?

— Не слишком умно отвечать вопросом на вопрос.

— А я на ум особо и не претендую. Я, знаешь ли, простая девушка. Десять классов школы и все.

Лорд снова загородил мне дорогу:

— Я твое нежелание признаваться понимаю. Но знаю, что ты — вовсе не простая девушка. Будь у тебя хоть десять классов, хоть десять дипломов. И мы с тобой встретились неслучайно. Ты ведьма, а я — охотник за ведьмами.

Прежде чем я успела применить волю к своему внутреннему голосу, он громко и фальшиво запел: «Во-о-о-от! Но-о-о-о-вый поворо-о-о-от!..» Загнав гадкого музы-

канта обратно в подсознание, я попыталась вникнуть в то, что патетически излагал Лорд:

— Я — охотник в хорошем смысле. Я изучаю разные необычные способности. Быстрые реакции, неожиданные связи мозга, инстинкты, шестые и прочие чувства. И тех, кого обычно называют ведьмами и колдунами.

Я не удержалась и скептически парировала:

— Эзотерика — это не ко мне. Это к моему отцу. У него и книга такая есть — «Индивидуальная настройка космических струн». Там колдунам отдельная глава посвящена.

— Я уже общался с твоим отцом. Он много интересного о тебе рассказывает.

Я попыталась перевести разговор в другое русло:

— Каким образом все это связано с убийством Одоевского?

— Я заинтересовался Одоевским из-за ненормального везения, которое ему всегда сопутствовало. Мы три года под него копали и когда вот-вот были готовы накрыть его с поличным, появилась ты, и его убили.

— А-а, значит, на хэллоуин надену черный плащик, возьму наточенную косу в руки и буду ходить по домам выпрашивать конфетки. Как, по-твоему, много инфарктов будет?

В темных глазах сверкнул злой огонек.

— Одоевский считал тебя своим талисманом удачи. Даже по пьяни болтал, что пока ведьма с ним, ему сам черт не страшен.

Я снова рассмеялась. Даже не так. Я заржала не хуже команды пожарников. Отдышавшись, но продолжая глупо всхлипывать, я его просветила:

— Лорд, ну и плохо же вы копали. У Одоевского была картина, которая называлась «Желтая ведьма». Причем, написал ее известный и дорогой художник. Вроде как расплатился с Павел Васильевичем за услуги. И, к сведе-

нию, все это было еще до моего рождения. Так вот, на картине изображена девушка, сидящая в уличном кафе. Вокруг все серо и уныло, люди выглядят размытыми пятнами грязи, и желтый плащ девушки кажется светлым пятном в беспросветной повседневности. Лица главной героини не видно, только локоны светлых волос склоненной над книгой головы. А ведьма она, потому что лежащая перед ней книга — толстый древний фолиант со страницами, покрытыми жуткими формулами. Так что ко мне предрассудки Одоевского не имеют никакого отношения.

Лорд вынул руки из карманов и сделал короткое движение, словно пытался удержать самого себя от агрессии по отношению ко мне. Забавляясь его растерянностью, я продолжила:

— Одоевский только в минуты крайней злости обзывал меня ведьмой. Не знаю, обращался ли он так к другим своим подружкам, но картина явно значила для него куда больше любой из нас — он то любовался ею часами, то снимал и задвигал за шкафы в библиотеке, то рамы менял. В общем, любил он картинку эту, ясно?

На несколько секунд лицо моего собеседника приобрело детское, почти счастливое выражение. Так малыши радуются собранному паззлу. Но затем Лорд снова одел маску величия и одарил меня еще одним крайне мрачным взглядом:

— Мы перевернули вверх дном весь особняк Одоевского, но там точно не было такой картины.

— Значит, Павел Васильевич потерял свой талисман удачи.

Лорд отреагировал своеобразно. Царственно махнув рукой вперед, он торжественно провозгласил:

— Поехали. Вон тот серебристый мерс — мой.

Никто не собирается снимать новую «Клеопатру»? Или хотя бы сериал вроде «Рима»? У меня на примете

есть отличный Цезарь: заменить костюм на тогу, и самый строгий критик не придерется к целостности образа.

Ловко обойдя монументальную фигуру, я вбежала в больничные ворота и только тогда повернулась:

— Спасибо, я на метро. Пока!

— До встречи, ведьма.

Спокойная уверенность властного голоса поселила где-то внутри моего подсознания острое чувство тревоги. Ох, лишь бы богини судьбы в своем макраме не запутались.

13. Старший брат

После непродолжительных споров Кирилл согласился с моей идеей отправиться в гости к старшему брату. Возможно, Константин сможет ответить на большинство моих вопросов, в конце концов, он был совсем взрослый, когда мама погибла. Наверняка знает о ней намного больше, чем я.

Поддержал меня и Саша, которому я позвонила, чтобы узнать, как связаться с Костей. Коротко сообщив мне телефон и адрес, а также пообещав уговорить мудрого Каа, чтобы он не выставил меня прямо с порога, брат неожиданно спросил:

— А ты дружишь с Анютой? Ну, девушка у вас с Кириллом в гостях была. Симпатичная такая, светленькая с длинными волосами. У тебя случайно нет ее телефона? Или мейла, хотя бы?

Насчет обязательности схемы «увидел-влюбился-телефон» я точно ошибалась.

— С каких это пор ты разыскиваешь девушек? Кажется, ты всегда, наоборот, стремился избавиться от поклонниц?

Акела медлил с ответом. Бойится показать, что заинтересован? Не хочет выдавать, что не только помнит Анютку, но и думает о ней чаще, чем хочет? Дурачок, все эти игры для меня не имеют значения.

— Она не поклонница. Я только обещал ей кое-что передать.

Если в моей власти, братик, сделать тебя счастливым, я сделаю. Пошелестев страницами записной книжки Кирилла, я продиктовала брату телефон и, между прочим, сообщила:

— Хочешь секрет? Анютка — спортсменка: плавает,

стреляет и на лыжах с трамплина прыгает. От нее все экстрима ждут, активного образа жизни, динамики. А у нее медленное хобби: она очень хорошо вышивает, но стесняется такого тихого и домашнего увлечения. Так что путь к ее сердцу лежит через восхищение ее картинами. Понял?

— Ритка, ты самая лучшая сестра на свете!

Увы, для старшего брата я не только не была сестрой, я вообще никем не была. Если только пустым местом.

Костя всегда относился ко мне с некоторым пренебрежением. Хотя он был старше всего на пять лет, он всегда был для меня недостижимо взрослым и серьезным. Я играла в куклы, а у него уже были настоящие учебники, которые мне, малышке, даже трогать запрещалось. Я осваивала букварь, а он всерьез изучал строение вселенной, расковыривая фантастически интересный набор «Юный химик», от которого мне досталось только две пустых пластмассовых баночки из-под химикатов. Я сучала над химией в школе, а он поступил в институт и работал, получая вполне серьезную зарплату. Единственным связующим звеном между нами был Саша, которого мы раздирали, каждый в свою сторону.

Все окончательно развалилось после смерти мамы. Перед отъездом из столицы мудрый Каа жестко высказал и мне, и Акеле, что раз уж мы не родные друг другу, то и пробиваться в жизни должны каждый сам за себя. То, каким именно образом я чуть позже пыталась даже не пробиться, а элементарно выжить, Костя счел неприемлемым, после чего я его ни разу не видела. Хотя с Сашей они не только общались, но и приезжали друг к другу в гости.

То, что в рассказах братьев скромно называлось «Домик Кости», оказалось огромной усадьбой за массивным

глухим трехметровым забором, над которым возвышалось нечто вроде смотровой башни. Выйдя из такси, я сначала не поверила, что мне доставили точно по названному адресу. Но ошибки не было. Рядом с массивными черными воротами с нелепыми золотыми ангелочками висела аккуратная табличка с адресом. Позвонив в калитку, я пережила последовательные беседы с тремя молодчиками в военной форме, каждый из которых был ступенькой в сложной иерархии охранников. Затем меня передали строгой женщине в костюме, оказавшейся управляющей имением.

Под ее бдительным присмотром я прошагала метров двести по дорожке от башни к особняку. Дорожка была выложена желтым кирпичом и напоминала иллюстрацию из книжек про Волшебника Изумрудного города. Это вселило в меня немного уверенности. Сказки обычно кончаются более-менее хорошо (если не считать тех героев, которые являются второстепенными, малозначимыми или не дошедшими до заветного замка, колодца, дерева или вулкана).

Наконец, я проникла внутрь здорового трехэтажного особняка с балконами, террасами, пристроенным зимним садом и бассейном. Константин ждал меня в одной из гостиных, развалившись на огромной тахте. На нем было что-то вроде шелковой пижамы: широкие темно-синие штаны и бордовая рубашка, перетянутая пояском. Несмотря на окружающую его роскошь, брат выглядел старым, бесформенным и несчастным. Не зная я, что ему едва минуло тридцать, я бы решила, что ему прилично за сорок. Ощущение усиливалось небритостью и устойчивым запахом перегара, который не могли перебить ни распыленные освежители воздуха, ни мятная жвачка, перекатываемая братом во рту туда-сюда.

Судя по скривившемуся лицу некогда мудрого Каа, его впечатление обо мне тоже было не слишком позитив-

ным. Плюнув шариком жвачки в угол комнаты, он снисходительно спросил, опустив все церемонии приветствий и дежурных вопросов:

— Ну, зачем пожаловала?

Мне нужно отвечать вот так, стоя в дверях? Если я сяду вот на тот атласный стульчик, это не будет воспринято как покушение на порчу имущества? Я сделала несколько маленьких шажков вперед и осторожно опустила край попы на кремовую поверхность. Наверное, также чувствовали себя какие-нибудь ходоки в гостях у батюшки-царя.

— Костя, я хочу побольше узнать о маме. Понять, какой она была. Ты ведь лучше ее знал. Расскажи мне, что помнишь. Пожалуйста.

— Подумать только, бестолковка вспомнила о маме. Тебя снова вышвырнули из какого-нибудь дешевого борделя?

— Не была я ни в каком борделе. Встречаюсь с хорошим парнем. Хочу понять, кто я.

— Ой-ой-ой, да кто тебя, прощмандовку, честной бабой сделает? Проспись и не марай памяти матери. Она была неземной женщиной, а ты — словно кривое зеркало. Куда ни плюнь, везде изъяны.

— Я нашла мамины фотографии. Она была очень красивой. Наверное, мужчины были от нее без ума.

— Это все, что тебя волнует? Лишь бы мужики без ума были? Дурой была, дурой помрешь. Мама отца любила, если ты, конечно, понимаешь, что такое любовь. Она понимала. И по-настоящему любила, на всю жизнь. Не в красоте дело, а в чувстве.

Костя сделал паузу, чтобы отдышаться, а потом уже спокойно спросил:

— А где ты нашла фотографии?

— У одного фотографа. Он сделал несколько снимков мамы в стиле Серебряного века. Очень красивые сним-

ки. Он и меня пытался так снимать, но Акела говорит, что плохо получилось, хотя я на нее похожа.

— Глупости не мели.

— Слушай, Костя, ну почему ты так меня не любишь? Я ничего плохого тебе не делала, ничего у тебя никогда не просила. Меня точно также усыновили, как тебя. Мы же дружили в детстве.

— Мои родители умерли. Но они хотя бы существовали. А ты — никому не нужный выродок. Ты должна была умереть. Я помню те разговоры: всего каких-то полчаса не хватило, и мне не пришлось бы тебя терпеть.

— А в своих родителях ты уверен?

— Более чем. Я выкупил документы из дома ребенка, нас всех из одного и того же дома номер сорок пять усыновляли. И в тех бумагах все честь по чести расписано. Моя мать при родах умерла, а отец на стройке погиб. Сашкины родители утонули. Мы — нормальные. Я даже могилы своих нашел. А вот ты — неизвестно кто. Ты — урод по определению.

— Ты не можешь принять того, что я была нежеланным ребенком?

— Мама на тебя тратила кучу времени. Возилась с тобой, причесывала, одевала, холила. Ты помнишь, как она учила тебя танцевать? А как костюмы тебе шила для школьных постановок? Как же, Рите надо то, Рите надо это. Моей дорогой девочке нужны настоящие лодочки, нашей красавице нужны шелковые банты. Тьфу! Даже думать об этом противно.

— Но почему, Костя? Она же любила тебя не меньше. Ты получал все, что хотел.

— Тогда мне казалось, что время — бесконечно. Но она погибла. Ты отняла у нее то время, которое могло быть моим. Или Сашкиным. Она была святая и не понимала, что тратит свои драгоценные силы на отбросы.

— Ты винишь меня в том, что тебе ее не хватает?

— Уходи, Маргарита. Ты только злишь меня понапрасну. Я не хочу тебя видеть, не хочу с тобой говорить. Тем более о маме.

Я поднялась и осторожно попятилась к выходу. Есть то, что не в нашей власти изменить. Если уж брат сделал меня козлом (или козой?) отпущения, даже суд по правам человека не докажет обратного.

— Кстати, о твоих связях... Ты о генетике подумала? О том, какие уроды произвели тебя на свет? Поразмышляй и не плоди себе подобных. Ты не должна рожать, ясно?

Я о многом размышляла. И однажды даже проконсультировалась у одного дорогостоящего специалиста. Все, что светило медицины мне изрекло, укладывалось в короткую фразу «всякое бывает». Но брат явно перешел все мыслимые границы. Это равнодушное чмо еще будет рассуждать, должна ли я рожать! Зная, что позже пожалею о сказанном, я отступила еще к двери и выпалила:

— А почему мама не рожала? Может, у нее тоже были основания сомневаться в генетике?

— Ах ты, погань... Самой мало вывалиться в грязи, так еще и память матери замарать хочешь?

Костя стал тяжело выбираться из подушек.

— А ты свою родню до какого колена проверил? Точно уродов не было? Родня не рвалась тебя усыновить, может, подозревали, что ты семейные закидоны унаследовал? Боялись такого урода в дом пустить?

— Пошла вон отсюда! Чтобы духу твоего здесь не было! Увижу — прирежу и в реку выкину. Поняла?

Перекошенное лицо Кости выражало крайнюю злобу. Я повернулась и быстро прошла по коридору. Едва я чуть притормозила у выхода, брат догнал меня и сильно толкнул в спину. Мне удалось уцепиться за косяк и не упасть. Я промчалась по лестнице и спустилась

на дорожку из желтого кирпича. Теперь она не выглядела сказочной. Выскочив за калитку, на улицу, я остановилась, пытаюсь собраться с мыслями. Брат вышел вслед за мной. Я решила, что это удобный момент для:

— Прости меня, я слишком резко выразилась. Не надо было об этом говорить.

— Тупая дура!

Удар в лицо свалил меня на бетонную дорожку...

Мгновенный приступ острой паники лишил меня остатков здравомыслия. Сжавшись в комочек, я дрожала всем телом, задыхаясь от ужаса и ощущения невозможности спасения. Не знаю, сколько я так пролежала под красивыми воротами с золотыми ангелочками. Лишь постепенно до сознания стало доходить, что рядом никого нет. Кое-как я встала и попробовала коснуться лица. Левый глаз не открывался, щека горела огнем, а руки тряслись как у старушки, лет двадцать страдающей от болезни Паркинсона.

Я знала, что вселенная несправедлива, что люди несправедливы. Но жестокость брата оказалась хуже, чем все, что я могла себе о нем вообразить. Собрав волю в кулак, я заставила себя успокоиться. Постепенно ушла дрожь из коленок, перестали дергаться пальцы, немного выровнялось сердцебиение. Я представила, как кубики идеального льда — полупрозрачного, правильного, чистого — касаются наливающейся тяжестью щеки и снимают боль, стирают грязь, смывают обиду. Мысленно бросившись в целую ванну изо льда, я почувствовала, как спасительный холод исцеляет раны тела и души.

Я замерзла, зато почувствовала себя намного лучше. Повернувшись к уродливым толстозадям младенцам с крыльями, я позволила своей темной стороне на пару минут вырваться на волю. Под прицелом камер наблюдения я плюнула под ворота и от души пожелала зла:

— Будь проклято это место. Будь проклято все, что тебе, брат, здесь дорого. Будь прокляты дни, что проведешь ты здесь...

Ночной поезд возвращал меня в столицу, мелькающие за окном огоньки манили очарованием неизвестности. Где-то там, рядом с этими огоньками, люди любили друг друга, растили детей, радовались жизни. А в моей голове древний инстинкт прятал воспоминания о счастливом детстве. Прятал поглубже и подальше. Теперь думать о мудром Каа без боли будет невозможно. Лучше вообще никогда о нем не думать...

14. Три ищейки

Женщины определенно куда более сильный пол. Полностью вымотанная ужасной поездкой, я мечтала только о том, что залезу в кровать и спокойно отосплюсь. Но Кирилл взялся продемонстрировать мне свою заботу по полной программе. Сначала он держал холодный компресс у моего лица и уговаривал меня отправиться к его отцу, который, оказывается, врач. Потом он выражал свое негодование и грозился убить моего брата-подлеца. Спустя два часа переживаний вокруг моего заплывшего глаза я уже не очень понимала — это мне больно или ему? Когда любимый отчалил на важное редакционное совещание, я вздохнула с облегчением, но ненадолго.

Запиликал телефон. Городской.

Плюющаяся раздражением трубка поведала, что, оказывается, менты, расследующие убийство Одоевского, хотели меня видеть еще вчера. Сегодня же коротко изложенный ультиматум Бирмана сводился к двум возможностям: или я приезжаю к нему сама сейчас же, или меня привозят к нему в наручниках и под конвоем.

Я поехала в ментовку на такси. Хоть подремала, пока авто ташилось по пробкам остывающего города.

Бирман и те же двое его коллег — великан и очкарик — встретили меня с явным и живым интересом. Тщательно замазанный синяк, увы, просвечивал сквозь слои тонального крема и пудры. Глаз оставался опухшим. И что они на меня уставились? Мой вид как нельзя лучше подходил к обстановке их жалкого кабинета.

На этот раз я вовремя прислушалась и запомнила, что верзилу зовут Владом, а очкарика — Колей. И при более пристальном рассмотрении очкарик оказался совсем

не хлюпиком. Скорее он сознательно создавал такое представление о себе.

После формального заполнения бумажек, Бирман счел нужным осведомиться:

— Маргарита Евгеньевна, что с вами случилось?

— Давайте просто Рита. И ничего не случилось. Упала.

— Случайно наткнулись на чей-то кулак и не удержались на ногах?

— Вы торопились задать мне какие-то вопросы.

— Если на вас напали, это может иметь отношение к делу.

— Но это не имеет отношения к делу. Мы приступим?

И мы приступили. Бирман внешне был спокоен, но я чувствовала, что он злится. Причин я не понимала, и было неприятно осознавать, что точкой слива раздражения оказалась именно я. Он задавал вопросы коротко и резко, и я, подчинившись заданному ритму, стала отвечать в том же стиле. Поначалу откровенность вопросов меня смущала, но, в конце концов, зачем врать там, где можно этого не делать?

— Рита, вы были хорошо знакомы с Павлом Васильевичем Одоевским?

— Сейчас я бы так не сказала.

— Вы состояли в интимных отношениях?

— Да. Около полугода.

— Когда эти отношения начались?

— Примерно семь лет назад.

— Как вы познакомились?

— Павел Васильевич был другом отца и часто бывал у нас дома.

— Вы знали о том, что он занимается сутенерством?

— Сначала нет. Потом — да, знала.

— Каким образом вы об этом узнали?

— Случайно зашла в его «Школу здоровья» в неподходящий момент.

- Вы оказывали интимные услуги в этой «школе»?
- Нет.
- Одоевский склонял вас к занятиям проституцией?
- Нет.
- Почему?
- Я была его девочкой. Только для него.
- Почему вы расстались?
- Я ему надоела.
- Почему он не взял вас в свою школу?
- Считал, что я не дотягиваю до уровня его нимф.
- Что, прямо вот так и сказал?
- Примерно.
- Вы затаили на него обиду?
- Сначала да, потом я поняла, что он прав.
- Вы тогда же решили ему отомстить?
- Нет, я вообще не решала ему мстить.
- Вы испытывали к нему романтические чувства?
- Нет.
- Вы поддерживали отношения все это время?
- Нет. Случайно встречались пару раз.
- Зачем же вы приехали к нему домой?
- Я хотела поговорить с ним о своей матери.
- Вы заранее договорились о встрече?
- Да. Я позвонила ему, и он сам назначил день и время.
- Кто-нибудь еще знал о ваших планах?
- Я никому не говорила, а о нем не знаю.
- Что именно вы хотели знать о своей матери?
- Полагаю, это не имеет отношения к делу.
- И все же?
- Я — приемный ребенок и собираю информацию об обстоятельствах своего усыновления. Одоевский знал и отца, и маму, поэтому я надеялась, что он сможет вспомнить что-нибудь такое, что мне еще неизвестно.
- Почему он назначил встречу у себя дома?

- Потому что он все встречи там назначал.
- Почему, обнаружив труп, вы не сразу позвонили в службу спасения?
- Нет, позвонила я как раз сразу. Я не сразу его нашла. До этого я ни разу не бывала в этой квартире, поэтому обходила все комнаты подряд.
- Вы никого больше не видели в квартире?
- Нет.
- Одоевский не упоминал о другой особой встрече?
- Нет, и вряд ли он стал бы это делать.
- Вы знали о черной лестнице в особняке?
- В старом здании такая была. Но в этом — нет, не знала.
- Со двора по черной лестнице можно попасть в квартиру Одоевского напрямую. Вы знали о такой возможности?
- Нет. Я как-то не думала. Хотя такое решение представляется разумным.
- Вы трогали что-либо в квартире?
- Старалась этого не делать.
- Нам нужны будут ваши отпечатки пальцев.
- Хорошо.
- Вы встречались с кем-нибудь еще в то утро?
- Нет. Я сразу поехала прямо на встречу.
- А что вы делали накануне?
- Днем убирала квартиру. Вечером ничего не делала.
- Ваш приятель Кирилл Весенин сообщил, что вернулся в тот вечер очень поздно, к полуночи. Это так?
- Да, он был на собрании редакционного совета. Его журнал поменял владельца, и есть предположения, что направление публикаций изменится. Кирилл всю ту неделю из редакции не вылезал.
- Елена Афанасьевна Весенина — мать Кирилла — утверждает, что дважды приходила к вам в тот вечер и по долгу звонила в дверь, но вы так ей и не открыли.

— Я выходила на полчаса. Мусор вынесла, по улице прогулялась.

— Елена Афанасьевна приходила с разницей в полтора часа и во второй визит пробыла рядом с домом, поджидая вас, не меньше часа. Получается, вас немного дольше не было дома.

— Возможно.

— Что ж, давайте вернемся к тому моменту, когда вы увидели тело...

Вокруг подробностей обнаружения трупа мы сделали три тура словесного вальса. Вопросы мне теперь задавала вся троица ментов по очереди. То перескакивая с предмета на предмет, то последовательно долбя в один вопрос, то сбивая меня на полуслове, то выдерживая длинные паузы, оперативники гоняли меня по апартаментам Одоевского, время от времени ловя на неточностях и оговорках. Смысл разговора сводился к тому, что это я еще вечером аккуратно перерезала горло Павлу Васильевичу, а затем спокойно ушла, чтобы наутро найти его труп. В этом был один плюс: похоже, они и не подозревали, что я убитого страдальца еще и ограбила.

Мне было сложно сориентироваться, сколько прошло времени, казалось, что несколько часов, но менты держались все так же непринужденно, и я пыталась не обращать внимания на нарастающую головную боль до последнего. Однако в какой-то момент поняла, что не могу говорить. И вместо ответа на вопрос просипела:

— Дайте мне воды, пожалуйста.

Троица следователей переглянулась:

— Что, простите?

— Можно мне попить? Обычной воды. Хотя бы пару глотков.

Воспользовавшись паузой, пока великан отправился куда-то за водой (и путь, видимо, оказался не близким), я порылась в сумке и под настороженными взглядами оперативников добыла таблетку. Продемонстрировав ее ментам, я решила схохмить:

— Молодильное яблочко. Сейчас съем и буду как новенькая.

Бирман скривился одним уголком рта, и я поняла, что меня вот-вот повяжут за употребление наркотических средств. Ау, кто-нибудь, отключите дебильное устройство для шуток у меня в мозгах, пока у кого-нибудь из ментов тормоза не отказали.

— Простите. Это нурофен. У меня голова болит.

Подоспел Влад со стаканом воды. Я сделала пару глотков, и Бирман протянул мне пачку бумаги:

— Рита, вам нужно это подписать. — И добавил, словно тоже не мог отключить чертика в мозговой табакерке. — Все же, простите, но мне крайне сложно поверить, что Одоевский выпустил из рук девочку, не пропустив ее через свою «Школу».

Темно-серые глаза были абсолютно уверены в том, кто я есть. И даже выгравировали это нехорошее слово у меня на лбу.

Мне вдруг стало весело. К полному недоумению Бирмана я прыснула, а потом постаралась объяснить:

— Вот представьте. У вас есть друг. Старый, но очень успешный друг, которому все само плывет в руки. У него красивая жена, престижная работа и народная слава. А вы как сидели, хоть и по уши в деньгах, но ровно по те же уши в дерьме, так и сидите. Дружба дружбой, а зависть растет и колосится. И тут — бац! Вам в руки попадает дочурка этого друга. Молоденькая, хорошенькая и наивная. Вот он, заветный миг реванша — придти к другу и мимоходом бросить: «Кстати, я тут живу с твоей малышкой. Ты уж извини».

— Я обойдусь без таких представлений.

— А друг считает, что нет ничего страшного в том, что за девочкой присмотрит его старый товарищ. Более того, он осторожно намекает на то, что товарищ прямо-таки обязан присматривать за девочкой и дальше. Вывести в свет, выдать замуж за приличного человека. Такой облом. Вы бы вот что сделали?

— У меня нет таких друзей.

— Счастье ваше. А вот Одоевский выбросил меня обратно на улицу.

Я протянула Бирману подписанные листы и встала. Он сложил бумаги в папку и сухо попрощался. Уже у двери меня догнал еще один вопрос:

— Рита, вы сказали — *обратно* на улицу?

— Я ушла из дома незадолго до выпускных экзаменов. Лето перекантовалась, а потом заболела, попала в больницу. Выписалась уже осенью. На улице дождь, холодно, а мне деваться некуда. Павел Васильевич за мной приехал, сказал, что я могу пожить у него. Я и не поняла, чего он хочет. А как солнышко по весне пригрело, он меня за порог вывел и сказал, что я могу катиться на все четыре стороны.

— И вам не хотелось его убить?

— Да нет. Он по-своему был добр ко мне.

Кто-то из ментов тихо выругался. И я малодушно сбегала. Отношения с Одоевским я всегда рассматривала как приключение, путешествие в мир эротики. Восторгаться было нечем, но и зла на Павла Васильевича я не держала. Почему-то со стороны все воспринималось иначе...

Что и как рассказать об Одоевском Кириллу? Надо ли? Промолчать, ясное дело, проще, но не всплывет ли что-нибудь эдакое, когда будет слишком поздно для признаний?

15. Любовный омут

Семейные тайны оставались тайнами. Денек отдохнув, я продолжила свои поиски входа в подземелье со скелетами.

Мумия, о которой толковала мне Лидия Борисовна, оказалась бодрой бабушкой восьмидесяти с чем-то лет, поборницей права пожилых на полноценную жизнь. Бабушка направила меня к другой бабушке, которая, в свою очередь, свела меня со своей подругой, от которой я узнала о другой подруге, которая работала где-то в недрах народного образования и была в курсе одной печальной истории, связанной с моей матерью.

Проделав все эти путешествия по «дому, где живут подруги и бабушки», я, в конце концов, оказалась в приемной Софьи Руденко.

И здесь оказалось достаточно произнести имя матери, как слова полились рекой. История оказалась драматичной, хотя и недосказанной в деталях.

Софочка Руденко была уже заслуженным педагогом с солидным стажем. Правительственная награда и радужные карьерные перспективы оставляли мало времени на личную жизнь. После двух крушений семейных лодок Софочка не хотела рисковать, но тут в ее жизнь ворвался Мурад.

Софья всегда считала, что ее тип — это голубоглазые блондины, поэтому внезапный интерес к ней со стороны жгучего брюнета казался странным, тем более что азербайджанец был моложе Софочки на пятнадцать лет. Но устоять оказалось решительно невозможно, и вскоре парочка зажила вместе, благо трехкомнатная квартира, доставшаяся Софье от второго мужа, позволяла разместить любовника. Дети Софьи оканчивали школу и в ма-

теринской опеке не нуждались, учительская ляжка и работа на благо всеобщего образования давно приелись. Софья поняла, что настало время пожить в свое удовольствие. Примерно год все складывалось волшебным образом. Мурад был обаятелен, внимателен и все время говорил Софочке о любви.

Незадолго до очередного Нового года в комитет образования, которым руководила Софья, пришла работать Маша Рогальская. Уверенная в себе, но без явных карьерных амбиций Маша быстро завоевала доверие начальницы. Женщины сблизились и даже начали общаться вне работы.

В праздник Маша пригласила весь женский коллектив к себе в гости, и все с легкой завистью обнаружили, что у новой методистки очень интересный муж, к тому же гладко говорящий о каких-то умных вещах так, словно каждая из женщин может их понять. Это автоматическое вознесение собеседника до собственной интеллектуальной высоты позволило Жене моментально стать душой коллектива. Еще больше очков Евгений получил, когда стало понятно — легкий флирт он допускает, но жену боготворит и даже мысли о возможности измены не допускает.

Шоком оказалось то, что этому чудо-мужчине может изменять жена. Первые признаки неверности Маши Софья обнаружила уже в январе. Маша ближе к вечеру отвечала на телефонные звонки, рассказывая о своих планах на вечер. А на вопросы о том, кто звонит, неловко отшучивалась. Несколько раз, отпросившись пораньше, Маша уходила в неизвестность. Софья специально звонила Жене, чтобы удостовериться — подруга гуляет от мужа.

Попытка решительного разговора провалилась. Маша все отрицала и даже стгоряча обвинила начальницу в том, что та сует нос не в свои дела. Софочка обиделась

и почти месяц женщины разговаривали только в официальном ключе. Но потом Маша, не выдержав, призналась, что за ней ухаживает другой мужчина. Она пока еще не сдалась, но близка к измене как никогда раньше. И муж, и этот другой без ума от нее, а она никак не может выбрать, с кем быть. Женечка был идеальным мужем, но тот, другой, был влюблен, романтичен и жаждал ее ответной страсти.

Софья была настроена решительно. Муж — и только он — может составить счастье Маши, с потенциальным любовником надо порвать, как можно быстрее. Нельзя обманывать идеального Женю, нельзя ставить под угрозу столь крепкий и счастливый брак. И если надо, Софочка поможет младшей подруге всем сердцем, всей душой.

Я задумчиво слушала излияния пожилой и немного воинственной женщины со смешанными чувствами. В историях про маму было столько страстей. Но никто не помнил о маленьких детях. Немного невпопад я спросила:

— А вы не помните, у Маши и Жени были дети?

— Да, вроде был ребенок, мальчик лет шести, но я его ни разу не видела, он все время жил у бабушки. Маша считала, что ему лучше расти в деревне, на воздухе. Она не слишком о нем волновалась.

— Только один ребенок?

— Да, точно один.

А где же тогда был Акела? Если его усыновили вместе с Костей, то почему о нем никто не знал? И кто такая эта деревенская бабушка? Вроде бабушки-дедушки по маме и отцу умерли еще до нашего рождения. Так откуда взялась еще какая-то бабушка? И где находится эта загадочная деревня, куда сплавляли маленького Костю?..

Софочка между тем приблизилась к развязке драмы. За напряженной весной и спокойным летом пришла

осень и День учителя. Именно в этот день все и случилось.

Праздник удался на славу. Хотя в стране и царила эпоха дефицита, стол удалось собрать очень приличный. А Мурад принес несколько бутылок вина и коньяка, так что все веселились на полную катушку. Маша и Мурад встречались на таких сборищах и раньше. Но только в тот день Софья вдруг почувствовала уколы ревности, глядя как подруга бесцеремонно кладет руку на плечо ее возлюбленного, а Мурад обнимает ее за талию, словно случайно соскальзывая рукой ниже.

Отгоняя дурные мысли, Софья занималась организацией небольшого представления, после которого обнаружила, что ни Мурада, ни Маши нет в зале. Она застала их прямо на подоконнике окна на запасной лестнице. Мурад энергично обнимал разгорячённую Машу, забыв про все обеты любви и нежности. Софья закричала, но парочке было все равно. Они остановились только после того, как тела синхронно сотряслись в финальной конвульсии.

Мда... Вероятно, Софочка никогда не видела сексуального акта со стороны, и неприличное зрелище в неожиданном месте вызвало у неё естественный чувственный отклик. Увы, вряд ли она могла правильно разобраться в реакциях своего тела.

— Вы расстались с Мурадом?

— Да.

Из глаз Софьи потекли обильные слезы, и она всхлипнула совсем по-детски, словно маленькая девочка, уронившая мишку на пол.

— Я устроила тогда жуткий скандал. Кричала, что не люблю его, и что он может убираться на все четыре стороны. Он плакал, умолял простить, даже на коленях стоял. Говорил, что на него затмение нашло, что он выпил лишнего. Но я была непреклонна. Выставила его. А он ушел и не вернулся. Пропал.

— Как это пропал?

— Исчез. Последний раз его видели на Крымском мосту. В милиции сказали, что он, скорее всего, покончил с собой, бросившись в реку. А тело могло унести далеко и вряд ли его когда-нибудь найдут.

— Он оставил записку?

— Нет. Но он сложил все свои вещи, как если бы собирался уехать. И сверху положил мою книгу — стихи Цветаевой. Я подарила ему незадолго перед этим.

— А что Маша?

— Да ничего. Пришлось ей, конечно, уволиться. Напоследок она свою гнилую натуру всем показала. Сказала, что любой мужик ради ее юбки на все пойдет. И никто из нас, пошлых обывательниц, не сможет его удержать.

— А ее муж?

— Не знаю. Я его больше не видела.

— А вы не припомните точно, куда именно она переехала?

— Кажется, в министерство, но я не уверена.

Софья так и не спросила меня, кто я такая и почему интересуюсь адюльтерами двадцатилетней давности.

Но я почему-то была уверена, что Софья сделала в своих выводах роковую ошибку. Мурад вовсе не был тем любовником, о котором рассказывала ей Маша. Постоянные любовники устраивают спокойные свидания наедине, подальше от чужих глаз. А любовь на подоконнике, скорее, была спонтанной выходкой, неожиданной реакцией двух взведенных страстью людей. Мурад заплатил слишком высокую цену за темперамент и выпивку. А у мамы не было возможности что-либо объяснить подруге. Да и можно ли было что-то объяснить?

Я попыталась поставить себя на место Маши Рогальской. Есть надежный муж, которого все женщины вокруг считают идеальным. Есть любовник, ну или претендент

на роль главного любовника — обольстительно-неотразимый герой. И красивая женщина мечется между ними, выбирая то стену, за которой жить, то страсть, без которой не жить. Куда в этом пасьянсе разложить еще и Мурада? Может, мама пыталась сбежать от обоих надоевших персонажей? Хотела откусить еще один запретный плод?

Почему нежный образ мамы, хранимый в моем сердце, так явно и пугающе не совпадает с тем, какой ее видели другие люди?

16. Милый дом

Слабая утроба резко исторгла на белый свет хилое дитя со сморщенным личиком и кривыми ножками. Неловко перехваченный ребенок издал тихий всхлип. Полный боли взгляд роженицы на мгновение уставился в мутные глаза ребенка, затем равнодушно скользнул дальше. Внимания удостоилось местечко между ног младенца — миру явилась новая утроба для продолжения рода человеческого. Сам этот факт оскорбил вселенную новой матери. Она ненавидела девочек в принципе. И жалкое синее существо поставило крест на ее мечтах о сыне. О мальчике. О мужчине, которого можно будет возвести на алтарь нерастраченных чувств и отдать всю себя в жертву ненасытному мужскому существу...

Кирилл разбудил меня где-то глубоко в ночи, сказал, что я стонала во сне. Он крепко прижал меня к себе и стал тихонько укачивать, шепча какие-то глупости. Ясное дело, я тут же размякла, словно кусочек хлеба под дождиком. А утром оказалось крайне сложным восстановить образы из сна. Кто была эта роженица? Моя биологическая мать? Или все же другая женщина? Я не могла вспомнить ее лица, и в то же время была уверена, что, даже вспомнив, я могу его и не узнать, как не узнала во сне. Чье рождение я видела? Неужели свое? Это меня отвергли только из-за того, что я родилась девочкой? Или это был другой ребенок? Почему видение пришло сегодня? Потому что я настроилась на раскапывание семейных историй?

Кто-нибудь знает ответы?..

Вечером у меня было запланировано шоу «Фея кулинарных чудес». Белый фартучек с ярким красно-желтым узором должен был отвлечь Кирилла от того прискорб-

ного факта, что готовить в действительности я не умею. Совсем. И простые блюда, и разные изыски вроде соусов, обжарок-пропарок, маринадов и приправ, часто составляющих изюминку разных блюд, для меня как темный лес. Точнее даже, как глубокое горное ущелье. Потому что в темный лес я при необходимости зайду и даже не сильно испугаюсь. А вот прыгнуть с высоты даже при условии наличия парашюта будет для меня испытанием не из простых.

Фартучек справился со своей задачей, и романтическое настроение любимого я попыталась превратить в авантюристическое. Подсунув ему тарелку с мороженым, я словно невзначай спросила:

— Я хочу домой к отцу попасть. Поможешь мне немножко?

Карие глаза спокойно улыбнулись, подтверждая, что сейчас их обладатель готов на все. Но мозги, стряхивая с себя любовный флер, все же поинтересовались:

— Ты хочешь что-то тяжелое прихватить?

— Да нет, порыться в отцовских бумагах. Уточнить кое-что о маме. Может, что интересное о себе найти.

— Втихаря, что ли?

— Скажем так: тихо и незаметно.

— Дверь взламывать придется?

— Нет, конечно, у меня ключи есть. Если уж отец за последние десять лет не удосужился замки поменять, вряд ли он сейчас занялся этой проблемой.

— Почему ты одна не хочешь туда идти?

— Боязно как-то.

Кирилл перекатился по кровати и подсунул мне под нос полную ложку растаявшей сладкой жижи. Измазав мороженым мой рот, нос и щеки, он веселым тоном спросил нечто совсем невеселое:

— Слушай, я не понимаю твоего заискивания перед отцом. Он что, бил тебя?

— Нет, что ты. Так приличные люди не поступают.

— Прости, что такое говорю, но, может, он обозначил свой интерес к тебе как к девушке, женщине?

Наверное, у меня сделалось очень дурацкое выражение лица, потому что Кирилл улыбнулся, покачав головой:

— Ясно, нет. Надеюсь, я не слишком шокировал тебя, предположив такое. Прости.

— Ты его не знаешь. Он — фанат одной женщины. Моей мамы. Думаю, отец смутно догадывается, что другие женщины существуют, но вряд ли рассматривает даже возможность отношений с кем-то кроме нее.

— Он еще не старый мужик. Да и видный такой. Неужели какой-никакой юбчонки рядом не крутится? Может, он это не афиширует, поэтому ты и не знаешь.

— Может, ты и прав. Но мне сложно это представить.

Кирилл сделал стойку на голове, но не удержался на мягкой опоре и плюхнулся на пятую точку. Отдышавшись, он спросил:

— И когда мы штурмуем твердыню твоего отчего дома?

— До конца недели. Пока папа уехал в Саратов на семинар.

— А-а, то есть нам не грозит встретить грозного родителя с обрезом наперерез? Тогда что ты дрожишь как осиновый лист?

Я не знала, что ответить. Мне казалось, что я уже изжила в себе ужас тех нескольких дней, когда моя тихая и размеренная жизнь превратилась в кошмар наяву. Но, оказывается, мой страх был слишком хорошо замечен. На самом деле я боялась не самого отца, уж теперь-то он ничего не мог мне сделать. Я боялась отца как реальное воплощение силы, уничтожающей твои планы на завтра, на весь следующий год, а позже оказывается, что и на всю жизнь.

И все же язык у меня не повернулся рассказать Кириллу о том, как отец выставил меня из дома. Это влекло бы за собой рассказы о том, что последовало дальше.

Мой любимый журналист между тем углубился в проблему с профессиональным рвением:

— Слушай, а ты ведь прописана там, у отца?

— Не знаю. Я не выписывалась.

— А квартира приватизирована?

— Да, давно. Но я точно знаю, что все оформлено на отца. В самом начале можно было не вписывать детей, так что меня там не стояло.

— Но если тебя не выписали, у тебя есть законное право проживания. И уж тем более ты можешь войти в квартиру в любое время — есть там твой отец или нет.

— Если я попытаюсь это сделать без его разрешения, это точно спровоцирует его решить все вопросы с моей выпиской и заменой замков.

— Ладно. Не буду спорить. Поиграем в Холмса и Ватсона завтра после обеда.

Родной дом встретил меня стерильностью и равнодушием. Я ни разу не слышала, чтобы у отца была домработница или приходящая уборщица, но только сейчас я осознала, что привычная чистота — результат чьего-то труда. И труд этот наверняка выполняла женщина. Постоянно бывающая рядом с отцом женщина. Определенно, Кирилл прав в том, что я слишком уж следую однажды сложившимся представлениям. Может, все совсем не так, как кажется.

В типовой квартирке было три комнаты. Родители получили жилье в те времена, когда семье с тремя детьми государство оказывало поддержку квадратными метрами. Самая большая комната сначала была детской, но после того, как старшие птенчики вылетели из родительского гнезда, отец произвел рокировку. Ему потребо-

валось больше пространства для творчества, и я переселилась в бывшую спальню родителей. После моего ухода из дома мои девять метров стали чем-то вроде гостевой комнаты, где останавливались разные соратники и коллеги отца, приезжавшие на столичные мероприятия из самых разных мест земного шара.

Финансовый успех, снизошедший на отца, решившего издавать свои мысли об устройстве мира, трансформировался в шикарный кабинет, который был бы более уместен в каком-нибудь старинном английском замке. Дубовые настенные панели, книжные шкафы, занимающие всю стену от пола до полка, массивный стол на резных ножках — так и напрашивались в этот интерьер лорды и сэры в сюртуках и цилиндрах. Впечатление портил сравнительно низкий потолок типовой многоэтажки и пейзаж за окном: серый московский двор с грязной детской площадкой слишком уж диссонировал с великолепием дорогого кабинета.

Я застала только самое начало работ по проектированию рабочего пространства отца. И несколько лет назад, попав впервые в законченный кабинет, испытала благоговейный восторг от получившейся торжественной красоты. Но потом жизнь занесла меня в другие кабинеты, и тогда я поняла, что созданное отцом чудо было не более чем грубым подражанием. Качество работ по дереву, да и само состояние исходного сырья оставляло желать лучшего, конструкция полок и наполнение шкафов были тупо скопированы с какого-то журнала и от этого оказались неудобными, заметные потеки лака создавали ощущение неаккуратности и грязи. Не знаю, понимал ли отец, что, несмотря на кучу вброшенных в кабинет денег, результат оказался посредственным. Или я слишком пристрастна?

На рабочем столе стояла большая фотография, на которой отец и мама обнимались с тем самым мужчиной,

что был на одном из моих детских снимков. Но на несколько лет раньше. Отец и его приятель казались зелеными юнцами, а мама была стройной девушкой, хотя, пожалуй, и тогда в ней было все, что позже сводило сильный пол с ума. Учítывая, что в кабинете было одно-единственное фото моих братьев размером 10x15, да и то, стоящее за стеклом шкафа, максимально далекого от стола, а я и вовсе не удостоилась изображения, фото троицы много значило для отца. И кто же этот загадочный третий?

Я решительно раздраконила рамку и вытащила хрупкий черно-белый снимок. На обороте стояла короткая кривая надпись: «Маше и Жене на память». И чуть ниже размашисто подпись: Friend. Будто слабо было написать имя, фамилию, отчество, дату рождения, адрес и как связаться лет через -цать.

Осторожно собрав обратно рамку и водрузив ее на место, я приступила к обыску книжных шкафов. Одна из секций была заполнена папками и коробками с документами. Отец поддерживал идеальный порядок во всех бумагах, каждая коробка была аккуратно подписана с помощью распечатанного ярлычка. Оставалось надеяться, что отец не додумался прятать семейные секреты под каким-нибудь неподходящим названием вроде «Материалы к конференции МАКТОБ». Ведь с первого взгляда понятно, что «мактоб» — совершенно точно не то, что надо. Но если нужно кого-нибудь запутать, ничего лучше «мактоба» и не придумаешь.

И все же отцу, видимо, не приходило в голову что-либо прятать. На верхней полке в углу я обнаружила три папки с надписями «Домашний архив», «Дети» и «Семейное фото».

Первые две папки содержали кучу ксерокопий разных житейских бумаг. Некоторые, как например, свидетельство о браке родителей, казались интересными, но в дей-

ствительности были не более, чем просто документами. Другие, с виду скучные, добавляли к уже известным мне сведениям достоверности. Страницы из трудовой книжки мамы поведали мне о ее работе в разных образовательных инстанциях, подтверждая сам факт ее трудоустройства в конкретных местах в конкретные годы. Но ничего нового увидеть между строк мне не удалось.

Семейные фотографии были аккуратно разложены по датам, темам, местам. Бегло просмотрев часть фоток, я нашла конверт с наклонной надписью «friend».

Два обнимающихся пацана лет по десять-одиннадцать. Два старшеклассника в школьной форме. Два парня с одной девушкой у моря. Двое мужчин в костюмах возле одной невесты. Двое мужчин и одна женщина с группой детишек. Двое мужчин и одна женщина на выставке картин...

Двое мужчин, скорбно склонивших головы возле одной могилы... Таких снимков оказалось два. На обороте одного стояла пометка отцовским почерком: «2 экз. для F».

Мысль напрашивалась сама по себе. Если и был в отношениях мамы и отца кто-то третий, то лучше всего на эту роль вписывался Френд.

Рядом с отцом Френд казался слишком простым и неказистым. Отец уже в юности выглядел аристократично и благородно. Даже в шортах и майке. А его друг и в парадном костюме казался работягой, забежавшим на снимок с соседней стройплощадки. Я вглядывалась в снимок и пыталась представить, какими они были, когда собирались все вместе.

Вот мой правильный отец. Надежный, организованный, спокойный. На него можно положиться, ему можно довериться. Он ухаживает по правилам, он романтичен, он нравится людям, он верен и послушен. Идеальный муж.

Но есть другой. По принципу притяжения противоположностей он груб, не признает правил, не верит в идеалы и заповеди. Но в то же время он обаятелен, его или ненавидят, или обожают. Невозможный муж, но страстный любовник?

Чем ты приворожила их обоих, мама? И почему Френд исчез из твоей жизни за несколько лет до твоей гибели? Хотя приехал на твои похороны и, судя по фоткам, твоя смерть была для него потрясением. Ты любила их обоих? Тогда зачем, зачем сбивала с пути истинного других: Васю, Мурада да и остальных, ведь, скорее всего, этими двумя эпизодами твои похождения не исчерпывались?

Friend — по-английски «друг». С одной стороны, понятно, что тот, кого называли Френдом, явно был другом семьи, а может, и по отдельности родителей, хотя и в несколько разных смыслах. Но, может, прозвище основано на созвучии с именем-фамилией? Френд почти тоже самое, что и Федор или Федоров, например.

Забрав одну из фотографий с похорон, остальные я максимально аккуратно сложила обратно. Незачем давать отцу повод обвинить меня в явном криминале. Устроившись за помпезным столом, я внимательно пролистала толстую телефонную книгу. Отец педантично вписывал в нее все свои контакты полностью. Сделал бы он исключение для Френда? Может, и для телефона он воспользовался таким же обозначением?

Увы, в телефонной книге не было ни одного Френда, зато обнаружилось семь Федоров. Трех можно было не считать, поскольку это были дети издательских работников. Кто-то из оставшихся мог быть загадочным Френдом, а мог и не быть им. Никаких упоминаний Френда я не нашла и в здоровом адресном справочнике, найденном в нижнем ящике стола. Сами ящики представляли собой все такой же образцовый склад накоп-

ленных за жизнь вещей. Впечатляла коллекция корочек, начиная с партийного билета КПСС и заканчивая сувенирной книжицей «Члена приличного общества». А вот собрание значков разочаровывало: сплошное «Будь успешным» и «За мной в светлое будущее».

Кто такой Френд и как его найти, я так и не узнала.

Кирилл закрыл за мной дверь квартиры. Я благодарно улыбнулась ему и охотно подставила губы под сладкий долгий поцелуй. Но где-то внутри моей головы уже шла работа по планированию звонков и визитов на ближайшее время. Кто-то из старых друзей родителей расскажет мне, кто такой Френд. Пусть посмеются над маленькой бестолковой неудачницей Ритой или позлорадствуют над досадной оплошностью в жизни Рогальского — его бестолковой дочкой. Главное — пусть болтают. А слушать я умею.

17. Тупики и стены

Тернопольскую я достать не сумела. Великая Ариадна отключила закрытый экстренный телефон, по которому я вызвала ее в больницу к Осинке. Пресс-секретарь вежливо попросил меня не беспокоить звезду, так как та сильно занята подготовкой очередной раздачи подачек для своих протеже, замаскированной под фестиваль песни и актерского мастерства.

Семен Павлович Орехов — теперь продюсер и режиссер, выросший из мосфильмовского человека на побегушках, долго и обстоятельно излагал мне историю знакомства родителей, случайно встретившихся в Новом Афоне, возле знаменитых пещер. Он помнил, что у папы был друг по прозвищу Френд, и даже поделился запутанной историей о несчастном диссиденте, пытавшемся опубликовать разоблачающие власть статьи, и оттого вынужденного эмигрировать в Штаты.

Дина Аркадьевна Штайн — строгая редактор в издательстве, вспомнила, что отец действительно дружил в юности с каким-то «товарищем», но кто был этот товарищ и как его звали, припомнить не могла. Зато вспомнила, что Френд был вынужден покинуть Россию из-за родни в Америке. Какая-то больная старушка мечтала умереть на руках давно потерянного двоюродного племянника.

Тарас Мыколаевич Кулебяка — прежде квартирный маклер, а теперь директор агентства недвижимости, оказался более памятьливым. Он четко описал Френда, но имени-фамилии его не знал. По его словам, Френда всегда называли только так. Зато он поделился со мной уверенностью, что Френд был родственником отца. Они даже подшучивали друг над другом из-за этого. А потом

Френд женился на американке и слинял на загнивающий запад. Все, конец дружбе.

Ирэн Подвалова — обычная челночница, теперь представляющаяся хозяйкой дорогого бутика, тоже сообщила мне причину, по которой Френд исчез из жизни родителей. Вроде бы он эмигрировал в Штаты, решив сменить замшелый советский НИИ на заморский университет. Френду не давали на родине развернуться с научными экспериментами, и он отчалил к далеким берегам.

Костя Мармеладов — маркетолог, зарабатывающий на впаривании лохам сложных таблиц и графиков, выдал мне свою версию бегства Френда. С его слов, талантливый режиссер Френд был лишен на родине возможности ставить свои гениальные фильмы, а потому улетел в заокеанские дали за Оскаром.

И так далее. И тому подобное. Никаких сведений о настоящем имени Френда. Зато полтора десятка версий, почему Френд оказался в Америке. И столько же мнений о том, чем эта загадочная личность занималась в жизни. Сплошные тупики.

Решив подойти к проблеме с другой стороны, очередным утром я отправилась на поиски сослуживцев мамы в министерстве. Вероятно, время, необходимое для проникновения в какие-либо кабинеты, является во вселенной некоей постоянной величиной. Сравнительная легкость моего проникновения в комитеты образования явно компенсировалась неприступностью министерства. Если районные кабинеты «главных по школам и училкам» сменили вывески, но остались на своих местах, то министерство пережило несколько слияний-разделений, переездов, расформирований и прочих передраг. Никаких обнадеживающих контактов, никаких старых теток, любящих посплетничать.

Единственной зацепкой стал выцыганенный у одной девочки из архива телефон заслуженной работницы отдела кадров — некоей Анны Ивановны, которая недавно вышла на пенсию, но до этого проработала во всех ипостасях министерства лет двадцать пять. Увы, милейшая по рассказам Анна Ивановна на деле оказалась весьма вредной старушкой. Со всем своим опытом общения с дамами преклонного возраста я так и не смогла ее уговорить на встречу. Уперлась в непроницаемую стену.

Наконец, и еще одна ниточка растворилась во времени, так и не давшись в руки. Мой визит к Косте казался не совсем напрасным. Брат выболтал мне информацию, добыть которую самостоятельно я, вполне вероятно, и вовсе не сумела бы. Даже через пару лет хождения по кабинетам. А теперь я знала номер дома ребенка, в котором я была до усыновления. Увы, оказалось, что этот дом ребенка был расформирован несколько лет назад (видимо, тогда же Косте удалось заполучить наши документы). Обе дамы, руководившие заведением в интересующий меня отрезок времени, уже умерли.

Еще один тупик.

Бедный Минотавр, тяжело тебе было день за днем слоняться по лабиринту. А ты все же был внуком Гелиоса. Что же делать нам, простым смертным?

Очередной конец дня оказался совсем пустым и тоскливым. Кирилл взял меня на презентацию книги модной писательницы. Краткое содержание всего происходящего вполне выражали детские стишки «Дело было вечером, делать было нечего». Кирилл был в любимой роли птицы-говорюна. Переговорить его не смог даже пресс-секретарь депутата Думы. Я послушно изображала фею — нечто красивое, эфемерное, недостижимое и порядком

глупое. Это последнее защищало меня от необходимости вступать в беседы.

Вместо еды предлагали малосимпатичные драные кусочки на палочках. Книгу о путешествии девочки-привидения в мир волшебных самолетиков и говорящих собачек я не читала. А услышав пару мнений о том, что эта сказка — «квинтэссенция авторского философского взгляда, консолидирующего солипсизм и сенсуализм», обрела уверенность, что и не буду читать. Зачем мне такие чужие приходы? Своей дури в голове хватает. Новое платье стерло мне кожу на талии слева каким-то дефектом на шве, и мои мысли свелись к тому, чтобы двигаться максимально осторожно, не тревожа ранку.

Уже в момент трогательного прощания с героиней вечера и хозяевами галереи, где происходило действие, я вдруг заметила девушку в обтягивающем кожаном топе. И вспомнила о человеке, у которого, возможно, есть список контактов отца примерно шестилетней давности. Причем список не формальный, а самый что ни на есть рабочий, актуальный. Идея снова встретится с Дориком не вызвала ничего, кроме стойкого подташнивания и иррационального чувства вины перед Кириллом. Но другого пути я не видела. Самый последний способ с получением информации от привязанного к стулу папы (миром дело точно не решить) отложим на потом.

В середине ночи, прикрывшись шумом душа, я позвонила гению компьютерных игр и договорилась, что завтра к нему заеду. Пришлось пообещать, что я привезу нечто такое, чего умудренный многолетней практикой извращений Дорик еще не видел. Боюсь, его изрядно шокирует то, что я намерена сделать.

18. Гейм овер

Я приехала к Дорику вечером, в опустившейся на город темноте осенней ночи. Что-то мелкое и мокрое сыпалось с небес, намекая прохожим, что в такое время нормальный хозяин и собаку на улицу не выгонит. Увы, люди — не собаки, и сами себя успешно гонят во мрак и холод. Я чапала от метро пешком вдоль мерзких длинных заборов промзоны, где и в дневное время мало кто отваживался бродить в одиночку. Но я не боялась ни бродячих собак, ни пьяных подростков: завидев меня издали собаки сворачивали и растворялись во тьме, а подростки спешили прикинуться паиньками и пройти мимо с максимальной вежливостью. Звериные инстинкты подводят нас только в цивилизованном обществе.

С Дориком меня мои собственные инстинкты подвели очень капитально.

Наш роман продолжался всего пять недель, хотя сначала я была абсолютно уверена, что нашла отличную тихую гавань, в которой пришвартовалась надолго. Но не сложилось. После у Дорика было еще несколько романов, о которых до меня доходили невнятные слухи. Но сама я никогда не видела его с того момента, как однажды покинула его дом.

Квартира Дорика была убежищем убежденного холостяка и домоседа. Все краски мира он воспринимал одним единственным образом — с экранов своих дорогих мониторов. Раньше у него их было три. Сколько было компов, я не знаю, но самым ценным из всех серваков и компов сам Дорик считал старенький ноутбук, с которым никогда не расставался. До тех пор, пока я не залила его вермишелевым супом.

Еще я не знала, живы ли у Дорика родители и кто они. Иногда мне казалось, что компьютерный фанат отпочковался от серверов и только по недоразумению оказался человеком. Забавно, но, при всей его любви к умным железкам, Дорика мало кто считал настоящим профи. Дорик собирал кривые конфигурации компов, которые не могли работать нормально. Он допускал дурацкие ошибки при программировании, из чистого упрямства отказываясь переделывать даже очевидные ляпы. Его нельзя было подпускать к сетям, потому что последствия оказывались обычно катастрофическими. Он грубил заказчикам и обзывал коллег. В целом, он жил только за счет того, что Москва — город большой, и всяких дураков в нем предостаточно.

Зато у него было два хобби, занимавших все его время. Одним были компьютерные игры: стрелялки, бродилки, квесты — все, что выпускалось и было модным в геймерской среде. А о втором хобби в приличном обществе обычно если и говорят, то только очень тихо и с полным отрицанием интереса к теме.

Вояж мой был напрасен. Поднявшись на площадку девятого этажа, я увидела приоткрытую дверь квартиры и поняла — Дорик тоже мертв.

Заранее заткнув нос, я проскользнула внутрь квартиры. Дорик, залитый кровью из перерезанного горла, лежал поперек маленькой комнаты. Его руки и ноги были связаны. Голова, запрокинутая чуть вбок и вверх, пялилась остекленевшими глазами на древнюю паутину в верхнем углу прихожей.

Отведя глаза от мертвого тела, я быстро огляделась. В квартире за шесть лет почти ничего не изменилось. Обычная декорация к съемкам фильма в стиле хоррор. Обои местами отклеились и висели гирляндой ветхой бумаги. Грязные окна не пропускали свет, а, словно наобо-

рот, поглощали его, превратившись в этакие хищные серые губки-светоеды. Давно не мытые полы напоминали нечто наспех и неаккуратно забетонированное, хотя изначально это был желтый линолеум.

Налюбовавшись разрухой (похоже, я была последней, кто делал здесь уборку), я обратила внимание на варварское разрушение драгоценных компьютеров Дорика. Из открытых системников была выдрана начинка. Куча разломанных винтов оказалась сложенной на кухне. Но неведомый злодей понятия не имел о тайных пристрастиях геймера.

Я схватила с полки в прихожей перчатки. Дорику они уже не понадобятся. Натянув их и бросившись в ванную комнату, я быстро отодвинула панель, закрывающую пространство под ванной. Кое-что и в этом мире не менялось никогда. С трудом вытащив из-под ванны здоровую деревянную коробку, я скинула крышку и обомлела. Игрушек у Дорика явно прибавилось. И работы у меня тоже. Наскоро перебрав кое-как сложенные в коробке предметы, я все же нашла то, что искала, хотя форма и размер находки оказались для меня сюрпризом. Флешка в эксклюзивном оформлении едва вошла в мою маленькую сумку. Хотелось сказать Дорику «Чтоб ты сдох», но, увы, теперь такое пожелание геймеру было кощунственным и бесполезным.

Добыв главную драгоценность Дорика, я немного успокоилась. И мое сознание услужливо развернуло перед моим мысленным взором картину убийства. Дорик сам впустил убийцу в квартиру. Сам предложил выпить, запустил какую-то новую игру. Сам предложил убийце интересное реалити-продолжение с веревками...

Нужно вызвать ментов. Вслед за этой мыслью я представила, что именно подумают менты, застав меня над еще теплым трупом. Кто-то очень ловко меня подставлял. Осознав это, я сбежала с места преступления быстрее.

Отдышавшись у ларька на ближайшем перекрестке и избавившись от перчаток, я решила все же удостовериться в своем предположении. Купив бутылку лимонада и печенье, я устроилась на детских качелях в соседнем с домом Дорика дворе. Оттуда мне хорошо был виден подъезд и даже окно кухни.

Менты появились через пять минут. Я бы не сказала, что они торопились. Минут через пятнадцать приехали еще два экипажа. Судя по всему, это были эксперты. Когда я уже собралась уходить, к подъезду подкатила машина, из которой вылез высокий торопящийся мужчина. Бирман. Отлично, задержись я всего чуть-чуть, меня ждала бы веселая ночь разговоров и, вероятно, новый экстремальный опыт — знакомство с тюремной камерой. Или куда там сажают предполагаемых преступников.

Кто бы ни был убийца, я его здорово достала. Знать бы чем?

Я вдруг подумала, что Дорик мог где-нибудь оставить пометку о назначенной встрече. Или сболтнуть кому-нибудь о визите старой знакомой. Подозрительно будет, если я не явлюсь и не позвоню. Я вытащила телефон и нашла нужный номер. Почти сразу трубку сняли с отрывистым: «Да».

О, ребята, если бы звонил кто-то, знающий Дорика, вы бы прокололись. Он никогда не снимал трубку раньше пяти гудков и никогда ничего не говорил в трубку, считая, что это лишняя трата времени.

— Алло, Дорик, это Марго. Я опаздываю. Буду минут через сорок. Извини, но никак быстрее не получается. Я обязательно буду, пожалуйста, дождись меня.

— Алло, не кладите трубку. Здесь произошел несчастный случай, Дорик сегодня не сможет с вами встретиться.

— Но мы же договорились.

— Рита, оставьте, пожалуйста, свои координаты, Дорик вам перезвонит.

М-да, я была лучшего мнения о тех, кто меня берет.

— Бирман, это же вы? Если Вы меня узнали, то зачем голову морочите, неужели потеряли все свои протоколы с моими координатами?

— Честно говоря, Рита, я скоро буду выезжать на вызовы с одной мыслью, что вы или встретите меня там, или позвоните.

— Не надо мне такого.

— Отправляйтесь домой. Я свяжусь с Вами позже.

— Вот радость-то...

Уже шагая к метро, я заметила, как все в тот же двор свернул чистенький серебристый мерседес. Картина маслом — «Те же и Лорд. Вариация на фоне убийства геймера».

А дома я поняла, что легко попалась в незатейливую ловушку. Я так и не спросила, что с Дориком. Вообще не поинтересовалась, что с ним случилось. Можно, конечно, притянуть за уши кучу вариантов, почему я этого не сделала. Но, увы, самым понятным был один — я знала, что случилось.

19. Подарок для банкира

Я привыкла к размеренной и распланированной жизни, калейдоскоп людей и событий явно сказался на состоянии моей нервной системы. Нет, мне ничего не снилось, не было ни кошмаров, ни видений. Я проспала четырнадцать часов подряд.

Кирилл, не добудившийся меня утром, оставил записку, в которой выражал надежду, что его фея обретет должную форму к вечеру. Кто бы еще сказал, как это сделать.

Мою сумочку все еще «украшала» улика с места убийства. Снова тащиться в Люберцы мне не улыбалось, поэтому я пошла в ближайший магазин и купила компьютер. Не знаю, почему я раньше этого не сделала.

Ноутбук. Черный, красивый, пахнущий пластиком, с микрофоном и наушниками. С яркими буквами на тихо клацающих кнопочках. С тачпедом и штукой, которая распознает отпечатки пальцев. И, наконец, с удобной сумкой, внутри которой оказалось много всяких кармашков для мелочей.

Разве не хочется после всех неприятностей ощутить себя королевой? Минут на двадцать, конечно, и только для трех продавцов полупустого магазина. Но ведь королевой...

Добраться до секретов Дорика в тот же вечер у меня не получилось. Кирилл узурпировал мой новенький комп и бестолково взялся показать мне, как делать то или это. С его точки зрения, сначала было необходимо набить комп всяческим мусором вроде нескольких браузеров, дополнительных менюшек, подсказочек, вылетающих кнопочек. Потом следовало поставить несколько

пакетов по обработке текстов и изображений. В целом, я не могла назвать себя грамотным пользователем, и даже до чайника мне было еще расти и расти. Но некоторые представления Кирилла раздражали. Зачем превращать хорошую вещь в сборник ерунды?

И я улавливала вредный шепоток внутреннего голоса: «Это первая стоящая *твоя* вещь, хотя и в его доме. Но это *не ты* пробуешь дуть в микрофон. *Не ты* слушаешь диск в наушниках. *Не ты* записываешь первые рекорды в са-пере». Отправив внутреннее «я» на дальние выселки, я терпеливо ждала своего часа. Компенсирую все завтра, когда Кирилл уедет на работу.

Весь следующий день я занималась, во-первых, ликвидацией всего, что успел натыркать в комп Кирилл, во-вторых, изучением того, что и как мне нужно сделать, чтобы прочитать то, что так тщательно прятал Дорик в одной из своих любимых игрушек. Я поставила свой ноут рядом с компьютером Кирилла. В одном компе искала то, что хотела узнать, в другом делала то, что мне советовали.

В результате к девяти часам вечера я заработала стойкую головную боль и рябь в глазах. Хорошо еще, что вернувшийся в ночи Кирилл уже не помышлял об экспериментах над моим компом, а то быть бы скандалу.

Количество все же перешло в качество, когда очередным утром я проникла в то, что скрывалось на флешке Дорика. Это оказался набор всевозможных учредительных документов, счетов, схем организации производства, финансовой отчетности. Я чувствовала, что все они как-то взаимосвязаны, но что означают в целом и по отдельности, представления не имела. Зато денежные выкладки в условных единицах с семью-девятью нулями прямо намекали, что и у этого убийства могла быть весьма прозаическая финансовая подоплека.

На всякий случай я изучила указанные в разных договорах контакты. И только тогда сообразила, что все документы крутятся вокруг одного человека, которого я знала. Не знаю, кто сплавил некомпетентного компьютерщика моему папаше. Но ясно, что папаша продолжил традицию передачи этого «кота в мешке» тем, кому не желал добра. На каком-то этапе в этой цепочке оказался и Рафаэль Айратов.

Я по-прежнему не знала, что делать с архивом Одоевского. Но кому подарить сокровище Дорика — решила меньше, чем за секунду. Умница Раф никак не заслуживал, чтобы его облапошили при помощи убогого парня без всяких представлений о морали. Только вот смогу ли я хотя бы подойти к Рафу? Жизнь разнесла нас в разные стороны. Теперь он стал могущественным банкиром. И кроме банка в его активах были стройки, заводы, пароходы. Хотя нет, пароходы — это прошлый век, сейчас в моде танкеры.

Договориться о встрече в ресторане с простым миллионером оказалось куда проще, чем развести одну простую старушку на чашку чая. Всегда вежливая Самира сразу дала мне приватный номер телефона, и Раф без колебаний пригласил меня приехать этим же вечером в клуб. В его собственный клуб.

Что приятно в мире больших денег, так это почтительное поведение тех, кто в другое время даже и не взглянет в твою сторону. Моя скромная курточка и самовязаная шапочка вряд ли могли хотя бы на миг привлечь внимание представительного мужчины, распахнувшего передо мной двери небольшого ресторанчика. Но едва я представилась, физиономия этого распорядителя приняла услужливо-вежливое выражение, с каким прислуга смотрит, по меньшей мере, на английскую королеву.

Раф поправился и полысел, прямая линия губ стала жесткой, но черные глаза смотрели на меня с прежним добрым выражением. Невозмутимость — это, конечно, козырь в мире больших денег, но вид внешне равнодушного Рафа меня здорово повеселил. Я чувствовала, что он умирает от любопытства.

Решив не мучить его неизвестностью, я протянула ему завернутое в обычную белую бумагу сокровище Дорика:

— Я хотела лично отдать тебе. Полагаю, тебе это пригодится.

Банкир решительно стянул со свертка бумагу. Но не выдал своего изумления. Вот это выдержка. Раф повертел в руках черную сексуальную игрушку так, словно это была вполне обычная вещь, к тому же не слишком заслуживающая внимания. Потом Раф широко улыбнулся:

— Хорошая штука. И штука отличная.

— Это не шутка, увы. Покрути, тогда поймешь.

Наверное, ради такого люди и рвутся к деньгам и власти. Я даже не заметила, как материализовался перед Рафом специальный поднос с ноутбуком, беспроводной мышкой и удлинителем для юэсби порта. Будто невидимый джинн прочитал мысли хозяина и выполнил тотчас же все его пожелания.

Широкие, привыкшие к физическому труду и все же с отличным маникюром руки банкира полностью закрыли клавиатуру. Медленное тихое клацанье клавиш сменились ожесточенным быстрым стакатто. Лицо банкира стало суровым и сосредоточенным. Раф сделал несколько коротких звонков — вызывал к себе подчиненных. И никто не попытался сослаться на позднее время.

Лихорадочные движения рук прекратились, когда банкир вдруг наткнулся на что-то особенно важное. В его глазах я уловила боль. Его предали. Из документов

он понял, кто предатель, и это был кто-то очень близкий. Откинувшись назад, на спинку мягкого дивана, Раф несколько секунд молчал, принимая решения и обузды-
вая эмоции. Потом глухо спросил:

— Чего ты хочешь?

— Ничего, Раф.

— Ты приносишь мне на блюдечке такое и ничего не хочешь?

— Точно. Я возвращаю тебе твое доброе дело. Сохраняю баланс добрых дел на земле.

К чести Рафа он сразу принял мой ответ, избавив себя от мучительных вопросов-подтверждений (я ничего особенного не сделал), а меня от мучительных ответов-уговоров (и я ничего особенного не делаю). Тем не менее, он поинтересовался, откуда у меня такой «милый» подарок. Вкратце посвятив его в ситуацию с убийством Дорика, я обошла стороной все, что ему предшествовало. Упоминание о Дорике окончательно расставило все по местам в мысленной картине Рафа о происходящем.

— Если понадобится помощь, зови.

Я встала, собираясь попрощаться, и тут Рафа словно прорвало. В его голосе явно прозвучало что-то похожее на волнение:

— Марго, ты все еще занимаешься предсказаниями?

— Иногда, Раф.

— Ты помнишь, что обещала мне?

— Помню. Великую любовь. Как и всем.

— Тогда скажи, чего мне не хватает?

О, боги! Когда-то Раф только смеялся над тем, как я морочила головы людям в его доме. Помогал мне в некоторых проделках, разыгрывая приятелей. Чем тебя так приложило, всесильный банкир, что ты просишь совета у уличной девчонки? Знаешь, как я умею мошенничать в таких играх, и все же хочешь быть обманутым?

Что ж, Раф, рецепт прост. Людям всегда мало того, что уже есть, и хочется чего-то большего. А когда всё большое можешь купить, хочется неземного, вечного, великого. Я позволила себе утонуть в больных глазах банкира и тихо проговорила то, что Раф хотел услышать:

— Ты позволяешь себя обманывать. И самому себе не признаешься в том, что знаешь про обман. А не хватает тебе любви. Настоящей бескорыстной любви.

— Марго, ты забыла? Я женился по любви. Наплевал на все и женился. Тебе надо познакомиться с Ликой. Она чудесная, она умная, она красивая. Она добрая и лучше всех в мире. Я не знаю никого, кого можно было бы поставить рядом.

— Может, все и так. Только я по-прежнему представляю тебя рядом с высокой девушкой с зелеными глазами. Ты и Ромашка — это было что-то особенное, Раф. Она смотрела на тебя так, словно ты один и есть на белом свете. Такую любовь сложно забыть. Ты и не забыл. Не знаю, почему вы разошлись, но ты скучаешь по ней.

— Ты это серьезно? Да та история уже былъем поросла. Нас семьи свели, потом так же и развели. Все только из-за денег. Мы видеть друг друга не можем.

Я грустно усмехнулась и медленно, с особым ритмом сказала:

— Ты спросил, чего тебе не хватает. Я ответила. Дальше решай сам. Тебе нужны деньги? Думаю, ты в них купаться можешь, как та утка из мультика. Тебе важно мнение родителей? Время идет, их желания изменились. Ты женат? Но твоя неистовая любовь не сделала тебя по-настоящему счастливым. Ты боишься, что твой цветочек и слышать о тебе не захочет? Никогда не поверю, что умница Раф отступится от собственного счастья, не сделав к нему ни одного шага.

В темных глазах засветились крохотными точечками огоньки надежды. А ведь попала, Ритка. Точнехонько

угадала. Что ж, при удачном раскладе где-то в иных сферах в сложной арифметике моих деяний это предсказание зачтется мне со знаком плюс.

— Черт, Марго, сознайся, ты из космоса на нас свалилась?

Внутри сурового банкира все еще жил веселый парень, однажды придумавший мне новую жизнь.

— Кто знает. Только одно могу сказать тебе точно. Волшебного костюма, позволяющего летать, мне никто в наследство не оставлял.

К Рафу прибыл первый из вызванных сотрудников, и вежливый распорядитель вывел меня из ресторана через задний ход на улицу. Раф не хотел, чтобы его люди меня видели.

В город пробиралась зима. Еще болтались на деревьях желтые листья, еще висела в воздухе мокрая пелена тумана, еще бегали по углам крысиные. Но в воздухе уже чувствовался едва заметный привкус первых заморозков. Скорей бы каменные джунгли сменили грязное пальтишко на белую шубку.

Добравшись до дома, я выслушала нотацию Кирилла. Взрослые девочки носят телефон с собой, а не забывают его дома. Затем меня настигла нотация Бирмана. Подозреваемые, которые не готовы по первому слову явиться для дачи показаний, могут оказаться за решёткой. А совсем в ночи мне позвонил отец. Его нотация была самой долгой, самой нудной и самой нелогичной — я никак не могла повлиять на ментов, которые повадились отлавливать моего папочку в самых неожиданных местах и мучить вопросами обо мне. Представляю, что он им нагородил...

20. Бабочка на булавке

На этот раз я приехала на допрос во вполне приличном виде. Но с ощущением хронической усталости. Бирман казался еще более злым и придирчивым — то ли из-за дождливой осенней погоды, то ли из-за казенной обстановки в кабинете. Верзила отсутствовал, отчего в кабинете было намного больше места, зато Коля так усердно мучил клавиатуру старенького компа, будто готовился к смотру барабанщиков.

Сначала Бирман прицепился к тому, где я живу. Видите ли, официально указанная в моем паспорте регистрация не совпадала с фактическим местом жительства. Вот интересно, как отец объяснил этот факт. Хотя лично меня больше изумило то, что отец действительно не потрудился выписать меня из квартиры. Кое-как отбившись от попыток разузнать, где же находится моя нора, я попала под шквал вопросов о месте работы. Бирман не поленился найти Шурика Черняховского и выяснить, что моя трудовая книжка лежит в его конторе, и что числюсь я там менеджером, и что последние пять лет я нахожусь в отпуске без сохранения содержания.

Вот принесла нелегкая дотошного мента. Хорошо бы у Шурика неприятностей из-за меня не было. Что ты сейчас подельываешь, Черняховский? Все еще торгуешь рогами и копытами? И ревнуешь жену к лучшему другу? Друг у тебя что надо, а вот жена... Прекрасная Елена, да и только. Со всеми вытекающими. Надеюсь, до Троянской войны дело еще не дошло...

Я представила себе армаду античных кораблей, штурмующих Москву-реку и Язу. И Шурика, выступающего в роли оскорбленного мужа. Ему бы пошел такой сверкающий шлем с перьями на макушке. А уж

Елене по определению идет все, что на нее не надень. И вот он подхватывает ее на руки и уносит на ко- рабль...

Бирман сурово ждал, пока я вспомню, где и зачем на- хожусь.

— Простите, я задумалась. Вы что-то сказали?

— Вы и Александр Черняховский состояли в интим- ных отношениях?

А меня теперь про каждые брюки этой страны будут спрашивать, видела ли я их изнанку?

— Рита, вы понимаете, что я спрашиваю? Вы спали с ним?

Тон был равнодушным и оскорбительным одновре- менно.

— Нет, если вы имеете в виду сексуальные отноше- ния. Но мы были вместе в одной археологической экспе- диции, где и познакомились. Там мы ночевали рядом, несколько ночей под открытым небом. В принципе, это можно обозначить как то, что мы с ним спали. Кстати, там еще и жена Шурика была. И еще человек пятнадцать народу. Мы все там вместе спали.

Бирман бросил ручку на стол и откинулся на стуле. Пробуравив своими стальными гляделками дырочку на моем лбу, он подчеркнуто официально спросил:

— Рита, как и когда вы познакомились с Дориным Александром Никифоровичем?

Наличие имени и редкого отчества у Дорика меня изумило. Такие простые вещи нелепо узнавать о людях, когда они умирают. Геймер никак не ассоциировался со столь внушительно звучащим обращением. Дорик все- гда был Дориком. В лучшем случае, я могла слышать (хо- тя сомнительно), что его звали Сашей, но уж по отчеству к нему никогда не обращались.

Я вдруг представила, как неуклюжий Дорик, пред- ставляясь по телефону клиентам, не бурчит себе под нос

нечто вроде «дрк», а четко, по слогам произносит: «Меня зовут Александр Никифорович». Глядишь, и жизнь бы по-другому сложилась. Хотя нет, он же сам себе другой жизни не желал...

Рита, ты в ментовке сидишь, а не дома на диване. Соберись, не доводи людей до ручки.

— Ой, извините, я не знала, что Дорика так зовут.

— Так откуда вы его знаете?

— Дорик работал несколько месяцев у моего отца.

— Вы состояли с ним в интимных отношениях?

— Да, но очень непродолжительное время.

— Вы встречались после?

— Нет, ни разу.

— И почему же вы решили его навестить после продолжительного перерыва в общении?

— Соскучилась.

— Рита, я напоминаю, что вы даете показания по уголовному делу об убийстве.

— Да, я постараюсь, простите еще раз. Понимаете, я собралась купить ноутбук. И решила посоветоваться. У Кирилла свой взгляд, он уговорил бы меня на издательский комплекс. А мне хотелось обычный ноут, такой, чтобы можно было делать простую работу и, в то же время, чтобы музыку послушать, игрушки погонять.. Дорик мог мне какие-то вещи объяснить, написать, какая комплектация нужна. Поэтому я ему позволила.

— И что будете теперь делать без советов Дорина?

Классно. Наконец-то я могу похвастаться. Странно, конечно, я живу, если хвастаться приходится оперативнику в ментовке. Но уж лучше так, чем никак.

— Да ничего, я уже все купила.

Хоть я и пыталась сдержаться, думаю, шире улыбаться мой рот не в состоянии.

— Что, серьезно?

— Нет, шутки шучу. Вы же сами просили, чтобы серьезно. Да и что такого. Пошла и купила. Хотите — у Кирилла спросите. У меня и чеки все есть.

— Вы умеете работать на компьютере?

— Немного.

— И зачем он вам?

— Чтобы научиться работать на нем.

Я снова глупо улыбнулась, выдав свою детскую радость от обладания такой здоровской игрушкой.

— Вы планируете именно *работать*?

Я представила себя в строгом офисе за большим столом. С одной стороны — компьютер и телефон. С другой — бумаги и красивые папки. У стола шикарная деревянная столешница, покрытая блестящим лаком. В зеркальной поверхности яркими разноцветными огоньками отражается свет от хрустальной люстры. На таком столе особенно красиво смотрятся мои ухоженные ручки с хорошим маникюром. Я одета в деловой костюм — строгий, но женственный. А на экране компа столбиками цифры бегут — прибыль растет. Нет, разумеется, я знаю, что быть офисным планктоном — небольшая радость. Но чистое и теплое рабочее место — это уже кое-то. Не сказать, чтобы моя обычная работа была на холоде, но и чистой ее никак не назовешь. Хотя я была довольна...

Бирман вглядывался в меня настороженно и сердито. Ой, он меня точно арестует. Прямо сейчас. Но опер только устало спросил:

— Рита, ты часом не под кайфом?

Переход на «ты» переводил меня из категории добропорядочных граждан в отбросы общества.

— Нет. Извините, пожалуйста, я, правда, постараюсь не отвлекаться. Я устала и плохо соображаю. Я не нарочно, я постараюсь сосредоточиться. Спрашивайте.

— Почему твои отношения с Дориным оказались непродолжительными?

Поди объясни ему. Проще сразу признаться в убийстве.

— Дорику нужна была госпожа, этакая женщина-вамп с плеткой в чёрном латексе. Бывают такие сексуальные игры для избранных. Дорик считал себя избранным, то есть хотел бегать по дому на четвереньках в ошейнике, есть отбросы из собачьей миски и заниматься сексом после хорошей порки.

— Тебе это не нравилось?

— Нет.

— А можешь подробнее описать его фантазии?

Холодные серые глаза рассматривали меня будто бабочку, пришпиленную булавкой к стулу. А у меня тоже серые глаза. И я могу держать взгляд так долго, как только возможно. Ты, товарищ оперуполномоченный, сам наприсился. Хочешь ответов? Ты их получишь.

Я понизила голос и добавила в него хриловатых ноток, нисколько не стараясь смягчить жестокий смысл произносимых слов:

— Представь, тебя полностью раздели и привязали к ножкам кровати. Ты лежишь перед женщиной. Ты — раб, ничтожество, и я смеюсь над тобой, потому что ты жалок. Ты боишься и не зря. Потому что я воткну сталь в твою плоть. Я буду резать твою нежную кожу и вырывать куски твоего тела. О, ты просишь пощады? Но это еще только начало.

— Хватит, Рита.

— В наших отношениях нет никаких стоп-слов. А у меня есть еще шелковые шнурки. И я люблю кольца. Стальные кольца...

Бирман перегнулся через стол и сильно дернул меня за руку:

— Остановись.

— Вы же хотели подробностей?

— Я уже понял.

— Это вряд ли. Я пересказала отрывок из книги Эстер Лоудиц «Как стать повелительницей мужчины». Не дословно, но близко к тексту.

— Отрывок из книги?

Где-то сзади приглушенно хрюкнул Коля. Ничего смешного, между прочим. Сиди, очкарик, печатай, нечего уши развешивать.

— Это была любимая туалетная книга Дорика. Уж извините за подробность.

Что, Бирман, съел? Хотел откровенности, кушай, пережевывай.

— Ты практиковала все это в действительности?

— Нет. Максимум, что мне удалось — по физиономии ему съездить.

— На трупе обнаружены следы пыток. Это могло быть результатом склонности Дорина к мазохизму?

— Это не склонность у него была, а невменяемость. Дорик еще пять лет назад был законченным психом.

— Ты не знаешь никого из его партнеров?

— Нет.

— А кто знал о ваших отношениях?

— Кто хотел, тот и знал. В этом не было тайны.

Ох, кажется, я все же перестаралась с пересказом на скользкую тему. Оперативник глубоко задумался, и в кабинете воцарилась тишина. Мне очень хотелось обернуться и посмотреть, чем там занят Коля в наступившей тишине, но было как-то неудобно. Бирман сосредоточенно разломал свою ручку на мелкие пластмассовые кусочки и смахнул их под стол. Одарив меня еще одним прямым буравящим взглядом, он сделал крутой вираж, от которого мне окончательно стало нехорошо:

— Рита, что ты делала в квартире Дорина в вечер убийства?

— Я ничего там не делала. Вы же сказали мне не приезжать.

— До этого. Ты заходила в квартиру. Зачем?

— Нет. Не заходила.

У Осинки есть принцип, пару раз выручавший ее в скользких ситуациях: если врешь, стой на своем до конца. Кто захочет, тот сам придумает, как сделать ложь правдоподобной. А если не захочет, то тем более не следует вызывать подозрений отказом от своих слов. Будем следовать заветам более опытных во вранье товарищей. Но почему Бирман так уверен, что я была в этой чертовой квартире?

— Ты увидела труп Дорина и сбежала. Так?

— Ничего я не видела.

— Ты трогала что-нибудь в квартире?

— Не была я ни в какой квартире.

Стальные глаза прикинули, как снять с меня скальп.

— Рита, все очень просто. Рядом с подъездом Дорина, если ты заметила, находится служебный вход в магазин. И там есть камера наблюдения. Камера следит за тем, что происходит во время разгрузки машин, захватывая и пятачок у подъезда. Ты вошла в подъезд в 20.48 и вышла в 21.13, разминувшись с патрулем минут на семь-десять, не больше. Выкладывай все, как есть.

И зачем Бирман морочил мне голову, если главное он знал с точностью до минуты? Еще один охотник. И любитель долгой погони. В серых глазах плескалось удовлетворение от того, что он загнал меня в угол, и так удачно. А я, между прочим, не экзотическая бабочка-убийца, а обыкновенный мотылек.

Медленно и подробно я рассказала все, что происходило в вечер моего визита к Дорику, умолчав только о краже из его тайника. Получалось не очень убедительно, потому что проторчала я в квартире явно дольше, чем было достаточно для того, чтобы посмотреть на труп

и испугаться. И версия об истерике не прокатывала — Бирман уже знал, что ерундой вроде трупя меня не испугаешь. Пытаясь оправдать свое получасовое уединение с мертвецом, я как можно подробнее вспомнила все детали обстановки в квартире, где и сколько грязи и мусора скопилось, как именно лежали разгромленные компьютеры, каким узлом была связана веревка на руках и ногах Дорика и еще кучу мелочей.

Когда мои воспоминания иссякли, Бирман помолчал с минуту и подвинул мне пачку исписанных листов:

— Подпиши и ты свободна. Пока.

Кое-как нарисовав невероятное количество закорючек, я выбралась на улицу. Какое-то время я стояла возле пасти двуликого монстра — пожирателя душ. Приводила мысли и чувства в порядок. Ясно, что менты меня подозревают. Еще яснее, что они копают под меня, и что-нибудь да накопают.

О Дорике Кирилл точно знать ничего не должен. Но как объяснить ему то, что его прелестную милую фею вот-вот поволокут в тюрьму?

21. Роковая страсть

Если не можешь подняться на гору, обойди ее. Любой ведьме сторонняя вера в ее способности добавляет сил. А ситуация цейтнота способствует концентрации этих сил в важной точке. Я снова позвонила Анне Ивановне и на этот раз не просила ее ответить на вопросы, а просила выслушать и прокомментировать одну историю о делах давно минувших дней. Любопытство — мощная кнопка, работает почти со всеми.

Следующим же днем юная журналистка Марина Весенина восседала за огромным круглым столом, накрытым жуткой желтой клеенкой с изображением гигантских макаронин, и рассказывала Анне Ивановне сложную мыльную оперу, в которой участвовала Маша Рогальская, ее муж, их общий друг Френд и кто-то еще. Интерес к давним страстям я объяснила журналистским расследованием. А для правдоподобия притащила с собой ноутбук, который красиво, но бесполезно красовался на столе всю беседу.

На мое счастье, Анна Ивановна любила скандалы со знаменитостями. Мои восторженные слова о том, что такой замечательный человек, как Евгений Рогальский, не должен страдать из-за ошибок молодости, вызвали самый живой отклик. Старушка была не прочь помочь знаменитости как следует пострадать. И слово за слово мне удалось втянуть ее в реальные воспоминания.

Лет пятнадцать назад Анна Ивановна уже была дамой почтенного возраста. Но покорить карьерные вершины ей никак не удавалось, потому что в руководящие кабинеты проскакивали и пролезали дамочки помоложе. Осознав, что на нервотрёпку в руководящих креслах здо-

ровья не хватит, Анна Ивановна сосредоточилась на максимальном усложнении жизни шустрым карьеристкам. И к тому времени, когда карьеристки все же оказывались в заветном руководящем кресле, им и в голову не приходило поставить Анну Ивановну на место. Старушка успешно пережила все реформы и перераспределения, нисколько не сдав своих позиций.

Маша Рогальская не отнеслась к категории шустрых, поэтому долгое время Анна Ивановна не замечала ее вовсе. До нее доходили положительные отзывы о том, что это милая, спокойная женщина, сосредоточенная на своей семье. Пожалуй, Анна Ивановна и не вспомнила бы, кто это такая, не случись одного неприятного инцидента.

Инесса Викторовна Суворова считала себя отпрыском знаменитого рода Суворовых и внучкой наставницы Смольного института, влюбившейся в революционного матроса. Столь высокое происхождение обязывало, и Инесса Викторовна, с одной стороны, стремилась превзойти аристократизм дворцовых фрейлин, с другой, являлась сознательным и идейным борцом за коммунистические идеалы. Такая гремучая смесь надежно отпугивала от Инессы Викторовны всех разумных людей. Но женщина — есть женщина, и в результате непродолжительного романа у Инессы Викторовны родился сын. Сыночек, сынулечка, сынопусенька, сынотусечка Алеша.

Неизвестно, как отважной матери удалось дорастить свое чадо до двадцати с чем-то лет. Анна Ивановна запомнила, что уже взрослый «малыш» все время попадал в неурядицы и неприятности. Алеша то ломал руку, поскользнувшись на мокром асфальте, то подцеплял сложную инфекцию, требовавшую госпитализации.

Но главным кошмаром Инессы Викторовны были жалкие попытки Алеши завести отношения с девушкой-

ми. Первую такую попытку сыночка предпринял еще в школе, позвав одноклассницу позаниматься. Под вопли разгневанной мамы девочки сбежала навсегда, оставив Алешеньку среди подружек как полного идиота. Второй попыткой стали тайные встречи с одногруппницей, которые мамочка пресекла на корню, банально выследив сынулечку, подозрительно задерживающегося после института. Третьей и последней попыткой стало заявление Алеши, что он хочет жениться. На девочке из далекой провинции, готовой на все ради жизни в столице. Инесса Викторовна двинула потенциальной невестке в глаз, после чего та сразу поняла, что парни в родной деревне имеют массу преимуществ перед столичным хлюпиком.

Анна Ивановна запомнила Алексея как худого молодого человека, всегда слишком тепло одетого, всегда простуженного и часто кашляющего. В дореволюционные времена таких типов называли чахоточными. Но в славную советскую эпоху трижды проведенные обследования установили, что туберкулеза у Алексея нет. Есть слабая конституция и чрезмерная опека со стороны матери.

И вот это чудо, окончив институт, прибилося к месту работу мамы в невнятной должности энного секретаря при каком-то инспекторе. Кое-кто из молоденьких девочек почуял было легкую добычу, но радость была преждевременной. Строгая Алешина мама следила за нравственностью и здоровьем сына круглосуточно. Они вместе приезжали на работу, вместе уезжали, вместе обедали и вместе ходили на совещания.

Министерские кумушки оставили маменькиного сынка в покое. До тех пор, пока не заметили явные признаки того, что хлюпик пытается произвести впечатление. Алеша носил отглаженные рубашки и красивые галстуки, Алеша ходил с новым портфелем, Алеша изменил прическу. А дальше больше. Хлюпик стал отращивать бо-

родку а-ля Чехов и обзавелся золотыми запонками, которые картинно выставлял напоказ. По отделам пошли гулять предположения о предмете воздыханий сынопупочки. Но действительность превзошла все самые смелые предположения.

Как часто бывает, супербдительная мама последней заподозрила неладное. Но, заподозрив, сразу приняла меры. И однажды в разгар рабочего дня снесла запертые двери одного из кабинетов, в котором ей предстала чудовищная картина. Алёшенька предавался самому низменному разврату со скромницей Машей Рогальской.

Увидев гневное лицо матери, сынотусенька упал в обморок. А Маша спокойно встала, расправила юбку и вышла, оставив Инессу Викторовну причитать над отпрыском.

Никто ничего бы не узнал, но Инесса на следующий же день выложила все начальнице Маши. Та ничего не поняла, поскольку была воспитана в том варианте советского мышления, где о низменном разврате ничего не знали. А посему история пошла гулять по министерству в куда более смягченном виде: дескать, застали Алешу всего лишь разговаривающем о любви. Лишь некоторые особо продвинутые, услышав эмоциональные переживания Инессы Викторовны, понимали, о чем речь. Одни завидовали Маше — надо же, так ловко устроиться, другие осуждали — зачем несчастного парня под материнский гнев подставила?

Анна Ивановна отнеслась к истории без особого интереса, встав на сторону «малыша». Нельзя же лишать человека естественных радостей плоти, и Алеша лишь искал выход своим мужским потребностям.

Я была готова к сложной любовной интриге, но этот эпизод маминых походов казался совсем бесплодным. Скорее для завершения разговора, чем из действительного интереса, я спросила:

— И что же дальше?

— Роман закончился. О Маше поговорили, да забыли. А вот Алеша через неделю или две сбежал из дома. Сложил вещички, документы, забрал все деньги, что мог найти, и поминай, как звали. Инесса все бегала, ментов трясла, в розыск подавала. А потом ей кто-то из розыска и объяснил, что зря она дергается. Потому что смылся парень от непосильной материнской любви, да и живет в радости с какой-нибудь спокойной бабой. Нагуляется — и сам объявится.

Через пару месяцев Инесса Викторовна слегла, да так больше и не оправилась. Года через три ее не стало — рак. Мы думали, что Алексей хоть на похороны приедет, но нет. Наверное, поздно узнал...

Для профессиональной журналистки я сбежала слишком быстро, забыв заверить старушку в своей благодарности. Подозреваю, что другим пишущим особам больше не будут оказывать радушный прием в этом доме. Правда, пишущим особам и делать-то нечего в этом доме. Но, на всякий случай — простите меня, юные журналисточки.

Торопясь к станции метро, я поймала летящий мне в лицо хрупкий остов листика. Сеточка тонких прожилок складывалась в сложный рисунок. Разглядывая ломаные линии с краю, не поймешь, что все они стремятся к одному плотному стебелечку. С кем бы мне посоветоваться? С Кириллом? Не потону ли я в его словесных реках? Может, выложить все Бирману? Если всерьез не воспримет, хоть узнаю, умеет ли он улыбаться.

22. Два молодца

Кирилл ждал задержавшуюся Риту, поэтому без особых размышлений распахнул входную дверь, едва тренькнул звонок. Здоровенный мент с напарником тут же ловко оттеснили его в сторону, и через пару минут журналист обнаружил себя зажатым в углу маленькой прихожей, в то время как компания смурных мужчин, негромко переговариваясь, принялась методично переворачивать его квартиру вверх дном.

Кирилл опомнился, когда один из ментов начал разгребать кучу его листов с разными рабочими заметками. Сложенные в определенном порядке, заметки были своего рода банком идей, мыслей, цитат, которые Кирилл использовал в своем литературном творчестве, особенно том, которое неплохо финансировалось. Беспорядок в заметках означал, что налаженное производство неплохих текстов будет давать сбои из-за невозможности дополнения своих мыслей идеями из тысячелетних интеллектуальных запасов человечества. Кирилл с воинственным кличем кинулся к небрежно перебирающему листки менту и оказался жестко остановлен на полдороге. Бирман уклонился от неловкого замаха журналиста и недовольно попытался успокоить разгоряченного хозяина обыскиваемой квартиры:

— Кирилл, не надо нам мешать, мы постараемся все сделать быстро. Тем более что, как я уже понимаю, делать нам здесь нечего.

— Это все незаконно!

Бирман ответил внимательным взглядом и протянул Кириллу пачку бумаг. Разумеется, все документы были в порядке. Все подписи были на местах. И о понятых позаботились.

Подталкиваемый оперативником, Кирилл вышел в кухню и уселся за стол. Бирман сел напротив и начал объяснения:

— Кирилл, тебе нелегко будет это узнать, но мы уверены, что Маргарита Рогальская убила двух человек. По крайней мере, двух.

— Неудачное стечение обстоятельств.

— Крайне маловероятное стечение обстоятельств. И хотя прямых улик у нас пока нет, все косвенные указывают на Риту как на наиболее вероятную убийцу.

— А мотивы?

— Обоих покойников ограбили.

Весенин упрямо покачал головой:

— Не верю. Может, кто-то ее подставляет, или вы ошибаетесь с уликами.

Стальные глаза Бирмана не оставили ему никаких надежд:

— Мы нашли ее отпечатки на старой шляпной коробке в гардеробе Одоевского. Отпечатки смазанные, но, несомненно, свежие. Коробка была сдвинута со своего места, остался характерный пыльный след. Полка, где хранились все эти коробки, довольно высока. Чтобы ее достать, Рите потребовалось встать на стул. Мы нашли этот стул. Знаешь, что у Риты было на ногах, когда она якобы нашла труп? Туфли на высоченной шпильке. Мы обнаружили вмятины от предмета, похожего на каблук-шпильку, на сидении одного из стульев. Нет сомнений: Рита до или после убийства доставала коробку. Мы не знаем, что было внутри, но это что-то было небольшим.

— И что же, по-вашему, это было такое?

— Информация.

— Зачем она Рите?

— Деньги. Или власть. Или и то, и другое.

— Даже если она и доставала эту чертову коробку, это вовсе не означает, что она — убийца.

— Два одинаковых эпизода, Весенин. Оба раза Рита была на месте преступления. Оба раза с места преступления она уносила нечто маленькое, но, вероятно, высокоценное. Оба убийства совершены по одному сценарию. С обеими жертвами Рита была знакома, и очень близко знакома, в прошлом.

Кирилл поднял недоуменный взгляд на мента, и Бирман грустно усмехнулся. Задав для порядка несколько вопросов и получив вполне ожидаемые ответы, опер убедился в том, что верно оценил степень откровенности Риты с приятелем. Кирилл понятия не имел ни об уличном прошлом, ни об отношениях с жертвами, ни о разных прочих странностях девушки, стремительно запрыгнувшей в его постель и жизнь. Будет ли журналист так же рьяно защищать ее, если узнает кое-какие подробности? Хотя просвещение Кирилла в планы Бирмана как раз не входило. Наоборот, он собирался понять, что еще сероглазая ведьма скрыла о себе.

Кирилл, в свою очередь, собирался скрыть как можно больше из того, что он знал о Рите. Но вопросы оперативника постепенно зародили у него в душе неприятное чувство, что скрывать ему особенно нечего. Потому что он, собственно, ничего о своей нежной фее не знает. И даже невозмутимый Бирман, кажется, куда более осведомлен о каких-то тайных сторонах жизни Риты. Причем, по всей видимости, не слишком приятных сторонах, иначе с чего бы менту так иронично кривить угол рта при некоторых ответах?

— Кирилл, ты знаешь, где она живет?

— У меня, здесь.

— Но у нее есть другая квартира. Где она жила до того, как переехала к тебе?

— Не знаю. Я не спрашивал. Наверное, Акела знает. Ну, то есть брат ее. Он в Питере живет.

— Нет, Александр тоже не знает. И никто этого не знает. Ни ты, ни брат, ни папаша, ни подружки. Вроде как специально никто не интересовался, а она сама не рассказывала.

— Так, может, и нет никакой другой квартиры?

— А к тебе она со всем барахлом прямо из воздуха материализовалась?

— Не было никакого барахла. Так, по мелочи: джинсы, пара кофточек да белье.

— Она не просила тебя спрятать что-нибудь на время? Может, сохранить какие-нибудь бумаги?

— Нет.

Ответ Кирилла прозвучал твердо, но Бирмана это не убедило.

— Диски? Фотографии? Флешки? Деньги?

— Ничего.

— А ты давал ей деньги?

— Да. На продукты и вообще.

— Она несколько дней назад купила ноутбук. Тоже твой подарок?

Кирилл понял, к чему клонит Бирман, и разозлился:

— Нет. Я не делал ей *таких* подарков. И она ничего у меня не просила. У нее были свои деньги. Ей захотелось компьютер, и она его купила. Я даже ничего не знал. А если бы знал, посоветовал бы ей купить совсем другой комп.

— А где Ритин компьютер сейчас?

— На столе возле дивана.

— Нет. Она его забрала.

Усмехнувшись недоумению журналиста, Бирман решил к особенно интересующему его вопросу:

— А откуда у нее вообще деньги?

— Она работала. А недавно уволилась.

— Где работала? Как долго? Сколько получала? Почему уволилась?

Быстрые короткие вопросы опера вызвали у Кирилла чувство собственной неполноценности. Почему он, столь гордящийся своими журналистскими способностями и талантом раскапывать интересные факты и события, даже не поинтересовался у Риты столь обыденной вещью, как работа? Понимая, что выставляет себя дураком, он всё же ответил:

— Не знаю.

— Что? Совсем ничего не знаешь?

— У нее в телефоне записано штук двадцать номеров различных компаний. Она, наверное, мерчендайзер или менеджер самого нижнего уровня. Она нисколько не расстроилась из-за увольнения. Сказала, что немного отдохнет, а потом найдет новую работу. Я так понял, что проблем с трудоустройством у нее нет.

Бирман задумчиво помолчал, а потом резко свернул на другую тему:

— Кирилл, а ваши с Ритой интимные отношения были обычными?

Когда до Весенина дошел смысл вопроса, он против воли покраснел:

— Какое это имеет отношение...

— Если я спрашиваю — прямое. Ты часом не любитель разных упражнений в стиле бдсм? Веревки, удержания, немножко боли, может, даже немножко крови?

— Нет, конечно.

— Но это ты недавно подбил ей глаз?

Отчетливая неприязнь в голосе оперативника лучше любых слов сказала Кириллу, что в оценке хотя бы одного факта в жизни Риты он солидарен с опером. Вздыхнув, журналист покачал головой:

— Рита к старшему брату в Нижний ездила — о матери поговорить, но он ее обхамил, а на прощание еще и ударил.

— Константин?

- Он самый.
- Веселая семейка, не находишь?
- Она им не родная.
- Хотя бы это ты знаешь.

Разговор прервал флегматичного вида мент, положивший на стол перед Бирманом несколько фотографий Риты, сделанных Дионисом. Опер внимательно рассмотрел их по очереди, задумчиво покачивая головой, словно в такт какой-то мелодии. Затем в кухню ввалился здоровяк, оттеснивший Кирилла при прорыве в квартиру. Он что-то эмоционально зашептал Бирману на ухо, и тот, резко поднявшись, вышел из кухни.

Кирилл осторожно коснулся телефона, лежащего в кармане спортивных штанов. Все это время Весенин боялся, что кто-нибудь позвонит. Выждав, пока сердце перестанет изображать метроном в темпе аллегро виваче, он медленно встал и, словно нехотя, дошагал до туалета, кивнув ментам у входной двери. Бирман может считать его идиотом, ну и на здоровье, пусть тешится своими дурацкими идеями. Но спапать Риту здесь сейчас он оперу не даст.

23. Песня года

Заунывно завопил телефон. И почему я решила, что эта какофония звучит романтично? Даже не глядя на определившийся номер, я знала, что звонит Кирилл, поэтому коротко выдохнула в трубку:

— Я сейчас буду. Через пару минут.

Кирилл ответил шепотом, почти на пределе слышимости:

— Рита, не приходи ко мне. Здесь менты, они собираются тебя арестовать. Они за тобой следят. От метро.

Короткие «пик-пик-пик» прозвучали прежде, чем смысл сказанного проник в мое сознание. Около минуты я стояла и размышляла, уж не померещилось ли мне все это. Потом я с легкой грустью поняла, что придется воскресить Мэл.

Мэл всегда выручала меня в сложных ситуациях. Но раньше те, кто знал Мэл, никогда не видели Риту (или Марго). А теперь было много шансов нарваться на тех, кто вполне мог разобраться в моих ипостасях. Проверять, получится ли у меня обмануть Бирмана, не слишком хотелось...

Между мной и засадой оставалось три дома. И, вероятно, где-то сзади кольцо смыкалось. Зеленый крест светил мне в ночи, словно маяк надежды. Повезло, что в этот поздний час в маленькой полуподвальной аптеке никого не было. Пачка ваты, две пачки прокладок, нурофен, два пузырька валидола, нашатырь и пузырек марганцовки. Теперь резко за угол, в спасительную темноту маленького дворика. Вот оно, «счастье». Отличные мусорные баки. И совсем везуха — в одном из баков свалены какие-то тряпки. Живем, Мэл...

Через пару минут Мэл, покачиваясь и периодически

кашляя, вынырнула из темноты дворика обратно на улочку и, дойдя до перекрестка, свернула по узкой асфальтовой дорожке, пересекающей двор, последний перед домами, граничащими с парком. Мэл направлялась к парку, прямо мимо пары скучающих милиционеров в форме и при оружии.

Спокойней, Мэл. Мы с тобой бывалые девочки, и как-то за компанию с друзьями от пары облав уходили. Громыхни-ка авоськой, пусть бутылки звякнут. Ноги по-медленней переставляй, не спеши. Нервы не казенные, незачем так психовать, иди вперед, будто во всем мире важнее сбора бутылок ничего нет.

А еще, Мэл, давай-ка про тебя споем...

Куда идет бедняжка Мэл?
Куда-то далеко...
Кто скажет нашей бедной Мэл,
О том, что все прошло?
Прошла весна, исчезли сны,
Мэл ждет любовь давно...
Зачем искать, куда спешить?
Мэл ищет все равно...

Спроси ее о небесах,
О святости колец.
О ждущих в мире чудесах,
О близости сердец,
Спроси ее о мудрецах,
И где лежит венец.
О рыцарях и дураках,
И где нас ждет конец.

Что скажешь путнику, ты, Мэл?
Что видишь далеко?
Что разум знает наперед,

Все на земле пройдет?
Пройдет вся жизнь, умрет мечта,
Мэл ждет любовь давно...
Душа, потерянная Мэл,
Заплачет все равно...

Нет счастья для бедняжки Мэл
В подлунном далеко...
Нет разума у дикой Мэл,
Жить или умереть — ей все равно...

Песню написал Кузька Кронштейн, пятидесятилетний бомж, прибывший в столицу аж из Владивостока. Он сильно пил и, думаю, к настоящему времени покинул мир живых, потому что никакой организм не выдержит такой алкогольной накачки. Кузька никогда не рассказывал, как дошел до жизни такой. Лишь однажды я случайно увидела, что все его руки выше локтя покрыты сложными и красивыми татуировками. И он нехотя бросил, что разрисовали его «в Африке, в Африке, в далеком Лимпопо, где ждет девчонка юная, но не придет никто». Надеюсь, его душа обрела счастье, где бы она ни была сейчас.

Надо сказать, что я очень, очень давно не пела в стиле Мэл и подозревала, что изрядно путаю нескладные слова и немудреный мотив творения Кузьки. Зато после пары строф я вдруг успокоилась. В конце концов, что может быть хуже судьбы бедняжки Мэл — скитаться по свету в поисках любимого...

Один из ментов медленно подошел ко мне, но сложный аромат, которым я «благоухала», заставил его оставить между нами некую дистанцию. Я продолжала тихо брести, пару раз издав неприличный звук. И тут сотрудник правопорядка спросил:

— Эй, бродяжка, а ты видела когда-нибудь Мэл?

А-а-а!! В рот мне ноги! Засмеяться нельзя, а сохранение серьезной морды может и до судорог довести. Вот он, момент истинной славы, когда собственное творение выходит из тени и оказывается куда живее и интереснее самого создателя. Интересно, великий вселенский Создатель испытывает с нами схожие трудности?

— Видела, товарищ начальник.

Я придала своему голосу гнусавости, чтобы по возможности скрыть возраст. Я могла за счет сутулости и хромоты прибавить себе годков двадцать, но без грима достаточно пары пристальных взглядов, чтобы маскарад полетел к чертям собачьим.

— Не врешь?

— Вот те истинный крест!

Я размашисто перекрестилась.

— Она тебе предсказала что-нибудь?

— Ага. Однажды я встречу доброго мента и буду с ним счастлива до окончания времен.

Напарник моего собеседника заржал. И оба мента, утратив ко мне всякий интерес, вернулись к своему занятию — ожиданию событий.

Прежде чем я добралась до края леса, пришлось еще пересечь пустырь, разделяющий жилые кварталы и собственно лес. Но с каждым шагом я чувствовала себя все спокойнее. Наконец, кустарник скрыл меня от людей и города. Пройдя еще немного по узкой тропке, я швырнула авоську с бутылками в кучу листьев, скинула ботинки и забросила их подальше в кусты. Вытащенную из-под кофты и теперь кажущуюся невероятно тяжелой сумку с ноутбуком я повесила на плечо. Всё, теперь подхватить свободной рукой подол юбки — и бежать вглубь леса.

Далеко сзади залаяла собака. Прости, собачка, может я немного переборщила, но мне совсем не хочется быть загнанной по всем правилам охоты...

Часть 2

24. Добрый друг

Совещание по делу об убийстве Одоевского было назначено в зале небольшого старинного особняка, чисто отремонтированного со стороны фасада и удобно перестроенного внутри. Вывеска подсказывала любопытным, что некая коммерческая контора уютно расположилась внутри памятника архитектуры свой офис. Любопытные могли найти сайт компании в интернете и убедиться, что фирма занимается строительством. Но все посвященные коротко именовали и само здание, и расположившийся в нем особый отдел МВД попросту Особняком.

Бирман с Денисовым в первый момент засомневались, что попали по адресу. После весьма заковыристой процедуры проверки на входе их провели в залу с красивым расписным потолком. Пышногрудые девушки и упитанные младенцы летали в облаках над рядами обычных офисных стульев и выслушивали доклады и отчеты обо всех неприглядных сторонах людской жизни. Поскольку опера из Хрипанова прибыли немного заранее, им без проблем удалось занять самые дальние места в зале, к некоторому разочарованию тех, кто подтягивался позже.

С командой Лорда Бирман уже перезнакомился, поэтому еще до начала собрания, перебросившись несколькими словами с коллегами, вкратце знал все новости. Он понимал, что на него смотрят как на неудачника, упустившего главную подозреваемую, но ничем не выдавал, что его задевают тонкие и не слишком подколки на тему: «Ну, кто же мог подумать, что у журналиста телефон в кармане?»

Лорд прибыл вместе с худеньким и совсем молоденьким парнишкой, похожим на сошедшего с картины анге-

ла. На бледном овальном лице сияли огромные карие глаза. Тонкий нос и пухлые детские губы правильно очерченного рта дополнялись копной темных кудрявых волос, явно непослушных. Пока Лорд раскладывал на столе бумаги, парнишка пробился к стулу рядом с Бирманом, по одному его кивку уже занявший местечко крепкий парень тихо переместился вперед, и воплощение грез живописцев Ренессанса небрежно плюхнулось на освободившееся место, протянув соседу руку:

— Привет, Бирман. Я — Левка. Давай на «ты»?

В первый момент Бирману хотелось брякнуть что-нибудь вроде: «Да тебе лет-то сколько, Левка?» Потом он передумал и только кивнул. Сорвать свое раздражение на первом попавшемся человеке, конечно, можно. Но радостный Лева явно не заслуживал такого. Да и потом налаживать контакты будет куда сложнее.

— Ты из команды Лорда?

— Вроде того.

Обезоруживающая улыбка паренька казалась неуместной в строгом зале, где обсуждали подробности убийств. От нее слишком веяло теплом и дружелюбием. Бирман задумался, не будет ли с его стороны слишком наглým прямо спросить, что, собственно, Левка забыл в ментовке, пусть и на порядок выше районного отдела.

Лорд начал обстоятельно рассказывать о деле с самого начала, то есть с момента, когда он стал копать под Одоевского. И тут Левка сам спросил у Бирмана шепотом:

— Расскажи мне о ведьме.

— Что рассказать-то. Одинокáя несчастная девчонка.

— Совсем ничего необычного?

В тихом шепоте Левы послышалось горькое разочарование. Бирман прикинул, что Левке должно быть никак не больше двадцати. И что за дело. Еще один ребенок со странностями.

Поразмышляв, Бирман ответил:

— У нее необычные серебристые глаза. Всегда насмешливые и прячущие все чувства за колючими льдинками. Понять по ее глазам, о чем она думает, невозможно. А я не один допрос в этой жизни провел.

— Интересно будет, если я ее допрос проведу.

— Знаешь, почему она ведьма?

Левка внимательно уставился на него огромными карими глазами с любопытствующим выражением. Бирман скривил уголок рта и объяснил:

— Она видит больше, чем мы с тобой. У нее фантастическая наблюдательность. И хороший слух. Возможно, еще очень развитое обоняние. Но она не осознает этого, ее мозги автоматически фиксируют все подряд, а потом выдают готовую объёмную картинку. Наверняка у неё хорошая интуиция.

— Как ты это понял?

— Она видела квартиру Дорика меньше получаса. И не разглядывала, не запоминала специально, потому что была занята поисками. Но потом она описала мне все в мельчайших деталях. И кое-что мы с ребятами сами не заметили, хотя несколько часов там все обыскивали.

— Может, это от избытка впечатлений. Труп, кровь, эмоции захлестывают, запоминается то, что в обычной жизни и не заметишь.

— Да нет. Смотри. Вот журналист ее предупредил. Что она сделала? Свернула в аптеку. И это решение она приняла в доли секунды. Без сомнений и паники. Телефон разбила. Переделась. О том, что за ней могут пойти с собаками, успела не только подумать, но и принять меры. Прошла мимо наших ребят. И я не знаю, что надо иметь вместо нервной системы, чтобы так пройти. И уйти ночью, в парк, практически — в лес. На хрупкую эмоциональную барышню не тянет все это. Она совсем не такая, какой кажется. И она

не боится ни трупов, ни крови. Вообще ни черта не боится.

Пространство зала расколосось громким замечанием Лорда:

— Лева, если тебе неинтересно, можешь покинуть зал.

Бирману стало неловко, но его собеседник, даже не вставая, легко бросил в ответ упреку:

— Извини, Лорд, извини. Я слушаю тебя.

В голосе Левки не прозвучало ни ноты раскаяния или извинения. Только вежливая формальность. С веселым удивлением Бирман понял, что парнишка не чувствителен к создаваемому Лордом полю подчинения. Как они тогда уживаются?

Лорд перешел к ознакомлению собравшихся с результатами экспертиз по убийствам. А Левка уже шептал свой очередной вопрос:

— По-твоему, она красивая? Я фотки разглядывал, но так и не решил.

— Она на фотках на себя не похожа. Она другая. Но, пожалуй, да, красивая.

— А в чем ее слабость?

— В смысле?

— Если где-то есть плюс, значит, есть и минус. У каждого дара своя плата.

— Когда я ее поймаю — обязательно об этом спрошу.

— Правда, что она пела песенку о Мэл?

— Я сам не слышал.

— Знаешь, кто такая Мэл?

Неземные глаза Левки вспыхнули радостью в ответ на отрицательный жест Бирмана. Ему очень хотелось рассказать эту историю:

— Однажды девушка по имени Мэл потеряла своего любимого. Кто-то говорит, что он умер, кто-то — что он бросил бедную девушку. От горя у нее помутился рассу-

док, и она отправилась его искать. Ходит по городу и заглядывает в лица мужчин. Говорят, она помогает обиженным и защищает от злых сил. И она может предсказать судьбу. Но не каждому и не за деньги. Подойдет, коснется, скажет несколько слов и словно растворится в воздухе. Но увидеть Мэл — всё равно не к добру. Потому что Мэл может проклясть так, что сойдешь в могилу за пару месяцев.

— Любопытная сказочка.

— Новейшая городская легенда. И в нее верят. У постовых спроси в центре, многие тебе расскажут, что видели Мэл. Среди бомжей рассказы о Мэл ходят. В восточных районах некоторые бабушки болтают, что голос Мэл их спас, вывел с того света.

Спокойный фоновый шум что-то вещающего голоса нарушился новым громом замечания:

— Лева, прекрати отвлекать людей от дела.

Бирман отчаянно покраснел, как первоклассник на уроке, заболтавшийся с приятелем. Но его соседа патетика тона нисколько не смутила. Он словно отмахнулся от оратора:

— Извини, извини. Продолжай дальше, пожалуйста.

К удивлению Бирмана Лорд не стал обрушивать на нарушителей спокойствия громы и молнии, а спокойно продолжил рассказывать про бутылку с ядом в спальне Одоевского.

Лева снова наклонился к Бирману и его карие глаза вдруг погрузнели, словно наткнулись на обидную несправедливость:

— Ты думаешь, что Рита — убийца. Но она только притягивает к себе того, кто убивает. И сама будет жертвой. Если вдруг нападешь на ее след, посмотри вокруг, не исключено, что ты будешь не единственным охотником.

Бирман улыбнулся, а Левка продолжил:

— Мой босс ей интересуется. Он успел с ней где-то пообщаться, и она допекла его так, что он дергается при одном упоминании о ней. Он сам хочет ее арестовать. Не потому, что она кого-то убила, ему плевать на это. Потому что у него будет реальная власть над нею. И тогда... Лорд и Рита — это будет фейерверк года. Он на нее не действует. Понимаешь?

— Понимаю. На тебя вроде тоже.

— Хочешь противоядие?

Еще бы он не хотел. Смутное подозрение, что Левка ведет нечестную игру, рассеялось, стоило Бирману заглянуть во все понимающие и тихо веселящиеся глаза:

— Да не бойся, это не секрет, я всем новеньким рассказываю. Лорду двадцать семь. Но его мама иногда провозжает его на работу. Она забирает все его деньги и выдает их под отчет на обед и на покупки. Она запрещает ему задерживаться после десяти вечера. Так что захочешь поклониться Лорду, представь, как маленькая женщина хмурит брови, а он жалко лепечет: «Этого больше не повторится».

— То есть это у него семейное. Не уверен, что это поможет. Но спасибо, друг.

В карих глазах расцвела светлая радость, и Бирману снова стало неловко.

В качестве ответного дружеского жеста он рассказал Левке смешную историю о побеге музыканта от дочери депутата. Левка вкратце посвятил его в тонкости отношений внутри отдела. Бирман поделился трагикомедией с исчезновением отряда спасателей в уральском лесу. И выслушал историю о мошенничестве со стигматами. В общих чертах он уже был с ней знаком, но тонкости дела оказались действительно интересными.

Лорд призывал Левку к порядку еще раза два, но с тем же успехом. Бирман немного недоумевал, почему замечания направлены исключительно на его соседа,

но прощальный спич Лорда расставил все по своим местам. Мистер Власть не снисходил до его уровня. После совещания, когда Бирман и Влад уже топтались у выхода, ожидая возвращения оружия, Лорд догнал их и скептически заметил:

— Размах дела требует координированной работы всех отделов. У вас видение мелкого районного масштаба, а дело далеко от ваших обычных бытовых драк. Работайте на своем участке, не лезьте в основное расследование. И Рогальскую оставьте мне. Думаю, вы уже поняли, что она вам не по зубам. Я сам займусь ее поиском и задержанием.

Влад незаметно коснулся плеча друга сзади. Но Бирман не собирался демонстрировать никаких эмоций. Он понятиливо кивнул головой, сделав вид, что ловит каждое слово. Лорд продолжил:

— И не забывайте о бдительности. Наши противники могут иметь шупальца везде.

Показавшийся в дальнем конце коридора Левка помахал Бирману рукой, а потом изобразил, будто смиренно ждёт наказания. Лорд, стоявший к нему спиной, не мог видеть этой смешной пантомимы. Бирман, хотя и пытался удержаться, все же чуть улыбнулся. Лорда это привело в раздражение:

— Нет ничего смешного в том, чтобы соблюдать осторожность.

Круто развернувшись, мистер Власть широким шагом отправился по своим великим делам.

Выйдя на улицу, Влад зло сплюнул и подвел итог:

— Тоже мне, император всея Расеи выискался. А главное, вроде и понимаю все, а позови он меня, пойду куда угодно, причём добровольно и с песнями.

Бирман упрямо мотнул головой:

— Нет. Я ему не поддамся. Дело будем копать, как обычно. И ведьма — моя. Я сам ее поймаю.

25. Встреча в подземке

Несколько дней после ночного вояжа через парк я приходила в себя, не показывая даже носа из норы. Было над чем подумать. Но я не думала, я только отсыпалась, заказав с доставкой на дом целый пакет всякой еды. Пропади они пропадом, все эти маньяки и менты...

Наконец, отоспавшись и отъевшись, я все-таки выбралась к метро. В салоне связи пришлось долго отбрыкиваться от покупки навороченных чудес с отъезжающими крышечками, розовыми брелочками и рисунками из стразов. Поразительно все же, насколько люди не понимают простых слов. Что может быть неясного в запросе клиента «самая дешевая модель»? Зачем предлагать товар в четыре раза дороже? После препирательства с услужливым мальчиком я все же стала обладательницей телефона, победившего в конкурсе «самое маленькое число на ценнике».

Мобильник Кирилла оказался недоступен. Наверное, его изъяли менты. Я позвонила на домашний телефон, и после долгих гудков ответила Елена Афанасьевна:

— Аллоу?

В интонации мамы Кирилла было что-то от старых советских радиоспектаклей, посвященных буржуазной жизни. Такими голосами изображали обитательниц богатых особняков.

— Здравствуйте, это Рита.

— Ах, ты, мерзавка, дрянь такая. Ты хоть представляешь, во что нас втянула? К Кирюше на работу менты приходили, расспрашивали всех. Теперь его карьера под вопросом, а колонку ему точно не отдадут. И квартиру вверх дном перевернули... Кирюша сколько лет коллек-

цию афоризмов и цитат собирал. Все рассыпано, раскидано, считай — уничтожено.

Вот она, причуда человеческого восприятия катастроф. То, что я, возможно, убила парочку человек, несколько не волновало Гусеницу. А вот за рассыпанные листочки сына она сама была готова разобраться со мной далеко не гуманными методами.

Послушав смесь проклятий мне и причитаний над испорченной работой Кирилла, я рискнула и вклинилась в крохотную паузу между словами:

— Елена Афанасьевна, а где сейчас Кирилл?

— Тебе мало несчастий, что ты нам принесла? Зачем тебе Кирилл? Чтобы снова втравить его в беду? И не думай даже, хватит ему и того, что ты уже сделала. Оставь его в покое. Пусть поработает спокойно без твоих выходов.

Ага, значит, Кирилл в редакции, там-то и будем его искать. Увы, Елена Афанасьевна никак не могла выговориться и от упреков перешла к призывам небесных кар на мою голову. Уж и не знаю, какие еще ей нужны кары. По-моему, я уже и так под присмотром кого-то вредного и пакостного.

— Ты слышишь, Рита? Флешка Кирюшина у тебя? Уж как хочешь исхитрись, но верни ему ее, да побыстрее. Там собраны последние готовые материалы, и без них все надо начинать заново. Из-за тебя неизвестно когда он свой комп назад получит, а статьи сдавать надо вот уже сейчас. Хоть в этом гадиной не будь...

Распрошавшись с Еленой Афанасьевой, я набрала рабочий номер милого моему сердцу журналиста. Никто не ответил. Поразмыслив, я приняла решение попросту доехать до редакции и подкараулить Кирилла где-нибудь возле, чтобы, во-первых, отдать злополучную флешку, о которой я начисто забыла, а во-вторых, увидеть его и посоветоваться.

С подачи Кирилла я так быстро смылась от ментов, что даже не успела подумать, а надо ли мне было убежать вообще. Может, проще было посидеть пару неделек в камере? Ну, разобрались бы в конце концов, что это не я убийца, выпустили бы. Был бы у меня бесценный опыт по выживанию в тюрьме. Подумаешь, Рок неудачно сыграл в кости с Мойрами на мою спокойную жизнь. Первый раз, что ли...

Размышляя о разных игровых стратегиях и о том, могут ли высшие сущности мухлевать с кубиками, я едва не сделала ошибочный ход в собственной реальности-аркаде. Спокойно направляясь к эскалатору на выход из метро, я только за несколько метров заметила замершего человека впереди. Его толкали и пихали, но он не сходил со своего места, дожидаясь, пока толпа вынесет меня прямо к нему.

Вот какова вероятность, что в многомиллионном городе в подземке с сотней станций одна конкретная девушка случайно встретит одного конкретного мента? Лишь через мгновение я сообразила, что вероятности, игры в кости и небесные сущности здесь не причем. Бирман знал, куда я приду, и ждал, когда меня можно будет сцапать.

Опер прятал от меня глаза в надежде, что это поможет ему дольше не привлекать моего внимания. Но вряд ли он предполагал, что я хорошо ориентируюсь в метро. Я мгновенно затормозила и, ловко пробравшись между спешащими пассажирами, свернула в боковой проход к платформе, быстро пробежала назад еще две арки и бросилась вниз по лестнице в переход.

Крик: «Рита! Стой!» еще не смолк, а я уже стащила с себя куртку и скатала ее в рулон. Расталкивая людей с края лестницы, я спускалась быстрее толпы, но выскочив в длинный широкий коридор, не побежала вперед, а ловко перескочила в параллельный тоннель, ведущий

обратно на станцию. Поток людей, рвущийся навстречу, сдерживал движение, и, добравшись до первой площадки, я еще успела увидеть, как две спортивные фигуры метнулись как раз туда, куда я бежать не стала. Ждать поезда было рискованно, и я решила выбираться из под-земки. Адреналин призывал двигаться быстрее, но я не стала подниматься пешком по эскалатору, только стянула резинку с волос, внося еще одно изменение в свой облик со спины. Бирман и Влад сообразили, что их про-вели, и вернулись на станцию, когда я уже проехала больше половины пути вверх. Но они начали поднимать-ся быстрее, чем я ожидала. Догонят на выходе, обяза-тельно догонят. Ну почему за мной должны гнаться столь энергичные мужчины?

Фора все еще оставалась приличной, и я побежала вверх, перепрыгивая через ступеньки. Кажется, кто-то снова призвал меня остановиться. А ведь на станциях есть и свои менты. Все вместе они меня точно повяжут. А-а-а!

Выскочив из вестибюля станции, я быстро обежала здание кругом и с обратной стороны юркнула в узкую щель между стеной и огромной трансформаторной буд-кой. С одеждой придется попрощаться, зато мало кто со стороны может подумать, что здесь достаточно места для того, чтобы уместился человек.

Спасибо, Мэл, что на досуге ты изучила такие полез-ные места в этом страшном городе.

Запахавшиеся Бирман и Влад промчались мимо. На обследование территории возле станции им понадо-билась минут пять-десять. Все это время я простояла, за-крыв глаза и представляя себе, как огорченные преследо-ватели покидают площадь. Но они логично решили по-наблюдать за происходящим вокруг. И выбрали для этого лучшую точку — аккурат с другой стороны трансформа-торной будки. Боги любят посмеяться, это точно.

Несмотря на шумящую площадь, я слышала, о чем беседуют люди, едва не сцапавшие меня. Интересно же знать, что думают о тебе ближние — в буквальном смысле этого слова.

— Слушай, кто бы мог подумать, что она нас так сделает?

— Ты еще медаль за отвагу ей вручи!

— Да ладно, Бирман, не переживай, словим мы твою птичку.

— И что мне не терпелось, надо было ее тихо из метро вывести, а потом брать, уже наверху.

— Что теперь кулаками махать. Смывась, так смылась. Будем дальше журналиста пасти и поймаем в следующий раз.

— Если только у нас будет этот следующий раз.

У меня зачесалось в носу, и я прижалась лицом к холодной грязнущей железной коробке. Фу.

— Папаша говорит, у нее после смерти матери шарики за ролики заехали, он с ней с тех пор контакт потерял.

— Этот гребаный папаша ее из дома выкинул. Никуда она сама не уходила, никаких ссор и конфликтов не устраивала. Я уверен, что это он сам если не напрямую её вытолкал, то заставил уйти. Мерзавец.

— Ты не думаешь, что он мог к ней приставать?

— Я ничему не удивлюсь с этой милой семейкой. Я разговаривал с соседями, там пара теток Риту помнят. Говорят, тихая спокойная девочка. В школе училась хорошо, в институт собиралась. А три взрослых мужика спланировали ее в постель к старому козлу Одоевскому.

— Ты о братьях?

— Ну а ты бы отпустил свою Лельку одну на улице пожить? Чтобы какой-нибудь мужик приютил ее, потому что на улице холодно?

— Я понял, Бирман, понял. Ты расстроился, что птичка опять выставила нас дураками. Но маскируешь первопричину высокими помыслами.

— Птичка выжила на улице в семнадцать. А сейчас она умнее, осторожнее и злее. И весь этот город для нее — один большой дом. Мы можем о-очень долго ее искать. Не считая того, что всегда найдется дурень, которого она может раскрутить на совместное проживание на его территории и за его счет.

— Да куда она денется.

— Дело не в том, денется она или нет. Кого-то еще убьют. Надо бы выяснить, с кем еще у нее были романы.

— Хорошо бы выяснить, кто ее пасет. Мы ее ждали, а тот тип четко за ней шел. И он не из наших. Мужик солидный, да и в возрасте уже. Опять же, в пальто длинном и с портфелем. Может, девочка приглянулась, и он подкатить к ней хотел?

— Да нет. Понимаешь, я его даже раньше Риты приметил. Очень уж он нелепо себя вел, мне сразу на ум пришло, что он кого-то выслеживает. А когда я понял кого, обалдел настолько, что упустил обоих.

— Ладно, что болтаться тут без толку, поехали.

Я вылезла из убежища еще примерно через час. Стерев салфеткой грязь с лица, я не рискнула снова сунуться в метро и отправилась дальше сложными петлями наземного транспорта. Я боялась и поминутно оглядывалась. Бирман был уверен, что это я травлю и режу мужское население планеты. А мог бы подумать и о том, что сразу пришло мне в голову. Солидный мужчина в пальто и был настоящим убийцей. Убийцей, который следил за мной...

26. Злой волшебник

Загадочного преследователя я увидела часа через три после встречи с Бирманом и Владом. Я вышла из автобуса на конечной недалеко от своей норы и остановилась у ларька — купить батон хлеба. На другой стороне улицы боком ко мне стоял мужчина в шляпе, надвинутой на глаза, и с портфелем в руке. Тихий таймер опасности затикал в моей голове. Я почти сразу перестала сомневаться — это тот, о ком говорил Бирман.

Казалось, будто мужчина с портфелем внимательно изучает карту района, вывешенную на стенде, но стоило мне отойти от автомата, как он перехватил портфель поудобнее и направился к пешеходному переходу. Едва макушка его шляпы скрылась из виду за гранитной облицовкой парапета у перехода, я с максимальной скоростью рванула за угол дома, но не ближайшего к норе, а того, за которым начиналась улочка с магазинами и торговыми центрами.

Когда шляпа показалась с моей стороны улицы, я уже шагала в сторону одного из гигантских супермаркетов. У самого скромного было пять или семь выходов. Я никогда их не считала, но знала, что их много.

Войдя в магазин через огромный портал, украшенный огоньками, я не последовала длинным коридором, уводящим посетителей в чудесные миры потребительских удовольствий, а притаилась в небольшой нише, образованной колоннами, изображающими античный портик. Мужчина в шляпе вошел в портал и проследовал мимо меня минут через десять. Его медленная и чуть хромающая походка казалась несовместимой с его занятием преследования. Обманывает?

Я отвернулась к стене, пока он проходил совсем рядом. Вспомнив, как примерно та же тактика не помогла Бирману, я немного запаниковала. Что я буду делать, столкнувшись с неизвестным нос к носу? И это еще будет хорошо, если дядька — простой чел, шагающий по своим делам. Когда мужчина прошел чуть дальше по коридору, я покинула свой укромный уголок и тихонько тронулась за ним следом. Вроде бы в действиях мужчины не было ничего предосудительного: он методично обходил торговый центр этаж за этажом. Но то, как он осматривал каждую секцию, не заходя внутрь, а внимательно изучая то, что внутри, через витрины, казалось очень подозрительным.

Нехорошее подозрение выползло холодной змеей из подсознания и прошипело какие-то слова предупреждения. Но разобрать их я уже не смогла, потому что как раз в этот момент встретила с мужчиной взглядом.

Глупые декораторы! Кто вас просил понатыкать везде зеркал?! Как можно жить в мире, где все отражается по нескольку раз, да еще под немыслимыми углами? Вот зачем вам сдалась здесь зеркальная стена от пола до потолка?..

Я узнала постаревшее лицо сразу. Только теперь это не был парень из работяг по соседству. В нем появилась солидность и значимость, а прежде безбашенный взгляд серых глаз казался усталым. Мы с Френдом пялились друг на друга секунд тридцать, прежде чем одновременно опомнились. Пока он разворачивался, соображая, где я настоящая, а не зеркальная, я быстро слиняла к огромному отделу с посудой и затерялась между бесконечными стойками с тарелками.

Но это не помогло мне избавиться от наваждения, что Френд смотрит прямо на меня. Я перешла на соседнюю линию и спряталась в кабинке для переодевания модного женского салона, точно уверенная, что кроме

меня в бутике никого нет. Но и на одном квадратном метре, закрытом со всех сторон (я проверила несколько раз), ощущение близости выслеживающих глаз не исчезло.

Острый темно-серый взгляд крался за мной по пятам. Злой волшебник Френд чувствовал меня и шел ко мне. Шел, потому что я воплощала в себе какую-то его идефикс. Он не мог не идти. Само знание о том, что я существую, заставляло его действовать. Действовать медленно, четко, последовательно. Ведь главное — не время, а результат.

Совсем ты, Рита, чокнулась. Доведут тебя пробежки с ментами до отдыха в желтом доме. Ты еще огненные знаки на стенах нарисуй.

Сосредоточившись, я представила себе увиденное в зеркале лицо. И мысленно пожелала ему исчезнуть. Потом нарисовала себе сцену, как Френд выходит из торгового центра и уезжает восвояси. Кажется, я еще добавила какое-то ругательное пожелание ему в спину. Потом очень осторожно я представила себя, свободно и легко шагающую по магазину без всякой слежки. Ментальное упражнение помогло. Ощущение чужого неотступного взгляда исчезло.

На приведение остальных мыслей в порядок мне потребовалось еще два часа, три булочки и две чашки с кофе. Итоги размышлений получались, как бы это сказать, не вносящими никакой ясности. Френд вернулся из Америки (если вообще там был когда-нибудь) и заполнял свой досуг наблюдениями за приемной дочкой друзей молодости. Причем, подобрался он к этой дочке весьма близко. Почему именно я стала объектом интереса Френда? Единственной разумной идеей казалось то, что мои «раскопки» прошлого угрожали настоящему Френда. Но чем ему могли повредить досужие рассказы теток в возрасте? И зачем он выслеживает меня по всему городу?

Хуже всего оказалась мысль о том, что Френд знает, где находится моя нора. Несомненно, он ждал меня там, куда мне удобнее всего было приехать. Но до собственно норы оставалось еще несколько кварталов плотной застройки. И попасть туда можно было десятком разных способов. Знал ли Френд конкретный дом, конкретную квартиру?

Если он успел выследить меня раньше, то имело смысл, не дожидаясь осложнений, превратиться в Мэл. Смогу ли я, спустя почти семь лет, снова уйти на улицу? Какое-то количество мест для игры в прятки город, конечно, сохранил. Но местоположение разных зланных местечек, наркоманских нор, притонов изменилось, и теперь я не смогу запросто приходить в такие места и укладываться дрыхнуть — дурости не хватит. А мой опыт ночевки на лавочке в парке закончился дозами антибиотиков и ставками медсестричек: помру я в пятницу или дотяну до понедельника. Повторять эксперимент мне не хотелось. Пусть даже я и войду под кодом «пациент М.» в учебник по пневмонии, как обещал мне один хороший доктор.

Вопреки мнению Бирмана, город вовсе не был мне родным домом. Сидя под гигантской стеклянной крышей и задумчиво крутя в руках кофейную чашку, я решала, что делать и в то же время мысленно оплакивала свой уютный иллюзорный мир. В этом волшебном мире рухнули картонные стенки с нарисованными цветными домами. А за ними оказались высокие стены из кирпича, бетона, стекла и металла. Цветной мир было уже не спасти. Но, может быть, для одинокой маленькой ведьмы еще есть шанс?

27. Обходные маневры

В каждом мире, в каждом времени есть хорошие люди, которые своим существованием удерживают мир и время на должном месте. В любом виде и в любое время вы можете постучаться в их дверь и попросить о чем угодно. Это и создаёт основу пространственно-временного континуума. В нашем мире таким хорошим человеком был Энский, то есть Сергей Вяземский. Сам Энский нисколько не подозревал о том, что причинно-следственные связи, удерживающие логику нашего существования, зависят от его здравого смысла. Но я знала, что это именно так.

В квартире Энского обнаружилась его очередная приятельница. Типичная «девушка Энского». Я всегда удивлялась тому, как удивляется сам Энский неожиданно объявляющимся подружкам. Девушки ухитрялись самостоятельно возникать в его жизни, чтобы через некоторое время также самостоятельно исчезнуть. Все они круто обманывались насчет легкости завоевания этой привлекательной добычи на рынке женихов. Энский грезил о Елене Прекрасной. Меня это проверенное временем чувство изрядно раздражало. Желание Черняховского сделать счастливой не мог ни один мужчина в принципе, и даже обрести Энский заветную мечту, крушение этой мечты было бы быстрым и неотвратимым.

Я всегда представляла Энского в компании яркой и оригинальной девушки, нисколько не похожей ни на роковую Елену, ни на пресных барышень — искательниц мужа. Но пока я такой не встретила. А если бы и встретила? «Милая, я знаю мужчину, который станет вашей судьбой...» Подойди кто-нибудь ко мне с такой мастью, я бы послала в Уйскую сторону, даже не задумываясь...

Энский не задал мне никаких дурацких вопросов. Надо оставить барахло? Оставляй, первый раз что ли. Какое-то время будешь в отъезде? Хорошо, но звони, как будет возможность. Уйдешь на улицу? Оденься потеплее. Плохо будет — приходи, живи здесь. Никаких высоких материй и лицемерных ахов. Я бы охотно осталась у Энского подольше, но куча запланированных дел подталкивала к быстрому завершению встречи. Одно дело сделано, время бежать дальше.

Второе дело заняло почти целый день. Мотания туда-сюда, звонки, встречи — и все это ради знакомства с двумя девицами, ставшими моими соседками по новой норе. Я не собиралась оставлять старую, но подготовила в тылу запасной аэродром.

Девушки польстились на панельную конуру, никогда не знавшую ремонта, только из-за дешевизны. Мне было плевать на отсутствие плитки в ванне, заросшую черным мхом вентиляцию в кухне и отличный вид на серый бетонный забор из окон. Но соседки мнили себя эстетками, поэтому первый час знакомства посвятили рассказам о том, как это место отравляет их души. Помочь девушкам я не могла, поэтому ограничивалась вежливыми кивками головы. Мое заявление, что я буду редко ночевать, соседкам явно понравилось. И они беззлобно отпустили в мой адрес несколько шуточек про ночных бабочек. Дурочки, что с них возьмешь.

Третьим делом стал поход в банк. Я сделала то, чего раньше себе не позволяла — сняла деньги со счета. Аккуратные стопки купюр создавали обманчивое впечатление стабильности, а где-то внутри вредная часть меня дразнилась и напевала что-то про «It makes the world go round!». Ну и пусть. Бывает время собирать камни, бывает время разбрасываться рулончиками баков.

До редакции я дозвонилась по попытке с двадцать пятой. Когда мое терпение было на исходе, я все же услышала в трубке знакомый решительный голос Кирилла:

— Весенин слушает.

— Алло, это Марина Григорьева. Мы обсуждали с вами городскую программу профилактики инфекционных заболеваний.

Умница Кирилл догадался сразу. И ответил равнодушным голосом:

— Вы знаете, я очень занят сейчас. Ваш материал, безусловно, интересен, но теперь мы иначе расставляем акценты, и я не могу обещать, что ваша тема будет актуальна в новом формате. Позвоните мне через месяц-другой, тогда, быть может, что-то прояснится.

— Дело в том, что я знаю, где собрать конкретный материал. Фактический. Но мне одной трудно этим заниматься. Может, вы сможете съездить со мной? Вам стоит это увидеть своими глазами, и все ваши сомнения отпадут. Это точно ваша тема.

Кирилл замолчал. Я подумала, что над его душой висит кто-нибудь из команды Бирмана, и ему приходится куда труднее, чем мне. Наконец мой дорогой журналист решился:

— Как срочно нужна поездка?

— Завтра.

— Нет, на завтра у меня уже все распланировано. Давайте послезавтра с утра.

— Договорились. Послезавтра. В десять. Встретимся там же, где и в первый раз. Только не внутри, а прямо у метро. И не забудьте, вы обещали мне конфиденциальность.

Повесив трубку, я огляделась. Никто раньше меня не выслеживал, и я испытывала неуверенность. Вдруг Френд где-то рядом, а я его не замечаю? Хотя вроде ни-

кого и ничего подозрительного. Можно залечь в нору до послезавтра.

Через день утром, выйдя из дома, Кирилл сразу понял, что оказался под наблюдением ментов. Они не слишком и таились. Едва он тронулся со стоянки, как ему в хвост пристроился жигуль и проводил ровно до редакции. Что ж, пешком он тоже ходить умеет. Весенин вышел из редакции через боковой вход. Но, не дойдя до метро, снова обнаружил слежку: за ним небрежно вышагивал щуплый парнишка в штанах-докерах и с рюкзаком за спиной. Почувствовав прилив адреналина, Кирилл вошел в азарт гонки.

Сменив несколько линий и станций пересадки в приличном темпе, он решил, что оторвался. Но, увы, оказалось, что парень в докерах заменился на неприметного молодого человека в темной куртке. Преследователь приклеился к Кириллу, что называется, намертво, и даже попытка выскочить из уже закрывающихся дверей вагона не принесла успеха: парень выскочил на платформу синхронно с журналистом, хотя все это время смотрел совсем в другую сторону.

Добравшись в той же компании до нужной станции, Кирилл уже решил бросить затею, когда ему на мобильник с очередного нового номера позвонила Рита:

— Кирилл, это Марина Григорьева. Я вас жду. Вы задерживаетесь?

— Я в метро, рядом с вами. У меня проблемы с конфиденциальностью.

— Выходите наверх, я вас перехвачу.

Ступив на эскалатор, Кирилл увидел, как его преследователь вытащил что-то из кармана и проговорил в кулак короткое сообщение.

Возле вестибюля метро толкалось много народа. Журналист стоял памятником самому себе минут десять,

но ничего не происходило. Его преследователь с явным наслаждением торопливо курил, пользуясь передышкой.

Откуда-то сбоку к Кириллу вдруг бросилась незнакомая девушка в длинном пальто и ярко-желтой шапочке-колпачке с гигантским помпоном. Повиснув у журналиста на шее, она эмоционально сообщила не столько ему, сколько окружающим:

— Милый, я так рада, что ты приехал.

Целовалась она здорово. Кирилл забыл, куда и зачем собрался. Когда красотка его отпустила, он держал ее чуть дольше, чем следовало бы. Девушка громко засмеялась:

— Я так скучала. Мне плохо без тебя.

Доверчиво положив голову на плечо журналиста, девушка тихо проговорила уже только для Кирилла:

— Сейчас подъедет машина. Я отвлеку парня, а ты садись, тебя высадят через квартал. Дальше тащись как хочешь до Крысино, тебя будут ждать на остановке автобуса 333. Легко запомнить — три тройки. Ну, давай.

Девушка отлепилась от Кирилла и неспешно направилась прямо к парню с рюкзачком. Кажется, бедный ищейка чуть не проглотил сигарету, осознав, что происходит. Досмотреть представление Кириллу не удалось, пришлось быстро запрыгивать в подъехавшее такси.

Из-за угла вестибюля метро я грустно наблюдала за одной из миллионов встреч нашего безумного мегаполиса.

Симпатичная девушка подошла к парню, с улыбкой ему что-то сказала и положила руку в перчатке на его плечо. Ищейка отшатнулся от неё с гримасой неприязни.

С девушкой я познакомилась десять минут назад. Мне почти ничего не пришлось выдумывать. И деньги, которые с меня запросили за услугу, оказались куда меньше предполагаемой суммы.

Я видела молодого парня, храброго и смышленного, наверняка способного на большее, чем таскаться за другими людьми по подземке и мокнуть в засадах под осенним дождем. Я видела милую девушку, рожденную для любви и счастья, но готовую пуститься в авантюру ради маленькой обновки или новой помады. Стражник и красотка. Сколько раз встречались они на протяжении веков? Почему наши судьбы вычерчивают одни и те же сюжеты?

Мне вдруг захотелось, чтобы они познакомились, влюбились друг в друга, поженились, родили бы красивых деток. Двух мальчиков и девочку. Девочка будет самой маленькой и самой любимой. И жить они будут долго и счастливо. И никогда не умрут...

Очухайся, Рита. В Голливуде и без тебя творцов розового сахара хватает. Пора заняться своими проблемами. Время не ждет.

28. Старые чемоданы

Я заволновалась, не обнаружив Кирилла в Крысино. Но спустя четверть часа он лихо подкатил ко мне на старенькой девятке, позаимствованной у своего папы, и мы отправились на покорение подмосковных просторов.

Был крохотный, но шанс, что нечто до сих пор неизвестное прячется на родительской даче. В детстве мы проводили там много времени, но когда мальчики подросли, и им стало там скучно, традиция проводить все выходные на даче постепенно сошла на нет. Может, на даче осталось что-нибудь от мамы? Что-то, что поможет мне найти смысл в происходящем?

Евгений Рогальский занимался тем, что ныне называется ландшафтным дизайном, еще тогда, когда слова «ландшафт» и «дизайн» использовались исключительно в переводах английской литературы. Сначала его увлечение заключалось в отсыпке дорожек цветным гравием с подбором оттенков и размеров камушков. Затем он плавно переключился на посадку кустарничков, которые можно было стричь, придавая им забавные формы. Потом в дело пошли многолетние цветы, расцветавшие полосами и террасами в зависимости от времени года.

Над отцом смеялись все соседи. Картошка и свекла, кабачки и помидоры, клубника и смородина — эти овощные и ягодные посадки составляли гордость каждого разумного дачника последней четверти прошлого тысячелетия. И каждый считал нужным похвалиться выращенным на родных сотках урожаем. При виде же зеленого газона на небольшой лужайке люди крутили пальцем у виска, считая, что у отца не все дома. Некоторые считали, что такие буржуазные порывы указыва-

ют на значительные нетрудовые доходы, но, в целом, жили мы не богаче остальных.

Зато потом, когда началась эра больших частных денег, бывшие огородники приходили к отцу советоваться насчет свеженасыпанных альпийских горок и выкопанных прудиков с золотыми рыбками.

Старый домик, стоявший на участке в двадцать соток, был построен одноруким ветераном войны с помощью Божьей матери и соседей. Мой отец в незапамятные времена купил пустой клочок земли, надеясь, что хватит сил поднять солидный дом — обязательно сруб, с печкой, и с резными ставнями на окнах. Но годы шли, а до дома руки не доходили. И когда после смерти ветерана его сын-алкаш стал продавать наследство, отец, не особо раздумывая, расширил территорию, а заодно и домиком обзавёлся.

Сейчас домик выглядел откровенной развалухой, особенно рядом с новоделами соседей. Но ландшафтное увлечение отец не забросил. В цветниках атели осенние цветы, маленький прудик, вкопанный под яблонями, был аккуратно вычищен. На дорожках не было ни одной сорной травинки.

Перепрыгнув через забор и покопавшись под крыльцом, я нашла связку запасных ключей. Двери домика открывались методом «дерни посильнее», и можно было обойтись вовсе без ключей, но оставлять машину на улице было неудобно, а ворота запирались на более солидный замок.

Внутри домика чувствовалось запустение. Ничто не напоминало об идеальной стерильности городской квартиры. Отец вряд ли приезжал с ночевками и пользовался только комплектом посуды и электрическим чайником. Кроме кухни, все остальные комнаты были покрыты многолетним слоем пыли. Кое-как ликвидировав культурный слой с дивана и усадив на этот исторический

предмет мебели Кирилла, я отправилась на поиски чего-нибудь где-нибудь.

Увы. Старый шифоньер и буфет в большой комнате были пусты. Некогда заполненный старыми журналами шкаф в маленькой комнате вообще исчез, оставив после себя светлый след на полу. Стол-шкаф в кухне мог похвастаться тремя старыми и заросшими мхом кастрюлями. Ничего. Ни бумажки, ни записочки, ни фантика. И даже мышинные дыры, ведущие под пол, производили жалкое, брошенное впечатление. Не иначе именно здесь отец придумал теорию всеобщего одиночества. Обстановка к таким идеям явно располагает.

Попробовав складную лестницу на прочность, я забралась на чердак. Раньше на нем хранились банки и старые шмотки. Но те времена явно канули в лету. Чердак был пуст. Только в дальнем углу пылилось два старых тряпичных чемодана. Судя по плесени на крышке верхнего, чемоданы регулярно испытывали на себе все прелести российского климата.

Оповестив Кирилла о находке, я уткнулась носом в воротник водолазки, чтобы не вдыхать плесневелый воздух (кто его знает, что тут вывелось, на чердаке этом), и подтащила верхний чемодан поближе к маленькому разбитому окошку, к свету. Металлическая молния заржавела и не хотела поддаваться, в результате моих рывков замочек заклинило окончательно. Зато расплзлась ткань крышки, открыв чудную коллекцию истлевшего текстиля. Когда-то это были половички ручной работы с замечательно подобранными цветами. Но теперь слежавшаяся масса годилась скорее для получения каких-нибудь особо интересных видов микроскопических организмов.

В носу зачесалось, и я громко чихнула. Веселый голос снизу пожелал мне здоровья, и я приободрилась. Не то, чтобы я была трусихой. Да и в местах куда страшнее (ре-

ально страшнее) мне доводилось бывать. Но все же оправдывать теорию всеобщего одиночества не хотелось. Я крикнула ответное «Спасибо!» и переключилась на второй чемоданчик.

Уже не заморачиваясь с молнией, я уверенно дернула крышку, и старая материя разъехалась точно по клеточкам. Внутри оказались пакеты с ленточками, тесемками, кружевной каймой. Некогда это было настоящее богатство, сокровище рукодельницы. Но теперь оно иллюстрировало неумолимость всеразрушающего времени.

Под пакетами оказалась прямоугольная жестяная коробка. На удивление она не сильно проржавела. Вероятно, вода все же не добиралась до самого низа, да и пакеты давали защиту от влаги. Обломав пару ногтей, я все же стянула крышку с изображением Деда Мороза в санях. И издала радостный вопль. Внутри лежали конверты, открытки, отдельные листочки. В плохом состоянии: желтые, ветхие, полуистлевшие. Но всё-таки сохранившиеся. На самой верхней открытке читалась сильно продавленная надпись «Дорогой Машеньке».

Осторожно подцепив открытку, я перевернула ее и разочарованно вздохнула. Невозможно прочитать то, что когда-то было написано карандашом, да еще и мелко, с сильным наклоном. Еще две реликвии оказались бесполезными. А потом мне повезло. Раскрывшаяся открытка попортилась снаружи, но внутри оказался разборчивый текст, написанный тем же мелким косым почерком:

«Мой дорогой ангел мира и надежды, я все еще томлюсь от неизвестности. Ты молчишь, моя прекрасная волшебница, и нет мне покоя без света, что ты приносишь моей измученной душе. Исцели скорее мою боль, забери сомнения и страх, и я брошу мир к твоим ногам. Твой Джордж».

Поэтично, но непонятно. Волшебницы, свет в душе, мир к ногам — у кого-то в башке явно случился

перекосяк на почве возвышенных саг о мирах получше нашего.

Я откопала еще парочку читабельных листиков. Первый оказался кусочком письма без начала и конца. На нем значилось:

«...унылые людишки. Самое главное — не следить за временем. Тогда оно идет спокойно, не затаивается в углах, не подкрадывается неслышно сзади, не убегает на месяцы вперед. Я научился не обращать внимания на время, и это, пожалуй, одно из моих главных достижений. Теперь я свободен от диктата минут и часов, свободен, как существо другого порядка. Я знаю, это встревожит мою прекрасную фею. Но, ангел мой, тревога твоя напрасна. Я более чем когда-либо уверен в своих силах и могу...»

Читая отрывок, я невольно поморщилась. И этот туда же — фею ему подавайте. Судя по стилю, автором этого опуса тоже был Джордж. Если только мама не проводила от имени своего министерства конкурс на лучший образец графоманской бредятины.

Еще один обрывок представлял собой что-то вроде дневника:

«Понедельник. Получил два номера журнала. Даже не думал, что опубликуют.

Вторник. Передал твой подарок Красавчику. Он так вилял хвостом, бедный.

Среда. Решил уравнение для Джека. С граничными условиями он ошибается, это ясно. Подождем, что будет в эксперименте.

Четверг. Заметил, что снова пришла осень. Желтые листья, холодные дожди. Обожаю осень. И тебя, моя дорогая звездочка...»

Почерк опять же был похож на руку Джорджа. Но дочитать опус и задуматься я не успела. Снизу раздался чуть тревожный голос Кирилла:

— Рита, спускайся, сюда кто-то идет.

29. Розовый туман

Когда в комнате раздался страшный грохот, я висела на середине лестницы. Быстро спрыгнув, я бросилась в комнату и краем глаза в последний момент увидела, что сбоку мне в голову летит какой-то предмет. Я успела чуть отклониться, и дубинка опустилась на ключицу у моей шеи.

Звук, с которым сломалась кость, вселил в меня первобытный ужас. Левую руку обожгло невыносимой болью. Мир расплылся перед глазами неясными серыми пятнами. Никакая ты не ведьма, Рита. Где же твои пророческие способности? Спят? Вот и прикончат тебя сейчас на родной даче.

Лица нападавшего я за пеленой боли не видела, только чувствовала, как он готовится к новому удару. Темная фигура шевелилась сбоку, поднимая свое массивное оружие для атаки. Сжав зубы, я метнулась вперед и схватила с низкого столика квадратную стеклянную вазу. Развернувшись, я едва успела увернуться от очередного удара бейсбольной биты. Сориентироваться я не могла, и наоборот из всех сил треснула вазой туда, где должна была бы быть голова нападавшего. Ваза встретила препятствие и, кажется, даже раскололась. Но понять, насколько хороша была моя оборона, мне уже было не суждено.

Я пропустила следующий удар. Внутри головы вспыхнул салют из обжигающих точек, и я потеряла сознание...

Я очнулась от ощущения холода. И, вспомнив, что случилось, почти сразу запаниковала. Бежать, спастись, кричать! Кажется, я даже что-то пискнула. Но потом я подумала, что криками только привлеку внимание ненормального, напавшего на нас, и заткнулась.

Кирилл лежал на боку около стола. Возле его головы темнела лужица крови. Я попыталась встать на четвереньки, и едва не отключилась. Всю левую половину тела дернуло сумасшедшей болью. Я осторожно изучила собственное тело. Левая ключица была сломана. Но левая рука двигалась, хотя это и вызывало боль от плеча к шее. На голове слева была рана, не слишком болезненная, но кровоточащая. А перед глазами плавал розовый туман. Держись, Рита.

Я немного успокоилась, встала и добрела до неподвижного тела. Кирилла тоже ударили дубинкой по голове. Рана выглядела ужасно, хотя кровотечение прекратилось. Я попробовала привести Кирилла в чувство, но ничего не получилось.

Кто-нибудь, помогите мне! Помогите, пожалуйста...

Ведьма должна знать. Ведьма должна уметь колдовать. Понимать законы, по которым ее магия живет. Я потратила столько лет на пустяки. На глупости и шалости. Разве я пыталась понять, как это работает? Разве я пыталась найти тех, кто может мне объяснить? Вот он, час ведьмы, когда чудо может спасти человека. А я сижу и ничего не могу сделать. Потому что ничего и не умею...

Нет, умею. Не знаю, откуда и как это пришло ко мне. Но я последовала за этим древним инстинктом. Я забрала часть чужой боли себе. Взяла и забрала. Голова сразу заныла, запульсировала горячими волнами спазмов. Острые иголки впились в грудь, сжигая нервы дотла. Но я знала, что могу сдерживать этот поток. А вот Кирилл не сможет...

На время я перестала ощущать мир вокруг, но потом наше общее с Кириллом дыхание выровнялось, пульс успокоился и сердца забились в унисон. Волна боли отступила, хотя и не ушла совсем. Тяжесть в груди уменьшилась, я смогла открыть глаза и понять, что я выиграла небольшое сражение, но только отсрочку по времени, не всю битву. Медлить не следовало.

Я встала, доковыляла до кухни, умылась, нашла несколько полотенец и наскоро сделала что-то вроде шины для сломанной кости. Следовало, конечно, еще и прикрутить полностью левое плечо к туловищу, но тогда я не могла бы действовать левой рукой. Поверх разорванной кофты я натянула валявшийся в прихожей старый свитер кого-то из братьев. А на голову водрузила кривую и растянутую, но удачно маскирующую дырку в башке беретку. Теперь я выглядела почти нормально.

Испортив еще одно полотенце, я бережно стерла кровь с раны на голове Кирилла, отчего он едва слышно, но застонал. Все будет хорошо, дорогой. Потерпи немного.

Я была на задворках мира. В старом забытом садовом товариществе, пустом и неуютном осенью. До поселка почти десять километров. До районной больницы еще столько же. По старым рассказам я помнила, что скорая может добираться до садового товарищества и час, и два, и три. Имело смысл рвануть сразу в столицу.

Ключи от машины лежали у Кирилла в кармане. Осторожно выглянув во двор, я с радостью обнаружила машину ровно на том же месте, где мы ее и оставили. Теперь нужно было как-то в нее залезть. Нам обоим.

Вытащив уголок коврика из-под ножки стола, я осторожными рывками потащила коврик вместе с Кириллом к двери. Кто пишет эти нелепые истории о том, что мужчины хороши, если они больше, толще и тяжелее хрупких и слабых женщин? Нет уж, если предполагается носить мужчин на руках, следует выбирать экземпляры поменьше весом. Я вот явно прогадала.

И надо было ещё затащить Кирилла в машину. Я понимала, что не смогу поднять его, тем более одной рукой. Не сразу, но придумала решение. Я завела машину и после нескольких не вполне успешных разворотов, мне

удалось поставить жигуль с открытой дверью вплотную рядом с высоким крыльцом.

Коврик оказался незаменимым транспортным подспорьем в погрузке бездыханного тела в автомобиль. Кое-как мне удалось уложить Кирилла на заднем сидении. Теперь проверим, смогу ли я управлять его драндулетом.

Я осторожно вырулила из ворот и медленно-медленно выбралась на проселочную дорогу к шоссе. Теперь добавим газу. Все супер.

Я собиралась совершить скоростной прорыв в столицу с одной нормальной рукой, с розовым туманом перед глазами, без прав и документов на машину. Если меня остановит гаишник — хана всему. Впервые в жизни я поняла, что такое молитва, потому что, сама не зная, каким богам молюсь, я все же делала именно это — отчаянно молилась...

После пересечения кольцевой дороги, я долго колебала по жилым кварталам, не сразу сориентировавшись, куда нужно ехать. Наконец, я остановилась возле небольшого супермаркета. Максимально сосредоточившись, я трясущимися руками нашла в телефоне Кирилла нужный номер. Долгие гудки побуждали сдаться и отключиться. И всё же в трубке раздалось короткое «да». Собрав все силы и нервы в кулак, я как можно четче выговорила:

— Виктор Николаевич, меня зовут Рита, вашему сыну нужна помощь.

Спокойный голос со знакомой интонацией Кирилла вселил в меня надежду:

— Говорите, Рита, я слушаю.

— У Кирилла сотрясение мозга и, наверное, потеря крови. Я приеду к вам в больницу минут через пять. Вы сможете нас встретить?

После паузы, показавшейся бесконечностью, Виктор Николаевич ответил:

— Вам нужно будет подъехать со стороны морга, слева от большого главного здания есть узенькая улочка, вторые ворота направо, и прямо упретесь в тупик. Я буду ждать.

Виктора Николаевича я сразу узнала, сын оказался очень похожим на отца. И старший Весенин успел подготовиться. Едва автомобиль притормозил в небольшом и пустом тупичке, как к машине бросилось несколько человек, осторожно переложивших Кирилла на каталку и мгновенно умчавших его вглубь длинного больничного корпуса.

Я вылезла из машины. Сообразив, что не нужно было этого делать, я села обратно, но отец Кирилла удержал дверцу открытой и, чуть наклонившись, сурово спросил:

— Рита, ты не хочешь ничего объяснить?

— Нет, Виктор Николаевич. Мне нужно уехать.

— Во что ты втянула моего сына? Его снова искала милиция.

— Он ушел от слежки, чтобы встретиться со мной.

— Кирилл пострадал из-за тебя, да?

— На нас напали.

— Тебя подозревают в убийстве.

— Я никого не убивала.

— Я не могу тебя отпустить. Вылезай.

— Послушайте, Виктор Николаевич, чем быстрее я уеду, тем быстрее ваш сын будет в безопасности.

— Это моя машина. Ты думаешь, что можешь забрать ее?

— Я ее верну. Отпустите меня. Пожалуйста.

Отец Кирилла решил перейти от слов к делу и схватил меня за рукав на плече. На левом плече. Я инстинктивно дернулась в обратную сторону и тем самым сделала себе больнее. Что ж за жизнь такая, а? Я резко повернулась,

выбросила правую ногу и ударила Виктора Николаевича по ноге чуть ниже колена. Он машинально схватился за ногу, одновременно отпустив и меня, и дверь машины.

Я вернулась в нормальное положение, быстро повернула ключ в замке и, едва почувствовав дрожь мотора, бросила машину вперед. Виктор Николаевич начал что-то кричать, но я его уже не слушала. Закрыть водительскую дверь, минута на разворот, три на проезд к воротам. Хватит ли мне времени улизнуть?

Уютные улочки старой пятиэтажной застройки с тихими дворами остались позади. Сложное переплетение переездов и эстакад вывело меня на третье кольцо. Разнервничавшись, я свернула не в ту сторону и поневоле поехала по длинной дуге. Зато успела поразмыслить...

Машину я припарковала на стоянке у метро. Руки тряслись, и раза три я не туда попадала, прежде чем все же набрала правильный номер. На другом конце линии долго не отвечали, но потом трубка выплюнула хриплое и резкое:

— Бирман.

— Здравствуйте.

Что я шепчу? Надо погромче говорить.

— Рита?! Рита, это ты?

— Я хотела сказать...

— Ты убила и его, да?

В усталом голосе опера послышалось что-то отчаянное. А я вдруг растерялась.

— Куда ты его заманила? Говори.

— Кого?

— Кирилла. Где он?

— В больнице. У своего отца.

— Он жив?

— Да.

Я уже пожалела, что решилась на такую глупость, как вонюк менту. Но тут Бирман вдруг опомнился и заорал:

— Рита, не клади трубку! Слышишь, Рита? Не убегай! Зачем ты позвонила?

Резкие громкие слова вызвали у меня головокружение. Я стала объяснять случившееся, на ходу подбирая:

— Мы с Кириллом были на даче моего отца. На нас напали. Его ударили по голове. Сзади. Бейсбольной битой. Он потерял сознание. Вам надо съездить туда, на нашу старую дачу. Я ничего там не трогала. Только чашки. И полотенца взяла, чтобы кровь смыть. Дубинка осталась на полу возле кухни. Только не говорите отцу, что это из-за меня там такой разгром. Пожалуйста.

Стоп, Рита. Не болтай ерунды. Какой там «не говорите отцу», ты в своем уме? Видимо, Бирман тоже пришел к выводу, что не в своем, потому что как ни в чем ни бывало он спокойно ответил:

— Я не скажу, Рита, не беспокойся. Ты видела, кто напал на Кирилла?

— Нет. Но я кинула в него вазу, и, кажется, попала.

— Что вы делали на даче?

— Я хотела там найти что-нибудь о маме.

— Ясно. Зачем ты потащила Кирилла с собой?

— Ну, вместе веселее.

У меня точно не все дома. Причем тут веселее? Мысленно я представила несколько вариантов язвительных ответов Бирмана вроде «вот и повеселились», но он промолчал. Собрав остатки соображалки в кулак воли, я быстро договорила:

— Я оставила машину Виктора Николаевича здесь, в Новоконеево, у самого входа в метро. Я совсем немного ее поцарапала. Скажете ему, чтобы он ее забрал. Пожалуйста.

— В Новоконеево, значит. Я обязательно ему скажу.

Я вдруг поняла, что выдала свое местонахождение. Наверняка Бирман повторил название станции, потому что сообщал его кому-то у себя в кабинете. И этот кто-то, в свою очередь, сообщил его бравым ребятам, которые уже за мной выехали...

— Рита, а ты сама цела? Тебе крылышки битой не обломало?

Я нажала отбой. И отправилась зализывать обломанное крылышко в свою нору.

Все же, в какие благословенные времена мы живем. Не знаю, что делали девы в беде вроде меня столетия назад, но шляться в каком попало виде по улицам им вряд ли позволялось. В нынешнем цивилизованном мире большей части населения плевать, что на ком одето. Поэтому девушка в армейских ботинках не по размеру и заношенном мужском пальто, найденном в первой попавшейся мусорке, может чувствовать себя достаточно комфортно, чтобы прогуливаться по городу, не встречая недоуменных взглядов.

Кажется, кому-то там, наверху, надоело бросать кубик. Во всяком случае, как бы это ни было удивительно, до дома я добралась быстро и без приключений. Отлежусь немного, а потом придется идти на поклон к Хану.

30. Вопросы этики

Кирилл Веснин очнулся ранним утром, вокруг еще были сумерки, и единственным пятном света маячил крохотный ночничок. На стульчике у кровати сидела, ссутулившись, Елена Афанасьевна и дремала. Чутко уловив движение на кровати больного, она сразу встрепенулась и бросилась к сыну. Увидев, что он пришел в себя, она не смогла сдержать слез.

В голове Кирилла царил сумбур. Воспоминания роились бестолковой кучей, и ему понадобилось время, чтобы привести мысли в порядок. Он поехал куда-то за город. Красивый участок. Маленький старый домик. И темнота...

Попытка заговорить оказалась не слишком удачной. Вместо понятного вопроса получился хаотичный набор звуков.

— Ш-ш, милый, лежи спокойно, не волнуйся. Все уже хорошо.

Мама здесь. Все действительно хорошо, если мама легко пожимает его крупную ладонь.

— Тихо, не пытайся говорить.

— Что... Что...

Больше журналисту не удалось ничего выговорить, но мама его поняла:

— На тебя напали и ударили по голове. Ты был без сознания. Не волнуйся, все самое плохое уже позади. Ты в больнице, у папы, он зайдет, как только сможет.

Какое-то время Кирилл усваивал новую информацию. Никогда до этого он не испытывал эффекта выключения из жизни, а затем возвращения, но уже в ином месте и в иное время. Он иногда прибегал к такому приему в своих статьях, и в целом относился к самому понятию

«потерять сознание» несколько легковесно. Теперь ему требовалось время, чтобы понять и принять случившееся. Несколько минут он привыкал к новой обстановке, смирялся с ней, вписывал свои планы в новые обстоятельства. И лишь затем вдруг вспомнил, что в поездке был не один. Кто на него напал? И почему? Что случилось с Ритой? Как он оказался в больнице?

Новая попытка высказаться оказалась более удачной, во многом потому, что Кирилл не пытался задать все двадцать первоочередных вопросов сразу, а вложил максимум вопросительной интонации в одно короткое слово. Точнее, в одно короткое имя:

— Ри-та?

Мама его поняла. Но она не собиралась тревожить сына подробностями произошедшего, поэтому сказала то, что нужно:

— С ней все в порядке. Она привезла тебя, а потом сбежала.

В палату заглянула медсестра и сразу скрылась. На месте миловидной изящной девушки возникла массивная фигура в милицейской форме. Елена Афанасьевна, поджав губы, вышла в коридор. Кирилл знал, что уже встречался с гостем, но ни имени его, ни обстоятельств встречи припомнить не мог. Оперативник пришел ему на помощь:

— Влад Денисов. ОВД «Хрипаново». Помнишь?

Кирилл кивнул, Влад сел на стуле возле кровати и вежливо поинтересовался:

— Как самочувствие?

Кирилл равнодушно поизучал пятно на потолке, потом, нехотя, ответил:

— Хреново.

— Можешь ответить на несколько вопросов?

— Не знаю. Ты же их еще не задал. Смогу — отвечу, нет — так и суда нет.

— В целом мы представляем, что и как случилось. Но все же постарайся припомнить детали, может, что-то незначительное, что поможет нам составить цельную картинку.

Вопросы следовали один за другим. Был ли кто-нибудь возле домика, может, встретился кто-то по дороге, говорила ли Рита с кем-нибудь по мобильнику, упоминала о других людях, о других встречах и так далее и тому подобное. Кирилл вскоре почувствовал, что короткое слово «нет» вызывает у него аллергию. А у его собеседника — все более заметное разочарование.

Кирилл не знал, что именно нашла Рита на чердаке. Какие-то бумаги. Что в них было, она не успела рассказать. Кирилл не видел нападавшего, только неясный силуэт, метнувшийся через двор к крыльцу. Кирилл понятия не имел, что и как делала Рита после того, как он потерял сознание. Ему казалось логичным, что человек без сознания не понимает, что происходит вокруг. Но, кажется, оперативник сомневался и в его полной отключке, и в том, что журналист действительно ничего не видел и не понимает. В палату пару раз заглядывала медсестра, но Влад каждый раз обещал, что осталось буквально две минутки, и продолжал задавать свои вопросы.

После бесполезного обсуждения произошедшего на даче Влад переключился на вопросы, касающиеся работы Кирилла. И проигнорировал все его заверения о том, что журналистов, пишущих о новостях науки и техники, не подстерегают с битами разные темные личности. По мнению оперативника, очень даже подстерегают. Мало ли какие там научные новости бывают. Влад бесцеремонно расспрашивал Кирилла обо всех редакционных сплетнях, и после вопроса о том, действительно ли главред прижил внебрачного ребенка с сестрой своей секретарши, журналист решил, что пора возмутиться:

— Послушай, это неэтично с моей стороны обсуждать такие вещи.

Денисов только усмехнулся:

— Ну да, конечно, этично только направо-налево рассказывать, что именно твоя девушка в постели умеет.

Кирилл зло парировал:

— Твоего начальничка это вроде интересовало.

— Бирмана по делу интересовало. А в редакции ты без всякого дела эротические поэмы о Рите слагал. Очень этично, учитывая, что твоя бывшая в той же редакции работает.

— Ты закончил с вопросами? Я устал.

Влад поднялся, чтобы попрощаться, но тут Кирилл, в свою очередь, спросил:

— Мама сказала, что меня Рита привезла. На машине моего отца?

Денисов кивнул:

— Да.

— Она не пострадала?

— Крыло одно промято, царапины на бампере.

— Черт, я же не про машину, я про Риту. Она водить не умеет. Как она вообще доехала? И почему не позвала на помощь?

Влад несколько секунд размышлял над сказанным с таким видом, словно журналист брякнул нечто нелепое. Потом, покосившись на забинтованную голову и списав нелогичность сказанного на травму головы, объяснил:

— У нее не было выбора. Не забывай, она осталась один на один с тем, кто на тебя напал. И даже если это не было для нее проблемой, ждать помощи в этой дыре было глупо. Ты вполне мог загнуться.

— Думаешь, она знала того, кто на меня напал?

— Пока неизвестно.

— А там, на даче, вы ничего не нашли?

Влад снова помолчал, решая, что и как сказать, потом ответил:

— Дачу сожгли. Дотла. Облили бензином и подожгли с трех сторон. По нашим расчетам, это произошло сразу после того, как Рита с тобой уехала. Кто-то сгонял за бензинчиком и позаботился о том, чтобы пожар был на славу. Если на счету твоей подружки и есть парочка трупов, тебя она убивать не собиралась.

После ухода оперативника Кирилл упросил маму принести бумагу и карандаш. Кажется, у него появилось время начать писать давно задуманную книгу.

Примерно в это же время, но в другой части города Бирман внимательно слушал объяснения Кольки, касающиеся машины Весенина-старшего. После общего блабла Колька указал на пятно на заднем сидении:

— Смотри, здесь журналист лежал. Кровь с головы натекла, и потом смазанный след — это когда его из машины вытаскивали.

Потом очкарик повернулся и указал на место водителя:

— Здесь тоже есть кровь Кирилла, на сидении. Скорее всего, Рита испачкала одежду, а потом пятно перешло на кресло. Но вот здесь, на руле и на дверце с внешней стороны — другая кровь. А пальчики с Ритиными совпадают, я проверил. Так что или это кровь кого-то третьего, или Ритина.

— Значит, у нее руки были в крови. Не понимаю, что же доблестный эскулап — папаша Весенина — не заметил этого?

— Что тут непонятного? Ты же слышал, какими словами он ее кроет? Он не на нее смотрел, а на поцарапанные бока своей машины. Но два свидетеля подтвердили, что пока раненого вытаскивали, девушка вышла из машины. Так что сложно было не разглядеть.

— Интересно. Если она собиралась сразу из больницы свалить, то и дверь бы открывать не стала. Так?

— Я тоже так думаю. Но после нескольких слов Весенина-старшего она быстро запрыгнула в машину и рванула так, словно за ней черти гонятся.

— И как Весенин это объясняет?

— Говорит, что хотел ее задержать и передать милиции.

— Идиот. Лучше бы помощь ей предложил. Бинтик там, таблеточку, полежать на коечке. Мы бы ее взяли. И теперь не гадали бы вилами по воде, что к чему.

— Знаешь, а мне ее немного жалко. Она ведь могла в первую попавшуюся больницу журналиста скинуть. Но приехала к папаше — вот вам дорогой сыночек. А он ее ментам сдавать. Как-то не по-людски, не думаешь?

— Будешь писать учебник по этике, обязательно упомяни этот случай. Бедная овечка-убийца и неблагодарный волк-доносчик.

— Ладно, не злись. Если она ранена, может, проще будет ее поймать.

— Или она забьется в нору, или станет легкой добычей того типа, что за ней ходит.

Колька только покачал головой:

— Котелок у нее еще соображает. Телефон она снова выкинула.

— Да ничего она не соображала, иначе закинула бы трубку куда подальше, чем в ближайшую урну от машины. Теперь я знаю, где и когда она ее купила. И если придет за следующей, я тоже буду об этом знать. И, кроме того, теперь понятно, что ее нора — между Крысино и Новоконеево.

— Да, где-то в самой большой деревне нашего милого городка. Туда-сюда на пару европейских столиц потянет. Четкая локализация, ничего не скажешь.

Бирман еще раз обошел вокруг машины и снова вернулся к Кольке:

— Знаешь, чего никак не понимаю? Ладно, были отравления — легко, просто, чистенько. Потом убийства — быстро, жестоко и эффектно. Теперь в ход пошла бита. Как все это увязать в одну схему?

Серое унылое осеннее небо щедро плевалось мелкими каплями холодного дождя, и в висящей пелене воды терялись очертания домов и улиц. Звонок телефона разрезал мягкий городской шум резким и неприятным звуком. Послушав с минуту что-то важное в трубке, Бирман повернулся к Кольке:

— Поехали. Еще один покойник. На Новой Риге.

Временные точки вмещают множество событий. В третьей точке того же времени, но чуть иного пространства, два сотрудника особого и закрытого от досужего любопытства отдела внутренних дел обсуждали главную фигурантку дела.

Лорд разглядывал видео с место убийства Одоевского и с легким раздражением излагал свое мнение Левке:

— Как ты думаешь, что Маргарита собиралась делать у Одоевского в таком прикиде? Словно специально напозаказ все выставлено. Посмотри, половина наших так или иначе на нее украдкой косятся. И штаны поправляют, идиоты озабоченные. Да и красный цвет этот неспроста. Ведьма собиралась соблазнить старого придурка.

— Да зачем ей это. Даже если она сама этого не знала, Одоевский ее с картиной связывал. Никого больше он ведьмой не называл. Неизвестно, что за всем этим запрягано, но вряд ли суеверный Павел Васильевич рискнул бы хоть в чем-нибудь отказать своему счастливому ангелу. Он даже не решился ее в свою «школу» отправить. Взял и отпустил. Единственный прецедент за несколько десятилетий.

— Может, его поэтому и угрохали? Ведьма собиралась задать любовничку пару вопросов, а ответы вели слишком далеко?

— Куда, например?

— Хороший вопрос. Будем знать — дело раскроем.

Лорд увеличил кадр из записи и ткнул пальцем в экран, едва не продавив матрицу ноута:

— Посмотри на то, как она вцепилась в сумку. Она нервничала, но не из-за трупа, а из-за нас. Явно что-то знала еще тогда. Не удивлюсь, если она сразу поняла, кто убийца.

— Бирман считает, что это она убийца. Ты не открыл ему все карты.

— Я его специально накрутил. Он теперь мне Рогальскую хоть откуда достанет.

— Некрасиво это, неэтично.

— Да и плевать. Буду я еще о каких-то ментах думать.

И так пусть счастливы будут, что со мной работают.

Бездонные глаза Левки стали задумчиво-грустными:

— Не слишком ли тебя Рита интересуется?

— С чего ты взял, что она меня интересуется?

— Ну, меня она интересуется хотя бы потому, что она не восприимчива к твоим чарам. Мне самому потребовалось время к ним привыкнуть, и будет очень любопытно пообщаться с девушкой, вовсе не заметившей твоего властного обаяния. Ну, а ты все время только о ней и говоришь. Не считая того, что разглядываешь это видео каждый день. Она явно *очень* тебя интересуется.

Невидимый регулятор уровня раздраженности прибавил экспрессии в ответе Лорда:

— Я хочу включить ее в основной список и все.

Левка, стремясь снять напряженность, решил по-детски схохмить:

— Серго, а ты спишь хорошо? Сердечко не болит?

Ох, берегись, босоногая красotka, бегающая ночами

по паркам, разобьет его и даже не заметит, что натворила.

Слова, казавшиеся вздорной мальчишеской подколкой, вдруг достигли цели. Лорд резко повернулся к другу, и тот невольно отпрянул от полыхнувшего в темных глазах огня:

— Мое сердечко невозможно разбить. Я всегда получаю, что хочу. Маргарита будет моей. И точка.

Из-за холодного равнодушия Лорда вырвалось чувство, контролировать которое мистер Власть оказался не в состоянии. Страсть. Сжигающее желание, отчаяние неизвестности и бесполезное сопротивление собственному влечению. Впервые Лорд был не уверен в себе, и чем дольше мучился, тем нетерпеливее становился.

Левка, шокированный неожиданной вспышкой, тихо заткнулся. Потрясение оказалось слишком сильным, чтобы юноша смог сразу подобрать слова. А через пару мгновений Лорд оделся в броню невозмутимости, словно ничего такого и не произошло. Недавняя шутка насчет шоу года внезапно показалась Левке очень глупой. Фейерверки вполне могли обернуться ковровыми бомбардировками. Без выживших с обеих сторон.

Лорд, пытаясь сгладить собственный срыв и доказать, что не утратил логики мышления, спокойно добавил:

— Если Бирман ее не найдет, я все равно ее возьму. Элементарно. Единственная привязка ведьмы — журнал. Вот увидишь, рано или поздно она к нему припрется. И ставлю двадцать баксов на то, что она к нему прямо в больницу подрулит. В белом халатике. А я ее буду там ждать.

Раздавшийся телефонный звонок прервал и этот разговор сообщением о новом убийстве. Лорд умчался, оставив друга размышлять о виражах судьбы.

31. Дорогою добра

Позже выяснилось, что я пролежала дома пластом двое суток, прежде чем отправилась за помощью к Хану. Мне самой казалось, что прошло не больше двух-трех часов. Вроде я пообедала, потом меня вывернуло, я немного вздремнула и, проснувшись, сразу собралась.

Выбравшись из кровати, я напялила свою любимую длинную юбку, в недрах которой можно было спрятать много чего интересного и нужного. Смыв кровь с левой стороны головы, я, вздохнув, отрезала волосы. Хвост еще отрастет, а чтобы рану обработать, все равно полбашки обреют. Аккуратно присобачив на голову вязаную шапочку, я натянула куртку и отправилась в больницу. Идти было недалеко, но я помнила про Френда и поэтому выбрала занимательную спиралевидную траекторию движения.

Но вот с тем, сколько смогу пройти, просчиталась.

Темнота накрыла меня неожиданно и сразу. Не было ни боли, ни страха. Как будто толстое покрывало накинули на голову, а под ним оказалась идеальная пустота...

Я очнулась в палате интенсивной терапии.

В весьма печальном виде. Шея не поворачивалась. Левую руку я почти не чувствовала, и хотя вроде бы могла пошевелить пальцами, приподнять кисть мне не удалось. Голова раскалывалась от боли.

Появление Хана не способствовало улучшению моего состояния. Вместо того чтобы бодренько вкатить мне что-нибудь обезболивающее, он решил пообщаться. Подставив стул к моей кровати, он уселся на него так, словно намеревался дожидаться у моей кровати конца света.

— Мэл, и хотел бы сказать, что рад тебя видеть, но это не так. Рану на голове мы почистили. И зашили. Сломанные кости собрали и в шину упаковали. Но с таким сотрясением мозга не шутят. Тебе здорово повезло.

— И почему ты не рад?

Слова дались мне с трудом, словно весь рот был набит желе, мешавшем двигаться губам и языку. Прозвучал мой вопрос как что-то вроде «и фофифу фы фе фат». Но Хан меня понял:

— Потому что когда я увидел на полу в холле твое мокрое и грязное тело с залитой кровью башкой, я, как полный идиот, расплакался.

Хан расплакался? Интересно, те, кто это видел, еще живы? Я не верила ни в первое, ни во второе. Но он, поняв мое изумление, только мрачно добавил:

— Если еще раз увижу тебя в похожем виде — добыю сам, чтобы не мучиться.

Прозвище Хану дала я сама. Очухавшись после одной сложной процедуры и увидев перед собой доктора, я не нашла ничего лучше, чем брякнуть что-то вроде «Вылечи меня, Дханвантари». Доктору польстило сравнение с богом-лекарем из индуистской мифологии, что было быстро замечено медсестричками, начавшими обращаться так к врачу по поводу и без. Затем сложно произносимое имя постепенно сокращалось, пока не осталось короткое Хан. Чуть раскосые глаза и восточная сдержанность очень подходили к прозвищу, и во время моего следующего «зависания» на больничной койке иначе его никто уже не называл.

Несмотря на внешнюю суровость, Хан был тем, кто «идет дорогою добра». И одним из тех, кто стоит на самой передовой линии войны между жизнью и смертью. Каждого пациента Хан считал вызовом, перчаткой, брошенной ему в лицо из иного измерения. Он не улыбался

пациентам и не помнил их по именам (за редким исключением вроде меня), не обращал внимания на человеческие особенности своих подопечных, понятия не имел о разных условностях общения, но при всем при этом сражался за каждого больного так, словно от исхода этой битвы зависело существование всего мира.

После грязного развода доктор долго жил совсем один в небольшой квартирке, доставшейся ему от бабушки. Старая советская стенка с поцарапанной полировкой. Люстра, вышедшая из эпохи Брежнева. Протертый палас на полу. Маленькое фото худого мальчика в рамке за стеклом книжного шкафа. Жесткие котлеты-полуфабрикаты в морозилке. Все предсказуемо и банально. Именно тогда Хану попала в приемном покое бездомная девочка с тяжелой пневмонией. Вопреки прогнозам девочка выздоровела и пожелала доктору встретить необыкновенную женщину, которая изменит всю его жизнь.

Я всегда желаю и предсказываю всем примерно одно и то же. Это работает. Но с Ханом то, как именно это сработало, до сих пор вызывает у меня неудобное чувство, что лучше было бы промолчать. Нет, доктор все равно влюбился бы в красавицу Аглаю, но у меня не было бы неловкости при мысли об этом нервном романе.

Министерская дочка, с детства привыкшая к кухаркам в доме и водителям по первому зову, оказавшись в хрущевских «хоромах» Хана, сначала рьяно принялась наводить порядок. Затем делать ремонт. Потом подыскивать Хану хорошую коммерческую клинику, которую доктор был бы достоин возглавить. И даже договариваться с потенциальными инвесторами о строительстве новой клиники, этажей в пять, а еще лучше в семь. Исступленную борьбу Хана за обычных людишек в приемном покое бедной районной больнички Аглая не понимала и не принимала. А равнодушие доктора

к материальным благам жизни приводило ее в отчаяние.

Примерно тогда же, когда я встретила Рафа и благодаря его протекции осела в фешенебельных особняках на всем готовеньком, красавица Аглая из вредности и упрямства выскочила замуж за состоятельного владельца сети автомастерских. Около года Хан молча страдал, но потом Аглая вернулась и постучалась в его дверь. Ее визиты стали регулярными и вполне достаточными для того, чтобы излечить тоску доктора. Что думала сама Аглая, я не знала, хотя подозревала, что и ее в этом адюльтере все устраивало. С точки зрения мирового порядка, все это было, разумеется, неправильно, но что нам мировые порядки, когда рулят гормоны-феромоны...

Я была обязана Хану жизнью. И его упрек мне был более чем справедлив: для доктора моя разбитая голова означала еще и тщетность его старых, изначальных усилий по выцарапыванию меня из лап жестокой болезни. Мне хотелось бы рассказать ему все, что довело меня до состояния мокрого и грязного тела в холле, но это значило посвятить его слишком во многое. Поэтому я ограничилась коротким «прости меня».

Хан грустно усмехнулся:

— И что же выманило трусишку Мэл из ее маленького волшебного мира?

— Увидела добрые карие глаза и влюбилась.

— Это он тебя так отделал?

— Да нет, что ты. Я влипла в криминальную историю. Убийства, отравления. Лучше тебе не знать.

— Значит, снова убегаешь и прячешься. Твоя любимая игра на выживание, верно?

— Пока плохо получается.

— Да ты чемпионка в этом виде программы.

— У меня голова раскалывается. Нельзя мне какую-нибудь спасительную таблеточку?

— Успеешь еще туда, где ничего не болит. Хочешь, сыграем в твою любимую игру? В умные советы?

— Валяй, Дханвантари. Ты же бог.

Надеюсь, у меня получилось улыбнуться. Во всяком случае, я старалась.

— Ты, Мэл, притянула зло. Не первый раз и, полагаю, не последний. Карма такая, судьба, дестини — назови, как хочешь. Но все предыдущее было легкой разминкой. На этот раз тебя чуть не убили. Быстрые ноги и глубокая нора больше не помогают.

— Ой, а можно отложить столь серьезные материи? Я ничего не соображаю.

— Тебе нужна помощь. И не голову зашить, с этим я справлюсь. Поговори о том, что происходит и что тебе делать, с тем, кто сможет разобраться. Я понимаю, так уж с тобой жизнь обошлась, что ты привыкла быть одна. Но знаешь, большинство из нас, простых людей, не кушается. Попроси помощи, и мы поможем. Доверься кому-нибудь.

— Я знаю, Хан. Но все очень запуталось.

Хан вытащил из нагрудного кармана уже заправленный шприц, и я вздохнула с облегчением. Крепкий сон под дозой медикамента — как раз то, что мне нужно. А о советах подумаю после.

Проснувшись, я обнаружила себя в обычной общей палате. Я смогла встать и доковылять до туалета, а потом и до столовой. Есть мне не хотелось, важно было почувствовать себя более-менее на ногах. Искать Хана было бесполезно. Я знала, что как только он сможет, он заглянет. Смыться из больницы без его разрешения было бы хамством высшего порядка, поэтому оставалось только ждать.

Знакомиться и выслушивать обычные больничные рассказы на тему у кого что болит, категорически не хотелось. Делать было нечего. Деньги остались в одежде, а сама одежда, скорее всего, отправилась на склад, поэтому я не могла прикупить какую-нибудь книжонку для коротания вечера. Оставалось только задумчиво созерцать ночь за окном и размышлять. Перекладывая известные мне факты так и этак, я пыталась составить более-менее стройную картину того, что привело меня в эту точку пространства-времени. С тем и заснула.

Утром Хан отругал меня за голодовку и наотрез отказался выпустить из больницы. Я умоляла его, заклинала, просила. Все, что удалось добиться — обещания подумать через недельку. И то, если я поклянусь сидеть не меньше месяца дома, причем поклянусь такой клятвой, которой он сможет поверить. Я подозревала, что такой клятвы не существует в природе, но через несколько дней в дело вмешались высшие силы сразу двух уровней.

Одни силы десантировали на Хана вредную комиссию имени чьей-то непутевой матери. Комиссия начала рыть документы и проверять наличие страховок у пациентов. У меня в действительности была карточка обязательной медстраховки, но госпитализировали меня как безымянного бомжа, а консилиумы профессоров-невропатологов резко выпадали из списка услуг, доступных по программе-минимум для маргиналов. Другие силы заклинили тормоза у «нексии», в которой мчался на работу председатель этой самой комиссии — приятель Хана по институту. Комиссия, предоставленная самой себе, немедленно отрыла та-а-а-кое, что теперь уже никто не знал, как тихо зарыть это обратно.

Обо всем этом мне поведала крашенная барби среднего возраста с соответствующим менталитетом блондинок из анекдотов. Выдав мне шмотки, она с презрительной гримасой сообщила, что Хана ждут неприятности. Барби

явно хотелось продемонстрировать свое превосходство. Предубеждения бывают настолько сильны, что за ними человеку не разглядеть сложности мира. Объяснить в таких случаях ничего нельзя, но можно заносчивое «ничего» немножко щелкнуть по носу.

Хан сидел в ординаторской и на мое появление в сопровождении блондинки никак не отреагировал.

— Алексей Леонидович, мне сообщили, что произошла досадная оплошность, и счета за мое лечение еще не оплачены. Это так?

Не всякий с ходу перестроится на этакий деловой тон с легкой озабоченностью. По-моему, Хан даже не понял, что это я к нему обращаюсь.

— Мне неудобно, что произошло такое недоразумение. Могу я компенсировать ваши затраты наличными?

У блондинки отвалилась челюсть. Кажется, барби начала осознавать, что насчет меня крупно ошиблась. Ну же, Хан, подыграй мне немного.

— Мэл, милая, ты ничего мне не должна.

— И все же, я настаиваю.

Легким движением руки я вытащила из складки грязной юбки рулончик баксов.

Клянусь, компанию Маттел напрасно обвиняют в неестественности физиономий их страшеньких куколок. Глаза медсестры вытаращились так, что на мгновение я испугалась, что они покинут свое естественное место совсем. За изумлением к барби пришло осознание собственного недосмотра. Злобный взгляд медсестры, устремленный на рулончик долларов, не оставлял сомнений, что в этой тупой голове мечется только одна мысль: «И как же это я такое пропустила». Простите меня, будущие пациенты, теперь ваши котомки эта стерва будет выворачивать до последней нитки.

Небрежно бросив рулончик на стол доктора, я торжественно поклялась:

— Хан, обещаю, я буду умницей и месяц просижу дома.

И менее пафосно добавила:

— Возьми деньги, тебе пригодятся. Вылечишь кого-нибудь неизвестного бедолагу без документов.

Доктор протянул мне бумажку, оказавшуюся рецептом:

— Твоя терапия. Лежать, спать. Телек не смотреть, газеты не читать. И обещаю, что позвонишь. В конце недели.

— Обещаю.

— Клавушка, проводи, пожалуйста, уважаемую последовательницу Гаруна-аль-Рашида. И прошу тебя, будь полюбезнее.

Барби, оказавшаяся по паспорту обычной Клавкой, вполне сносно изобразила эскорт для особо важных персон. Но, уже распрошавшись со мной у служебного входа, ехидно прокомментировала стайке девушек-практиканток:

— Во, видали цаца. Думает, если у неё какой-то Рашид в дружках, то все можно. А у самой ногти обгрызенные. Тьфу.

Я, полубернувшись, через плечо выдала отличный перл:

— У тебя, Клава, внутри гадина сидит. Изведи ее, или она тебя с потрохами съест.

32. Из огня да в полымя

Совершенно автоматически, не задумавшись ни на минуту, я вернулась обратно в старую нору. Устроившись перед телеком с порцией любовной галиматши и коробками разных сладостей, я чудесно провела вечер, вроде бы приходя в себя. Но бессонная ночь оказалась ужасной. Таблетки, выписанные Ханом, помогли на короткое время, слопать лошадиную дозу и вырубиться я боялась, поэтому постепенно перешла в режим чередования фаз болит-не болит. Таблеточка, сжевать что-нибудь, подремать, помучиться. И по новому кругу.

Я бы продержалась достаточно долго. Но необдуманно швырнув телефонную трубку в урну, осталась вообще без связи. Надо было купить новый телефон, но, увы, все мы очень умные потом. И утром, удвоив дозу обезболивающего, я отправилась на восточный базар. На задворках каждой окраинной станции метро обязательно такой есть: что по внешнему виду, что по национальному колориту продавцов. В небольшом ларьке меня вежливо снабдили очередным телефоном, на этот раз, скорее всего, криминальным. Поразительно, но полуподпольный сервис по уровню оказания услуг оказался на порядок выше недавнего салона. Никаких пустых уговоров, полное понимание стремления к дешевизне. Все четко и лаконично.

Усевшись на парадной лавочке в скверике, я позвонила отцу. Я не ждала от разговора ничего полезного, скорее рисовала мысленный крестик напротив обязательного пункта программы. Следовало позвонить — я позвонила.

— Папа, здравствуй, это Маргарита.

— Ты не могла выбрать более неудачное время. Перезвони позже.

Недовольный голос отца звучал ровно так, как я себе заранее представила. Я будто видела рядом с собой гримасу неприязни на его лице. Ладно, вдох, выдох и вперед:

— Пожалуйста, только один вопрос. Кто такой Френд?

Голоса мира вдруг стали тише, словно черная дыра тишины в трубке высасывала живые звуки из моего окружения. Я ощутила, как страх метнулся ко мне с другого конца линии. Все сомнения отпадали. Отец что-то знает. Но вряд ли поделится со мной ключевой информацией. Однако он вдруг спросил:

— Ты видела его? Видела Френда?

В голосе было явное нетерпение, словно моя встреча с его старым другом могла означать что-то очень важное. При этом отца не интересовало, ни как я узнала о существовании Френда, ни знаю ли, как он выглядит. Сообщил, что я покопалась в его архиве? Или думает, что я с Френдом на свиданки бегаю?

— Мне кажется, что видела. Он за мной следит. Кто он? И что все это значит?

— Тебе пора возвращаться домой. Набегалась по прифонам, свою самостоятельность утвердила, дров наломала. Теперь время вернуться к нормальной жизни.

Как это я догадалась сесть, прежде чем звонить? Может, у меня слуховые галлюцинации? Или в таблетках есть специальные компоненты, вызывающие неожиданные эффекты в восприятии реальности?

— Ключи у тебя есть. Можешь не брать с собой грязное барахло, купим тебе все новое. Приходи и заодно присмотри, чтобы Марья Ивановна не ленилась в мое отсутствие. Мне некогда рассусоливать. Повторяю главное — возвращайся домой. Все.

Я рассматривала трубку еще минуты две или три, пытаюсь избавиться от ощущения, что только что меня пригласили в изошренную мышеловку. И даже не в ро-

ли мыши, что еще можно было бы принять. Отец явно намеревался воспользоваться мной в качестве сыра. Обидно это как-то — быть сыром.

Несмотря на еще одну таблетку, боль усилилась, и обратно я отправилась на такси. Чтобы не объяснять водителю хитросплетение дворовых проездов, я вылезла из машины на улице. И благодаря этому избежала торжественной встречи у подъезда, где меня поджидал немолодой человек в длинном пальто и стильной шляпе.

Френд удобно устроился на хлипкой кривой лавочке. На этот раз у него не было портфеля, только массивная трость с ярко блестящим набалдашником. Совершенно автоматически я припомнила несколько сюжетов из английской детективной классики, где такие штуки эффективно использовались в качестве орудий убийства. Может, это Френд напал на нас с Кириллом на даче? Но не стал пачкать изысканную вещь, а обошелся первым попавшимся предметом?

Я изучала Френда из-за зарослей кустарника вокруг ларька. Мой преследователь казался отстраненно-задумчивым. Прямо профессор на прогулке. Я сразу восприняла его как опасность. Но, может, все иначе? Что, если он меня ждет, чтобы поговорить? Чтобы что-то объяснить, о чем-нибудь предупредить?

Неожиданно Френд повернул голову и уставился прямо на меня. Точнее, на то место, за которым я стояла. Ощущение неотступно преследующих меня глаз вернулось. Я попятилась и быстро метнулась к арке, ведущей в соседний двор. Из-за угла я видела, что Френд поднялся и мощным легким шагом направился сюда же, словно я была притягивающим его магнитом. Придержав длинную юбку, я бросилась бежать в сторону соседнего длинного дома. Два крайних подъезда в нем были без домофонов. Забравшись за железную дверь, я попыталась

тем же приемом, что и раньше, избавиться от эффекта присутствия чужого взгляда. Не помогло. Только мир перед глазами закружился с опасной скоростью. Бедная моя голова...

Из подъезда я выскользнула за спиной двух солидных тетечек, явно заподозривших во мне наркоманку. Френда видно не было. Вдоль самой стены дома, перебираясь через стоки водосточных труб, я быстро, но не торопясь, прошла на соседний переулок. Как назло, вокруг не было прохожих. И машин не было. Сегодня вселенский день свободных улиц? Почему именно сегодня? Потому что мне позарез нужно отсюда смыться?

Я бодро зашагала в сторону метро и буквально через пару сотен метров догнала Френда. Он стоял на остановке автобуса и вроде бы скучал в ожидании нужного транспорта. Но я кожей ощутила момент, когда он меня заметил. Я свернула в сторону и, скрывшись из его поля зрения за углом дома, побежала к игрушечной детской песочнице в центре двора.

Спасибо тебе, дорогая Мэл, что вовремя замечаешь такие подходящие места.

Растянувшись на мокрой земле за высоким заборчиком, изображающим борт грузовика, я сквозь щелочку между досок видела, как Френд вбежал вслед за мной во двор. «Уходи, меня здесь уже нет, я убежала дальше. Торопись, я быстро удаляюсь от тебя. Тебе нужно бежать отсюда, быстрее, не задерживаясь. Туда, я побежала туда».

Френд рванул из двора со злобной гримасой на лице. М-да, такая морда вряд ли свидетельствует о добрых намерениях моего преследователя.

Поднявшись, я едва не свалилась снова, утратив чувство равновесия. Голова пульсировала болью, уже не переставая. Насухо затолкав в себя еще пару таблеток и кое-как отряхнув комочки грязи с одежды, я, размахив-

вая пятидесятидолларовой бумажкой, договорилась с первым же попавшимся водителем о том, что он подкинет меня до метро.

Мудрый Энский высказался о моих проблемах поговоркой — «даже если вас съели, у вас два выхода, и три, если вы — Чужой». Когда-нибудь я ему это припомню. Но нечто рациональное в таком подходе было.

Я набрала заветный номер чуть дрожащим указательным пальцем. На этот раз опер ответил так быстро, словно только и ждал моего звонка:

— Бирман.

— Здравствуйте. Это Рита.

— Что, птичка, еще труп? Может, подождешь, а?

Я три недели без выходных.

— Мне нужна помощь. Нужно поговорить.

— Я слушаю.

— Лучше не по телефону.

Интонация Бирмана поменялась с пренебрежительной на ласково-внимательную:

— Ты хочешь встретиться?

— Только Вы один.

— Я буду один. Где? Когда?

Я заколебалась. Что, если он упечет меня в тюрьму прежде, чем я рот открою? Бирман словно услышал мои внутренние сомнения:

— Рита, я обещаю, я выслушаю все, что ты скажешь.

Очень внимательно.

— Через час. Крысино. Остановка автобуса. Три тройки. Успеете?

— Успею.

Я нажала отбой и еще раз прикинула, все ли я продумала. Народу явно будет слишком много, чтобы за всем уследить. Смогут ли менты в случае чего перекрыть все входы-выходы? Смогут, конечно. Но Крысино — это де-

сятки тысяч человек каждый день. И это то место, в котором я знаю любые направления. Я хотела оставить себе хотя бы один шанс смяться в огромной толпе, которую гарантировал транспортный узел, соединяющий метро, электрички, автобусы, маршрутки.

Голова по-прежнему кружилась, и думать не хотелось категорически. Возле тоннеля под железной дорогой, являющего ирреальным, но действующим порталом между двумя сторонами одного города, все было как обычно. Никаких признаков ОМОНа или излишнего числа крепких спортивных людей в костюмах. Замечу ли я, если будет что-нибудь эдакое?

В проходе к пригородным платформам стоял маленький вагончик фаст-фуда, где я купила булочку и стаканчик кофе. Еда — это то, о чем я всегда вспоминаю как раз тогда, когда есть-то и не хочется. Побродив вокруг, я пристроилась к металлической, плохо покрашенной конструкции, приваренной прямо к торцу магазинчика. Вероятно, владельцы думали, что массивная реклама привлечет в их микроскопический «бутик» толпу покупателей с баулами наличных. Этим розовым мечтам не суждено было сбыться. Парус рекламы опрокинул все заведение, и оно неприкаянно тарашилось на мир разбитым оконцем. Зато у бродяжек вроде меня образовался замечательный «столик» для легкого перекуса.

Заставить себя съесть булочку так и не удалось, я долго мусолила ее в руках, а потом раскрошила воробушкам, смело прыгающим под самыми ногами людской толпы. Запах кофе, поначалу манящий и аппетитный, вызвал неприятный спазм в животе. Я знала, что если выпью его, меня точно вырвет, поэтому только грела ладони, крепко обхватив пластиковую поверхность.

Булочка кончилась, кофе остыл. Покончив, таким образом, с завтраком, я решила немного осмотреться.

Но едва я сделала шаг в сторону, как напоролась на стальной взгляд Бирмана. И сколько времени он вот так стоял совсем рядом? Одним ловким движением опер застегнул на мне наручники и вежливо поздоровался:

— Привет! Пойдем, поговорим?

Я боялась сорваться в приступ неконтролируемой паники, поэтому кивнула. Металлические браслеты тускло отсвечивали в сером свете. Я осторожно попробовала пропихнуть руку через узкое отверстие, но не получилось.

Бирман, чуть наклонившись к моему лицу, недвусмысленно пригрозил:

— Так не снимешь, даже не пытайся. А будешь дергаться, я тебе шею сверну. Поняла?

Я проямлила что-то маловразумительное, и опер вдруг спросил:

— Тебе плохо?

Я посмотрела на него и пожала одним здоровым плечом. Не, мне нормально. От уголовной романтики голова закружилась. Всю жизнь мечтала прогуляться в наручниках под ментовским конвоем.

— Рита, идем со мной, слышишь? И не упирайся, хуже будет.

Крепко вцепившись в мою руку повыше локтя, Бирман потащил меня прочь. Ключица отозвалась болью, но мой невнятный протест не был услышан. Промелькнули кассы, ларьки, киоски, торговые ряды, и прежде, чем я успела опомниться, меня впихнули на заднее сидение какой-то машины. Я уткнулась в мощное плечо Влада. Рядом плюхнулся кто-то еще. Бирман сел за руль, и машина рванулась с места.

После всех житейских передрыг степень моей наивности поражает. С чего я размечталась об ОМОНе? Бирман сцапал меня и голыми руками.

Приятное тепло в машине успокаивало, обволакивало блаженным спокойствием, и меня быстро стало кло-

нить в сон. Необходимость снова выбраться на холодный ветер казалась ужасной несправедливостью, но пришлось подчиниться указаниям мужчин, в чью власть я себя отдала. Они меня куда-то подталкивали, вели, везли на лифте, и, наконец, я оказалась в полутемной комнате на широком кожаном диване. Здесь снова было тепло. Не в силах сопротивляться самой себе, я закрыла глаза и провалилась в темный глубокий сон.

33. Птичка в чужой норе

Троица ментов молча рассматривала лежащую на диване девушку. Влад, не глядя на Бирмана, решил все-таки высказаться:

— Ты сильно рискуешь, на ней три трупа висит.

— И что было делать? Лорду подарить? Посмотри, на ней лица нет. Отоспится немного, и вытрясем из нее все.

Колька, в свою очередь, счел нужным заметить:

— Берегись, друг. Птичка маленькая, но больно клюется.

— Спасибо... на добром слове.

Бирман присел перед девушкой и легко скользнул пальцами по тонкой шее. Пульс был ровный, но медленный. Рита спала тяжелым беспробудным сном, который наваливается из-за хронической многодневной усталости. Так спали его ребята после тяжелых дежурств, так спал он сам после долгих расследований, в которых не мог позволить себе терять время. Но было что-то еще.

Сняв с Риты наручники, Бирман попробовал осторожно встряхнуть ее, но она никак не отреагировала. Чуть приподняв голову девушки, он подпихнул под нее подушку, переброшенную Владом с кресла.

— Слушайте, я сразу не сообразил в чем дело, а она же волосы отрезала. У нее хвост сзади был, а сейчас уже нет.

Оперативник стянул шапочку с неровно подстриженных волос, открыв за левым ухом волнами расходящуюся полосу зеленки вокруг аккуратных стежков шва.

— Черт...

Подошедший Колька тихо присвистнул, а Влад потянулся к телефону:

— Я звоню Лельке.

Осторожно повернув девушку, Бирман стащил с нее левый рукав куртки и свитера. Проведя пальцами по свежим следам уколов на сгибе локтя, он ощутил смесь разочарования и злости. Неужели его худшие предположения подтвердились? Освободив и другую руку от одежды, он обнаружил плотную конструкцию из ткани, охватывающую одно плечо и часть груди.

Влад, заметив находку Бирмана, шумно вздохнул и объяснил:

— Шина. Кости сломаны.

Подумав, он добавил:

— И руки исколоты не наркотой. Откачивали ее где-то. Понимаешь? Капельницы, анализы.

Отложив телефон, великан присел и начал снимать с девушки изрядно разбитые ботинки, тихо заметив:

— Здорово ей досталось. Пожалуй, похлеще, чем журналисту.

— Журналист два дня в отключке валялся.

— Зато сейчас бодро девушкам глазки строит. И мы пока не знаем, где птичка была все это время. Не забудь, ей пришлось одной защищать и себя, и Весенина.

— Если ей в драке голову разбили и плечо проломили, непонятно, как она вообще оттуда выбралась, да еще и бугая этого с собой прихватила. Весенину-старшему шею бы свернуть. Ну не верю я, что такое можно не заметить. Она наверняка еле на ногах стояла. Я по телефону и то неладное заподозрил. А он врач и видел ее совсем рядом. Дебил.

Колька поднял и повертел в руках снятый приятелем ботинок, сменив тему:

— А обувь совсем плохая, дырявая. Журналист не раскошелится, а мог бы подружке и сапожки новые купить. Вот уж не повезло девчонке. Столько мужиков вокруг — и все уроды. А потом удивляются, с чего это она нас травит...

Бирман поморщился:

— Тоже мне адвокат нашелся.

Влад стянул второй ботинок и присвистнул. На тонкой шиколотке беглянки болтался массивный браслет из толстых золотых пластинок в два ряда, скрепленных колечками. К колечкам цеплялись разные маленькие фигурки и подвесочки. Бирман улыбнулся:

— Бедный, бедный журналист, интересно, а он знает о личном золотом запасе Риты Рогальской? Думаю, нет.

Влад не разделил его веселья. Он медленно разобрал длинную многослойную юбку девушки, рядами закатывая ее кверху.

— У нее коленка разбита. Совсем недавно. И синяков полно. Хотя выше колен чисто, так что...

Он не договорил, и Бирман сам сделал вывод:

— Не похоже, чтобы на честь ведьмы кто-нибудь покушался.

— Ей не поговорить с тобой захотелось. Она больна, устала и сдалась. Потому что кто-то выгнал ее из норы. И этого кого-то она боится еще больше, чем нас.

— Да понимаю я. Поэтому и притащил ее сюда. Пусть птичка отлежится в нашей норе, а в клетку ее пересадить мы всегда успеем.

Лелька ворвалась в квартиру, как небольшое стихийное бедствие. Влад сразу сделался меньше ростом и уже в плечах. Он побаивался старшей сестры с самого раннего детства, хотя разница в возрасте у них была всего четыре года. Тем не менее, сестра была его главной воспитательницей — она присутствовала на праздниках в детском саду наравне с родителями других детей, она важно ходила на разборки с его учительницами в школе, она ухитрялась защищать его перед старшими пацанами. Влад перерос сестрицу на полторы головы и два объема плеч, но при звуке ее голоса неизменно занимал

стойку «смирно», готовясь отвечать за все оплошности по полной программе.

Бирман невольно перенял отношение друга, Лелька легко строила и его за компанию с Владом. Колька же обычно прикидывался малозначащим предметом обстановки, типа он тут в углу стоит вместо фикуса.

Прежде, чем друзья собрались приступить к объяснениям, Лелька начала командовать:

— И что вы стоите, как три барана? Это, по-вашему, нормально — кинули девочку, как кулек и встали руки в боки? Что это за отношение? Ты, Бирман, тащи нормальное белье. Что это за тряпочка? Простыню давай, подушку человеческую, и одеяло прихвати, руки вон у вашей красавицы ледяные.

Бирман быстро и неслышно слинял выполнять поручение.

Следующим под раздачу попал Влад.

— А что это вещи девочки раскидали по всему полу? Ботинки посреди комнаты — это теперь что, модно? Или ей местных микробов не хватит инфекцию подцепить? Ну-ка, сложи все нормально да не забудь пол протереть, тут, видишь, воды натекло.

Лелька, внимательно рассматривая голову пациентки, не забыла отдать и третье распоряжение:

— А ты, Колечка, что там затаился? Рысью в ванну. Тазик принеси с теплой водой. Надо ее умыть. И полотенца у Бирмана добудь. Да, и чемоданчик мой подтащи.

К моменту, когда все поручения были выполнены, Лелька успела осмотреть неожиданную пациентку:

— И что вы меня вызвали? Ах, Лелька, ах, пожар, ах, женщина умирает! Ничего она не умирает. С раной на голове все в порядке, воспаления нет, шов хороший. Спит глубоко, так с таким сотрясением мозга оно и к лучшему. Ключица левая сломана, зафиксирована хорошо. Остальное по мелочи. Хотя подозреваю, что пока вы

птичку по городу гоняли, ей перекусить было некогда и негде. Откормить ее немного не помешает.

— Как ты думаешь, а кто ее лечил?

Лелька взглядом выразила свое невысокое мнение об умственных способностях брата и ответила:

— Кто ее лечил? Святой дух Пантелеймона спустился с небес и говорит: «Дай-ка я тебя полечу, заблудшая душа».

— А если серьезно?

— Сами не догадываетесь? Не сама же она себе голову зашила. Это работа врача, и притом хорошего врача. Ищите больницу. Непонятно только, как ее отпустили. Ей лежать месяц и никакой беготни.

Лелька осторожно протерла лицо и руки девушки влажным полотенцем.

— Между прочим, очень небедное бельишко на вашей красотке одето. Мейд ин франсе. И в ванне у нее наверх не жидкое мыло имени масспрома, а что-нибудь профессиональное. У птички высокие запросы. Бирман, у тебя шампунь хоть есть?

— Есть. Иногда я даже использую его, знаешь ли. Для поддержания чистоты волосяного покрова.

— Придется тебе на девочку разориться. Ты ее долго прятать собираешься?

— Пока не знаю.

— Одежду ей купи. Что ей перед вами, лосями здоровыми, в одном белье бегать? Тут и мадам Помпадур смутится. А она малышка совсем. И чтобы никаких пошлых намеков, ясно? Я проверю. Если кто хоть слово пошлое ей ляпнет, не посмотрю, что большие, отделаю вицею. Усекли?!

Чуть отодвинувшись, Лелька снова принялась командовать:

— Так. Теперь надо ее уложить, как следует. Влад, бери птичку на руки. Да-да, ты самый большой, тебе спод-

ручнее. Бирман застилает простынку, Коля заправляет подушечку. Теперь, братик, клади красотку обратно. И одеялом ее сверху укрой. Бирман, а что это ты принес? Это одеяло? Это подстилка для кошечки Муси в приюте для престарелых домашних животных. Найди нормальное одеяло. Одеяло — это такой прямоугольный большой теплый и мягкий плоский предмет, под ним обычно спят. Тебе в детском саду забыли объяснить?

Проводив Лельку, троица вернулась в комнату. Влад кивнул на валяющуюся у дивана сумку Риты — бесформенную джинсовую торбу:

— Посмотрим, что птичка тебе в клювике принесла?

Бирман положил сумку на стол и, надев перчатки, начал выкладывать нехитрый скарб на всеобщее обозрение. Косметичка с парой помад и тушью для ресниц, очевидно, присутствует в каждой женской сумке. Три набора одноразовых зубных щеток и пасты в комплекте с маленьким мыльцем говорили о том, что Рита, подобно огромному количеству женщин, таскает с собой кучу разной дребедени на все случаи жизни.

В отдельной папке для тетрадей обнаружился полный комплект всех возможных документов Риты: свидетельство о рождении и паспорт, аттестат, карточка медицинского страхования и даже пенсионная карточка. Улица улицей, а ведьма не забыла позаботиться обо всех документах и формальностях. Правда, носить все это с собой Рита могла по двум причинам. У нее не было места, где все это можно было бы хранить, то есть ее действительно что-то выгнало из норы. Или она собиралась в дальние края.

В той же папке лежала обычная зеленая тетрадь в клетку, где крупным почерком в столбик было выписано два десятка телефонов, но не подписанных обычными именами или названиями компаний, а обозначенных

несколькими буквами каждый. Выделялась только самая последняя запись. Напротив нее стояла фамилия: Бирман.

В отдельном пакете было аккуратно сложено несколько футболок и комплектов белья. Рядом обнаружилась упаковка сушек-малюток. Влад, оглядев получившуюся свалку вещей, со смешком прокомментировал:

— Белье, документы, зубная щетка и сушки вместо сухарей. Прямо набор арестанта. Не иначе птичка в тюрьму собралась.

Бирман же с недоумением разглядывал шикарную книгу сказок в настоящем кожаном переплете. Раскрыв ее, он замер. Между страниц были вложены фотографии. Столпившись вокруг стола, троица сыщиков разглядывала снимки несколько минут, прежде чем Бирман вдруг отложил один снимок:

— Черт! Это же не Рита!

Теперь было уже проще разделить два десятка фото на разные кучки. Бирман задумчиво переводил взгляд туда-сюда, пока с сомнением не высказался:

— Начинаю думать, что история действительно куда более запутанная, чем кажется на первый взгляд. Если здесь Рита, то другая — ее мать? Или кто-то очень близкий. Получается, она нашла родную мать? Может, сестру?

Колька вздохнул и поделился версией:

— А ты не думаешь, что мы держим в руках то, из-за чего разгромили студию фотографа? У него точно ничего подобного не было. Ни в фотках, ни в негативах. И тебе Рита принесла только свои фото. Этих мы не видели.

Влад добавил:

— И помнишь, она сказала, что встречалась с Одоевским ради информации о своем усыновлении? Значит, она копала что-то вокруг своего рождения, каким-то образом заполучила эти снимки, а в результате... народ на-

чал резко вымирать. Кажется, мы нащупали, наконец, хоть какой-то намек на логику.

Колька задумчиво покрутил пальцами рук:

— Фотки могут быть уликой. Зачем она с ними к тебе пришла?

— Может, надеется, что мы ей явку с повинной напишем.

— Да мы, разумеется, напишем, но она же должна понимать, что это ей не поможет? Если только в Сербского диагноз не подберут.

Бирман задумчиво перелистал книгу и на предпоследней странице нашел еще одно небольшое фото, резко отличающееся от остальных по стилю и качеству. Вглядевшись в него, опер задумчиво бросил его сверху остальных:

— Не уверен на сто процентов, но, по-моему, вот этого типа я тогда видел в подземке. Это он следит за Ритой. Колька прав, Сербский ей не поможет. Познакомьтесь, ребята, сдастся мне, это и есть наш настоящий убийца.

Обсудив программу дня на завтра и проводив друзей, Бирман отправился потрошить давно никем не открывавшиеся шкафы в поисках теплого одеяла для худенькой девушки с измученными серебристыми глазами. Несколько часов назад он всерьез прикидывал, какой бы болевой прием сразу применить к упрямой ведьмочке, чтобы исключить возможность ее очередного побега. Но теперь не мог отделаться от иррационального ощущения вины за ее беспомощность.

34. Мечты сбываются

Я проснулась в полумраке заставленной мебелью комнаты. За окном были сумерки, но какие: вечерние или уже утренние, я не знала. Знакомый запах жилья, в котором давно не живут и не убирают, подсказал, что я в заброшенной квартире. Комната недавно была хорошенько проветрена (не иначе ради моей персоны, что приятно), но запах старых вещей быстро возвращался, навевая немного печальные размышления о том, что для кого-то эта комната была родным домом.

Что ж, по крайней мере, я не в тюрьме и нормально выпалась. Выскользнув из-под нескольких одеял, я осторожно встала и потянулась, обнаружив, что из одежды на мне остались трусы и майка (не считая повязки на ключице). Отлично, Рита. Спишь неизвестно где, раздевает неизвестно кто...

Хотя *кто*, я, кажется, знала. Бирман привез меня на какую-нибудь конспиративную квартиру. И, наверное, собирается применить что-нибудь вроде допроса энной степени. Или? Может, надеется развести меня на более близкое продолжение знакомства? Внутренний голос строго приказал не льстить себе и пришлось его послушаться.

Я выбралась в длинный коридор с теряющейся во мраке перспективой. Повезло, туалет оказался в той части, куда я свернула наугад. Опять же, знакомые запахи и сложенные кучей на полке гигиенические принадлежности подсказали, что квартира вовсе не необитаема. В ней живет кто-то очень старый. Интересно.

Подмерзнув во время вояжа, я вернулась к дивану и нырнула на еще теплое место.

— Тебе лучше?

Подскачив от неожиданности, я огляделась. Бирман сидел на кривой табуретке прямо напротив дивана. Непонятно, как я его не заметила.

— Д-да, спасибо.

Стальные глаза внимательно в упор рассматривали меня, но уловить их настроение не удавалось. Я села, поджав ноги и натянув одно из одеял до подбородка. Уместно будет начать выкладывать все прямо сейчас или попробовать попросить вернуть мне одежду?

Бирман дотянулся рукой до сервировочного столика чуть в стороне и одним движением подкатил его прямо ко мне.

— Тебе поесть надо. Сможешь ложку удержать? Или покормить тебя?

На столике стояла тарелка с овсянкой. От нее чуть поднимался пар, внося в затхлый воздух божественный аромат еды. К каше полагался маленький бутерброд с ветчиной и стакан темно-бордового, наверное, вишневого, сока.

У вселенского разума определенно специфическое чувство юмора. Иногда он преподносит такие сюрпризы, что никаких нервов не хватит. Словно во сне я подвинулась к волшебному натюрморту и осторожно зачерпнула краем ложки немного каши. Обычная овсянка, на молоке, с сахаром. Кашка, сваренная для меня опером, который подозревает меня в убийстве. Где, ну где тут нормальная логика жизни? Почему он?

Комок в гортани грозил вот-вот сделать из меня расслапленную нюню. Я наклонилась над тарелкой, спрятав лицо и глаза от пристального серого взгляда, и начала уплетать кашу, стараясь удержаться в рамках нормальной скорости поглощения еды. Тепло в животе постепенно нейтрализовало избыток влаги в слезных каналах, и я немного успокоилась. Буду сосредотачиваться на позитиве. Мечта ведь сбылась? Не так, не тогда,

не с тем человеком, но ведь сбылась? Значит, надо радоваться.

Допив сок, я поставила стакан на столик и тихо спросила:

— Тебя как зовут?

В серых глазах мелькнуло недоумение с примесью беспокойства:

— Рита, ты что, не помнишь? Я — Бирман.

— Нет-нет, как тебя зовут по имени? Имя у тебя есть?

— Сергей.

Вот уж точно, что ни рожа, то Сережа. Других мужских имен поколение наших родителей, наверное, не знало.

— Сережа, значит. Красивое имя.

Оказывается, у Бирмана изящный изгиб бровей. Получается очень выразительное нахмуривание.

— Что-то я тебя не понимаю.

Надо ли ему вообще что-либо рассказывать? Некогда классная идея теперь выглядела, по меньшей мере, чудно. Но, с другой стороны, так долго хранимое обещание самой себе тоже должно что-то значить. И я пустилась в объяснения:

— Завтрак. Ты принес мне завтрак в постель.

— Вообще-то сейчас вечер. Так что это ужин.

— Да все равно. Понимаешь, теперь у тебя есть одно мое желание. Я исполню одно твое желание. Любое. Все, что захочешь.

— Это что, игра такая?

— Вроде того. Мы с Осинкой так придумали. Мужчина, который первым принесет завтрак в постель, получит супер-приз — заветное желание.

Во взгляде Бирмана проявилось что-то вроде жалости:

— Рита, ты помнишь, сколько тебе лет?

— Двадцать пять.

— Только что мне показалось, что не больше пятнадцати.

— Мы и придумали это, когда нам было по пятнадцать.

Табуретка с грохотом упала на пол, когда Бирман встал. Напуганная движением и звуком, я вжалась в диван. Но обладатель заветного желания не сделал ко мне ни одного шага. Ограничился тихим, но жестким выговором:

— Рита, какие желания?! У тебя голова разбита и кости сломаны. Ты мне в руки практически без сознания свалилась. И на тебе три убийства висит. Скажи спасибо придурку Лорду, что он так меня достал, а то лежала бы ты сейчас в его уютном особнячке. В наручниках. И с электродами на башке. Ты совсем не соображаешь, что вокруг происходит?

И этот туда же. Мало мне всех прочих умных мужчин, теперь еще и опер на мою голову с воспитательными беседами. Я пробубнила что-то оправдательное, но потом осеклась и тихо переспросила:

— Ты сказал — *три* убийства?!

— Да. Три убийства.

Мне вдруг стало трудно дышать. А надо выговорить одно-единственное имя. Неужели все было напрасно? Мне надо было остаться рядом, тогда я бы смогла помочь. Но как я могла не почувствовать, что случилась беда? Нет, не может быть. Я одними губами, неслышно спросила:

— Кирилл?

Серые глаза чуть насмешливо наблюдали за моей реакцией. Ну конечно, для Бирмана, наверное, важно понять, что я могу знать о третьем убийстве. Я постаралась вложить в свой взгляд максимум мольбы и прошептала:

— Пожалуйста, скажи мне. Это Кирилл?

— Нет. Севастьян Боев.

Севка... Сладкий обманщик. Высокий блондин с голубыми глазами, модник и дамский угодник. Моя первая и несчастная донельзя любовь. Счастье и слезы, веселые качели и крутые горки, тьма ночного города и рассветы у реки. Богатый мальчик-мажор и бездомная девчонка — мы понимали друг друга с полуслова и полувзгляда. Но так и не смогли перебраться через баррикады социального неравенства.

Я вспомнила, как мы прощались на Курском вокзале сырой ноябрьской ночью. Он уезжал на две недели из Москвы и навсегда от меня. Мы оба плакали, но знали, что битва проиграна, и теперь нужно выживать друг без друга. Он прижимал меня к себе и шептал что-то обнадеживающее, что-то ласковое. А я силилась разглядеть будущее, наше совместное будущее, счастливое будущее, в котором мы были бы вместе. Но я так ничего и не увидела.

Севка женился на дочке ювелирного короля года через полтора после нашего расставания. Надо полагать, к полному удовольствию своего папы — нефтяного барона. Одно время я могла любоваться счастливой парой в разных телепрограммах. Они с удовольствием позировали перед камерами и не выпускали друг друга из объятий. А потом разом исчезли. К тому моменту я уже переболела всеми стадиями разлуки, и мне было все равно...

Бирман потянул меня за руку:

— Рита!

Я вырвалась, ругнувшись:

— Черт, больно же!

— На, выпей еще сока.

— Его убили так же, как других?

— Да. Та же поза. Те же детали. Перерезанное горло.

Услужливое воображение мгновенно нарисовало мне картину скорчившегося голубоглазого юноши.

— Господи, ну его-то за что! Ну, я понимаю, Одоевский с Дориком были козлами. И многим жизнь попортили. Но Севка хороший...

Бирман прошелся по комнате туда-сюда. Я знала, о чем он хочет спросить, и заговорила об этом сама:

— У нас с Севкой был роман. Всего одно лето. Мы расстались из-за его отца, он был категорически против наших отношений. Тогда казалось, что мир рухнул, а сейчас я понимаю, что мистер нефтяной барон был прав — будущего у нас с Севкой не было. Во всяком случае, того будущего, в котором живут долго и счастливо.

После короткой паузы я добавила:

— Я ни разу его за это время не видела. Не собиралась с ним встречаться. Вообще, даже не знала, где он живет и чем занимается. И уж его-то мне точно не за что и незачем было убивать.

Бирман присел перед диваном на корточки, и я поневоле встретила с его прямым взглядом. Он спокойно спросил:

— Рита, но ты понимаешь, что все эти убийства совершает кто-то из-за тебя?

Я отвела глаза и внимательно изучила рисунок паркета, сложные завитки вышивки на салфетке, которой был покрыт старый комод, сеть трещинок на разошедшейся двери. И ответила вопросом на вопрос:

— Значит, я уже не убийца?

— Это как посмотреть.

— Сережа, я позвонила тебе, потому что у меня есть одна идея. Но я запуталась.

— Я бы сказал, что ты не просто запуталась. Ты по уши замоталась в чьи-то сети.

— Мне не смешно.

— Мне тоже.

Бирман встал, собрал посуду и обозначил, кто есть кто:

— Лежи, сейчас ребята приедут. И без глупостей.

Оставшись в одиночестве, я огляделась. Интерьер своеобразной гостиной сложился, вероятно, в шестидесятые, вобрав в себя в качестве вполне органичных составляющих пару предметов из довоенных лет и старый, скорее всего, дореволюционный комод. Обратив внимание на круглый стол, задвинутый в угол, я обнаружила на нем содержимое своей сумки, аккуратно рассортированное и разложенное. Собственно, чему удивляться, ясно, что менты исследовали каждую вещичку с особым вниманием.

Приятную мелодичную трель, прозвучавшую где-то за дверью комнаты, я сначала приняла за телефонный звонок. Но раздавшиеся голоса подсказали, что я ошиблась. В комнату ввалился сначала Влад, отчего пространство съежилось раза в полтора, затем Коля, тащивший огромный пакет.

Буркнув что-то вроде «здрст», Влад одним движением сдернул с меня одеяло и скомандовал: «Поворачивайся на живот». Я молча послушалась. Из небольшой сумки Влад извлек коробку с ампулами и одноразовый шприц с иглой. Быстро и уверенно он набрал лекарство и снова скомандовал: «Попу подставляй!» Я почувствовала, как краска заливает лицо, шею и, кажется, доходит до попы. Нет ничего надежнее для деморализации поверженной женщины, чем простая медицинская процедура инъекции лекарства в ягодичную мышцу. У великана оказалась легкая рука. Интересно, все оперативники проходят курс простых медицинских процедур?

Влад повернул меня набок и прежде, чем я успела сообразить, что он собирается делать, его пальцы впились внутрь моей головы. Мир вокруг сразу заволокло темным туманом, но верзила не дал мне соскользнуть с края сознания, мягкими движениями превратив биение боль-

шого молота в пульс маленьких иголочек. Потом боль окончательно стихла. Какая-то мазь или крем, наверное. Когда Влад поднялся, я почувствовала, как Бирман отпустил мои запястья. Он держал мои руки, вероятно, чтобы я инстинктивно не начала отбиваться. Думаете, все так легко? Справились с бедной женщиной? У меня еще и ноги есть. И зубы.

После большого мента на сцену вышел маленький. Коля вытряхнул на диван спортивные брюки, кофту с длинным рукавом и толстовку веселого желтого цвета. Его команда оказалась меньше похожа на рычание, но больше на одиночный пистолетный выстрел: «Одевайся!» Под наблюдением трех пар мужских глаз я кое-как натянула одежду на себя, окончательно чувствуя себя мартышкой в зоопарке. Не уверена, правда, что мартышкам достаются дурацкие тапочки в виде плюшевых зайчиков, но это можно списать на плохую осведомленность ментов в вопросе оптимальных тапочек для приматов.

Влад почти галантно помог мне сесть. Набросив на меня сверху одеяло, он, пробурчав под нос неразборчивое ругательство, обратился к Бирману:

— Ты ее кормил?

Примерно таким тоном хозяин зоомагазина задает наводящие вопросы мальчику, принесшему ему обратно полудохлого зверька.

— Кормил. И аппетит у нее хороший.

— Отлично. Тащи стакан воды.

Влад заставил меня проглотить три разных таблетки, отчего к пустоте в голове добавилось неудобное ощущение растопыренности желудка. Уверен ли «дядя Степа» в своих врачебных способностях?

Убедившись, что я послушно замерла в указанном мне положении, троица ментов удалилась, судя по некоторым фразам вроде «омлет и макароны», куда-то в район кухни. Закрыв глаза, я снова задремала.

35. Городские новости

Бирман, промаявшийся почти сутки в качестве сторожа Риты, ерзал от нетерпения всю четверть часа, ушедшую на поглощение его друзьями нехитрого ужина. Наконец, Влад отодвинул тарелку и не спеша открыл свой маленький блокнот:

— Я нашел больницу. И врача. Хорошо сидите? Тогда слушайте. Через два дня после нападения на даче дежурный патруль нашел женщину без сознания прямо на улице. Она метров двести не дошла до приемного отделения. Хорошо, что кто-то ментам позвонил, сообщил, что труп с разбитой головой на остановке лежит. Патрульные женщину обыскали, но документов не нашли. Они дотащили ее до больницы, и оказалось, что там ее знают. Без всяких полисов и оговорок ее сразу госпитализировали. Причем, отнесли, как к весьма важной персоне. И знаешь, Бирман, как твою птичку в больнице называют?

— Ну? Не томи, выкладывай.

— Меланья. Если на западный манер, то Мэлани. Или Мэл.

Бирман изумленно уставился на друга:

— Мэл? Эта городская сумасшедшая? Приехали.

— Ага, не то слово. Хорошо, я фотку Риты прихватил. Они абсолютно уверены, что она и есть Мэл.

— То есть ничего удивительного в том, как она от нас раз за разом смывалась, на самом деле, нет. А я-то не вполне верил в ее уличную жизнь. Откуда ее знают в больнице?

— Не понял, но у нее нечто вроде абонеента на обслуживание. В больнице есть один врач — некто Семарфов Алексей Леонидович. Вся больница и за глаза, и в глаза называет его Ханом. Он сам играет в молчанку:

ничего не знает, ничего никому не скажет. Но одна из его медсестричек выложила, что Мэл в случае проблем со здоровьем всегда к нему обращается.

— И часто у нее проблемы со здоровьем?

— Пару раз в год приезжает на обследования.

— У Риты с доктором близкие отношения?

— Нет. У доктора роскошная и замужняя любовница, любовь всей его жизни, так сказать. Но сама дама любит и доктора, и деньги. Думаю, Рита этим и пользуется. Она платит доктору как королева. За это свое последнее лечение она легким движением руки не меньше пары штук баксов выложила. Семафоров, конечно, не признается никогда, но старшая сестра по отделению прямо исходит ядом из-за этих денег. Они в одежде были хорошо припрятаны, и этой стерве поживиться за счет Риты не удалось.

— То есть не только нам эта ведьма морочит голову.

— Кстати, о ведьме. В больнице есть стойкое поверье, что то, что Мэл пожелает, то и сбудется. Одной вежливой сестричке она пожелала хорошего мужа, и через неделю та познакомилась с представительным иностранцем, теперь живет в Англии и как сыр в масле катается. И наоборот, если Мэл обидится, то проклянет. Все мои ментовские угрозы по сравнению с этим были как детское «агу-агу» против рычания тигра.

Бирман задумчиво поболтал ложкой в остывшем чае, потом встал и раздраженно выплеснул жидкость в раковину.

— Надо было от меня столько бегать, по башке схлопотать, на улице трупом повалиться, чтобы, в конечном счете, ко мне же и притащиться.

Влад не очень уверенно заметил:

— Семафоров — это алиби Риты на убийство Боева.

Заварив прямо в чашку свежий чай, Бирман пожал плечами:

— Боев сопротивлялся. Вряд ли Рита, даже здоровая, смогла бы с мужиком на полторы головы выше справиться.

Затем опер повернулся к Кольке:

— Твои новости тоже лучше сидя слушать?

Колька, улыбнувшись, кивнул:

— Садись, Серега, и чашечку поставь на стол аккуратноненько, чтобы не уронить ненароком. Новостей у меня аж три штуки.

Выдержав вполне театральную паузу, Колька продолжил:

— Во-первых, Олеся Блюнтер пришла в себя. Пока к ней никого не подпускают, но из близких к телу источников есть информация о том, чему была посвящена ее беседа с матерью. Вкратце смысл в том, что за Олесей ухаживал некий кавалер. Она его никому не показывала, и почему-то, особенно Рите. Кавалер этот вроде бы туманно намекал на сложности в жизни, но четко выразил самые серьезные намерения. Олеся даже трындела матери о том, какую свадьбу хочет. Еще дочурка была очень польщена тем, что кавалер не сразу завалил ее в койку, а сначала водил по ресторанам и задаривал цветами. Она ему много рассказывала о своей нелегкой жизни, а он был само сочувствие и понимание. Не исключено, что злополучную бутылку с ядом этот кавалер Олесе и подарил.

Влад быстро оценил ситуацию:

— То есть очень может быть, что ухажера интересовала Рита. Как насчет фотороботов и прочего?

— Пока никак. Думаю, великая мамаша нас к дочурке еще долго не подпустит. А к тому времени, как подпустит, мы ничего этого уже не услышим. Но это ладно. Новость номер два: у Риты есть пусть и не совсем алиби, но отмазка. На первое убийство.

Бирман поперхнулся чаем и закашлялся. Влад пару раз хлопнул друга по спине, за что был награжден уко-

ризенным взглядом и нецензурной репликой. Колька, довольный произведенным эффектом, продолжил:

— Наружка Лорда пасла Одоевского. И у них зафиксировано, что вечером в день убийства к тому приходил высокий мужик крепкого телосложения. Даже фотки есть. И есть подозрение, что визитер знал о наружке, потому что лицо он ненавязчиво, но хорошо спрятал. Кем бы Рита ни прикидывалась, добавить себе сантиметров двадцать роста и полцентнера веса она вряд ли бы смогла. Убийца был у Одоевского почти полтора часа. А птичка явилась только утром.

Бирман вздохнул и горько заметил:

— Получается, Лорд зажал эту информацию?

— Я не очень понял почему, но ему очень хочется лично потолковать по душам с Ритой. И, естественно, что куда как активнее будут искать убийцу трех человек, чем какого-то там свидетеля.

— То есть, он ее подставляет.

— Или защищает — пока она под подозрением, она для убийцы не опасна.

— Кто знает. И третье?

Колька тоже вздохнул:

— На тех, других, фото — приемная мать Риты, Маша Рогальская.

Очередное непарламенское высказывание подвело итог сказанному.

36. Версии и догадки

Когда Бирман меня бесцеремонно разбудил, за окном была уже глубокая ночь.

— Рита, эй, птичка, вставай, поспишь потом еще. Расскажи нам, что собиралась.

Почему менты называют меня птичкой? Откуда это обращение взялось? И это не в первый раз, вроде как уже ко мне прилипло. Ну что во мне от птички? И от какой именно птички?

В большой кухне было тепло. Светящийся блин на высоком потолке казался солнечным кругом, в лучах которого некоторая заброшенность кухни казалась милой и симпатичной. Гобеленовые занавески, покрытые заметным слоем пыли, отгораживали кухню от темноты внешнего мира.

На столе стоял красивый дулевский сервиз с узором ярких красных и желтых не то листьев, не то цветов. В больших ладонях Влада маленькая чашечка смотрелась хрупкой и ненадежной. Подчеркнуто осторожное обращение опера с фарфором выдавало, что он в повседневной жизни не пользуется столь изящными вещами, а его редкое знакомство с ними уже заканчивалось кучками битых черепков и осколков. А вот Коля, наоборот, держал свою чашку непринужденно и уверенно. Сергей забрал себе толстую и большую кружку. Попутно он неспешно чертил карандашом непонятные закорючки на листе бумаге.

Хотя для меня было приготовлено центральное место за столом, я предпочла остаться стоять, облокотившись на сплошную деревянную столешницу длиной кухонной стенки. Последний раз я выступала перед столь внимательной аудиторией в последнем классе

школы на экзаменах. И я занервничала. Все, что казалось мне логичным и обоснованным, вполне могло показаться троице сыщиков полной ерундой. Но отступить было поздно, и я начала излагать свою теорию:

— Понимаю, что все это может показаться безумным, но вернемся на двадцать пять — тридцать лет назад. Жили-были Маша и Женя Рогальские. Красивая любящая пара. Все у них было хорошо. И многие их знакомые уверены, что более дружной семьи они не видели.

Скептический взгляд Бирмана подсказал мне, что я выбрала не слишком интересное начало. Я заторопилась выложить главное:

— Семья и правда была дружная. Но едва я стала интересоваться жизнью мамы, выяснилось, что у нее было много любовных связей на стороне. У мамы был роман с неким Василием Корягой, мужем ее коллеги по работе. По словам его жены, после громкого скандала Василий погиб. Далее. У мамы был скандал с гражданским мужем ее начальницы, не знаю его фамилии, но звали его Мурад. После публичного скандала Мурад оставил непонятную записку и исчез. Предполагали самоубийство, но тело так и не нашли. Затем. Мама весело проводила время с неким Алексеем Суворовым. Снова громкий скандал, и снова через неделю любовник исчезает в неизвестности.

О, наконец-то я почувствовала напряженное внимание ментов. Они считали предполагаемые трупы. Я быстро продолжила:

— Знаю, напрашивается подозрение в отношении моего отца. Но есть еще один неизвестный в этом уравнении. В молодости у отца был друг. Я не знаю, как его зовут и кто он. Но в квартире отца полно фотографий, где он и с ним, и с мамой. Отец называет этого третьего попросту Френдом. И я полагаю, что Френд тоже был любовником мамы. Но не приключением на пару раз, а постоянным любовником.

Бирман нетерпеливо перебил меня:

— Ты его видела?

— Да. Также как и вы с Владом. Это тот тип, что за мной следит.

— Когда ты впервые заметила слежку?

— Я бы ее вообще не заметила. Но когда вы погнались за мной в метро, ты наверху говорил, что видел мужчину в возрасте с портфелем, который меня выслеживал. Я стала оглядываться и заметила его. В конце концов, он засел прямо у моей квартиры, и я пришла к вам.

Во внимательных глазах Бирмана блеснула сталь:

— Ты слышала мой разговор с Владом возле метро?!

— Частично. Там было шумно.

— И где ты была?

— Там будка трансформаторная, за ней щель. Я маленькая и могу туда пролезть.

— Ты была там все время, пока мы разговаривали?

— Ну да.

После короткой паузы Влад с Колькой заржали в голос. Хлопая себя по коленкам, они заливались смехом, словно дети. Бирман сначала нахмурился, но затем вдруг тоже улыбнулся:

— Ты чума, Ритка.

Улыбка у опера оказалась обаятельная и обезоруживающая. Я думала, ему лет сорок, но с улыбкой он казался намного моложе.

Бирман вернул себе привычный серьезный вид и добавил более сдержанно:

— Давай по порядку. Итак, ты подозреваешь Френда в том, что он причастен к исчезновению друзей твоей мамы. Предположим, что ты права. Френд любил твою мать. И из ревности устранял всех прочих соперников. Причем здесь ты?

Хороший вопрос. Я пустилась в куда менее внятные объяснения:

— Для меня все началось с вечеринки, на которой Дионис глупо трепанулся о том, что я похожа на мать. Вроде бы никто не придавал этому значения, но я полагаю, что кто-то обсудил это где-то еще, где убийца мог это услышать. А услышав, он ко мне присмотрелся. И перенёс на меня эмоции, связанные с мамой.

— Но ты на неё не похожа.

— Дионис не знал, что я — приемный ребенок, поэтому сходство казалось ему более чем логичным. И делая свои злополучные фотографии, он попросту подогнал меня под тот облик, что был у матери. Когда Дионис чем-то увлечен, он трепетя об этом направо и налево, так что некто снова мог услышать о том, что сходство не только существует, но и документально подтверждено. Разгром студии и отравление Диониса — свидетельство того, что фотки имели значение. То есть важным выглядит тот факт, что я похожа на мать, хотя она моей родной матерью не является...

Я остановилась перевести дух. Бирман протянул мне чашку с чаем и подбодрил:

— Сядь. И не спеши, а то у меня от сегодняшнего вечера голова кругом идет.

— Я думаю, Френд был одержим Машей Рогальской. Увидев похожую женщину, испытал приступ старой болезни и вернулся к тому, что проделывал раньше — избавился от всех моих любовников. И еще, я думаю, что Осинка поплатилась за свой длинный язык. Когда ты сказал, что Севу Боева убили, это сразу пришло мне в голову. Про Одоевского и Дорика могли знать многие. Но о моей любви к Севке, кроме самого Севки, знал только Боев-старший. И знала Осинка. Обычно она не выкладывает чужие секреты, но ее можно разговорить псевдоумными беседами о любви и психологии.

Троица ментов обменялась многозначительными взглядами. Сделав еще один глоток, я продолжила:

— Но здесь есть пара противоречий. Если убийца — Френд, и если он одержим мной, как когда-то Машей Рогальской, то почему он никак не обозначил свой интерес прямо ко мне? И зачем он так ловко подставил меня под обвинения в убийстве?

Колька после паузы выдал вслух ту мысль, которая не давала мне самой покоя:

— Похожа или не похожа — вопрос субъективности. Ты не думала о том, что Маша, может быть, не приемная, а твоя родная мать?

Я вздохнула. Вот оно, самое главное.

— Слишком запутанно все получается.

Бирман пристально на меня посмотрел, словно хотел высказать нечто важное, но передумал, и главным моим собеседником стал Колька:

— Давай по порядку. Вернемся на двадцать пять лет назад. Почему усыновления?

— Мои братья считают, что мама не могла иметь детей. Но с ней самой они, естественно, этого не обсуждали. Если представить, что все было наоборот, тогда многое понятно. Отец не мог иметь детей. А у мамы были любовники...

— И в чем проблема? Если уж прямо такая любовь, он не мог принять ее детей?

— Не в детях дело. Он всегда свято верил в ее непорочность и отличие от всей остальной женской породы. Представляете, к нему люди приходили и прямо заявляли, что жена ему изменяет, а он им не верил, потому что она — образец чистоты и совершенства.

— А она хотела быть с ним несмотря ни на что?

— У нее была спокойная налаженная жизнь. Идеальный муж, выполняющий все прихоти и свято верящий в ее женскую непогрешимость. Любовники, сходящие от нее с ума в буквальном смысле слова. К тому же хитроумный план, если это план и все так было, касался ме-

ня одной. Мама пожелала иметь детей. Отец сдался, как всегда сдавался, и согласился усыновить даже не одного — двух детей. Когда через три года мама притащила в дом еще одного усыновленного ребенка, никому и в голову не пришло, что это ее собственное дитя.

Влад с явным сомнением спросил:

— А Рогальский при этом пузо беременной жены не заметил?

— Он четыре месяца провел в Хабаровске, в командировке. Как раз в год, когда я родилась. А мама вроде бы долго лечилась от чего-то по женской части. Так что, может, здесь все и сходится.

— А любовник? Почему она не ушла к нему?

— Возможно, он был женат. Возможно, понятия не имел, что она забеременела. Да и все, с кем я разговаривала, в один голос утверждают, что Маша очень уж хорошо устроилась в этом браке.

Колька мысленно раскладывал пасьянс из возможностей и вероятностей. Я подкинула в его «колоду» еще одну картишку:

— В моем усыновлении есть одна несуразность. У моих братьев настоящие родители известны. И это не асоциальные элементы, лишенные родительских прав. Хорошие семьи, никаких алкоголиков и случайных связей, только несчастные случаи. Можете с Костей пообщаться, у него на этом месте вообще пунктик, и я полагаю, что развился он не на пустом месте. Для отца происхождение детей имело значение и не маленькое. Но мое происхождение неизвестно. И все же Рогальский согласился взять меня в семью. Маме наверняка пришлось очень постараться, чтобы преодолеть его предрассудки.

Влад сдержанно зевнул, а Колька озвучил свои мысли:

— Допустим, все так. Но что это дает сегодня? Предположим, кто-то замечает, что усыновленный ребенок на самом деле слишком уж похож на неродную маму.

Складывает один и один — получает два. Почему этот факт вызвал столь масштабные и мрачные последствия?

Я только пожалала плечами:

— Претендовать на имущественные права мифического папы я, ясное дело, не могу. Адюльтеры с погибшей десять лет назад женщиной тоже никому не интересны. Остается то, что, возможно, Френд и есть мой настоящий отец.

— То есть, убивая кавалеров дочери, он оказывает ей ту же услугу, что когда-то осуществлял для матери. Восстанавливает загубленную честь. Круто.

— Это объясняет, почему он за мной следит. И почему не подходит близко — потому что в точности и сам не знает, что со мной делать. Но непонятно, зачем он подставляет меня по убийства.

— Рита, возможно, была подстава с Одоевским. Ее легко было устроить. Но с Дориком, скорее всего, роковое совпадение. Обошлись же без тебя в убийстве Боева?

Бирман подал голос, сообщая, что он понял замысловатую версию, но относится к ней без восторга:

— Сценаристы мыльных опер корчатся в муках зависти. Но почему бы и нет. Объясняет многое. Только ты, Рита, умолчала об одной подробности. Важной, если принять во внимание отношение к наследственности твоего отца. И ключевой, если верить в то, что Маша Рогальская была *любящей* матерью...

Он знал. Как он это вытряс из отца, сравнительно легко рассказывающего о моем усыновлении, но намертво молчащем об обстоятельствах моего появления на свет? Не представляю. Однако Сергей давал мне возможность рассказать обо всем самой.

Я никогда этого ни с кем не обсуждала и надеялась, что не придется обсуждать. Но, когда я уже начала придумывать жалкие отмазки, внутренний голос, нехотая об-

наруживший потайной люк на дне сознания, выдал: «Сняв ботинки, по шляпке не плачут». В оригинале было иначе, но с похожим смыслом. Глубоко вдохнув, я как можно спокойнее рассказала:

— Я родилась на путях железной дороги. Может, в подсобке или старом вагоне. После родов меня завернули в мешковину и оставили под лавочкой возле пригородных платформ. Даже оторванную пуповину не перевязали. Был январь, и мне крупно повезло, что одна тетка польстилась на чужое добро...

Наступившая тишина показалась мне невыносимой, и я поторопилась заполнить ее звуками своего голоса:

— Вы наверняка в курсе, что такие истории случаются. Я только не верю, что мама могла так поступить с каким бы то ни было ребенком. Не говоря о своем собственном.

Странно, иногда так хочется, чтобы тебя хоть кто-нибудь пожалел. Но теперь мне отчаянно хотелось, чтобы трое мужчин, подозревающих меня черт знает в чем, перестали так явно меня жалеть. Ничего этой глупой жалостью не изменить. И не исправить.

Нормальные женщины оставляют детей в роддоме. В крайнем случае, подбрасывают в больницы или соседям с детьми под дверь квартиры. Ни одна вменяемая женщина, которой действительно не все равно, что будет с ребенком, не бросит младенца под лавку на вокзале. Любые мои попытки представить биологическую связь между мной и Машей Рогальской упирались в этот аргумент. Я знала, что мама всех нас троих любила, как своих детей. Оберегала, заботилась, волновалась. Мне повезло, что я выросла под ее опекой в тепле и ласке. Да, мне пришлось вернуться в мир вокзальных лавок, но я хотя бы узнала, что есть и другие миры. Мысль о том, что одна и та же женщина могла меня сначала бросить, а потом спасти, причиняла боль.

Я повернулась и поставила чашку в раковину. Фарфоровое блюдо громко звякнуло о старую эмалированную кромку. Вот только мне ещё чужой фамильный сервиз перебить не хватало.

Сзади раздался спокойный голос Сергея, решающего проблему по принципу бритвы, которая так и норовит порезать тех, кто слишком увлекается интеллектуальными орнаментами¹:

— Есть и самый простой вариант, птичка. Если отвлечься от твоей похожести-непохожести на Марию Рогальскую, то не исключено, что подставляют тебя по одной причине — ты раскопала старые истории с пропажей людей, а значит, вытащила на белый свет множество давно забытых скелетов.

— И ради этого убили трех человек?

— Кто знает, скольких всего убили?

Кажется, Бирмана сказанное не пугало. А я вдруг вспомнила взгляд Френда в зеркале. Тяжелый взгляд усталого немолодого человека, который должен доделать парочку важных дел. Одержимый взгляд. Одержимый мной или тем, что он видел во мне. Дело точно было не только в забытых скелетах.

Бирман встал и, покосившись на откровенно дремлющего Влада, распорядился:

— Всем спать. Утро вечера мудренее. Ты, Ритка, отлежалась за день, а нам завтра снова на работу.

¹ Бритва Оккама — философский и научный принцип, по которому из множества решений следует выбирать наиболее простое.

37. Сокровищница

Я проснулась в неопределенном времени осеннего дня. Серые облака, висящие над мутным городом, не давали возможности хотя бы приблизительно сориентироваться — который час. Одевшись, я добралась до кухни и обнаружила, что проспала уже половину дня. Организм, почувствовавший относительную безопасность, явно решил, что имеет смысл не только отоспаться за прошедшие суматошные дни, но и забрать некоторое количество часов сна впрок.

В квартире было очень тихо. Я слышала, как урчит холодильник и тикают часы. Можно было отправляться в исследовательский поход. В квартире оказалось целых четыре комнаты. Кроме самой первой гостиной, ставшей для меня спальней, была некогда роскошная столовая — с очень красивым шкафом-витриной, в котором стояли фарфоровые фигурки. В столовой была дверь, ведущая в маленькую смежную комнату, где я обнаружила спящего на детской кушетке Кольку. Тихо-тихо дав задний ход, я заглянула в последнюю комнату и столкнулась нос к носу с ее обитательницей.

Маленькая сморщенная старушка, замотанная в старую шерстяную кофту и подпоясанная кушаком от фланелевого халатика, сердито уставилась прямо на меня и молодым звонким голосом выдала:

— Чего, ведьма, шастаешь, не спишь?

— Извините, я немного заблудилась.

— Не ври. Нос любопытный суешь, куда ни попада.

Старушка прошаркала мимо меня на кухню и уже оттуда крикнула:

— Эй, ведьма, иди сюда.

Я только улыбнулась. Старушки все одинаковы. Глав-

ная проблема их жизни — скука. И новый человек, вдруг оказавшийся в пределах их микрокосмоса, не может быть проигнорирован, каким бы странным он ни казался.

Через час с небольшим мои познания о мире, в котором я очутилась, увеличились в разы. Бирман притащил меня не куда-нибудь, а к себе домой. Старушка по имени Прасковья Сергеевна оказалась его родной прабабушкой. Я спросила, сколько же ей в этом случае может быть лет, и она с гордостью заявила, что девяносто два. Обалдеть.

По мнению бабушки, я была явно «интересным экземпляром», поскольку оказалась первым человеком, кого Бирман «притащил с работы», и кто при этом не был коллегой и мужчиной. Женщины в доме тоже бывали, но обычно совсем не с работы, роскошно одетые, причёсанные, с ухоженными ручками и приятно пахнущие. Некоторые оставались пожить, но не слишком надолго. Кто бы мог подумать, Бирман-то, оказывается, эстет.

Иногда у Бирмана околачивались и приятели. Колька, делящий малогабаритную двухкомнатную квартиру с родителями и взрослой сестрой, частенько оставался ночевать, особенно если у сестры начинался очередной роман. Колькины родители не теряли надежды выдать девушку замуж за надежного парня с квартирой, но в море, где плавала рыбкой Колина сестра, такие не водились.

Сестра была и у Влада. Леля работала врачом-кардиологом в детской больнице и попутно тащила на себе благотворительный фонд, клянча везде, где можно и где нельзя, денег на операции детям. Оказалось, что я с этой Лелей заочно знакома, хотя, возможно, заочность — это и к лучшему. Бабушка Лелю уважала, хотя и считала, что та слишком уж командует «мальчиками» (хотела бы я на это посмотреть).

Сам Влад был приятелем Бирмана еще со школьных времен, хотя учились они в разных школах, только жили

по соседству. Именно Влад назвал Бирмана поработать оперативником. Вроде бы план был такой, что это только перекантоваться год-другой, но рисковая работа затянула обоих.

Все это и кое-что еще бабушка Паша мне поведала, довольно уплетая подогретый мной суп. Она пока еще неплохо держалась на своих собственных ногах — в прямом смысле, и пока еще могла себя обслужить. Но силы ее день от дня таяли, и хотя Сергей старался позаботиться о бабушке, я сразу поняла, что этого недостаточно. К тому же, хоть он и был родным человеком, все же был еще и взрослым мужчиной. Кто-то из богинь судьбы явно постарался, подкинув мне на жизненный путь еще одну маленькую старушку.

Зажатое шиной плечо сковывало мои движения и немного побаливало. Но за следующие два часа я успела сменить белье на кровати бабушки, разгрести скопившиеся горы хлама на небольшом прикроватном столике, помогла Паше принять душ и сделать простые гигиенические процедуры, привела в порядок ее ноги и сделала ей новую прическу. Бабушка таяла от моих забот и в качестве награды разрешила покопаться в своей сокровищнице.

Сокровищница захватывала дух. Без малейшего преувеличения. Комната Паши, самая большая в квартире, была на две трети забита шкафами, полками, этажерками, стеллажами. И везде, куда можно было кинуть взгляд, стояли, лежали, громоздились книги, тома, фоллианты.

Экспроприировав из старого комода малопонятный и в ноль застиранный кусок ткани, вполне годящийся для того, чтобы стать тряпочкой для вытирания пыли, я начала раскопки с первой попавшейся полки, снимая книги по одной и время от времени зачитывая вслух некоторые особо любимые места. Морщинистое лицо

бабушки сияло от удовольствия, блеклые глаза стали яркими, и несомненное семейное сходство меня даже напугало. Было неожиданно увидеть всегда невозмутимые и строгие серые глаза Бирмана такими веселыми и довольными. Вскоре бабушка заснула, утомленная неожиданно свалившимися впечатлениями, а я целиком и полностью отдалась своему единственному пороку.

У каждого нормального человека есть пристрастие, которое может быть хлеще наркомании и хуже алкоголизма. Не в смысле социальных последствий и утраты здоровья, а в смысле неспособности человека контролировать влечение к чему-либо. Для меня таким пристрастием всегда было чтение. Я читала все подряд с самого детства. Свобода в выборе книг, предоставленная мне родителями, хотя и сказывалась на понимании некоторых взрослых книг, тем не менее, привела к тому, что я охотно поглощала не только приключения и фантастику, но и энциклопедии по искусству, сборники занимательных опытов по физике, а также разные жизнеописания и мемуары. Я заглатывала все подряд, обожая сам волшебный процесс превращения черных букв в необыкновенные цветные миры.

Оказавшись в окружении нескольких тысяч книг, я полностью отключилась от происходящего в реальном мире. О, боги! Здесь было столько всего, что я еще не читала...

Я была полностью захвачена поразительной рыцарской эпопеей, когда кто-то положил мне на книгу лист бумаги. Срочно скинув его на пол, я ринулась за убегающим разбойником, и тут кто-то попытался вытянуть книгу из моих рук. Крепко вцепившись в переплет, я недовольно пробормотала «ща как накостыляю» и продолжила странствие по загадочному лесу, приближаясь к хижине, где прятали красавицу-невесту. Где-то раздались хлопки и громкие голоса. Я брякнула что-то нецен-

зурное, надеясь, что от меня отстанут. Неужели друзья рыцаря не помогут ему спасти блондинку из лап коварного злодея?

И тут книга вылетела из моих рук и захлопнулась на высоте около метра прямо перед моим носом. Я ухватила заветный томик и резко потянула к себе, а потом до меня дошло, что я не в рыцарском замке, вокруг не простираются леса старой доброй Англии, а ржут вокруг не доблестные воины старинного замка, а оперативники — тоже своего рода воины, но не замка, и, разумеется, не Англии.

— А? Что?

Мои вопросы, прямо-таки исполненные космического смысла, только подлили масла в огонь. Колька и Влад, подвывая и издавая массу всхлипываний, вывалились куда-то в коридор. Сергей, помахав в воздухе отнятой у меня книгой, серьезно произнес:

— Сим-сим, абракадабра, кривле-кривле-бумс, верните нам нашу ведьму.

Из коридора раздалось хрюканье, достойное лучшего свинарника мира. Что происходит?

— Отдай!

Я вложила в свой голос максимум требовательности и раздражения. Это не могло не подействовать. Но Бирман только поднял томик повыше и рассмеялся. Я сделала неловкую попытку вскочить с пола, и боль от головы к руке вдруг расставила все на свои места. Бесплезно погладив повязку на плече, я куда медленнее и спокойнее выпрямилась. Сергей протянул мне книгу и тихо спросил:

— Больно?

— Да ничего, сейчас пройдет.

— Прости. Будешь пельмешки? Домашние, вкусные. У меня соседка одна делает. Пальчики оближешь.

— Да я любые слопаю. Что это сейчас было?

— Мы тебя утерjali, птичка.

Было здорово сидеть на старой кухне и слушать, как Влад с Колькой излагают историю моего загадочного исчезновения. Так хотелось хоть на время поверить, что я в этой веселой компании не потому, что кого-то якобы грохнула, а потому что захала поговорить с друзьями. Пусть через час все изменится. Но пока можно же немного помечтать...

Влад приехал к Бирману первым. Позвонив в дверь, он долго ждал, пока Колька с заспанной, но довольной физиономией, откроет ему дверь. Наскоро обсудив новости и выпив чаю, друзья отправились проверить, как я сплю. И обнаружили, что я не только не сплю, но и вообще отсутствую в комнате. Бегло исследовав квартиру и немного поорав на разные голоса «Рита», они меня не нашли. В комнату спящей бабушки они вошли только до середины и за стеллажом с книгами элементарно меня не заметили. Оба утверждали, что никак не могли догадаться, что я сижу в закутке между шкафами на полу. В итоге обнаружил меня спешно вызванный Бирман. Сначала он пытался до меня дозваться, потом достучаться в самом прямом смысле. Наконец, попытался отнять у меня книжку и получил в ответ ругань, которая, по его собственному признанию, звучала в моем исполнении как нечто очень забавное. Что ж, рада, что им удалось повеселиться за мой счет.

После ужина я перестала радоваться. Потому что Бирман устроил мне очередной допрос. Только теперь тема вопросов касалась Осинки и Диониса, моего отца и Кирилла, подробностей случившегося на даче и моих отношений с братьями. Сергей целеустремленно копал разные мелочи, надеясь выловить намек, направление, которое приведет его к Френду.

Ничего нового я не рассказала. Только предложила ему поспрашивать кого-нибудь еще. Моего отца, например.

Бирман отреагировал на это предложение своеобразно. Задумчиво нахмурил брови и молчал с минуту. Но все же посвятил меня в проблемы расследования:

— Я бы с удовольствием твоего папашу поспрашивал. Но никто не знает, где он.

— Как это не знает? Я же разговаривала с ним.

— После разговора с тобой он отменил конференции в Хабаровске и Владивостоке. И не приехал на семинар в Томске. Его телефон не отвечает. Редакторы и издатели не в курсе, где он.

— Ты думаешь, с ним что-то случилось?

— Если только он сам не залег на дно. Видишь ли, версия про Френда, конечно, интересная. Но убивают любовников жены обычно мужья. Хотя сложно не согласиться с версией Лорда, что Френд мог убить твоего отца, как нежелательного свидетеля.

Поразмыслив, я выдвинула следующий вариант:

— Может, Ариадна Тернопольская что-нибудь знает?

— Наверняка что-то знает, потому что великая звезда тяжело заболела после первой же нашей повестки. И все попытки даже поговорить начисто блокируются охраной ее мужа. Едва Олеся чуть околемается, они вдвоем уедут за границу на лечение, так что я даже не надеюсь что-нибудь здесь откопать.

— А если натравить на Ариадну Лорда? Вот уж кому все будет нипочем.

— Гм, идея неплохая, только это меня Лорд может натравить на кого угодно. А вот в обратную сторону это не работает.

— Тогда даже не знаю, что еще предложить.

— Как насчет ключа от квартиры?

Я не сразу догадалась, о чем речь. Но потом отправилась в комнату и безропотно выковыряла ключи из маленького внутреннего кармана болтающейся на стуле

юбки. Теперь держать в тайне адрес моей старой норы не имело никакого смысла.

Когда Влад с Колькой отбыли восвояси, я тихо забралась под одеяло и все же дочитала роман о приключениях прекрасной блондинки и доблестного рыцаря. Все у них вышло хорошо. Вот бы и мне так.

38. Тени прошлого

Рано утром Бирман разбудил меня зверской процедурой — обтиранием лица холодным мокрым полотенцем. Сказать, что я проснулась в шоке, ничего не сказать. Даже не открыв глаза, я свернулась в комочек и что-то жалобно проскулила.

— Рита, прости, но иначе до тебя не добраться. Я уезжаю, слышишь? Но из ребят некому приехать. Пожалуйста, побудь одна.

Спросонок я совсем не поняла, чего от меня хотят, и машинально спросила:

— А бабушка?

— Да, разумеется, с бабушкой.

— Хорошо. Супчик еще остался, я ее покормлю, не волнуйся.

— Рита, да проснись же, я не о супчике. Обещай мне, что не выкинешь какой-нибудь фокус. Сиди тихо и не вздумай смыться. Здесь ты в безопасности, ясно? И дверь никому не открывай. Если что, звони сразу мне. Или Алисе, в прихожей ее телефон на стене есть. Поняла?

— Ага. Иди уже.

— Будь умницей.

Сергей поправил на мне съехавшее одеяло и тихо ушел. Закопавшись в теплую постель поглубже, я снова уснула. Приятно почувствовать себя маленькой девочкой, которую учат никому не открывать дверь. Еще бы мокрой тряпкой по лицу перед этим не возили.

Виновником моего второго пробуждения стал надрывный дверной звонок. Кто-то настойчиво тербил пимпочку возле двери, заставляя устройство издавать ду-

шераздирающие звуки. Сердце у меня сразу забилоь раз за два быстрее, а остатки сна испарились за доли секунды. Накинув кофту, я на цыпочках подкралась к двери и заглянула в глазок.

Толстененькая женщина долбила по звонку прямо-таки с остервенением.

— Кто там?

Надеюсь, мне удалось вложить в свой голос достаточно громкости и уверенности.

— Рита, немедленно открой, я — Елена, сестра Влада.

Я открыла дверь, прикидывая, что буду делать, если толстушка стукнет меня сумкой по голове. Гостья энергично протиснулась мимо меня и, быстро скинув пальто на небольшую скамеечку под вешалкой, сурово спросила:

— Где Бирман?

— Не знаю. Он утром уехал.

— А как бабушка?

— Не знаю, я только что проснулась.

— Пол первого, а она только проснулась.

Лелька решительно направилась в комнату бабушки. Я услышала, как Прасковья Сергеевна радушно приветствовала гостью, и между женщинами завязался живой диалог об аритмиях, стенокардиях, тахикардиях...

Я погрузилась в новую книгу, начавшуюся с подробностей расстановки войск Наполеона перед Ватерлоо. Биография императора казалась скучной, скрашивали унылое впечатление короткие вставки с описаниями разных любовных историй завоевателя мира. Больше всего я сочувствовала Жозефине. Не расстанься с ней великий человек, глядишь, и дожил бы до седин на императорском троне...

Вернуться в начало двадцать первого века мне пришлось после проведения Лелькой уверенного приема, в результате которого я оказалась на боку, с головой, зажатой крепкой рукой. Книга вывалилась на пол, и страницы

сложились одна к одной, пряча от меня заветное место, до которого я дочитала.

— Что ж, птичка, давай полюбуюсь на твою красоту. И что вас, девок молодых, в грязь тянет. Парней хороших столько одиноких пропадает, а вы все норовите приключений на свою задницу огрести.

Ловко повернув меня на спину, Лелька расстегнула кофту и начала быстро тыкать металлической пластинкой туда-сюда, продолжая наставлять меня на путь истинный:

— Подружки твои, небось, детей в школу водят, а ты все босиком по городу бегаешь. Самой-то не надоело? Смотри, какая тощая, да ноги все изодраны. Дружок есть у тебя?

Я кивнула, но Лелька не ждала моего ответа. Интересно, как она что-то внутри меня слышит, если беспрерывно говорит.

— Думаешь, мужики на несчастных побитых птичек западают? Им здоровых теток подавай, крепких, ладных. А у тебя вон синяки под глазами в поллица.

Я молчала, чувствуя себя не в своей тарелке. Рефлекторно хотелось начать оправдываться, что-то объяснять. Но я только пожала плечами. Лелька отпустила меня и выпрямилась, одарив еще одним неприветливым взглядом:

— Вот что, птичка, ты мальчиков не подводи. Бирман может из-за тебя здорово влипнуть. Так что ты не трепись, где была, даже когда все закончится, ясно? Хотя в последней фразе прозвучала вопросительная интонация, воспринималась она почти как угроза.

— Я никому не скажу.

— Здесь тебя никто и пальцем не тронет. Но и ты веди себя прилично, не смущай мальчиков. Тебе терять нечего, а они все равно, что дети малые. Так что обойдись без разных бабских штучек. Никаких распахнутых

халатиков и стреляющих глазок. Клиентов в другом месте найдешь.

Лелькино презрительное «клиенты» недвусмысленно ставило на мне клеймо недостойного ее уважения существа. Логично, но все равно немного обидно.

— Эй, птичка, ты поняла?

Я послушно наклонила голову:

— Да, конечно, я все понимаю.

— Вот и хорошо. И раз уж взялась, за бабушкой ухаживай, как следует. Думаешь, один раз хорошего впечатления добилась, можно сесть, ножки свесить? Нет уж, голубушка, такая работа никогда не кончается.

— Я знаю.

— Сомневаюсь. И запомни, если что не так — будешь иметь дело со мной. Я в школе замерзших птенчиков не выхаживала, я трупки найденные препарировала. У меня кнопка сентиментальности не работает, так и знай.

Кнопка сентиментальности, конечно же, совсем не работала у врача, собирающего деньги на операции больным детям. Я улыбнулась и вежливо поблагодарила толстушку за заботу и назидания:

— Спасибо, Елена. Не волнуйтесь, я буду умницей.

После отбытия Лельки я попыталась заснуть. Но ничего не получалось. Организм выпался и требовал хлеба и зрелищ. В качестве первого пришлось скормить ему остатки бабушкиного супчика, а в качестве второго заставить смотреть двести двадцать третью серию какого-то телевизионного маразма. Бабушка живо вникала во все перепетии судеб персонажей, и моя критика сюжетных поворотов, а также мнение насчет абсолютной невозможности нормальных отношений между главными героями дали пищу для разговоров еще часа на полтора. Когда бабушка утомилась и решила вздремнуть, я вер-

нулась к жизнеописанию Наполеона, но после пары страниц передумала его дочитывать и поменяла красивый томик на сравнительно новое издание какой-то фантастики. Но и фантастика не пошла.

В голове роились мысли о Френде, отце, маме, любви, ненависти и убийствах. Коктейль получался мутный и непривлекательный. Плюнув на чтение и попытки мыслительной деятельности, я уселась перед маленьким телеком на кухне и из остатков старого свитера, найденного в шкафу, связала чудный шарфик с кисточками. Может, я и недостаточно хороша для разных там врачей, зато могу приодеть забавного мишку, явно мерзнущего в углу одной из витрин столовой.

Влад явился около половины восьмого. Хмурый и неразговорчивый. Шмякнув на пол коридора несколько пакетов, он, не глядя на меня, распорядился:

— Ужин приготовишь.

Кое-как дотащив часть продуктов до кухни, я впала в ступор. Что делать с овощами, я примерно представляла, но большой кусок мяса вызывал панику. Потоптавшись возле стола, я неуверенно обратилась к великану:

— Влад, знаешь, есть одна проблема. Я не умею готовить.

— Что, совсем?

— Ну, могу картошку почистить.

Влад вздохнул и встал к плите сам, не забыв ядовито высказаться:

— А как же путь к сердцу мужчины? Неужели Одоевский своих нимф не учил кратчайшей дороге?

— Одоевский учил своих нимф совсем другой дороге. А готовить — кухарок нанимал. С дипломами, опытом работы и возрастом старше сорока пяти.

Мощный удар молотка впечатал шмат мяса в доску, и я подпрыгнула от неожиданности.

— Ехидничаешь, птичка, а все плохо. Бирман с экспертами твою нору который час разгребает. Он, наивный, полагал, что раз ты ему ключи так легко отдала, то все самое ценное где-то еще припрятала. Утром он мне звонил, сказал, смотается на часок для отчета, и все.

Несколько ударов, закончивших фразу, словно пытались вколотить содержание новости покрепче в мою голову. Настучавшись, Влад продолжил:

— Мы с Колькой спорили, аккуратистка ты или неряха — раскладываешь вещи по полочкам или сваливаешь их в беспорядке на стулья. А надо было гадать, что там в твоей норе вообще нас ждет.

И что же такого криминального могла я оставить в норе?

— Для начала, ты хоть бы предупредила Серегу, что там полквартиры твоей кровью заляпано. Он, как дверь открыл, так в отпечатки твоих ладоней на откосе уткнулся.

— Да я не подумала.

— Бирман тоже так решил. А вот что он решил, найдя картину Одоевского и одно из орудий убийства, я пока не знаю. Вряд ли тебе хватило глупости самой все это там оставить, но Лорд уже объявил тебя соучастницей убийств. Общая картинка такова: ты завлекала ротозеев, а твой напарник чики-брики и открывал дорогу к сокровищам.

— Значит, Френд все-таки подставляет меня.

— Лорд объявил на тебя большую охоту. Кто поймает — получит внеочередное повышение в звании.

— Ну, так это хорошо. Отвезете меня куда надо, получите повышение.

Влад бросил тонкий кусок мяса на сковородку и, дождав пока громкое шипение прекратится, с горечью заметил:

— А ты на нашем месте так и сделала бы?

— Нет. Но я не на вашем месте. Если вы решите, что так для вас лучше, я пойму. Посижу немного в тюрьме, подумаешь.

— Бирман прав насчет тебя, ты просто идиотка.

Уставший Бирман прибыл как раз к моменту, когда я расправилась со вторым куском мяса. Почему в дорогих особняках никогда не готовят такие обалденные отбивные? И почему люди с таким потрясающим талантом к кулинарии ловят маньяков? Где совершенство мира? Нет его на нашем белом свете, а жаль.

Сергей, едва успев поздороваться, сразу задал мне вопрос:

— Где ноутбук и твоя красная сумка, с которой ты была у Одоевского?

— У друга одного. Но... он совсем ничего не знает, и я бы не хотела его во все это впутывать. Если очень надо, я привезу все сама.

— Слыхал, Влад, привезет она. Иди, книжку почитай, нам без тебя обсудить кое-что надо.

Когда Влад уехал, я не заметила, занятая поисками другого конца у кольца в саге об иных галактиках. Но на этот раз я вынырнула из космических глубин сразу, как только широкая рука закрыла лист читаемой книги.

Серые глаза не улыбнулись мне в ответ. Бирман уселся перед диваном на колченогой табуретке и после паузы с легким сомнением в голосе спросил:

— Рита, может это и неприятно тебе, но дай хотя бы шанс тем, кто еще жив. Нужно предупредить твоих бывших и настоящих сожителей, любовников, дружков о происходящем. Сколько их еще осталось?

Надо срочно что-то придумать. Правда слишком уж... Я чувствовала, как мои щеки заливают предательская краска стыда. И под пристальным взглядом тихо созналась:

— Не знаю.

Повисла тишина. Потом Бирман бесцеремонно поднял мою голову за подбородок и заставил посмотреть ему в глаза. Ну почему простые вещи оказываются иногда так мучительно сложны для объяснения?

— А скольких ты знаешь?

— Никого. Это были случайные связи.

— Вспоминай все, что можешь. Их надо найти.

— Ничего не выйдет. Я ничего не знаю. Даже имен.

Где-то в глубине родословной Бирмана точно скрывался инквизитор, с удовольствием подвергавший несчастных женщин вроде меня разным испытаниям на прочность. Во всяком случае, периодически высказываемое Бирманом намерение свернуть мне шею, кажется, оказалось слишком близко к воплощению в жизнь. Потемневшие серые глаза словно прикидывали, как мое жалкое тельце будет трепыхаться в сильных сжимающихся руках. Хорошо, что современные представления о правилах поведения все же накладывают ограничения на подобные проявления негодования.

А я уже решила, что он неплохо ко мне относится. Глупо. К стали во взгляде может добавляться металл в голосе:

— Вот что, Рита. Выкладывай свое грязное бельишко. Дочке Севастьяна Боева — три года, и она уже сирота. Только потому, что ее папаша не смог пройти мимо твоей юбки.

— Когда ее папаша запал на мою юбку, ее мамаша зажигала в ночных клубах Майами, так что не надо меня сироткой жалобить. Я и сама сиротка. И с Севкой рассталась задолго до его женитьбы. И вообще, может это не имеет ко мне никакого отношения. У Боевых и без меня заклятых друзей хватает.

— Рассказывай: где, когда, с кем. Я задолбался трупы твоих бывших разглядывать.

— Хорошо. Я была в одном клубе. В закрытом клубе, для элитной публики. Там был маскарад. Все в костюмах и масках, никаких личностей и имен. И полная свобода выражения чувств.

— Я понял. Можно миловаться с кем хочешь без лишних базаров.

— Примерно. Так вот, я слишком много выпила и очнулась только на следующий день в чужой квартире и одна. Так что я и понятия не имею, кто были мужчины, с которыми я там... миловалась.

— Ты же говорила, что не пьешь?

— Вот после этого и не пью.

— Тебя изнасиловали?

— Да нет... я вроде не сопротивлялась... я не помню ничего. Совсем ничего.

Инквизитор внутри Бирмана явно вынес мне приговор. И вряд ли оправдательный.

— Сколько раз ты была в клубе?

— Один.

— Кто еще знает о том, что ты там была?

— Никто. Только Осинка.

Бирман издал что-то вроде стона:

— А не поделиться с подругой такими волнующими впечатлениями было никак нельзя. Дорогая, я нажралась в стельку, сыграла в подстилку и ничего не помню. Просто класс, тебе тоже надо попробовать.

— Все наоборот. Это она уговорила меня попробовать. Казалось, что будет весело.

— Что за клуб, кто владельцы, где находится?

— Находился в Сумароковском проезде. Только здание потом сгорело. Про владельцев ничего не знаю. Слышала, что вроде бы тетка, организовавшая все это, умотала после пожара за границу.

— Толстая полярная лисичка пришла к нам и машет лапками: «Превед!»

— Слушай, ну какая разница: кто, где. Если я сама не знаю, Френд тем более не узнает.

— Осинка сдала тебя с потрохами и, похоже, лично Френду. Пока ты молчишь, он убивает.

— Я же не молчу, только мне нечего сказать.

— А Раф Айратов?

Я по-дурацки улыбнулась, и Бирман нахмурился. Не дав ему разразиться очередной выволочкой, я аккуратно прогулялась по тонкому льду близко к правде:

— У меня с Рафом ничего не было. Он по доброте душевной здорово выручил меня несколько лет назад. А я помогла ему в ответ. Никакого отношения к делу это не имеет, клянусь. Я даже не знала, что Дорик с ним знаком.

В стальных глазах мелькнул опасный огонек. Потом Бирман страдальчески шлепнул себя по лбу рукой и выдал кое-то интересное:

— Человека, работавшего на Рафа, убивают после скандального увольнения. Некая птичка, старая знакомая Рафа, копается на месте убийства и через сутки встречается с Рафом. Еще через пару дней начинается криминальный балет вокруг банка Рафа, включая заказной отстрел одного из его первых заместителей. Поговаривают, что зама сам Раф и заказал. Так вот, птичка, вся эта катавасия не имеет отношения к делу?

— К убийствам моих бывших — точно нет.

— И Раф не заказывал Дорина?

— Он и своего зама не заказывал. Раф — не убийца. Его, наверное, другая сторона убрала, когда поняла, что Раф в курсе его предательства.

Сергей поднялся и, по-прежнему хмурясь, распорядился:

— Спи, птичка. Еще немного, я сам тебе шею сверну.

— Тело кремируй, пепел развей по ветру. Где-нибудь за городом.

Серые глаза внезапно стали очень печальными. Ох, Рита, ляпнула ты что-то лишнее. Сергей, уходя из комнаты, тихо бросил мне через плечо:

— Прости, Ритка, глупость сказал. Но и сама не шути так больше.

39. Проигранная войнушка

Рано утром невыспавшийся Бирман встретил приехавшего за ним Влада без всякого энтузиазма:

— Кофе будешь? Я покрепче сварганю, а то глаза слипаются. Что у нас по плану?

— Лорд опять совещание собирает.

— Шел бы он... со своими совещаниями. Задолбал.

— Птичка спит?

— По-моему, это единственное, что она умеет делать.

— Что это ты такой сердитый? Она тебя покусала?

— Да если бы. Прикинь, Лорд прав насчет проблем Айратова. Рита и там свои ручки приложила. Только не с той стороны. Она банкиру помогла. И, похоже, в этом не врет. Айратов ведь к наезду готов был. Все заранее знал. И зама своего очень вовремя положил или подставил, один черт. Так что Лорд не зря бесится из-за того, что птичка и здесь нас прокинула. Остается только догадываться, что именно она Айратову отдала.

— Шустрая девочка. И знакомства у нее занимательные.

— Ума не приложу, что с ней делать.

— А ты ее не боишься?

Бирман выразительно посмотрел на друга и фыркнул:

— Разве не заметно? Весь трясусь от ужаса.

— То-то я смотрю, ты нервный такой. А вообще, я серьезно, ты эти ее ледяные глаза видел, когда она про вокзал рассказывала? У меня от одного ее взгляда прямо все внутри замерзло. Ну, с чего бы мне, бугаю здоровому, такой ерундой страдать. Так ведь все равно до сих пор передергивает. Есть в ней что-то злое, темное.

— И что здесь удивительного? Помнишь, она сказала, что Одоевский был добр к ней. Если это добро, то зло я даже представлять себе не хочу.

— Главное, чтобы она это самое зло на наших шеях не представила.

— Да ладно тебе, достаточно ей книгу какую-нибудь подsunуть и все дела. Только не забывать кормить потом.

Влад кисло улыбнулся, давая понять, что в столь простые решения не верит, затем продолжил:

— Ситуация усложнилась. Теперь Лорд из-за нее тебя живьем съест.

— Левка что-то подозревает. Я заврался насчет того, как нашел Риткину нору. А у этого юного гения особый нюх на вранье. Но деваться теперь некуда, лучше я с ногами на табуретке еще год посплю, чем подставлюсь на укрывательстве ведьмы.

— А ты с ней вместе спи. Диванчик разложишь, места хватит.

— Ты на нее посмотри. Она же по стенке ходит, да и голова, похоже, часто болит.

Влад в ответ неожиданно всхлипнул куда-то в чашку:

— Ой, не могу, Серега. То есть, в принципе, ты не против?

Бирман улыбнулся, сообразив, в какую словесную западню попался.

— Только Лельке не говори. Она и так мне какую-то Вареньку припоминает. А я начисто не помню никакой Вареньки. Так, было полосатое платье.

— У Лельки на примете для тебя учительница есть. Вроде бы хорошенькая и молоденькая. Наверняка тебе ее представят: не на новый год, так в день рождения.

— И зачем мне это счастье?

— А кто тебя спрашивает? Вручат в бантике и будь счастлив, как хочешь.

— Надо у Ритки спросить насчет счастья. Не зря же полгорода ее предсказаниям верит. Пусть наколдует что-нибудь хорошее.

Бирман собирался изложить в Особняке теорию Риты и пару своих идей. Но Лорд его подчеркнуто проигнорировал. То есть сделал вид, что на месте районных оперов нет никаких оперов, а только стулья сами с собой разговаривают. Влад утешительно похлопал друга по плечу, стало ясно, что их участие в обсуждении дела — не более чем декоративное присутствие в зале.

Друзья выбрались на улицу, и Бирман мрачно заметил:

— Ты пацак, я пацак, а мистер Власть у нас — чатланин. Так вот и проигрываются войнушки.

— Черт с ним, Серега, пусть он в этих банковских разборках ковыряется. Козыри все равно у нас на руках.

— Слушай, Влад, у меня есть одна идея. Все равно нам Лорд ничего не даст делать. Мы у него как кость в горле. Ни проглотить, ни выплюнуть. Давай сами в квартире Рогальского покопаемся?

— Да вроде там Фенек уже копался. Сказал, что ничего интересного нет. Рогальский этот оказался жутким плюшкиным, так что весь кабинет завален старыми буклетами, рекламками, переписками. Прикинь, даже календари перекидные аккуратно сшивал и складировал.

— Поехали, сами глянем. Птичка нам на блюдечке отпадную версию принесла. И не исключено, что Фенек мог что-нибудь интересное и просмотреть.

Бирман первым заметил пожилого мужчину с тростью, неторопливо прохаживающегося вдоль улицы с видом празднующегося пенсионера. Толкнув Влада в бок, опер тихо прошептал:

— Я за кефиром пошел, а тут космические пираты. Вон, на другой стороне Френд гуляет. Возьмем «дружочка»?

— Давай посмотрим, что он делать будет. Он ведь к Рогальским идет. Пусть идет себе. И где-то тут должны же быть люди Лорда?

— Логично. Зайди в магазин, будто за пивом, звякни Лорду. Спроси, что нам делать. А я пока за «дружочком» присмотрю.

Влад вразвалочку направился ко входу в супермаркет и уже от двери й крикнул:

— Какое брать?

— Какое в прошлый раз брали. И сигарет прихвати.

Остановившись неподалеку, Бирман зачитался афишей о гастролях рок-группы. Но не слишком. Так, стоит человек, друга ждет, со скуки глазами по буквам скользит. Френд неторопливо шагал в сторону дома Рогальских. Несколько его быстрых оглядок подтвердили, что он опасается хвостов. Значит, надо делать все очень аккуратно.

Прошло несколько томительных минут. Френд дошагал до подъезда и скрылся за тяжелой дверью. Бирман немного изменил место наблюдения. Вроде как афиша надоела, и теперь он любитесь воробушками на газоне. В глазах вынырнувшего из супермаркета Влада отражалось недоумение:

— Ждем. Их величества сами приедут преступника арестовывать. И мы одни. Прикинь, здесь ни наблюдения нет, ни засады.

— Класс. А что так?

— Где-то в другом месте все сидят.

— Столько народа и одну точку прикрыть нельзя? Что еще сторожить?

Влад только пожал плечами. Через некоторое время оперативники заметили приближающуюся по противо-

положной стороне парочку. Ладная крепкая женщина держала под руку светловолосого парня с остреньким носом. Парочка никуда не спешила и ничем не показывала, что знакома с двумя мужчинами, потягивающими пиво. Бирман ехидно улыбнулся уголком рта:

— Аиша и человек-лиса. Секретное оружие их величеств. Говорят, эта малышка самого Чарли на лопатки положила. А Фенек — без пяти минут чемпион. По стрельбе. Из лука. Лично я предпочел бы увидеть Гончаренко и Мерзлякова.

— Они тоже здесь.

Влад кивнул в направлении дальнего конца улицы. Там у тротуара остановилось два автобуса. Из переулка вывернул черный «мерседес» и медленно поехал по правой полосе, словно подыскивая место для остановки. Бирман метко плюнул на подставку урны и тихо спросил у Влада:

— Как думаешь, мы еще нужны или уже можем свалить?

— Останемся. Мистер Власть слишком уж измывался над тем, что мы Ритку упустили. Спорим, он и сам сейчас слажает?

— Не пойму, что он собирается делать. Даст Френду выйти? И что дальше? Мы с тобой в качестве живого щита? Аиша вообще, похоже, без оружия.

Влад, запрокинув голову, прикончил бутылку и небрежно водрузил ее поверх кучи мусора в урне.

— Не оглядывайся, но, по-моему, наш клиент изучает обстановку из окошка над подъездом.

— То есть маньяк маньяком, но с мозгами. Опасный вариант. Но знаешь, Влад, мне тут в голову мысль пришла. Откуда все эти знакомые Рогальского знали, что Френд уехал в Америку? Скорее всего, от самого Рогальского. Зачем же ему мутить воду и выдавать двадцать разных историй вместо того, чтобы всем стройно соврать одинаково?

— Чтобы случайно не накрыли с враньем. Соврешь о режиссере, обязательно найдется умник, знающий по фамилии всех мало-мальски значимых режиссеров. А так все думают, что сами чего-то напутали. Хотя тоже слишком сложно.

— Не был Френд ни в какой Америке. Только исчез на несколько лет так, что ни слуху, ни духу, ни его самого никто не видел.

— Елки-палки, ты думаешь, он сидел?

— Ага. Есть в нем что-то такое. Тертый он калач. И вышел он где-нибудь незадолго до новой серии убийств. Фотографа бы потрясти, кто его надоумил сделать фотки Риты под мамашу? Не удивлюсь, если сам Рогальский. Думаю, Риткины родители могли знать, что происходит.

— Бедная Ритка.

— Ты только ей этого не говори.

— Опаньки, вот он, выходит.

Дверь подъезда открывалась медленно, с рвущим душой скрипом, по одному градусу, тяжело преодолевая радиус поворота. Замедление времени компенсировалось дальнейшим ускоренным развитием событий. Френд с неожиданной грацией и ловкостью мгновенно перебежал улицу и практически на ходу вскочил в чуть притормозившую потрепанную «девятку». Машина рванулась вперед под визг тормозов и шуршание шин резко разворачивающегося «мерседеса». Обе машины через пару секунд скрылись из вида.

Переглянувшись, опера рванули следом за ними. Параллельно по другой стороне улицы неслись люди Лорда. На ближайшем перекрестке в неловкой позе сидела женщина. Аиша бросилась к раненой, одновременно что-то выкрикивая в рацию. Прохожие останавливались, постепенно образуя круг любопытных вокруг пострадавших. Кто-то уже снимал картинку происшествия на мобильный. Увидев коллег, Аиша прокричала:

— Отскочила сама и упала.

Бирман с Владом остановились через два двора. «Жигуль» с раскрытыми дверьми стоял в центре перепаханной колесами клумбы. Возле развернутого поперек дороги «мерседеса» в непринужденной позе стоял Слава Мерзляков, один из сотрудников Лорда:

— Расслабьтесь, ребята. Они ушли. Другая машина приготовлена была. На параллельной улице. «Крузер». Без шансов. Оторвутся немного и бросят.

Бирман медленно спрятал оружие.

— Водителя рассмотрели?

— Рассмотрели. Большие черные очки особенно хорошо.

Бирман выругался, и Мерзляков улыбнулся:

— Лорд примерно тоже самое сказал. А вы как сюда попали?

— Ну, собственно, это мы на Френда наткнулись. Нехорошую квартирку решили навестить и — ух ты! — радостная встреча.

В рации Мерзлякова ожил голос Лорда. Из леса нецезурщины следовало, что криминальная парочка еще раз сменила машину и, в конце концов, растворилась в лабиринте мегаполиса. Где-то рядом загудели сирены. Всполошенный город стягивал к месту происшествия спасателей и журналистов.

В начавшейся суматохе Бирман отвел Влада в сторону и предложил:

— Пошли, пока Лорд тут все разгребает, попытаемся понять, зачем Френд приперся на квартиру к старому дружку. Займемся тем, что и планировали. А Колька пока свежим взглядом поищет Френда в списках «чистых совестью».

Обыск в квартире Рогальского затянулся. Почти сразу Влад наткнулся на конверт с фотографиями, о кото-

ром упоминала Рита. Разложив снимки на столе, опера разочарованно вздохнули. Ничего нового изображения троицы вроде не давали.

Следующей находкой стала кипа писем «для Джека», подписанных Машенькой. Изучение нескольких из них подтвердило предположение о том, что это письма Рогальскому от жены. Дат в письмах не было, равно как и содержательной части. Все они сводились к общему знаменателю вроде «Люблю, целую».

Еще примерно через два часа Бирман вытащил из дальнего угла аккуратно сброшюрованные листочки старых перекидных календарей. Медленно перелистав первую попавшуюся ветхую книжечку с почти пустыми страницами, он вдруг наткнулся на короткую запись: «День учителя. Мурад». На следующем листочке значилось: «Крымский мост. Красиво».

В памяти Сергея всплыл рассказ Риты об одном из приключений старшей Рогальской. Влад, посмотрев на ломкие листочки, восхищенно присвистнул:

— Везучий ты черт, Бирман.

Бросив копаться в стопках рукописей, великан присоединился к Сергею, и они вдвоем начали медленно и внимательно перелистывать календари.

Полдня я провела в очередных раскопках сокровищницы, а днем, после обеда, вдруг раздался звонок. Дребезжащий и словно скребущийся по железке раздражающий звук изрядно меня напугал. Не меньше полминуты я вообще соображала, что происходит. Паша привела меня в чувство, крикнув из своей комнаты что-то про телефон. Не сразу, но я нашла в прихожей громоздкий аппарат советского образца с забавным кругляшом цифр.

Сняв трубку, я услышала сосредоточенный и словно приглушенный голос Бирмана:

— Рита, быстро и четко расскажи мне еще раз всю байку про Мурада.

Я изложила печальную историю Софьи Руденко. Бирман чем-то шурушал в трубке, но не перебивал. Когда я замолчала, он короткими фразами распорядился:

— Мы нашли кое-что важное. И я сегодня не приеду. Будь осторожна, сиди тише воды, ниже травы. Читай пока книжки, я потом тебе все объясню. Пока, птичка, будь умницей.

Сережа не вернулся ни в эту ночь, ни в следующую. А я несколько неожиданно для себя погрузилась в русскую классику. Высокий слог, обнаженные чувства, благородные идеалы — что еще нужно, чтобы оторваться от действительности?

40. Семейный пасьянс

К полуночи третьего дня Бирман с Владом и Колькой свалились в квартиру. Троица ментов выглядела грязной и взбудораженной. Влад предложил мне пива из приташенной упаковки, но я отказалась и получила отличное указание этакого папаши слегка навеселе:

— Иди, Риточка, в кроваточку, баиньки, и можешь книжечку почитать.

— Вы что-то узнали?

Влад заговорщицки приложил палец к губам:

— Тсс, не говори громко. Кругом у-уш-ши.

Определенно, великан относился к той крохотной категории мужчин, которые оказываются совершенными обаяшками, если немного выпьют. Я подмигнула ему в ответ и отправилась дочитывать уже неинтересный роман из жизни обреченной русской интеллигенции.

За три дня мужчины, надо полагать, не наговорились, потому что еще долго и эмоционально обсуждали что-то на кухне. Зато утром я проснулась первая и, обнаружив в соседних комнатах сонное царство, немного злорадно подумала о том, что будь я настоящей маньячкой, такого шанса не упустила бы. Но потом мной завладело умиление.

В спящих мужчинах есть нечто трогательное. Особенно в спящих волевых и сильных мужчинах. Видишь великана Влада, неуклюже скорчившегося на тонком матрасе прямо на полу, и руки сразу тянутся подоткнуть ему под спину сбившееся одеяло. У Кольки, оккупировавшем все ту же детскую кушетку, замечаешь большую ссадину на ладони и думаешь, что надо бы ее помазать зеленкой. А Сережу, сладко дрыхнувшего на древней рас-

кладушке, хочется погладить по голове как хорошего мальчика.

Последний раз нечто схожее я чувствовала, когда однажды в походных условиях выхаживала больного Энского. Прекрасная Елена все смеялась, болтая про мой нерастратенный материнский инстинкт. Может, и так. Когда-нибудь проверим. Только самому Энскому до умопомрачения хотелось, чтобы это Ленка, а не я, поила его чаем и проверяла температуру прикосновением губ к горячему лбу.

На почве сентиментального помутнения мозгов я совершила геройский поступок. Я приготовила завтрак. А поскольку никто не поспешил сразу проснуться и оценить мою самоотверженность, я занялась еще и обедом. Настоящим обедом. С закусками, булочками, сырной тарелкой и красивой сервировкой. Готовить я не умею. Но раз в жизни расстараться и сварить супчик вполне могу.

Единственной похвалы я дождалась от Паши, которая даже запросила добавочную порцию супчика. Три опера слопали все наготовленное, первое-второе-третье-десерт-пятое, быстро и молча. Но мне было достаточно видеть, с каким аппетитом мужчины уплетают шедевры (это без преувеличения, я готовлю раз в год и то не каждый) моего кулинарного искусства.

Средневековые инквизиторы явно ошибались с методами перевоспитания ведьм. Испанские сапоги и железные гробики с шипами будят в нас одну только злость. Отзвуки тех древних проклятий все еще витают над миром. А на самом деле ведьма безопасна в тихом спокойном месте. В компании милой старушки и иногда появляющихся благородных мужчин. От такой жизни у ведьмы размягчаются мозги, и ее заклинания теряют всякий смысл. И вместо того, чтобы думать о разных пакостях, ведьма начинает изучать кулинарные рецепты,

а также маяться сомнениями: не предложить ли кому-нибудь из прекрасных рыцарей поменяться спальными местами. Все же на диване явно удобнее. А мне не привыкать спать хоть на асфальте.

От размышлений о методах перевоспитания ведьм меня отвлек Влад. Прикончив второй стакан компота, он отодвинул табуретку и расслабленно облокотился на столешницу мойки:

— Хорошо, что сегодня воскресенье.

Я подарила ему нежную улыбку и собиралась предложить еще пирожок, но тут вмешался Коля:

— Рита, а Рогальские тебе о своих родителях ничего не рассказывали?

— Они все умерли, насколько я знаю. А что?

Коля вопросительно покосился на Сергея, и тот покровительственно кивнул:

— Объясни ей.

Ну, спасибо, Бирман. Ты где на Лорда насмотрелся? Прямо один в один интонация. Только у Мистера Власть естественно получается, а у тебя смешно.

Колька аккуратно положил перед собой сцепленные пальцами руки и выложил главную новость:

— Мы знаем, кто такой Френд.

Я чуть помедлила, но поняла, что должна продемонстрировать свое любопытство. Что я и сделала:

— И кто же?

— Твой сводный дядюшка.

Зря ты, Рита, думала, что ко всему готова. Колькины глаза блеснули явным удовольствием от моего изумления.

— Дядюшка?

— Он самый. Сводный братец твоего папаши.

— Я заинтригована. Папа никогда не говорил о брате.

— Еще бы. Эта история на большой роман тянет. Вкратце получается так. Твой дед, Дмитрий Рогальский, вроде бы благородных кровей, но вовремя ставший пролетарием, женился по большой любви на некоей Маше. По одним данным — Крошевой, по другим — Хаврошевой. Родившийся от этого брака сыночек Евгений, или Джек, — это твой папаша. Прожив в браке с десяток лет, Маша воспылала взаимной и страстной любовью к инженеру Борису Симонову. У Симонова между тем имелась собственная жена Галя, а также сыночек Гоша, он же Жора. Это и есть Френд. В письмах к твоей матери он подписывался как Джордж.

— То есть нас с Кириллом чуть не убили на даче из-за этих писем?

— Нет. Мы нашли еще несколько таких. Бред чистой воды про ангелов, время и познание света. Слушай дальше. Симонов был крупной шишкой, для него развод был крайне нежелателен. Рогальский не хотел отпускать Машу. Не знаю, как они договорились, но до окончания школы мальчики жили с Рогальским и Галей, но в огромной квартире Симонова. В то время как Маша с возлюбленным ютились в маленькой квартирке, которую позже твой папаша и поменял на трехкомнатную. Такая вот загогулина.

Колька торжественно взглянул на меня, явно ожидая, что я буду шокирована или хотя бы удивлена. Но я только пожала плечами:

— Лучше бы уж все вместе жили. Честнее как-то. Да и в быту проще. Типа, я — главная жена, меня оба мужика хотят, значит мне секс, а тебе, гнилой кочерыжке, посуду мыть.

Влад с Бирманом дружно фыркнули.

— Что вы смеетесь? Ясно, что пацаны с детства на всю голову травмированные такими пасьянсами. Два отца любят одну женщину. Два ребенка конкурируют

за одну мать. Выросли и воспроизвели знакомый расклад.

Бирман на мотив патриотической песенки фальшиво и не в рифму пропел:

— Если бы дети всех разведенных родителей за ножи хватались...

Влад между руладами приятеля вставил:

— Мы родителя твоего про семью расспрашивали, но он ни слова про Симоновых не сказал. Уверял, что у его родителей был счастливый брак. Знаешь, кто всю эту подноготную выдал?

— Ну?

— Галина Симонова. Она, между прочим, тебя помнит. И братцев твоих. Маша, которая твоя мама, а не бабка, с ней дружила. И вас троих этой непоймикакой свекрови иногда подкидывала. Галина сейчас в Коломне живет, в женском монастыре.

Я задумчиво изложила мысль, пришедшую в голову:

— Какое роковое имя в семье — Маша. Столько женщин на свете, а все Рогальские западают на Маш. Вы не знаете, а никого из прабабок так не звали?

— Мы, Риточка, не генеалогическая контора, мы убийства расследуем. Но...

у Маши, которая бабка, родилась от Симонова девочка, которую тоже называли Машей. Эта Маша умерла еще маленькой. С этого все и начало разваливаться.

Колька вновь перехватил у Влада эстафету рассказчика:

— Кстати, Рогальский и тебя Машей собирался сделать. Но твоя мать отстояла Маргариту. Сказала, что после творений одного русского классика у девочки с таким именем нет ни одного шанса стать ненормальной. По принципу непопадания снаряда в одну и ту же яму.

— Мда. Один шанс на миллион выпадает девять раз из десяти. Бедная Маша. Похоже, наше семейное сума-

существование передается по воздуху, не по крови или имени. А что там начало разваливаться?

— После смерти ребенка у Маши, которая бабка, снесло крышу. Да не смотри так, Ритка, ну совсем немного снесло, да и причина была. И еще через пару лет Маша вдруг вернулась к Рогальскому. Однажды нарисовалась на пороге и сказала, что готова все простить и начать сначала. Галя сразу выставила Рогальского и быстро-быстро обернулась, вещи мужа и его самого забрала. Симонова хватил инфаркт, потом второй. Еще лет пять он протянул, но в итоге от сердечной недостаточности помер. Мальчики, кстати, так с Галей и остались. Но они уже взрослые совсем были.

Колька быстро хлебнул компота и продолжил:

— Рогальские тоже недолго новым счастьем наслаждались. Маша начала пить. Сначала по-домашнему настоечками набираться к вечеру. Потом хуже и хуже. Умерла она страшно, в пожаре. Был старый дом в деревне, и Маша по-пьяни что-то с газом напутала. Сгорело все дотла. Старший Рогальский после этого уговаривал сына вернуться, вроде как семью восстановить, но тот наотрез отказался. И тогда твой дед сыночка проклял и в религию ударился. Он, Ритка, только три года как умер — в Индии.

— Затейливая семейка. Бабку жалко. А папаша мой со своим предком, наверное, общался. Труд по Индии ведь наклепал — «Веды и межпланетные связи»...

Бирман резко перешел к событиям более близкого прошлого:

— С гуру Рамакришнан твой папаша вряд ли общался. Зато был в курсе всех дел Френда. Он знал об убийствах. Он записывал в календарях событие, имя жертвы, и место убийства. Мы нашли отметки обо всех трех случаях, что ты раскопала.

Я поняла, что означает легкая заминка в его голосе, и спокойная безмятежность дня разлетелась вдребезги.

— Есть еще пять похожих записей. Последняя — убийство, за которое Френду дали пятнадцать лет. Оно никак не связано с твоей матерью. Потому что совершенно аккуратно на следующий день после ее похорон. Френд по пустяковому поводу выломал из забора здоровенную доску и разбил голову ни в чем не повинному парню. Ничего не напоминает?

— Но пятнадцать лет...

— Еще не прошли. Примерное поведение, сотрудничество с органами, положительные характеристики. Он вышел около года назад.

В стальных глазах металось сомнение. Бирман не решился озвучить то, что и без него было мне понятно:

— Чтобы вы его поймали, я должна отсюда вылезти и стать приманкой...

— Только когда мы будем уверены, что контролируем ситуацию.

Что тут скажешь? Лучше всего, конечно, быстро сделать ноги. Никто меня не найдет в каком-нибудь Перепутьевске. Так что меня держит? Глупое чувство благодарности? Или азарт рискованной игры со ставкой в собственную жизнь?

Я изобразила нечто вроде поклона:

— Познакомьтесь, товарищи оперуполномоченные, это Сыр. Вкусненькая и очень аппетитная приманка, за которой Френд придет хоть на край света.

Шаркнув ножкой и выпрямившись, я развела руки в стороны и весело сама себе ответила:

— А это Повелители Пружинки, которая захлопывает Ловушку. Которая ловит Джорджа. Который хочет Сыр. Который спрятан в доме, где живет Бирман.

Сергей кисло улыбнулся. Влад с Колькой спрятали глаза.

Ужин готовить не буду, даже и не надейтесь.

41. Предсказания

Пока я читала Паше нудные страдания Ловеласа на счет Клариссы и наоборот, мужчины уехали и вернулись часа через три с месячным запасом продуктов. Забывая шкафы и холодильник, они, явно специально, говорили о другом деле. Как они ухитряются переключаться и не путаться?

Та же занимательная тема была главной и во время ужина. Как я поняла, основной проблемой дела было распределение ножевых ранений между тремя подсудимыми, которые одновременно являлись и жертвами. Бирман предлагал поделить примерно поровну, а Влад считал, что тот, кто упал первым, смог нанести меньше ударов, чем два его дружка. Я в этой беседе оказалась ничего не понимающим китайским болванчиком, причем со сломанным механизмом кивания.

Лишь когда я уже встала, чтобы убрать тарелки, Колька вдруг перестал воспринимать меня как предмет интерьера. Раскачиваясь на стуле, он неожиданно спросил:

— Ритка, а ты, правда, умеешь предсказывать будущее?

Умею. Ага. И в шары хрустальные смотреть, там так прикольно свет преломляется. И в кофейной гуще могу увидеть гиппопотама. И вообще у меня рекламка над головой сияет: «Ведьма Рита. Приворот-отворот. Заговор-выговор. Амулеты-талисманы. Бонусы-скидки. Глупости бесплатно». Но Колькины глаза настоящего русского интеллигента были серьезны. Он верил в меня. В то, что я ему предскажу будущее. Влипла ты, Рита. Так влипла...

Вслух я небрежно отмахнулась:

— Болтают.

— Да ладно тебе. Расскажи нам, кого что ждет?

— Не могу.

— Это почему же? Боишься, что мы тебя разоблачим?

— Да что там разоблачать. И так все известно. Любое предсказание — всего лишь легкое мошенничество. Обещаешь всем подряд великую любовь. И все.

— Ну, так пообещай нам великую любовь. Давай, что тебе стоит?

Хотела бы я сама знать, чего мне такие обещания стоят. А то вот так раздаешь кредиты направо-налево, а потом баланс не сходится. И никаких разумных счетов не предусмотрено. Как было бы просто — один кругляшок налево, другой направо. И все сразу понятно.

Я внимательно посмотрела по очереди на сидящих передо мной мужчин. Каждый по-своему красив и умен, каждый достоин любви, каждый мечтает о счастье. Я задумалась, каких женщин они видят рядом с собой, и постепенно образы вдруг обрели очертания, проявились из тумана вероятностей. Что ж, вы сами напросились. Я так это вижу. Пусть так и будет. Ведьма я или кто, в конце концов?

Немного торжественно и с загадочной улыбкой я начала с великана:

— Тебе, Влад, я пожелаю красавицу. Своенравную девицу с длинными ногами. Русалку. Морскую богиню. Тебе будет казаться, что такая девушка и не посмотрит в твою сторону. Но все, что тебе нужно сделать — первый шаг. Твоя Русалка окажется домашней девочкой с любовью к готовке и детям. Со стороны будут думать, что ты у нее под каблуком. Но никто не будет любить тебя так же преданно и безоглядно. Не переставай говорить ей о любви и проживешь с ней в согласии до старости...

Ой, Рита, ты переборщила. Великан смотрел на меня с плохо скрываемым ужасом. В его голосе прорвались откровенно панические нотки:

— От-откуда ты знаешь про Ру-русалку?

Бирман с Колькой удивленно уставились сначала на приятеля, потом на меня. Я весело пожала плечами:

— Не знаю. Пришло в голову. Я же ведьма. А что, ты ее уже встретил?

Влад открыл было рот, но, бросив на меня еще один затравленный взгляд, передумал что-либо рассказывать. Колька осклабился и хлопнул в ладоши:

— Великанчика раскололи. Наш большой человек влюблен и страдает. Я сражен. Ритка, а расскажи про меня? Мне тоже нужна красавица.

Я отдалась немного иной волне и разглядела рядом с Колькой ту, что составит его половинку. Покачав головой, я отвергла желание очкарика:

— О, нет, твоя девушка не будет признанной красавицей. И домашние женские хлопоты волновать ее не будут.

Колька разочарованно вздохнул, и я быстро продолжила:

— Твоя избранница будет Амазонкой. Сильной, смелой, гордой. Не поддавайся сразу ее чарам, позволь ей самой завоевать тебя, и она пойдет за тобой хоть на край света. Вы будете много спорить, сердиться друг на друга, ссориться, может, даже расходиться навсегда, но счастливы будете только вместе.

Вот ведь. И здесь я что-то угадала. Колька побледнел, от его веселой беззаботной улыбки не осталось и следа, а в глазах мелькнул злобный огонек.

— Ты что затих, Коленка? Не иначе ведьма и тебя своим рентгенчиком просветила.

В голосе Влада чувствовалась издевка.

Зачем я поддавалась на провокацию? Сейчас эта парочка ментов, осчастливленных прорицаниями, сожжет меня на костре. В назидание всем остальным ведьмам-дурочкам. Чтобы не болтали. Я машинально сделала несколько маленьких шажочков назад к двери.

Бирман разрушил напряженную тишину, не давая увильнуть мне от третьего пророчества:

— А я? Можно мне тоже великую любовь?

Взявшись за саночки, тащи их до самого верха. Мне не хотелось думать о девушке, ищущей своего отражения в строгих серых глазах. Что-то мешало... Видение. Милая, романтичная и наивная девушка не встретит мужественного мента. Бирман останется на поляне в осеннем лесу...

Из-за старого разошедшегося окна потянуло горьким запахом дыма. Говорят, бабочки вызывают землетрясения. Что уж говорить о птичках. Тряхнет из-за меня где-нибудь в Атлантике? Даже если нет, несомненно, за одну попытку взмахнуть крылышками вселенная выставит мне кругленький счет. Но я все равно решила, ведь это будет уже потом...

— Сережа.... будет великая любовь. Все будет. Запомни только одну вещь. Я не могу ничего объяснить, поэтому поверь. Однажды ты будешь бежать через лес. Через холодный осенний лес с желтыми листьями. Ты выбежишь на большую поляну, и все твои мысли, все твои чувства, все твое существо будет рваться вперед... ты будешь стремиться туда изо всех сил. Но... что бы там ни было, ты не успеешь... не беги туда. Остановись. Тебе туда нельзя. Понимаешь, нельзя... Прошу тебя, умоляю, заклинаю. Туда нельзя...

Последние слова я прошептала уже в отчаянии. Бирман не воспринял сказанное всерьез. В идеальной тишине он с веселой улыбкой спросил:

— И что же будет там, на этой поляне, куда мне так позарез будет надо?

Я медленно опустила стиснутые у груди руки.

— Я не знаю. Не знаю... это непонятно, но это не бред, не прихоть, не забава. Это серьезно, Сережа. Ты должен поверить...

Я обреченно произносила нужные слова, зная, что он не поверил.

Серые глаза лишь рассыпались дурашливыми смешинками:

— Какая скука. Поляны, леса, беготня какая-то. За что мне такая немилость, Ритка? Может, есть варианты повеселее? Нельзя мне тоже деву-воительницу или богиню какую-нибудь?

Смех побеждает в этом мире все. Неуловимая магия момента оказалась безвозвратно разрушена. Я запнулась на полуслове и растерянно замолчала.

— Так, ясно. Мне не та карта выпала...

Остаток вечера я молча и тихо сидела в роли мебели, разглядывая переливы темнеющего неба за окном. Мы снова спорили о проникающих ножевых ранениях и обсуждали края ран. Меня немного подташнивало, а в голове билась трелями старая скрипичная мелодия. Кто-то из подсознания посмеивался над моей нелепой попыткой предупредить Бирмана. Бедная Кассандра, тебе тоже было так грустно и одиноко? Зачем вселенная посылает мне видения, если я все равно ничего не могу изменить?

Изредка я ловила на себе серый взгляд, и каждый раз чувствовала холодную боль. Словно мокрые ветки касаются моего разгоряченного лица.

Прощаясь, Бирман вытолкал друзей за двери квартиры и, аккуратно прикрыв дверь, вышел вслед за ними на лестничную площадку:

— Вот что, мужики, выкладывайте оба, что именно Рита угадала, и как она могла это узнать. Быстро.

Влад смял в широких ладонях шапку и смущенно прошептал:

— Ну, ты знаешь, я плаваю в бассейне. И в следующую группу ходит одна девушка. Очень красивая. Когда

Ритка сказала: «Русалка», меня сразу как стукнуло: точно, Русалка и есть. Плавает она как богиня. И ноги такие, что я забываю, как дышать. Но понимаешь, я же никому об этом не говорил. Даже себе боялся признаться.

Бирман вдруг улыбнулся:

— Что ж, значит, тебе надо только сделать первый шаг.

Развернувшись к Кольке, он коротко спросил:

— Ну а ты?

Колька горестно вздохнул и сознался:

— Это Аиша.

Сергей не удержался и присвистнул:

— Вот это да. Как тебя угораздило? Говорят, она котлетки из мужчин на завтрак ест, а в обед косточки обгладывает.

— Серега, она не такая совсем, она ранимая, чуткая. И о нас никто ведь не знает, ни одна живая душа. Мы по делу встречались несколько раз. А потом она сама позвонила...

— Что ж, мужики, значит, только я один лишенец.

Влад мрачно заметил:

— Если бы только лишенец. Ты хоть понял, что именно она тебе напророчила?

— Понял, Влад, понял. Встречу с костлявой теткой в капюшоне и с косой. Причем в лесу и на бегу.

— Она не шутила, Серега. И так на тебя посмотрела, у меня самого мурашки по коже пошли. Ты точно ни в какой лес не собирался?

— Нет. Но если соберусь, я дам вам знать. Должен же будет кто-то вынести из леса мои бранные останки.

— Все шутки шутишь...

Пока менты прощались, я успела вымыть посуду и от нечего делать протерла пыль с двух больших ваз на подоконнике. Когда Сергей вернулся в мягкий свет

старой люстры, я сосредоточилась на оттирании пригоревшей сковородки.

— Ты сама придумала про желтый лес?

Шварк-шварк. Шмырг-шмырг. Нет ничего важнее гладкой поверхности этой большой сковородки. Потом я все-таки ответила:

— Нет. Это что-то вроде знания. Оно приходит и все.

— Ритка, я не спору, ты художественно и с удивительной интуицией морочишь людям головы. И Влад, и Колька теперь уверены, что ты читаешь все их тайные мысли. Хотя, наверное, это такая тонкая психология. Это здорово, но...

Бирман развернул меня лицом к себе и встряхнул за плечи:

— Птичка, не верь сама своим же бредням. В мире миллионы вероятностей. Даже если я попаду в желтый лес, никто не знает, что и как там сложится. Пока я туда действительно не попаду. И не буду точно знать, что мне там понадобилось...

Я чувствовала напряжение смертельных ос, спящих где-то в ожидании полета. Бирман не остановится. Даже зная все, даже вспомнив мои слова, он все равно рванется вперед. Что сделать, чтобы сместить мир в иную вероятность?..

42. Алиса в стране абсурда

Утром я снова осталась без присмотра. Мрачное настроение вечера схлынуло. Сидя на кухне и потягивая восхитительно вкусный чай, я пыталась представить себя такой московской барыней, которой нечего делать. Осенний дождь размазывал краски мира в одну грязно-серую кляксу, и мысли текли лениво, медленно...

Почему мой взгляд притянулся за окно как раз в тот момент, когда в дальнем конце двора показалась знакомая серебристая морда «мерседеса»? Я вполне могла читать книжку или валяться на диване. Но нет, я взглянула за стекло аккуратно тогда, когда между стоек ворот показался блестящий радиатор. Сначала я даже не поверила своим глазам. Неужели это тот самый «мерседес»? Не может быть...

Может, Рита, может. За «мерседесом» во двор втянулся и почти сразу остановился толстый джип, из которого посыпались крепкие ребята в штатском. Что за невезуха? Неужели Бирмана кто-то сдал? Или Лорд вычислил чересчур уж активную деятельность вокруг некоей квартирки?

Телефон Бирмана не отвечал. Под зеркалом в прихожей я разобрала на приколоте прямо к обоям листочке цифры с пометкой «Для экстренных случаев. Алиса» и, взвесив еще раз все за и против, набрала номер. Ответил приятный женский голос. Он не был низким или слишком высоким и звучал мягко, лаская слух:

— На проводе.

Прикольно, и провода никакого у нее нет, а она все еще «на проводе».

— Алиса, здравствуйте, меня зовут Рита, я знакомая Сергея Бирмана.

— Я знаю, *кто* ты.

Выделенное голосом «кто» ставило на мне некий знак прочтения. Кто бы ни была незнакомка, Бирман, очевидно, предупредил ее обо мне.

— А-а, хорошо. Я в квартире бабушки.

— Я знаю, *где* ты.

И опять же, Алиса легким изменением интонации расставляла все по местам. Она не требовала объяснений, подталкивала к значимой части разговора.

Как бы это покороче ей все растолковать.

— Тут во дворе я вижу коллегу Сергея, кажется, он собирается сюда вломиться. Смыться прямо сейчас у меня уже не получится, но и хорошо прятаться я не смогу достаточно долго. Вы можете найти Сергея? Он ведь сможет что-нибудь предпринять, чтобы я смогла незаметно выбраться?

Алиса с явной радостью пропела в трубку:

— Не волнуйся. Прячься. Я сама приеду. И так быстро, как смогу. Люблю цирк.

В трубке запели короткие гудки. Я схватила на кухне большой пакет из супермаркета и бросилась обратно в комнату. Одним движением смахнув в пакет все бумаги, фотки, схемы, я зашвырнула получившийся сверток в платяной шкаф, под волочащиеся по нижней полке старые юбки.

К счастью, Прасковья Сергеевна спала. Объяснения с ней точно заняли бы еще пару дней. Я решительно нырнула под ее кровать и отодвинула широкую плетеную корзину чуть в сторону. Просочившись за нее в самый дальний угол подкроватного пространства, я поднатужилась и втащила плетенку обратно, оставив себе минимально возможный уголок пола. Повернуть голову прямо не удалось, поэтому пришлось лежать на животе, прижавшись одним ухом к полу.

Не люблю неряшество, но ставки оказались высокими, поэтому на полу перед кроватью остался в качестве

«украшения» сверточек использованного памперса для взрослых. Чайная заварка придает памперсу замечательный цвет, при виде которого любой нормальный человек отводит глаза и непроизвольно морщится.

Через несколько тревожных минут я услышала, как дверь затрещала, что-то задвигалось в замке, а потом мои уши наполнил топот нескольких пар ног в грубых ботинках.

— Маргарита, сдавайся! Тебе некуда бежать!

Лорд явно предпочитал пропускать вперед своих бойцов, а уже потом лично осматривать проверенную ребятами территорию. Но беглый осмотр ничего не дал. Ни бойцам, ни самому мистеру Власть.

— Маргарита! Где ты? Выходи, ведьма, я все равно тебя достану.

Войдя в комнату бабушки, он вдруг поперхнулся и закашлялся.

— Фу, ну и гадость. Эй, кто-нибудь, уберите эту вонючку отсюда.

Запаха чайная заварка не давала, но теперь уже никто из незваных гостей не сомневался в его наличии. Судя по воцарившейся тишине, среди находившихся в комнате людей не было человека по имени «кто-нибудь». Сверточек с проступавшими под прозрачной верхней пленкой коричнево-желтыми разводами так и остался лежать на прежнем месте. Фыркнув, Лорд начал мои поиски заново.

Лабиринт мебели не собирался сдаваться слишком легко. Наконец, Лорд и его товарищи вернулись в бабушкину комнату. Затем Лорд издал обрадованное восклицание и, насколько я могла судить, уселся на кровать бабушки. Прасковья Сергеевна проснулась, заохала и дребезжащим голосом возмутилась:

— Ирод, поспать не дал. Пошто приперся, старый хрен? Лежи уже в своей могилке, не ворочайся, по белу

свету зазря не шастай. Скоро прибуду к тебе, милоч, на постоянное место жительства. А пока отвали, змей проклятый!

Я поняла, что Прасковья обращается к своему умершему четыре десятилетия назад мужу.

— Маргарита! Это опять твои игры? Думаешь, можно все время на одном трюке выезжать? Загримировалась под старушку ты здорово, но обдурить меня у тебя не получится. Не выйдет. Ну-ка, снимай свое шмотье! Хватит этого цирка!

И надо мной началась какая-то возня.

Ну и фантазия у Лорда... Надо же до такого додуматься? Мне бы и в голову ничего похожего не пришло. А ведь идея крутая, почти по сценарию Красной шапочки, только вместо волка — маленькая ведьма Рита...

— Что здесь происходит?

Теперь я узнаю этот голос в любых обстоятельствах. Мягкие нотки заострились и стали наждачными. Даже не видя Алисы, любой понял бы, что она балансирует на грани гневной истерики.

— Не волнуйтесь, мы из милиции. По нашим данным здесь прячется опасная преступница, обвиняемая в убийстве нескольких человек. Я думаю, она замаскировалась под старушку.

Властный голос не успокаивал, а констатировал факты. И так хотелось ему верить, так хотелось согласиться.

— Что за чушь! Вы сидите в кровати Прасковьи Сергеевны Бирман. Ей недавно исполнилось девяносто два года. Мы стараемся не оставлять ее одну, поэтому ни о каких обвинениях и речи быть не может. Постыдились бы престарелого и больного ветерана войны обвинять, лучше бы настоящих преступников искали. И отойдите от бабушки!

Наждак в голосе Алисы трансформировался в кактус с острыми ядовитыми иголками.

Я не видела, что именно сделал Лорд. Но реакция была фантастическая. Алиса завизжала. Бог ты мой, как она завизжала! Мне надо взять у нее пару мастер-классов по технике получения настолько невыносимого и режущего уши звука. Такое не может не пригодиться в жизни.

После наступления тишины короткое «динь-дилинь» телефона прозвучало колокольным набатом.

— Степан, милый мой, выручай. Я попала в страну абсурда!

Я не могла представить себе лица Алисы. Но ее эмоции и чувства настолько четко передавались голосом, что хотелось заплодировать. Сдерживаемое волнение, негодование, беспомощность и в то же время вера в силы собеседника — Алиса явно знала, как заставить людей плясать под свою дудку.

— Я приехала к бабушке. И обнаружила здесь каких-то людей. Они утверждают, что они — менты. Но, милый мой (здесь Алиса трагически всхлипнула так, что я тут же прониклась ее горем), один из них залез к бабушке в постель!

Сильно сказано. И с таким подтекстом. Но Лорд, увлеченный своей идеей, видимо, не понял, в насколько двусмысленную ситуацию себя загнал. Надо мной что-то зашуршало, и раздался уже снова молодой и бодрый голос Прасковьи Сергеевны:

— Ой-ой, это ж не старый хрен, это молоденький перчик. Иди ко мне, милоч, иди к тетушке. Расскажи свои напасти, а я уж пожалею, приголублю... обними меня покрепче, хлопчик...

Я впечатала лицо в паркетины. Только бы не засмеяться. Только бы не захрюкать. Сквозь неясное бормотание бабушки прорезался отчаянный призыв Алисы:

— Прямо так и залез Господи, я не могу поверить своим глазам! Он пытался ее раздеть! Боже мой, Степанушка, помоги мне! Приезжай, дорогой. Я в шоке!

Всхлипы усилились и перешли в жуткое завывание.

Истерика Алисы кончилась как по мановению волшебной палочки. Ее вновь мягкий и бархатный голос вежливо обратился к Лорду:

— Мальчик, возьмите трубку, с вами хотят поговорить.

Бедный Лорд, как она его шелкнула. Подумать только, «мальчик»... перенесет ли самолюбие мистера Власть такое обращение? Вероятно, будет некоторое время болеть.

Не знаю, что там говорил кто-то Лорду по телефону Алисы, но, в конце концов, Лорд по-военному четко ответил:

— Есть! Слушаюсь!

Однако с кровати бабушки он все-таки не слез. И несколько пар ботинок его бойцов остались стоять на прежних местах. Воцарилась напряженная тишина, в которой все мои усилия ушли на то, чтобы дышать ровно и тихо-тихо. Помогала мне только бабушка, периодически подкашливая и что-то бормоча про иродов и перчиков.

Потом на кровати возникло шевеление. Алиса издала смешок:

— Бабулечка, отпусти его, обещаю, он больше не будет.

— Ну нет, моя милая. Хлопчик мой. Он ко мне пришел — как мужчина. Ты теперь иди, а мне не мешай. Сделала свое дело, так проваливай. И парнишку не трогай.

— Бабушка, отпустите меня, я ошибся, обознался.

Ого, оказывается, Лорд умеет не только приказывать, но и просить. Хотела бы я хоть одним глазком взглянуть, что там происходит. Прасковья Сергеевна явно наслаждалась от души неожиданным изменением опостылевшей программы дня.

Раздался дробный стук очередных пар казенной обуви.

— Все в коридор! Быстро! Руки за голову, ноги на ширине плеч!

Хотя меня сложно было увидеть за корзинами и чемоданами, я на всякий случай дополнительно затаилась. Не то, чтобы совсем не дыша, но близко к этому.

— Ребята, все в порядке, мы из отдела по...

— Мол-чать!!

Разборки заняли не меньше получаса. У меня затекла шея, и невозможность повернуть голову медленно трансформировалась в расползающуюся по спине боль. А Лорд все еще орал что-то про ведьму, командир второй группы издевательски хихикал, Алиса время от времени вставляла свои пять копеек про то, что «Мальчишка грязно домогался моей бабушки. И прямо у меня на глазах!» Прасковья Сергеевна вещала о том, что «невиноватая я, он сам пришел». Ну и заварушка вышла.

Сдается мне, я тоже люблю такой цирк. Еще бы его не только послушать, но и посмотреть...

Наконец, все стихло. Остался только мелодичный голос Алисы:

— Рита? Рита, где ты? Вылезай, уже можно.

Я кое-как выползла из-под кровати. Попытка сделать несколько упражнений для шеи привела к одновременной боли в голове и плече, поэтому я восхищенно смотрела на Алису с повернутой набок башкой.

Мы с ней были примерно одного роста и, наверное, одного возраста. Но за счет гордой посадки головы на лебединой шее Алиса казалась выше и стройнее. Плюс ухоженное лицо с утонченным макияжем, уложенные в сложную прическу волосы, подобранная в тон стильная одежда. У Алисы были шикарные руки. Мягкий изгиб кисти плавно переходил в совершенные линии длинных

пальцев. Идеальный маникюр подчеркивал естественность — никаких наростков из акрила и ярких лаков, небольшой длины ногти лишь чуть отсвечивали перламутровым сиянием, сохраняя здоровый розовый цвет. Алиса относилась к классу обеспеченных и любящих себя женщин, не откладываящих на потом ни одного дела, касающегося их внешнего вида и уверенности в себе. Неужели Алиса — подруга Бирмана? Мне стало очень неловко за свои косо отстриженные волосы и обгрызенные ногти.

Алиса разглядывала меня с встречным любопытством. Потом тепло улыбнулась:

— Рада познакомиться, Рита.

Прительница Бирмана отнеслась ко мне доброжелательнее, чем можно было ожидать. С чего бы это? Я постаралась как можно приветливее ответить и помчалась собирать свои документы и вещи. Алиса последовала за мной, светски поддерживая непринужденный разговор:

— Куда ты пойдешь?

— Есть пара идей.

— Можешь остаться здесь.

— Нет. Лорд вернется.

— Что ты собираешься делать?

— Искать убийцу.

— Что, серьезно?

— Ага.

— Это опасно.

— Лучше уж разобраться с этим раз и навсегда. Достала меня эта жизнь в бегах, прятках и с призами вроде швов на голове. Может, это и не очевидно, но я спать люблю и книжки читать.

— А Бирман в курсе?

— Я ему позвоню.

— У тебя деньги есть?

Я только улыбнулась. Натянув любимую юбку, я порылась в одном из потайных карманов и достала очередной рулончик баксов. Продемонстрировав его Алисе, я спросила:

— Может, мне Сереже денег оставить?

— Не вздумай.

Алиса подарила мне еще одну доброжелательную улыбку и заговорщицки подмигнула.

— Между нами, девочками, говоря, скряге Бирману только на пользу чуточку разорить свои закрома в пользу волшебной птички.

Покопавшись в своей роскошной сумке, красавица протянула мне изящную кожаную вещицу:

— Возьми ключи. Приходи сюда, когда хочешь. И если вдруг будет нужно. Ну, я имею в виду, если вдруг больше некуда будет идти. То есть нет, даже если и будет. Вот незадача, запуталась. Короче, ключи возьми.

— Спасибо. За все спасибо.

Будь Алиса лет на двадцать постарше, я решила бы, что мир немного запоздало послал мне встречу с доброй феей-крестной. Но подобрать сказочную аналогию для сверстницы у меня не получилось. Что ж, Алиса, может, ты этого пока и не понимаешь, но однажды я тебе пригожусь.

Напоследок я сердечно чмокнула морщинистую щеку бабушки Паши. Она улыбнулась, а потом вдруг тихо поделилась очередным воспоминанием:

— Эх, Рита, а ведь мою бабуку тоже ведьмой называли. Когда она помирать собралась, напутствие нам, внукам, сделала. Семеро нас, девок, у нее было. Собрала она всех и торжественно сказала, что коли кому дар ее перейдет, пусть запомнят, что и во тьму, и в свет дороги открыты. А вот на другую сторону спускаться нельзя, обратного хода не найти. Если только кто руку не протянет. Из семерых одна я выжила, да и мне не до того было. Может, тебе пригодится.

- Спасибо, Паша, может, и пригодится.
- Ну, беги, коль надо. Только обязательно возвращайся.

Примчавшийся через весь город Бирман застал только задумчиво дымящую на кухне Алису. Найдя заначенную пачку сигарет, Сергей с удовольствием тоже затянулся. Алиса улыбнулась:

— Что, сорвался? Который раз? Не забудь Владу бутылку отдать.

— Подумаешь, бутылка. Я с этой ведьмой поседею раньше времени.

— Зато будет, что на старости лет вспомнить.

— До старости еще дожить надо. Я так и не понял, где она пряталась?

— Под бабушкиной кроватью.

— Как она туда пролезла?!

— Это ты у нее спроси. Я попробовала — чуть шею не сломала. И памперс этот. Я бы никогда до такого не додумалась. Но ты бы видел физиономию Лорда, когда он случайно на него наступил.

— Честно — я бы посмотрел. Только он теперь меня со свету сживет.

— Да брось, он сам вляпался, тебя тут даже не было.

— Лорд — генеральский любимчик. К тому же потомственный мент. У него большое будущее. Скажи, кто другой в двадцать с хвостом собственного отдела удостоился? И эта его властная аура. Ты почувствовала?

— Ему слишком много потакают, а надо бы учить с людьми ладить. Он может как высоко вознестись, так и плохо кончить. А вот Рита мне понравилась. Милая такая, приятная. И голосок ручейком. Мы могли бы подружиться.

— Подружилась орхидея с чертополохом...

— Будешь вредничать, я тебе не расскажу, что про нее знаю. Интересное!

— И что же?

— Твоя Рита сразу после окончания школы сдала два вступительных экзамена на биофак. Блестяще сдала, на пятерки. Но на третий, самый легкий и пустяковый экзамен — не пришла. И документы забрала только в конце сентября. Думаю, с ней что-то случилось, что помешало.

— Она неизвестно где жила. Может статься, что и буквально на улице. Странно, что она вообще решилась сдавать эти экзамены.

— Знаешь, Бирман, я все думаю: какие причудливые кольца вычерчивают наши жизни. И представляю себе, как все могло бы быть. Ты писал бы диплом, а она как раз поступила бы на первый курс. И ты вел бы у нее какие-нибудь лабы. Или вы встретились бы на вечеринке, как это обычно бывает. Не было бы никаких улиц и тропов. Ни у тебя, ни у нее...

— Алиса, вернись, пожалуйста, в светлое настоящее. Ты помнишь, я даже не поступал на биофак. И она не поступила, хотя не представляю, как ты это откопала. Топнула ножкой, и Степан пригнал спецназ к ректору университета?

— Ты дурак, Бирман. Нет бы «спасибо» сказал!

— Спасибо, дорогая тетушка.

— Не смей меня так называть!

— Хорошо, хорошо. Продолжай.

— Рита ведь так и не раскололась тебе насчет своей работы?

— Нет, не раскололась, но это теперь уже неважно.

— Как знать. Она продемонстрировала тебе свою работу со всем блеском. Только ты наверняка не понял. Помнишь, ты упоминал, что она говорила от имени Марины Григорьевой. Так вот, она и есть Марина. У нее есть паспорт и диплом об окончании медучилища.

Бирман изумленно уставился на Алису. Красавица довольно улыбнулась и сделала цыганский жест «позолоти ручку». Опер изобразил, что кого-то душит. Алиса рассмеялась и продолжила:

— Все просто. Данные Марины Григорьевой с фотографией вполне узнаваемой Риты есть в четырех элитных агентствах по найму персонала. Может, еще и в каких-нибудь мелких, но это я уже не проверяла.

— Вот это новость. Зачем?

— Она работает сиделкой. Присматривает за пожилыми. И занимается этим по меньшей мере лет пять.

В серых глазах опера мелькнуло что-то близкое к ужасу:

— Ты хочешь сказать, что она их... она им помогает уйти?

Алиса улыбнулась:

— Ну отчего ты такой дурак, Бирман? Нет, у нее не умер ни один из пациентов. И хозяева дают ей в целом хорошие рекомендации. Она спокойна, не болтлива, очень расторопна. Многие сходятся в том, что Риночка справляется с любыми случаями.

— Риночка, значит. Удобно, черт возьми. Живет на всем готовом, устраивается и с питанием, и с проживанием. Да еще и деньги платят.

— Это тяжелая работа и неблагодарная. Хотя зарабатывает твоя птичка, и правда, неплохо. Больше тебя точно.

— Но зачем ей чужое имя?

— Корочка. Работодатели хотят человека с медицинским образованием, и она предъявляет им документ. Все довольны. Документы наверняка подлинные, только чужие. И Марина на четыре года старше Риты, поэтому твоей птичке приходится на работе выглядеть более взрослой. Не знаю, как у нее получается. Она с виду совсем девчонка.

— Зараза она, партизанка эта недоделанная. Сиделка... это ведь совсем новый круг контактов. Кто его знает, с кем она общалась в роли Марины?

— Сознайся, а ведь ты наверняка думал, что она эти пять лет на панели стояла?

— Ну, не совсем на панели... но как, по-твоему, я мог додуматься, что она выберет общество больных стариков и старушек?

— Она от жизни прячется, Бирман. От людей, от обид, от чувств. Ты чего-то еще про нее не раскопал.

— Я тебе и половины не рассказал из того, что уже раскопал. И не расскажу. Такое не для ушей орхидеи. Да и неважно все это сейчас. За ней убийца ходит. И мне его поймать надо прежде, чем он до нее доберется.

— Будь осторожен. Если что, я бегать по больницам не буду. Так и знай, найму Риту тебе в сиделки. Пусть твоя ведьма тебя с ложечки кормит.

— И снова спасибо, дорогая тетушка!

Алиса, ни секунды не сомневаясь, ткнула племянника кулаком в солнечное сплетение. Удар не причинил тому никакого вреда. Сергей только рассмеялся.

Часть 3

43. Простая западня

Первым делом я навестила новую нору, опасаясь, что мое отсутствие могло привести к эффекту «вас тут не стояло». Но девушки-соседки только флегматично обсудили мужское непостоянство, намекая на то, что меня выкинули из теплого любовного гнездышка. Я узнала, что обе соседки учатся в каком-то коммерческом вузе, но так и не поняла на какие шиши и в чем, собственно, их учеба заключается. Будь у меня возможность так вот учиться, я бы поселилась в большой библиотеке и читала бы все подряд с утра до ночи.

Вторым делом я отказалась от мысли купить еще один телефон и из обычного автомата обзвонила Хана, Акелу, Энского и еще кое-кого. Сказала, что у меня всё хорошо. Еще три звонка я сделала в сомнительные агентства новостей, кормящихся за счет нездоровых сплетен. Совершенно бесплатно и абсолютно анонимно я поведала им секрет о том, что «Несравненная Ривка вернулась». Ривка вовсе не была знаменитостью, скорее загадкой, известной в очень узких кругах. Но я хотела, чтобы слух расползся по столице, а для начала брожения лучше места, чем редакции желтой прессы, не найти.

Ну и наконец, следующим же утром я не нашла ничего умнее, чем прикупить парик, белый халат и отправиться навестить Кирилла. Впоследствии, размышляя о том, как я это придумала, я пришла к выводу, что удар по голове, несомненно, сказался на моих мыслительных способностях. Никак иначе эту глупость не объяснить.

В палату к Осинке мне проникнуть не удалось. Точнее, удалось бы (вопрос упирался в нацепление на халат

специального бейджика), но это требовало лишних затрат времени и сил.

В палате Кирилла меня поджидал сюрприз, и не сказать, что приятный. Мой любимый журналист удобно полулежал-полусидел на кровати с ноутбуком на коленях. А рядом, прижавшись вплотную, расположилась Изабелла.

Крыса водопроводная, мартышка гвинейская, крокодилиха бородавчатая — мысленный перебор определенных из животного мира, подходящих для Беллы, занял у меня минуты две. Потом Кирилл все-таки меня заметил. Карие глаза расцвели радостью, и я немного отошла от желания немедленно придушить вероломную подружку.

— Как ты?

— Нормально.

— Тебя тоже ранили.

Я продемонстрировала заживающий шов и успокоила:

— Все обошлось.

— Тебя больше не подозревают?

— Нет.

— Почему ты так долго не приходила?

— Долго объяснять. Не получалось.

Слова исчерпались, и мы сидели и смотрели друг на друга. Резкие черты некрасивого лица Кирилла обострились, сделав его более интересным. В нем появилось что-то от древнегреческих мыслителей. Я заметила, как быстро он свернул все окна на экране. Не хочет показывать свой труд? Неужели я буду подружкой настоящего писателя?

— Пишешь?

— Да. Решил начать.

— Удачи.

— Спасибо.

— Скоро тебя выпишут?

— На следующей неделе.

— Хорошо.

Немного смущаясь Изабеллы, Кирилл все же крепко поцеловал меня на прощание. А вот Белла решила меня проводить. Ее распырало от новостей.

Тернопольская, шокированная очередной историей с Осинкой, решила дать дочери шанс. Как только Осинка немного встанет на ноги, ее ждет сольный проект, запись диска, небольшое турне по десятку крупных городов и так далее, и тому подобное. Ариадна неожиданно решила инвестировать свои связи и деньги в дочку. Я искренне порадовалась за Осинку. Но, честно говоря, конкретные суммы и условия контрактов подружки волновали меня еще меньше, чем тонкости летоисчисления календаря майя. Я не сразу поняла экзальтации Изабеллы по этому поводу, но она сама честно выложила мне причину:

— Ариадна предложила мне стать пресс-секретарем Олеси Тернопольской. И, согласись, Тернопольская гораздо лучше звучит, чем Блюнтер. Кирилл сказал, что это круче, чем быть звездой, потому что со мной будут считаться даже больше, чем с самой Осинкой, но проблем от поклонников и славы меньше. Ничего сложного нет, и он обещал мне помочь подготовить первые пресс-релизы. Кирилл — сама прелесть.

Что б у тебя язык отсох. Что б ты релизами этим подавилась.

Ревность превратилась в наводнение, легко снесшее все предохранительные дамбы воспитания и этики. Спасибо больной голове, если бы не кружение картинки перед глазами, я бы Беллу ударила. Да что там, я бы ей вмазала так, чтобы она свалилась!

Я вышла из больничного корпуса и тихо побрела по широкой аллее к остановке троллейбуса. Накапывающий косой дождик забирался мне за шиворот, несмот-

ря на поднятый воротник и надвинутую шапку. Я не завидовала Осинке, у нее не было таланта матери, иначе она давно пробилась бы наверх с ее поддержкой или без таковой (было бы еще легче, потому как все недруги матери с удовольствием помогли бы недооцененной девочке сказать маме «накоси-выкуси»). Затея Ариадны не сделает Осинку счастливее, только на пару километров удлинит очередь мужиков у ее постели.

Я понимала радость Изабеллы. Будущее вдруг посулило ей бриллиант вместо навозного шарика. Непыльная работа при звезде, вращение в высоких сферах, причем не в роли девочки из массовки, а на правах если не равной, то почти-почти равной. И шанс зацепить если не олигарха, то богатого дядьку.

Меня разедала изнутри грусть, отчетливое понимание того, что я не вписалась в какой-то жизненный поворот. И пока остальные бодро рулят по дороге, я застряла в канаве на обочине...

Рита, хорош дурью маяться, очухайся, кое-кто снова застучал тебя в белом халате.

Лорд стоял прямо передо мной и заслонял, кажется, половину неба. Возле него стояли еще более огромные ребята с небрежно выставленным вперед оружием. Их закрытые масками лица и костюмы с выступами и кнопками напомнили мне легио-биониклов. Только больших секир не хватало. Если я дернусь, они действительно выстрелят?

Лорд был в ударе. Таким я его еще не видела. Аура торжества власти только что не окружала его материальным облаком. А в его голосе сквозила радость эллинского царя, успешно завоевавшего три-четыре соседних города-государства.

— Ба, какие люди! Маргарита Рогальская собственной персоной...

Я протянула ему руки. Валяй, мистер Власть, делай свою работу. Но, оказалось, что программа дня составлена иначе.

Один из стоящих возле Лорда омовцев ловким движением вывернул мою правую руку назад. Я быстро подставила под наручники и левую руку. Вряд ли Лорд готов услышать мои объяснения насчет сломанной ключицы. Тихий щелчок означал, что металлические браслеты удобно устроились на моих запястьях. Ладно, я теперь девочка бывалая, не первый раз с наручниками по городу шастать буду...

Но тут обе мои руки сзади заломили вверх. Я не удержалась на ногах и упала на колени. Еще один легкий толчок, и я уперлась носом в мокрые листья на асфальте. Больно. А ботинком в лицо он мне врежет? Это тебе, Рита, послание с небес. Кто собирался несчастную Изабеллу лупить? Получите, распишитесь, попробуйте на себе.

Я почувствовала, как мои ноги разъезжаются в стороны. Без паники, Рита, без паники, это процедура такая для особо опасных преступников. А второй частью — нотация от мистера Власть:

— Ну что, моя Темная леди, тебе нравится, когда тебя вот так мордой в грязь тычут?

Его Темная леди, значит. Мило. Остальных слов я уже не слышала. Плотный серый туман накрыл меня со всех сторон, не давая ни пошевелиться, ни вырваться.

44. Далекие и близкие голоса

Длинный нервный звонок застал Бирмана входящим в подъезд. Чертыхнувшись, Сергей переложил пакеты в одну руку и выкопал телефон из внутреннего кармана. В трубке задыхался голос Кольки:

— Лорд птичку сцапал.

— Где?

— Она в больницу к журналисту примчалась. Сестричкой-цыпочкой проведать милого дружка. На выходе Лорд ее и завалил.

— В смысле завалил?

— В прямом. Кто-то из его бойцов по всем правилам разложил ее на асфальте.

— Черт. Как она?

— Не знаю. С асфальта Лорд ее уже без сознания отскребал. Говорят, лично на руках до машины нес.

— И куда он ее увез?

— В Особняк, куда же еще?

— Что он ей предъявит?

— Смеешься? Зачем ему что-то ей предъявлять? Она в его полной власти.

— Ладно, будем надеяться, что до электродов дело все же не дойдет. А в остальном, пусть теперь у него голова из-за нее болит. По крайней мере, и Френд до нее не доберется.

— Ты уверен?

— Нет.

— И что мы будем делать?

— Прыгнем выше головы.

Войдя в квартиру, Бирман, не раздеваясь, зашел к бабушке. Паша тихо спала, раскрыв рот и вытянув руки по верх одеяла. Разложив лекарства и разные мелочи на сто-

лике возле кровати, Сергей заглянул на кухню и снова отправился на выход, по дороге злобно пнув ногой жестяную банку, валяющуюся на давно стершемся линолеуме. Вот закончит он это дело и начнет ремонт. На этот раз обязательно. Стопудово.

Во дворе его настиг телефонный звонок Алисы с жизненно важной информацией об интереснейшем концерте органной музыки в филармонии. Только органной музыки ему и не хватало. Хотя... вот закончит это дело и сходит с Алиской на концерт. В парадной форме. При оружии. И будет громко на весь зал называть ее тетушкой.

Вырулив со двора, Сергей позвонил Владу:

— Птичка попалась.

— Я знаю. Не расстраивайся.

— Да может это и к лучшему. Пусть пока Лорд на нее отвлечется. И лучше я буду знать, что она сидит у Лорда под замком, чем метаться по городу в попытках защитить не вполне понятно от кого и чего. Давай пока попробуем найти остальных покойников. В двух случаях мы дату и месяц точно знаем, так что есть шанс. Проверь архивы, вдруг есть подходящие трупы.

— Мы вроде проверяли уже.

— Пройдись еще разок. Особенно по тем делам, за которые кого-либо осудили. И ищи два признака — связанные руки и использование ножа. Возможно, свою технику наш монстр оттачивал годами и начинал совсем не с горла.

— А я только собрался настроить отчетиков.

— Давай работай, я тебе помогу потом с отчетиками.

Не успел Сергей вздохнуть, как позвонила не то Мымра Гавриловна, не то Грымсла Даниловна. Активная жизненная позиция этой тетечки, печально известной всем местным властям вокруг его родной сталинки,

на этот раз вылилась в сбор денег для правления ТСЖ. Пришлось как можно вежливее отправить тетечку по направлению прогулки в сад. Вот закончит он это дело и доберется до всех этих домкомов и швондеров. В парадной форме (хотя много чести, сойдет и просто фуражка). И при оружии.

Бирман знал, что подчас многое в охоте на кого бы то ни было зависит от везения. И не сразу поверил в собственную удачу, когда случайно выловил важную крупинку информации в тонне таких же пустяковых крупинок. Пересмотрев сводку еще раз, он быстро запросил дополнительные данные и, сделав несколько звонков по всему городу, снова набрал номер Влада:

— Помнишь имя — Веня Маслов?

Влад задумался и неуверенно ответил:

— Это из орбиты Тернопольских. Какой-то их контакт.

— По моим данным — это один из дружков Олеси. Так вот, представь, Веня Маслов загремел в наркологическую клинику. С белой горячкой. Ровно в день отравления подружки. Его с платформы возле ее дома забрали, и повезло, что не бросили, мог бы окочуриться. Понимаешь? Веня был тем кавалером, с кем Осинка пила вино. И он тоже отравился.

— Ты молоток, но жертв у нас прибавляется, а ясности пока никакой.

— Ясность в том, что кто-то перевел Веню в дорогой частный стационар для наркош и полностью оплатил его пребывание там на следующие два месяца. У меня случайно туда выходы оказались. Так вот, похоже, что здоровье Маслова опасений не вызывает, и на реабилитацию его засунули от чужих глаз подальше. И раньше, чем оплаченный срок не закончится, его не выпустят.

Влад немного помолчал, потом озадаченно высказался:

— И каким боком все это привязано к Френду? Я уже ничего не понимаю.

— В том то и дело, что к Френду это, возможно, никак не привязано. Помнишь, с самого начала Ариадна уверенно сказала, что бутылку дочери подарила Ритка?

— Хочешь сказать, что отравления не связаны с убийствами?

— Может, и нет.

— То есть это возвращает нас в самое начало. Ведьмочка знакома со всеми жертвами отравлений. Мотивы просматриваются во всех случаях. И возможность подсунуть вино жертвам у нее была.

— Мда. Ты сказал ровно то, что и мне пришло в голову. А я-то надеялся, что это только меня на ведьме заклинит.

— Возьмем на заметку, но пока голову себе не морочь. Френд важнее.

— Кто знает, что тут важнее.

Сразу после того, как Бирман вышел из кабинета начальства и начал очухиваться после устроенной ему выволочки, позвонила мама. Через несколько границ и тысячи километров она спешила обрадовать сына тем, что Генрих сделал ей предложение. Кто такой этот Генрих? И где мама их откапывает, этих Генрихов? Это будет его пятый отчим? Или уже шестой?

Вот закончит он это дело и прогуляется до родины прапредков — посчитать отчимов. Может, даже и в форме? Такого цирка мамина дас дорф¹ наверняка еще не видела.

¹ Das Dorf — деревня по-немецки

Позвонил мрачный Колька с сообщением, что очнулся Дионис. Память фотографа оказалась полной белых пятен. Он не помнил сделанных им фотографий Риты, хотя и обознался, решив вначале, что на снимках — ее мать Маша. Шкуркин не смог ничего сообщить ни об обстоятельствах отравления, ни о том, откуда взялась злополучная бутылка вина.

Бирман удержался от высказывания кое-каких мыслей насчет Колькиного источника информации, решив, что другу и так досталось. Хорошо еще, Колькина Амазонка ограничилась словесным скандалом. Дойди дело до физических разборок, увы, на Кольку он не поставил бы и копейки. И легкая обида на приятеля все же сидела в голове занозой. Не окажись ведьмочка начеку, сейчас у Бирмана могли бы быть

большие проблемы.

Непонятно только, ну почему ведьмочке надо было проявить чудеса смекалки и изворотливости только для того, чтобы тут же зайти в самую тупую и глупую ловушку, какую только можно придумать?

Смывшись из ОВД пораньше, Сергей заехал к Мирончику в гараж. Мирончик, вздыхая и охая, обошел старый пепелац Бирмана и печальным голосом эльфа, оплакивающим утерянный мир, сообщил, что сможет посмотреть машину не раньше, чем через неделю. Манией Мирончика была торговля. Бирман отлично это знал, равно как и то, что машина ему нужна завтра утром. Придется хорошенько поторговаться.

В разгар обсуждения снова зазвонил телефон. Едва удержавшись от швыряния мерзкого предмета в грязную лужу, Сергей ответил:

— Бирман.

— Серега, ты был прав, я нашел еще один труп. Из списка Рогальского.

Торжественность голоса Влада никак не соответствовала сути сообщения.

— Один из сослуживцев Маши Рогальской был убит на своей даче. Руки связаны, горло перерезано. Но не одним ударом, а несколькими мелкими, короткими. В качестве орудия использовался обычный кухонный нож — короткое лезвие, всего сантиметров восемь. Осудили за убийство жену жертвы, она через два года на зоне с собой покончила. Детей не было, они оба совсем маленькие были.

— Жесть.

— Согласен. Лорд журналиста пасет?

— Ага. Там четыре человека ошиваются.

— Может, послушали бы, о чем Олеся с мамочкой воркует?

— Фенек этим занят.

— Ну, давай тогда до завтра.

Сергей плюнул на торговлю с Мирончиком и согласился на заоблачную цену работ. Вот закончит он это дело и сгоняет за новым пепелацем. Надо бы прикинуть, на что хватит имеющихся кэцэ.

Не успел Бирман прикончить холодную котлету, оставленную на ужин, как позвонила Дора. Оказывается, где-то в центре открылся классный новый ресторан, в котором она еще не была. И он обязан пригласить ее туда, срочно. Лучше завтра. Увы, Доре придется подождать (а куда она денется, будет ждать, как миленькая).

Вот закончит он это дело и пригласит красавицу в ресторан. Будет весело. Дора думает, что он в банке работает. В кредитном отделе. Начальником. Если расколется, что он — простой мент, красотка сбежит сразу или вытерпит вечер? Надо с Владом поспорить. Выигрыш верный.

Поздно вечером Сергей, подумав, сам набрал еще один номер.

— Лева, это Бирман. Правда, что твой босс задержал Риту Рогальскую?

— Да, есть такое.

— Я слышал, Лорд не слишком миндальничал. С ней все в порядке?

— В общем, да. Ей досталось в драке на даче, но сейчас все хорошо.

— Она в Особняке?

— Ну, а где же еще? У нас целый этаж есть для таких «гостей».

— Послушай, может это слишком с моей стороны, но ты не мог бы сам проверить, как она?

— Я разговаривал с ней пару часов назад.

— О! И что она говорит?

— Массу интересных вещей. Серега, я понимаю, что тебя раздражает любопытство, но подожди пару дней. Рита с Лордом, как бы это сказать, нашли друг друга.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что ты подумал. Лорд увлекается историей. Ну и всем давно надоел своими историческими байками. А Рита его слушает. Зачарованно так слушает. И в основном молчит. Но если уж спросит о чем-нибудь, понятно, что она не мимо ушей все пропускала, а именно вникала. И она, оказывается, до черта всего знает. Каждый ее вопрос — новый виток для обсуждения. Когда я уходил, они про богов Древнего Египта спорили. Он ей про Анубиса, она ему про Себека — и понеслось.

— Это, конечно, здорово, а что-нибудь из самой новейшей истории обсудить они не догадались?

— Какое там. Серго рискует крепко влипнуть. Ни одна женщина никогда его так не слушала.

— Левка, а мы серийные убийства еще расследуем?

— Послезавтра приезжай к нам, у Серго есть идея, как найти Френда.

— Использовать Риту как сыр в мышеловке?

- Что-то вроде этого.
- Тоже мне идея.
- Серега, поверь, теперь Лорд из-за этого сыра в пешку расшибется.
- Лишь бы сыру это не оказалось уже глубоко фиолетово.

45. Птичка в клетке

У меня начала складываться привычка очухиваться в разных местах с одними и теми же вопросами в голове: «Кто я? Где я? Что случилось?» Настырное повторение этого сюжета в моей биографии подводило к мысли, что я что-то делаю не так. А можно мне подсказку, что сделать, чтобы этого не повторялось?

Я лежала на кровати. Кровать стояла в небольшой чистой комнате. Но без окон. Мягкий свет шел от ряда круглых светильников на стене. В углу у входной двери за стеклянной загородкой располагался туалет и крохотная душевая кабинка. К стене было привинчено несколько узких железных полок. А с потолка на меня пялилось несколько камер. Ясно. Эксклюзивная тюрьма для особенно одаренных девочек с фантастической способностью вляпываться в неприятности.

Руки-ноги шевелились. Голова вроде не болела. Шина с ключицы исчезла. Вместо нее была простая повязка из бинта, чуть фиксирующая положение руки. И сверху — халат с длинными рукавами, размеров на десять больше, чем надо бы.

Я осторожно попыталась сесть, повернулась и очень удивилась. Возле кровати на небольшом стульчике, расписанном под хохлому, сидел красивый мальчик, будто спрыгнувший с иконы. Из-под шапки кудрявых волос чуть лукаво выглядывали огромные карие глаза, в которых читалось одновременно любопытство и опасение. Силы небесные, неужели это правда? Там, на другой стороне нас встретит лично Он? Даже если на грешной земле ты не зажигала свечки в домиках с куполами? Сюр какой-то...

Через несколько мгновений вернувшаяся боль в голове расставила все по своим местам. Никуда я с грешной

земли еще не делась. И у меня не видение, а вполне реальный посетитель, пусть и смахивающий на религиозную галлюцинацию.

— Я — Левка. А ты Рита. Правду говорят, что ты ведьма?

Чистый голос Левы только усиливал его нереальность.

— Правда. Сейчас порчу наведу, будешь знать.

— На меня не подействует.

— Еще как подействует. Но не советую пробовать. У меня голова болит. Заклятье может неправильно сработать. Поверь, с клювом в человеческом мире неудобно.

— А ты уже пробовала?

Левка заразительно засмеялся, и я тоже невольно улыбнулась. Потом он мягко взял меня за руку, и я почувствовала, как меня укутывает теплый кокон дружеского участия. Никогда раньше я ничего подобного не испытывала. Это было все равно, что оказаться в объятиях сразу нескольких ласковых рук, которые и пожалеют, и раны залечат. Окунувшись в невероятные ощущения, я с запозданием поняла, что происходит. Левка делал для меня то же, что я пыталась сделать для Кирилла. Но в отличие от меня, точно знал, что и почему делает.

Резко отдернув руку, я успела увидеть в бездонных глазах отголосок своей боли.

— Не надо, Левка. Я справлюсь.

— Я могу помочь. Не бойся.

Я отрицательно мотнула головой. Невероятные глаза улыбнулись в ответ, принимая мое решение, но не понимая его. Отбросив все сомнения насчет уместности удовлетворения своего любопытства здесь и сейчас, я спросила:

— Тебя этому учили?

— Нет, Рита. Нет никаких учителей. И формул с заклипаниями нет. Но кто-то что-то умеет. Я умею вызы-

вать дружеские чувства. А вот что умеешь ты, пока только представляю по чужим рассказам.

— Ты прицепишь мне электроды на башку и будешь гонять, как подопытную крысу?

Левка снова засмеялся:

— Нет, никаких электродов и подопытных крыс. Всего лишь разговоры, эмоции, сравнения, общение. Все это генетика. Кто-то гениально поет, кто-то рисует, кто-то придумывает космические корабли. Мы с тобой умеем что-то свое.

— Я ничего не умею, только прошла школу уличной жизни. Это многому учит, знаешь ли.

— Но далеко не всех. Только если есть генетическая предрасположенность.

Левка не знал о проблемах с моим генеалогическим деревом, отсутствовавшим как класс. Но все равно было смешно. Кто-то все-таки разделил мнение папаши, что мои завихи заложены в моем происхождении. Пусть Левка и оценивал эти завихи со знаком плюс.

Карие глаза поражали дружелюбием, и я снова спросила:

— А есть другие? Такие как ты?

— Я пока не встречал. Каждый человек уникален, и подчас сложно даже понять, что другой человек видит мир совсем иначе. Но схожие способности, несомненно, встречались раньше в истории. Понятнее всего это на примере Лорда. Его харизме трудно противостоять, и понятно, что он не первый. Представь его верхом на коне под стенами какой-нибудь крепости.

— Лорд слишком упрямый. И немного безрассудный.

В чудесных Левкиных глазах возникла легкая зыбь беспокойства, словно я раскрыла важный государственный секрет. Пора вернуться к насущным проблемам. Я приподнялась на кровати и села.

— Лева, а просвети меня, где я и к чему готовиться. Меня же в трех убийствах подозревают. И, кажется, арестовали.

А-а-а! Я же не должна знать про третье убийство. Через пару секунд я поняла, чем буду развлекаться с Левкой. Хитроумная сеть словесных ловушек грозила не то, что запутать маленькую птичку, а прямо-таки удушить ее на каком-нибудь неловком повороте. Хорошо, что я не успела засветить некоторые факты из своей биографии. Определенно, внимательное знакомство с учебниками по психологии пригодилось мне на все сто, хотя и с неожиданной стороны, если разобраться. Я быстро поняла, что, глядя в дружелюбные глаза Левки, хочется говорить правду и ничего, кроме правды. А ложь карие тарелки вычисляют лучше любого детектора. Отличное занятие на вечер — слалом между вероятностями. Где главное — не запутаться в собственных хитроумных конструкциях лжи.

Уходя от Риты, Левка столкнулся в коридоре с Лордом. Изысканно поклонившись, он церемонно произнес:

— Поздравляю.

На лице Лорда отразилось нетерпение:

— Не понял?

— Не прошло и пяти лет поисков, как ты нашел настоящую ведьму.

— И как ты это понял?

— Она отказалась от моей помощи. Взяла и отдернула руку. Сказала, что сама справится.

Лорд уставился на друга с недоверием, хотя и понимал, что о таком врать Левка не стал бы. Не говоря о том, что Левка вообще редко врал.

— Ну что ж, раз ты так считаешь. Давай начнем программу. Прямо сейчас.

— Нет. Все наши программы — ерунда. Рита — нечто особое.

— Полчаса с ведьмой наедине, и наш Левка потерял мозги? Что она с тобой сделала? Или твое либидо сказало «хочу эту цыпочку»?

— Не суди о других по себе. Я встретил человека, который может меня хоть немного понять.

Лорд решительно шагнул в дверь, а Левка отправился мучиться сомнениями и прогнозами относительно отношения Риты к Лорду. Полюбит — не полюбит? Плюнет — поцелует? Обманет — заколдует?

Допрос Лорда оказался много скучнее беседы с Левкой. И ловушки мистера Власть были очевидными, нарочитыми и даже глупыми. Но после примерно часа разговоров вокруг того, была я у Бирмана в квартире или не была, Лорд вдруг свернул на историческую аналогию из Древнего Египта. И тема моего местообитания в последнюю неделю оказалась напрочь забыта.

Лорд оказался фантастически интересным рассказчиком. Никогда раньше я не была способна к заумным беседам на разные отвлеченные темы. Но, слушая рассказы мистера Власть, оказалась заморожена масштабом его знаний в самых разных областях и тем, как он легко ориентировался в истории, науках, культуре. Моя начитанность неожиданно сослужила мне хорошую службу, потому что в ряде случаев я могла вставлять умные вопросы или хотя бы делать вид, что понимаю, о чем речь. Но впервые я поняла, что такое настоящая образованность — не по корочке, не по вымученным ответам на экзаменах в вузах. В какой-то момент я поймала себя даже на зависти. Хотелось бы мне быть такой же свободной в смысле знаний: где, что и как происходило, происходит и будет происходить.

Лорд легко говорил. Но его речь не была словесной вязью как у Кирилла или нагромождением умных слов как у отца. Это были хорошие и понятные рассказы

о разных интересных вещах. Может, со временем повзрослевший Лорд развернется на поприще государственного управления? Властный и понятно говорящий лидер — то, от чего нормальные нации не отказываются. Наша не слишком показательна в этом смысле, но, может, все еще впереди?

Я бы его слушала и слушала, но тут зазвонил мобильник. «Ма-ма, первое слово, первое слово в жизни людей» — не было сомнений в том, кто именно волнуется о задержавшемся на работе сыне. Лорд вышел и через пару минут заглянул обратно только для того, чтобы от двери бросить мне короткое «до завтра».

Следующим днем меня ждало еще одно разочарование. Мысленно повторяя составленные за утро вопросы, я ждала появления Лорда в предвкушении еще одной умной беседы.

Но появившийся Лорд был в гневе. Даже не так. Он был в ярости. Черные глаза метали молнии, и если бы я была чуть менее толстокожей, несомненно, у меня остались бы ожоги. Вчерашнего милого собеседника утащили гоблины, а вместо него подсунули некрасивую и злую карикатуру. К тому же эта карикатура не слишком со мной церемонилась. Крепко вцепившись в мое плечо, Лорд протащил меня длинному коридору и втолкнул в лифт.

Я не стала требовать объяснений, но впервые оказавшись совсем близко к мистеру Власть, присмотрелась к его лицу. В нервном скудном свете панели на потолке я поняла, что он красив. Не так, как Акела, а другой мужской красотой — резкими скульптурными чертами лица и целеустремленностью. За такими мужчинами хорошо путешествовать в неизвестность. О дровах, шалашах и разной ерунде сильные рыцари позаботятся сами. Слабому полу будет предоставлено право быть нежными, ранимыми украшениями жизни.

Лифт остановился, и вслед за Лордом я вылетела в небольшой холл.

— Налюбовалась?

Злость вылетела из крупного рта капельками слюны и разлетелась вокруг облаком микробов. Я только улыбнулась и кивнула.

В крохотной каморке мне дали минуту на переодевание. Все мои вещи оказались затолканы в один полиэтиленовый пакет, причем ботинки поставлены сверху — отличный прикид для Полоумной Мэл получился. Как выйду, пойду монетки поклянчу, надо же будет как-то до норы добраться.

Еще один забег вместе с Лордом по холлам и коридорам — и я оказалась в красивой комнате с большим овальным столом посередине. Мне навстречу встал солидный пожилой господин с ухоженным лицом и красивыми нервными руками, которые подошли бы музыканту или художнику.

Лорд хмуро кивнул ему и выскочил, не попрощавшись и громко хлопнув дверью. Потом вдруг вернулся и впихнул мне в руку свою визитку. Пока я ее разглядывала, его и след простыл.

Я повернулась к солидному господину и испытала очередной приступ комплекса неполноценности за свой непрезентабельный вид. Вращение в высоких сферах явно сказывается на самооценке.

— Уважаемая Маргарита Евгеньевна, позвольте представиться, я ваш адвокат, меня зовут Семен Моисеевич Финкельштейн.

Я думала, так бывает только в кино. Солидный адвокат вежливо называл меня госпожой и сыпал номерочками законов, по которым мое задержание и пребывание в Особняке были незаконными. Я попыталась объяснить ему, что в целом мое пребывание в Особняке было

не столь уж некомфортным. Но он и слушать ничего не хотел. Оказалось, он уже подготовил официальную жалобу, крайне неприятную для боссов Лорда, и если эти самые боссы не хотели неприятностей, у них оставался один путь — немедленно меня отпустить. Что, собственно, они уже и сделали.

Большой «мерседес» внутри был уютным и похожим на пещеру. Семен Моисеевич любезно развлекал меня всю дорогу замысловатыми байками про юристов, в которых я ничего не понимала, но вежливо улыбалась синхронно с собеседником.

Адвокат привез меня в свою контору — неброскую, но с заметным налетом финансовой состоятельности. В кабинете самого Семена Моисеевича царил рококо. Не знаю, была ли вся эта лепнина и позолота изначально запланированной в маленьком домике, но в целом она казалась ужасной. Выждав пару минут и дав мне оглядеться, адвокат приступил к делу:

— Маргарита Евгеньевна, вы можете располагать мной и моими сотрудниками. Я готов оказать вам любую помощь по любым юридическим вопросам.

Я не слишком вежливо перебила его:

— Слушайте, давайте без реверансов. Откуда вы взялись?

— Вы ведь знакомы с Рафаэлем Айратовым?

— Раф нанял мне адвоката? Вот это да...

Кажется, мое фамильярное «Раф» немного озадачило адвоката.

— Собственно, все не совсем так. Видите ли, некоторое время назад вы предоставили в распоряжение Рафаэля ряд очень ценных документов. И даже не представляете, что тем самым сделали.

— И что же?

Адвокат словно колебался, можно ли этакой «госпоже» доверить важную информацию, но потом решил:

— Вы спасли мою репутацию.

То, каким тоном это было сказано, очень мне польстило. Но я в ответ только пожалала плечами. Экая ерунда. Да я таких репутаций по сто в день спасаю.

— Маргарита Евгеньевна, я знаю о сложных обстоятельствах, в которых вы оказались, и хочу предложить вам свою помощь и поддержку.

Кто-то вредный из подсознания тут же вытащил калькулятор, на котором замелькали миллионные цифры. Но Финкельштейн легко склонил голову:

— И считайте, что вы уже оплатили пожизненный абонемент.

Ну, не отказываться же? Хотя вряд ли Семен Моисеевич представляет, на что подписывается.

— Как вы узнали, где я?

— Этого я не могу сказать.

— А что вы знаете о моих, как вы выразились, сложных обстоятельствах?

— Достаточно, Маргарита Евгеньевна. Вы свободны, но вам угрожает серьезная опасность. Я бы порекомендовал вам уехать на время. И, если хотите, готов организовать вам поездку. В Европу, например.

— Спасибо, но толку от этого не будет. Все равно я — приманка. Так что пусть уж Лорд с Бирманом ловят убийцу.

— Это храбро, Маргарита Евгеньевна, но неразумно.

— А вы можете называть меня Ритой?

— Если вам так угодно, разумеется. Позвольте задать вам несколько вопросов?

Что ж не позволить-то...

Семен Моисеевич не интересовался уголовным расследованием. Он углубился в проблемы моего места жительства и образования. Ответив на вопросы, я вышла на чугунное крыльцо в стиле модерн. Крохотный пере-

улок был сплошь облеплен вывесками и рекламками медцентров, ксерокопий, страховых компаний и турфирм. Крылечки, лестнички, входики и лесенки в полу-подвалы рождали ассоциацию с лабиринтом Минотавра. Желаящий не заблудиться в этом деловом мире должен был запастись надежной нитью Ариадны для счастливого спасения из цепких лап маленьких бизнесов.

Я стояла прямо в портале перехода на следующий уровень. Игра продолжается, господа присяжные заседатели. Я случайно нажала кнопку потайного хода и разом проскочила несколько опасных мест.

Черная вязь металла освещалась розовым светом рано уходящего осеннего солнца. Кусочек ясного неба манил недостижимой лазурью. Ночью, наверное, будет холодно...

46. Факты и выводы

Лорд вошел в аскетичный генеральский кабинет строевым шагом.

Хозяин кабинета — высокий седой старик с вроде бы добродушным выражением лица — казался встроенным в массивный стол, помнивший события нескольких десятилетий. Георгий Владимирович никак не отреагировал на появление подчиненного. Он задумчиво читал только что полученную сводку, мысленно составляя или разрушая разные причинно-следственные связи между происшествиями, событиями, преступлениями. То, что ГВ (так сокращенно между собой называли шефа сотрудники) в действительности пребывает в ярости, не смог бы заподозрить самый умный психолог. Но еще один участник беседы, известный всем силовым структурам просто как Пал Алексеич, был другом, соратником и правой рукой генерала столько лет, что безошибочно угадывал надвигающуюся грозу.

Прошло восемь томительных минут. Лорд, все это время стоявший по стойке «смирно», рискнул чуть-чуть расслабить мышцы ног. Хотя внешне это никак не было заметно, Георгий Владимирович поднял голову и невыразительно сказал:

— Я разочарован.

Продолжения не последовало. Фраза повисла в мучительной для Лорда тишине. Он словно слышал многократное эхо, бывшее только результатом его воображения.

Прошло еще минут пять. Наконец, ГВ оторвался от интересной бумаги и по-прежнему равнодушным тоном спросил:

— У тебя есть новая версия по делу об убийстве Одоевского?

Несмотря на ровный голос начальника, Лорд сразу понял, какое слово в вопросе было ключевым. *Новой* версии у него не было, и он честно ответил:

— Нет.

— Я вчера выслушал версию Сергея Бирмана. Красивая версия. Логичная. Мотивы, расклады по времени, действующие лица — все сходится. Что думаешь?

Лорд ничего не думал. Он даже не представлял, о чем идет речь. Отчеты районных ментов лежали на его столе, но он уже успел привыкнуть к тому, что ничего интересного в них по определению нет, а потому не утруждался их изучением. И теперь оказался в дураках. Бирман поставил ему шах, ухитрившись изложить свои домыслы лично ГВ. Вслух Лорд согласился с боссом:

— Неплохая версия.

Обмануть генерала ему не удалось. ГВ поднял брови и жестко припечатал:

— Ты не знаешь.

Лорду оставалось только промолчать. Вдруг его ознакомят с ключевыми моментами новой версии? Но генерал не собирался этого делать:

— Ты утаил от Бирмана результаты наружного наблюдения за Одоевским. Он подозревал Рогальскую и потерял кучу времени.

— Это была наша внутренняя информация.

— Но кто-то из твоих людей все-таки слил ее Бирману.

Вот к такой новости Лорд оказался не готов. Ведь он отдал очень четкий и ясный приказ: о Рогальской никому ни слова. Кто и почему рискнул нарушить это распоряжение?

ГВ не собирался останавливаться и задал очередной разгромный для подчиненного вопрос:

— Сколько, по-твоему, трупов в деле?

Лорд физически ощутил, как проваливается в черную дыру собственного незнания. Неужели кого-то еще угрожали, пока он обхаживал ведьму?

— Три.

— Глаза протри.

Грубый ответ выдал ярость ГВ. На несколько мгновений он даже перестал походить на доброго Дедушку Мороза, что случалась, по слухам, крайне редко. Лорд подумал, что может выйти из кабинета не участковым в отдаленном селе за Уралом (чего он опасался), а и вообще дворником в каком-нибудь Дальнолесинске.

Помолчав, генерал перешел к моральному битию подчиненного:

— Вот факт: обычные районные опера — втроем! — делали свою работу. Бегали по городу, изучали улики, разговаривали с людьми, рыли архивы, копались в старых делах, сопоставляли факты. Нашли еще одного потерпевшего в компанию к уже имеющимся. Определили первую серию из четырех трупов за предыдущие четверть века. Составили примерный перечень из еще трех возможных жертв. Установили круг подозреваемых. Придумали пару планов поимки убийцы. Отработали всё, что можно и нельзя.

Осознав, что именно он прозевал, Лорд мысленно тихо застонал. Дворники очень неплохо живут, если разобратся. ГВ вперил тяжелый взгляд в надежду отдела:

— Второй факт: сотрудники моего специального отдела — всемером! — ничего не нашли и ничего не придумали. По указке своего начальника они следили непонятно за кем и делали неизвестно что. А сам начальник — человек, которого я лично продвигал и поддерживал, как одного из своих самых умных и талантливых учеников — на глазах изумленных подчиненных вломился в дом к престарелой женщине, залез к ней в кровать и начал стаскивать с нее одежду.

Лорд встрепенулся, собираясь начать объяснения, но генерал продолжил тираду:

— Никогда в своей жизни я не чувствовал себя большим дураком, чем когда мне позвонил генерал Тролев и сказал, что его люди сняли тебя с полуголой старушки.

— Откуда мне было знать, что эта баба спецназ вызовет?

— Мне плевать, откуда ты должен был это знать. Мог бы и поинтересоваться, кого именно гнобишь. Районные опера тоже разные бывают. А на месте этой бабы я бы еще и психушку тебе вызвал. И организовал бы тебе пару месяцев каникул в компании таких же придурков и ежедневных пилюлек...

— Бирман меня подставил.

— Делать ему больше нечего было. Это он, а не ты, раскопал все интересное. Работал, а не девушкам сказки про богов рассказывал.

Лорд мысленно чертыхнулся. У него возникло острое желание тихо укокошить самого Бирмана.

ГВ отвлек его от этой назойливой мысли следующим вопросом:

— Чем ты последние два дня занимался?

— Допрашивал Рогальскую.

— Для этого надо было волочить ее в наручниках в Особняк? На руках? А потом читать ей несколько часов занимательных лекций?

Крыть было нечем, и Лорд промолчал. Георгий Владимирович перешел к следующему пункту разноса:

— Как о Рогальской прознал старый Финка?

— Кто?

Оборвав тихий звук вопроса, Лорд про себя выругался. Сейчас ГВ его размажет по стенке. И будет в чем-то прав.

— Семен Моисеевич Финкельштейн. С какой стати этот старый крючоктвор не поленился лично притащить свою бороду сюда, чтобы забрать ее?

— Я думаю, это с Айратовым связано.

— Ты думаешь?! Нет, ты, правда, умеешь это делать?

За искренним спокойным недоумением генерала Лорд видел себя уже не в дворниках. В ассенизаторах.

ГВ замолчал, и наступила душная тишина. Пал Алексеич с трудом поднял свое объемное тело со стула и переместился к окну. Движение немного снизило напряженность. Ровным, идеально спокойным голосом ГВ продолжил:

— Вывод: пока ты морочил всем голову белибердой о ведьмах, простые менты сложили по крупинкам большое дело. А ты выставил идиотом не только себя, ты сделал посмешище из всего отдела. Бирман уделал тебя одной левой. Поэтому теперь ты работаешь на него. Отправляйся в его отдел, и если Бирман хоть одно замечание в твой адрес сделает, будешь остаток жизни сортиры мыть...

В соседнем здании работал перфоратор, через квартал трамвай тяжело перебирался через хитросплетение стрелок, две вороны, облюбовав тополь во дворе, обсуждали обеденное меню. Генерал снова углубился в изучение листка с цифрами. Потом поднял голову и безразлично спросил:

— Что стоишь? ОВД «Хрипаново» тебя ждет.

Лорд, вытянувшись, вышел в коридор. С одной стороны все было не так плохо. С другой — хуже некуда. Пал Алексеич протиснулся следом за ним и попытался его утешить:

— Высоко летать — больно падать. Ссылка недалекая, да и пойдет тебе на пользу.

Лорд пожал плечами, пытаясь приготовиться к новой порции разносов. Но Пал Алексеич заговорил совсем о другом:

— Я поговорил с твоей ведьмой. И не смотри на меня так. Уверяю тебя, я не ем на завтрак хорошеньких девушек.

— Не такая уж она и хорошенькая.

— Как скажешь. Но это она навела Бирмана на версию со старыми убийствами. Почему ты не расспросил ее?

— Мы о другом говорили. Не о деле.

Взгляд Пал Лексеича отразил крайнюю озабоченность. Сложив руки на огромном пузе, старый сыщик проникновенно посоветовал:

— Знаешь, я понимаю, почему тебя на ней заклинило. И я даже не буду убеждать тебя держаться от нее подальше. Закрути с ней роман, познай ее во всех смыслах, но, мальчик мой, переболей этой напастью раз и навсегда, да побыстрее.

— Я заинтригован. Может, посвятишь меня в свои думы?

— Со временем ты захочешь подчинить ее. Если тебе это удастся, ты будешь разочарован. Если нет — тебе приспичит стереть ее в порошок. Оба варианта сулят проблемы. Поэтому и говорю — переболей и брось.

— Ты пытаешься отвлечь меня от того, что теперь мне придется делать сальто по одному слову Бирмана? Спасибо за попытку. Но я в полном порядке. А Маргарита меня интересует как потенциальный объект исследований. Я ее в свой основной список внес. И только.

Пал Лексеич грустно вздохнул вслед Лорду. Молодые — такие глупые...

Вернувшись в кабинет, толстяк обратился к ГВ:

— Не перегнем палку? У Бирмана репутация та еще. Одно его вчерашнее вторжение чего стоит.

— Стоит оно того, что надо нам его к себе забрать. Нечего ему в районе делать. Слишком он хорош, чтобы поножовщину кухонную разгребать. Да и против Серго не каждый попереть может.

— Ты же не Бирмана забрал, ты Серго к нему отправил.

— Лексеич, ну ты же сам все видишь. Слишком уж пацан привык, что ты за ним ходишь да его грязное белье застирываешь. Пусть на жизнь с иного ракурса посмотрит, поучится уму-разуму.

— Слушай, ну оплошал немного Серго, согласен. Ну, пойми и ты тоже. Заело его девчонкой этой. Любовь у мальчишки. А ты его в ссылку.

— Любовь — это в бульварном романе дамам порываться. И коли заело — завалил бы ее на лавку, и всех делов на пять минут. С такой-то швалью можно не церемониться.

Толстый генерал словно на глазах стал еще грузнее и тяжелее. Пал Лексеич знал, что переубедить ГВ невозможно. Также он ясно понимал, что никакими лавками проблему не решить. Но вслух он ничего об этом не сказал, ограничившись короткой просьбой-предложением:

— Может, ты и прав. Но давай все-таки вернем его в отдел.

— Дело раскроет — вернем.

Пал Лексеич тяжело вздохнул и перешел к обсуждению других вопросов.

47. Возвращение Ривки

Мои соседки по новой норе бурно выясняли отношения. Стоя друг напротив друга, Галя и Кристина остервенело матерились, употребляя сложные конструкции построений коротких простых слов, отчего их ругань выглядела как филологический конкурс на максимально замысловатое использование ненормативной лексики.

Мое появление внесло в конкурс свежую струю: подружки обматерили и меня, высказавшись в том духе, что всяким неприличным девкам не место в их добропорядочной компании.

Первый день я посвятила забегу по магазинам, выбирая себе парик. Я, правда, обещала Бирману не высовываться из новой норы, но ведь и пальцы при этом скрестить не забыла. К тому же он слишком громко орал в трубку разные грубые слова, сводящиеся к тому, что я идиотка. А я всего-то отказалась сообщить ему адрес своей новой норы. Вот сам бы подумал пять минут и согласился бы, что никому не надо знать этот адрес.

Покупка шевелюры заняла больше времени, чем я планировала. Всяческие неурядицы явно сказались на моей физической форме. В большинстве искусственных причесок я выглядела как онкологическая больная после трудной химиотерапии. Чтобы избежать этого, пришлось разориться на длинноволосое блондинистое нечто, в котором у меня был чуть более здоровый вид.

С костюмом все оказалось проще. Я выкопала из запасов желтое дизайнерское безумие: свой старый костюм для шокирования мирных посетителей ночных клубов. Топ костюма состоял из трех кусков кожи и кучи шнурков, что, однако, не мешало ему за счет хитроумной кон-

струкции визуально увеличивать грудь на полтора размера. Хотя эта дрянь и лежала в моих запасах лет пять, она все еще казалась модной и агрессивной. К коже прилагались свободные полупрозрачные штаны-шаровары. Штаны точно вышли из моды, но вряд ли кто-то из мужчин задумается о таких тонкостях.

Интересно, что подумал бы Кирилл, если бы увидел меня во всем блеске этой жути?

Снять повязку совсем Хан мне не разрешил. Поразмышляв, я решила, что на время смогу заменить плотную повязку широкой лентой телесного цвета, и разорилась на шикарную шифоновую юбку (разумеется, насыщенного желтого цвета). Из юбки получилась летящая пелерина, ловко состряпанная маленькой вьетнамкой в подвале большого торгового комплекса. Скрюченная женщина, работающая за копейки с утра до ночи в глухой крошечной каморке без солнечного света и притока воздуха, оказалась в чем-то счастливее меня. Я оставила ей щедрые чаевые и, уходя, увидела, как к ней подбежало двое детей лет по семь. Улыбки детишек вызвали ответную нежную улыбку у их матери, и меня накрыло тоскливое сознание собственного одиночества.

Может, это и к лучшему. Я несколько лет запрещала себе даже думать о том, чем сейчас собиралась заниматься. Буду в форме.

Первые же тренировки доказали мне абсурдность всей затеи. У меня перехватывало дыхание, болели все мышцы, несколько раз я теряла равновесие в самых простых движениях из-за головокружения. Попытка усилить нагрузку привела только к сонному провалу на двенадцать часов. Прекрасное возвращение Несравненной Ривки грозило обернуться обмороком прямо в зале. Но я не собиралась сдаваться.

Старина Сэм отнесся к моей затее без всякого энтузиазма, чтобы не сказать — прохладно. Толстый уроженец Кавказских гор, называющий себя то армянским евреем, то азербайджанским хохлом, выглядел старым и больным. Сказывался возраст и надоевшая ноша в виде большого ресторана. Я, естественно, не рассказала Сэму всех причин, по которым решила возродить из небытия Ривку, но он и не спрашивал. Предложил попробовать.

Если до этого я собиралась слегка подкупить Сэма одним непростым разговором, то после очередного проявления доброты я решила рассказать все, как есть, а там будь что будет.

— Ты помнишь, давным-давно я жила у Одоевского?

— Вот еще, больно нужно мне все обо всех помнить.

— Я видела его архив. Последний архив.

Черные глаза старика уставились на меня со смесью ужаса и мольбы. Я быстро добавила:

— Карины там нет. Совсем нет. Ничегошеньки о ней нет.

На мгновение лицо Сэма выразило живую радость, облегчение. Затем, прежде чем я успела продолжить, он глухо спросил:

— А Сандра?

— Сандра есть.

Сэм поник головой, и я затараторила, пытаюсь быстро объяснить ему, что не все так плохо.

— Она одна, понимаешь? Одна, без мужчин.

Черные глаза выразили невероятное отцовское отчаяние:

— Марго, милая, все равно. Если это всплывет, мы все будем опозорены.

— Все можно исправить. Слушай. Слева, под грудью, у Сандры есть родимое пятно, небольшое, но приметное. Его можно свести, удалить. Это займет какое-то время, ну так и потяни его. Пусть Каринка свадьбу сыграет,

она же старшая. А Сандру стереги пуще глаза. И свадьбу готовь, не торопясь. Глядишь, до свадьбы все заживет так, будто и не было ничего никогда.

Сэм тяжело вздохнул. Я не отступилась:

— Детских фоток голышом у девочек нет, так что если вдруг какая мерзость и всплывет, можно будет смело утверждать, что на записи не Сандра. И она там так раскрашена, что если бы не подпись, клянусь, я бы ее и не узнала. Аккуратно все сделай, и никто ничего не заподозрит. Сама она промолчит, а уж после свадьбы любое обвинение против Сандры братики Нико похоронят. Причем буквально. Закопают все дурно болтающие рты...

Сэм молчал с минуту, обдумывая весь план, потом вдруг исполнил несколько быстрых движений, которые в его молодости, вероятно, изображали красивый поклон.

— Может, получится, а? Ты уверена, что только такая запись есть?

— Да. И я уверена, что Сандра ни в чём не виновата. Ей подлили что-то отупляющее. Чтобы иметь козырь против тебя.

Грустные глаза грузинского татарина чуть встревожились:

— Марго, ты играешь с огнем. Будь осторожна.

— Я очень осторожна.

Бедный Сэм, его бы точно хватил кондратий, посвети я его во все свои «осторожные» планы.

Несмотря ни на что, первое возвращение Несравненной Ривки прошло лучше ожидаемого. Застроенный режимом и откормленный мясной диетой организм выдал все, что от него требовалось. Прежней пластики я, конечно, не добилась, но в целом все прошло гладко. Я не позволяла себе отвлекаться от заданного рисунка танца и заслужила вполне одобрительный отзыв арт-ди-

ректора ресторана. Не знаю, было ли это от чистого сердца: не каждый арт-директор смирится с наглым и бесцеремонным вторжением хозяина заведения в установленную программу. Но, по-честному, я же не портила эту посредственную программу. Я собиралась сделать ее модным представлением, о котором все говорят.

48. Звезды говорят

Достать Ариадну оказалось сравнительно просто. Это простым ментам сложно иметь дело со звездами. А мне достаточно было потусоваться в среде фанаток Тернопольской, чтобы точно разузнать, где она и с кем. Я подкараулила Ариадну у квартиры одного молодчика из орбиты ее знакомств. Вышедшая из подъезда звезда, сплошь закутанная в черную вуаль, оказалась не готова к встрече с подругой дочери. Но машинальные оглядки в поисках охранников не помогли. Охранников-то и не было.

— Здравствуйте, Ариадна Сергеевна! Можно вас на два слова?

Прораб, обсуждающий строительство фундамента дома с заказчиком, примерно столько же обращает внимания на муравья, ползающего под его ногами. Ладно, еще одна попытка:

— Ариадна Сергеевна, только один короткий разговор, и я вас больше не побеспокою. Поговорите со мной приватно и тихо, без огласки, или я начну перетирать грязь с журналистами.

Ноль эмоций. Звезды шествуют по планете, не оглядываясь на чернь.

— Вы ведь знаете, я смогу пройти кордоны вокруг Осинки. Ей, наверняка, есть, что мне рассказать. И такие беседы скажутся на ее самочувствии, как думаете?

Я вовсе не была уверена, что этим можно пронять признанную звезду. В конце концов, кто она и кто я? Я заранее настраивала себя на неудачу, но Ариадна на мою угрозу повелась. В ней чувствовалась какая-то настроженность. Понять бы, чего она боится...

— Садись в машину. У тебя пятнадцать минут, пока я еду до студии.

Я вольготно устроилась на заднем сидении лимузина и, подождав, пока звезда расправит все свои накидки, вуали и шали, спросила в лоб:

— Ариадна, вы ведь были знакомы с моим дядюшкой. Джоржем. Или Френдом.

Великая звезда на глазах состарилась. Взяла и увяла. Надо же, я такое только в мультиках видела.

— Откуда ты о нем узнала?

— Менты рассказали. Они много семейных историй откопали. Про деда с бабкой, про папашу и его сводного братца. Про маму.

— Чего ты хочешь от меня?

— Расскажите мне о Френде.

— Он был грубый мужлан, необузданный, неотесанный. Полная противоположность твоему отцу.

— Почему был, Ариадна? Он жив-здоров, гуляет по Москве. Вполне себе бодрый дядька и бегаёт быстро. Он ведь любил мою мать, да?

— Такая любовь мужчины — проклятие для женщины. Он ее изводил, преследовал, руки распускал, потом все же добился своего: она с ним Женечке изменила. Но ему все мало было. Она ведь от него убегала, когда погибла. Они за городом домик сняли да поругались. Видно, она здорово разволновалась, вот с управлением и не справилась. А может, и не хотела справляться...

— Что думал отец?

— Не знаю. У них с Френдом особенные отношения были. Они всем делились, все друг другу рассказывали, с полуслова друг друга понимали. Но после смерти Маши Френд уехал в Америку, там какими-то подрядами занялся, да так и не вернулся.

— Он не уехал, Ариадна. Он в случайной драке чело- века убил и сел.

— Туда ему и дорога. Но ты сказала, что он гуляет по Москве?

— Вышел.

Великая звезда сморщила лицо, словно съела что-то кислое. Наверное, в ее двадцать это выглядело мило и смешно. Но сейчас она казалась состарившимся грибом. Что-то во всем этом ее угнетало. И чего-то она боялась. Я сменила тему:

— Ты ведь знала, что мама и отцу, и Френду изменяет?

— А почему бы и нет? Ей это ничем не грозило, одни сплошные удовольствия. К тому же она мстила твоему отцу за сломанную жизнь.

— То есть?

— Женя не хотел детей. Активно противился даже разговорам на эту тему. И уговорил Машу сделать аборт. Они еще в институте учились, и он уболтал ее, что нужно сначала на ноги встать, а уже потом о детях думать. Маша, бедная, из-за аборта чуть богу душу не отдала. А когда глаза открыла, ей первым делом сказали, что детей у неё уже никогда не будет.

— Почему отец не хотел детей?

— У него пунктик всегда был насчет наследственности. В роду была нервная болезнь, сумасшествие. Он не хотел, чтобы это передалось детям. Он консультировался, у профессоров чем-то таким интересовался. Они ему в один голос отвечали, что это лотерея. Ну а после несчастья с Машей он успокоился, пока она вас, грязных котят, не начала в дом тащить.

Я слушала откровения Ариадны и никак не могла понять, с чего она мне все так открыто выложила. В больнице у Осинки, да и раньше она была царственно неприступна. В хитроумном реалити-квесте я нажала на потайную кнопку и получила кучу подсказок? Подозрительно это. Ведь в уплату от меня потребуют склянку с магическим скиллом, а ее у меня нет.

— А ты не крутила с Френдом или с моим отцом?

— Да кто они такие, чтобы крутить со мной? Ты, девочка, не забывайся. Я уже тогда была звездой, а не подстилкой для плебеев! Посмели бы они хоть подойти ко мне со своими грязными мыслями!

Я только улыбнулась, безошибочно уловив в этом возмущении интонации обиженной женщины. Френд и папаша не только посмели не подойти, они ни о чем таком даже и не помышляли. Хотя Ариадна, я уверена, раздала на обоих направлениях немало авансов. Я снова чуть сместила тему беседы:

— Почему вы с мамой дружили?

— Не знаю. Нет, правда, не могу этого объяснить даже себе. Надо же с кем-то дружить, я с ней и дружила. Больше ни с кем не получалось.

— Говорят, в больнице Осинка много чего разболтала. И о моих приключениях тоже?

— Моя дочь всегда была откровенна со мной.

О, чудо. Ариадна воспряла духом. И даже помолодела. В ответных словах заплескались все оттенки презрения:

— Я знаю, что ты шлюха, Маргарита, если это тебя волнует. Конечно, приличному мальчику, которого ты взяла сейчас в оборот, всей твоей подноготной не известно. Но я могу и помочь ему кое-что узнать. Ты поняла?

Это была угроза. Явная и неприкрытая. Но из-за чего? Осинка знает что-то важное и криминальное? Ткнув пальцев в небо, я попала в крохотную мишень?

— Я поняла, Ариадна Сергеевна.

Поразмышляв уже в норе, я сопоставила разные данные и пришла к логичному выводу: если Осинка и раньше выкладывала мои тайны своей мамочке, то предположение Бирмана о том, что Френд был ухажером Осинки ради информации обо мне — чушь полная. Ариадна могла рассказать все моему папаше, а папаша мог выболтать все Френду.

Но тогда кто и почему отравил Осинку?

49. Земляные работы

Пригнанная техника справилась с закопанным под землей бетонным кубиком лишь с третьего захода. После чего потребовались усилия людей с перфораторами и молотками.

Осень, привыкшая к запустению дач во время своего владычества, недовольно поливала и рабочих, и ментов мелким холодным дождиком. Яркие ленточки затмевали мягкие краски отмирающей листвы, и ветерок стремился сорвать их, утащить и пристроить в неподходящее место. Выглянувшее после полудня солнце чуть согрело землю, но измотанные люди этого даже не заметили. Обидевшись, светило снова спряталось.

Лишь к трем часам внутри кубика обнаружилась полость. Полураскопанный и развороченный с одного угла склеп начали вскрывать осторожнее. И вскоре он выдал свою страшную тайну. Наступающий сумрак озарился вспышками и громкими возгласами.

В процессе изучения первой находки обнаружили и другие. Бетон нехотя, но отдавал свою добычу. Бережно упакованные мумии в чистоте и сухости отправились в город. Мокрые и грязные люди остались подводить итоги и делать выводы. После короткого совещания бетонную могилу снова прикопали землей, и вслед за экспертами в город потянулись все остальные.

Бирман, отойдя в сторону от котлована, сел на вывороченное из земли бревно, наплевав на чистые брюки. Рядом плюхнулся Лорд и протянул коллеге пачку сигарет. Бирман помедлил, но потом решительно вытряхнул из пачки тонкую трубочку и с наслаждением затянулся. В его голосе прозвучала неудовлетворенность:

— Трое. Только трое. Значит, где-то есть еще.

— Тот, с обручальным кольцом, похоже, счастливый семьянин. Первый из тех, о ком разузнала Маргарита. Жена, возможно, опознает — хотя бы кольцо. На нем гравировка есть. А вот тот, что в середине, неизвестный. И, скорее всего, он — самая первая жертва по времени. Но перерезанное горло, связанные руки. Характерная такая картинка...

— Как тебя насчет этого склепа осенило? Я ведь осматривал здесь все после пожара, но до такого не додумался.

— Мы в прошлом году из одного склепа восемь трупов достали. По аналогии решил и здесь проверить.

— Знаешь, я как-то ребятам брякнул для красного словца: «Кто знает, скольких всего убили». И ведь так и оказалось.

— Детей жалко. Ведь Рогальские сюда каждое лето приезжали с детьми. Вот представь, Маргаритка, малышка такая, играет здесь, может, в песок или в куколки. А в двух метрах внизу, в бетоне трупы лежат, скалятся. И знающий об этом папаша нотации дочке читает: «не так встала, не то сказала».

— Да с папашей все ясно. Я никак не решу, какое место самой мадам Рогальской отвести. Ну, неужели она могла позволить хоронить трупы своих любовников на даче? И неужели не замечала, что любовники исчезают? Странная дама.

— И еще одна смерть в огне. На пустой трассе машина слетает с дороги и взрывается. Так взрывается, словно это бензовоз был, по меньшей мере. А скорость была не больше десяти-пятнадцати километров в час. И дело тупо открыли, чтобы сразу закрыть. Слухи пошли о самоубийстве, на них аварию и списали.

— Думаешь, ее убили?

— Совпадения мне не нравятся. Бабка — Маша Рогальская — взорвалась в домике и сгорела. Мать — Маша

Рогальская — взорвалась в машине и сгорела. И дочка — условная Маша, опять же Рогальская — едва не взорвалась и сгорела на этой гребаной даче.

— Слушай, а ведь точно...

— У нас не одна серия получается, Бирман, а несколько параллельных. Смотри. Есть мужчины — аккуратно упакованные жертвы с перерезанным горлом. Есть две — и потенциально три — Маши, сгоревших в огне. Есть два эпизода с битой по башке: дело, из-за которого сел Френд, плюс нападение на Весенина. И два случая использования яда, хотя и не смертельных. С мотивами вообще полная неразбериха. Если с любовниками матери Маргариты еще хоть что-то понятно, то с остальным какая-то надуманность получается.

— Френду было двенадцать-тринадцать, когда его папаша связался с красивой тридцатилетней женщиной. Озабоченный пасынок и привлекательная мачеха — сам понимаешь, тут много может быть мотивов. Опять же повторяющиеся имена. Заклинило Джорджа на «мамочке», он на автомате потом на новую Машу переключился.

— А остальное? Любитель крови? Отравитель? Что-то в этом не сходится.

— А ты не можешь достать Тернопольскую? По своим каналам?

— Пробовал уже. Там муж вокруг нее целый «бункер» отстроил, с ходу не взять. Думаешь, она тоже в теме? Все же подгонка Риты под мать могла иметь смысл только для того, чтобы направить чье-то помешательство на очередной объект.

— И кому это было нужно? Рогальскому?

— Может, и Рогальскому. Я себе отношения этой парочки братанов никак не представляю. Ладно, один убивает, а другой? Знает, что проблема перестала существовать? Или знаниями дело не ограничивается? Может, в ход идут и провокации, и подговаривание, и прямое

указание на жертву? Есть еще такой момент: Рогальский явно испытывает родственные теплые чувства к Галине Симоновой. Он оплатил ей три операции и регулярно переводит деньги в монастырь. А на могилу матери даже памятник не поставил. Смешно, но за могилой Рогальской-бабки Симонова ухаживала, пока ноги держали.

— Ритка это хорошо сформулировала. Глаза округлила и выдала: «Занимательная семейка».

Лорд отбросил окурок и сразу прикурил новую сигарету.

— Обманщица она. Знаешь, что Левка последнее на нее отрыл? Только утром мне хвастался.

— Ну?

— Ведьма наша на платном заочном учится. На психолога. Слабенько учится, в основном на тройки. Двоек там, сам понимаешь, не ставят. Надо полагать, она таким нехитрым образом диплом покупает в рассрочку.

— Вот ведь... маргышка. Давно учится?

— Три года уже. Еще пару лет, и выйдет в дамки. Смешно, но она вполне могла с Левкой без всяких трупов пересечься. Он по разным институтам с выпускниками по своему профилю любит знакомиться, все братьев по разуму ищет. Так что мы с ней могли бы не над трупом Одоевского встретиться, а у Левки. Или у друзей общих. И не было бы никаких этих дурацких расследований...

Бирман пожал плечами:

— Может, тогда она была бы совсем другой.

Лорд попытался изобразить колечко дыма, но получилось нечто вроде крохотной грозовой тучки. Вполне довольный и этим, он в очередной раз задал больной вопрос, который всем в команде уже проел мозги и печенки:

— Что ты думаешь, как нам найти Джека и поймать Джорджа?

— Самый простой вариант — кто-то изображает страстного любовника Риты и подставляется, чтобы брать убийцу с поличным.

— О! Чур, я буду страстным любовником!

— Думаешь, похороны с почестями того стоят?

— М-мм, интересный вопрос. А тебе Маргарита нравится?

— В каком смысле?

— В самом прямом.

— Нравится.

— Жаль. Значит, друзьями нам не быть.

Бирман не ожидал такой предельной откровенности и несколько опешил. Подумав, он предложил:

— Ну, можем, как благородные враги, друг другу морды набить.

Лорд, выпустив струйку дыма в быстро темнеющее небо, покачал головой:

— Я серьезно, Бирман.

— Мы же не кусок колбасы делим. У Ритки роман с журналистом. И вот это для нее серьезно. Она Весенину в этом домике жизнь спасла. И чуть что, она летит к нему, забыв про все на свете. Если это не любовь, то я уж и не знаю, что тогда любовь.

Лорд не согласился:

— Журналист ей не пара.

— Это ей решать.

— Он ей уже изменяет. Пока не физически, но до этого тоже недалеко.

Стальной взгляд иронично скользнул по черному бархату, и Лорд поспешил объяснить:

— Все банально, Бирман. В кухне злится повариха, плачет у станка ткачиха. С одной стороны, несчастная Олеся Тернопольская, с другой — деловая Изабелла Зотова. Сидят у постели пострадавшего героя и хором рассказывают ему, какой он славный и хороший. Думаю,

только больная голова не дает журналисту попользоваться обеими.

— Не суди о других по себе. Ты сам Ритке, если сложится, изменять не будешь?

— Может, и не буду.

— А-а. Сильно сказано. Но, уж прости, сомнительно, чтобы это было так.

Бирман ловко отправил в небо ровное колечко дыма и ехидно улыбнулся:

— Ты ту славную блондиночку уже поимел?

— Ничего особенного. Она с виду аппетитная, а на деле закомплексованная дура.

— Ну, так и помог бы девочке расцвести.

— Много чести. Кстати, ты тоже на монаха не похож. Тут к тебе такая фифа заходила, я чуть слюной не захлебнулся.

Бирман весело заржал, едва удержавшись от фамильярного похлопывания собеседника по плечу:

— Ставлю двадцать баксов на то, что Дора тебя спасла. Дыхание рот в рот и все такое.

Лорд ответил нарочитым возмущением:

— Думаешь, я охочусь на чужой территории?

— Думаю, что да, охотишься. Я на это даже рассчитывал. Что ты решишь мою проблему мирного расставания. Никаких слез и грустных разговоров, никаких оплеух и горячих оскорблений, только вечное женское чувство вины.

— Ну ты хорек! Ты меня использовал!

— А ты соблазнил девушку, которую считал моей. В моем же доме.

— Хороша девушка, я еще и подумать ничего не успел, а она уже сама в ширинку лезет. И такая настырная, знаешь, прилипчивая. Только что не изнасилвала, а потом давай про рестораны петь. Я ей, видите ли, теперь что-то должен.

— То есть, ты понимаешь, почему я хотел от нее избавиться.

— А теперь я должен от нее избавляться?

Снова улыбнувшись, Бирман развел руками. Лорд шелкнул пальцами, и огонек окурка, описав широкую дугу, скрылся в траве. Из-за обгорелых бревен неподалеку вынырнул Мерзляков. Он коротко махнул несколько раз к себе рукой, показывая, что пора возвращаться в город. Лорд махнул в ответ, сообщая, что понял, и повернулся к собеседнику:

— Пять дней прошло, а от Маргариты ни слуху ни духу. Она даже Весенину не звонила. Как думаешь, где ведьму носит?

— Знал бы прикуп, жил бы на далеких теплых островах. Где бы ее ни носило, лишь бы не осенило идеей из серии «поймаю дядюшку сама». В этом смысле она совершенно без башни. И уверена, что достаточно заявления о том, что она ведьма, для решения всех проблем.

— Левка считает, что у нее есть своя ахиллесова пята.

— Ей и без пяты по голове досталось.

Бирман сделал несколько торопливых затяжек и придал брошенный окурочок каблуком. Встав и протянув руку собеседнику, он попытался заключить формальный мир:

— Поехали, темнеет уже. А в остальном, давай доведем дело до конца. Ритку найдем. Френда поймаем. Закажем вечеринку — не над трупами. Тяпнем по рюмашке, тогда и потрындим насчет ведьмочки и ее слабостей.

Лорд ухватился за протянутую руку и легко вскочил:

— Заметано, Серега.

И мужчины направились к машинам, переключившись на обсуждение очередного позорного поражения футбольной сборной.

50. Танцовщица

Я напрасно ограничивала себя в удовольствии танцевать. Эта простая мысль грызла меня и во второй вечер, и в третий, лишь постепенно сглаживаясь. С каждым разом я чувствовала себя все свободнее и раскованнее. Перестав строго следить за тем, в каком порядке переставлять ноги и в каком месте такта взмахивать руками, я обрела настоящую легкость движений. Слабая боль в мышцах казалась уже привычной, я немного набрала вес и избавилась от синяков под глазами. Дело шло на лад.

Сэм, знающий, что слухи о чуде в его клубе сулят ему неплохие барыши, разрешил мне делать все, что угодно. Я попыталась его осторожно предупредить о том, что все это ненадолго, но он меня не услышал.

Сначала я хотела выступить через день, но потом поняла, что выдержу и ежедневные представления. Любители горяченького, ожидавшие непристойности или стриптиза, были поначалу немного разочарованы, но я нравилась и им. Не могла не нравиться. Мой танец завораживал.

Если бы я не отвлекалась на размышления о неизвестных героях моего постыдного пьяного романа, все было бы еще круче.

Очередным вечером я осмелела настолько, что вместо нейтральных приятных мелодий с простыми там-тамами выбрала старую дьвольскую музыку скрипок в электронной обработке. Ну что еще ждать от ведьмы? Совсем иная энергетика мгновенно пробудила забытое желание испробовать, насколько далеко я могу зайти в способности управлять толпой. Пока я могла лишь заставить посетителей ресторана забыть о еде. На время. Я знала, что

могу больше, но это больше могло завести меня в беду. Поэтому я очень осторожно проверяла, не кончатся ли шаг вправо, шаг влево плевками и забитием камнями на месте. Вроде прокатывало.

Эх, позвал бы меня кто на настоящий шабаш ведьм. Я бы там сплясала. Так сплясала бы...

В конце концов я так увлеклась, что спрыгнула с невысокой площадки, изображавшей сцену и сделала пару кругов по залу. Очень осторожных кругов, никаких взмахов ногами, только легкие движения рук и улыбки.

В конце второго круга я заметила за одним из столиков кудрявую голову Левки. Но смотрел он не на меня. И, проследив направление его взгляда, я чуть не упала. Хорошая я охотница. Вместо кабанчика из кустов выперло здоровенного медведя.

Кое-как закончив танец, я смылась в подсобку. Тысяча вопросов требовали мгновенного ответа, и я отправила арт-директора, бормочущего что-то про постоянный контракт, привести «очень красивого мальчика, похожего на икону».

Левка втиснулся в крошечное помещение с задумчивым видом. В карих глазах застыло напряжение. Я быстро выложила случайные пять вопросов из тысячи:

— Как ты здесь оказался? Ты его видел? Ты один или с ребятами? Тебе понравилось, как я танцую? Вы его ловить будете?

Кажется, Левке потребовалось сосредоточиться на происходящем. Внимательно оглядев мой костюм и подсобку, он вместо ответов задал собственный вопрос:

— Ты куда сейчас пойдешь?

— Я комнату сняла. Туда и пойду. Ты мне не ответил.

Левка крепко сжал мои плечи и медленно выговорил:

— Пойдем, выйдем в зал. Будешь громко говорить, что завтра выступать не можешь. Следующее выступле-

ние — послезавтра. Повтори несколько раз всем, кто поинтересуется. Френд должен услышать. Но не встречайся с ним взглядом. Не отворачивайся, не увертывайся, лишь постарайся не заметить. Не бойся, я буду рядом.

— Я и не боюсь. Мы его заманим в ловушку, да?

— Рита, все серьезно. Я, например, очень даже боюсь. Пошли, а то он смоеся.

— Пусть смоеся. А мы его выследим.

— Спятила? Даже и не думай. К тому же я, Ритка, совсем не опер. По части выслеживаний от меня проку никакого. Нам надо назначить ему место и время встречи. А там пусть серьезные ребята потолкуют с ним по душам.

Все оказалось легко. Выйдя в зал и любезно отвечая на приветствия, я подошла к Сэму и вполголоса объяснила, что следующий мой выход — через день. Френд стоял вполоборота к нам всего в метре-полтора. Я была уверена, что он слышит. Не может не слышать. И не сможет не прийти.

Я смеялась над нелепой шуткой Сэма, когда почувствовала, что дядюшка исчез. Левка, держащийся чуть сзади, почти сразу обреченно-грустно обратился к Сэму, в бюрократически выдержанных фразах объясняя обалдевшему хозяину заведения, что доблестная милиция планирует у него провести небольшую операцию по задержанию серийного убийцы.

Втиснувшись обратно в подсобку, я наскоро переоделась. Левка, корректно изображающий, что его тут даже и нет, медленно вслух размышлял, что ему со мной делать:

— Френд должен следить за зданием. И за тобой. Ну, позвону я Лорду, примчится он и запрет тебя в Особняке. Шума будет как от салюта. Есть тут недалеко две наших квартирки. Посадить тебя в одну из них под охрану?

Так не исключен расклад, что Френд уже знает, где твоя нора. Не придешь — всполошится, и поминай как звали.

— Не волнуйся, я спокойно залезу в нору и все.

— Одну твою нору Френд уже разгромил. Может, изобразить, что ты у кого-то осела? К себе не могу позвать, у нас столько народу натискано, места нет. Да и малыши, опасно. К Нине Андреевне я не рискну сунуться. Да еще и с особой женского пола. Отправить тебя к Бирману? У него места много, только я не уверен, что он сам тебе шею не свернет от радости встречи.

— За что мне шею сворачивать?

— Лорд набег на его квартиру организовал, был уверен, что ты у него прячешься.

— Так, может, логичнее Лорду шею свернуть?

— Ты шею Лорда видела? Сравни со своей.

— Мило... Левка, слушай, я чудненько обходилась все это время, и ты не думай, я не ротозейка какая. Я очень осторожна, меня теперь непросто выследить. Но, понимаешь, мне обязательно нужно хорошенько выспаться. Я сейчас по жесткому режиму живу, если не посплю, буду на ходу отключаться. Я вам нужна бодрая и полная сил, а не вафель с клюющим носом. Танцевать мне в любом случае придется.

— Да уж, я, пожалуй, еще на это посмотрю. Знаешь, как я тебя нашел? Только не смейся. До меня слухи дошли о твоих танцах. Я всякой чертовщиной интересуюсь с целью ее объяснения исключительно психологией. Вот и решил своими глазами взглянуть.

— Тебе понравилось?

— Ритка, понравилось — несколько не то слово. Я бы хотел понять, как ты это делаешь. Посмотреть реакцию разной публики, на разную музыку, в разных залах. Когда ты устала и когда полна сил. Как у тебя получится с живым оркестром или, например, под вокал.

— Ясно. Электроды на башку. И в лабиринт.

— Ну что ты заладила про электроды. Глупость какая-то. Наблюдения, размышления, записи подробные.

— А чтобы получить кашку, мне надо будет нажать на кнопочку в углу.

— Да ну тебя. Кто бы мне вот сказал, на какую кнопочку сейчас нажимать.

Мы препирались еще с полчаса. А потом я провела для Левки мастер-класс по пешему путешествию до норы по ночному городу. Немного более экстремальному, чем обычно, но Левка сам на это напросился.

Думаю, таксист надолго запомнит пассажира, обрадовавшегося его машине так, словно это был космический корабль, причаливший к необитаемому астероиду после двадцати лет тщетных надежд.

51. Курица и негоцианты

Планировалось, что я прибуду к Бирману вся из себя этакая-растакая. Но едва я отошла от вестибюля метро на то расстояние, после которого уже не повернешь обратно, хлынул дождь. В результате к моменту моего прибытия к громаде сталинки, в которой обитал опер, лучше всего мой вид описывало словосочетание «мокрая курица». Хорошо хоть торты теперь выпускают в пластмассовых коробочках. А то был бы сюжет для комедии: идет тетка с размокшим тортом, торт шлепается ей под ноги, она падает сверху, все смеются.

У меня была мысль предупредить о своем приходе, но умные мысли — это не стиль мокрых куриц, поэтому Бирмана, открывшего дверь, поджидал сюрприз в виде радостно улыбающейся меня.

Непроницаемые стальные глаза не улыбнулись в ответ. Сергей посторонился, пропуская меня в прихожую. Я протянула ему торт, и после колебания он осторожно перехватил его снизу.

Из коридора в прихожую попытались одновременно протиснуться две мощные фигуры. Первым пропихнулся Влад с заметно отросшей щетиной. А вот следующий участник сцены поверг меня в полное изумление. Это оказался Лорд. Лорд в заношенных коротких джинсах и дырявой растянутой футболке, с обычной мужской лохматостью на голове без намека на благородную волну волос. Кажется, чемпионат по сюрпризам я проиграла.

Троица разглядывала меня молча, и я не выдержала:
— Что-то случилось?

Лорд вытащил из заднего кармана пачку сложенных пополам купюр. Выбрав сотенную долларовую бумажку, он протянул ее Сергею:

— Ваши сто баксов, пожалуйста.

Бирман скривил уголок рта и обратился к Владу:

— Думаешь, это можно считать телом?

Влад ловко выхватил купюру из руки Лорда и бережно убрал в нагрудный карман рубашки:

— Можно, конечно. Самое настоящее тело. Немного нетипичное, само ходит и говорит. Давай треснем ему по башке, и будет полный порядок.

Я переводила взгляд с одного мента на другого, но, кажется, никто не собирался мне ничего объяснять. Да и пожалуйста. Сидите одни со своими загадками. Сделав широкий шаг назад, я сделала попытку попрощаться:

— Ладно, я, пожалуйста, пойду. Извините, что побеспокоила.

Лорд и Влад одновременно завопили: «Держи ее!». Бирман ловко подставил мне подножку и, перехватив за талию, усадил на маленькую скамеечку. Совершенно не похожий на себя Лорд нормальным человеческим голосом объяснил:

— Вчера девушку одну зарезали. Мы сегодня в морг на опознание ездили, думали, это ты. А потом поспорили. Я проиграл, поскольку, очевидно, что твое тело мы нашли.

Я недоуменно покосилась на Бирмана:

— Но я же позвонила тебе.

— Птичка, это было десять дней назад. Мы не знали, что и думать.

В голосе Сергея был и упрек, и облегчение одновременно.

— Но с чего вы взяли, что это меня зарезали?

— Не догадываешься? Где искать девушку, за которой охотится серийный убийца и которая не дает о себе знать? Мы третий день сводки по всем моргам города и области проверяем в поисках тебя.

Мне стало неловко. Обычно я предупреждала о своих отлучках или планах только Энского, да и то не всегда.

Мне и в голову не пришло, что кто-то из-за меня волнуется.

— Простите. Я не подумала.

— Мы уже поняли, о чем ты не думала. Интересно, о чем же ты все-таки *думала*. Раздевайся, вон те тапочки-зайчики возьми и иди в ванную, в конце коридора. Ты вся мокрая. Я тебе что-нибудь переодеться принесу.

Я не сразу сообразила, что подробные указания Бирмана касательно того, где что находится в квартире, предназначены для ушей Лорда. То есть мне нужно быть внимательной, чтобы ненароком не спалить Сережу. Интересно, как он объяснит появление в доме удобного спортивного костюмчика как раз мне по размеру? Любому здравомыслящему человеку должно быть ясно, что такая вещь никак не может относиться к гардеробу Алисы, кем бы она ни была в жизни Бирмана.

Большая часть дел мира вершится в отдельно взятых кухнях. На этот раз Сергей усадил меня в угол, в то время как он сам и Влад с Лордом расположились этаким широким барьером, перегораживающим выход. Мне было не по себе от внимания трех пар глаз. И я первым делом выпалила самое главное:

— Завтра Френд будет на представлении в клубе «Андурит».

Лорд уронил ложечку на пол, и она издала жалостливое «дзынь-ля-ля». Стальные глаза сделали попытку разрезать меня на кусочки. Влад только сокрушенно покачал головой. После паузы Лорд спросил:

— Ты его лично пригласила? Или билет по почте послала?

— Да нет. Я договаривалась с Сэмом насчет следующего вечера, а Френд рядом стоял и слушал. Он специально всех растолкал, чтобы это узнать, я уверена.

— Ты не обозналась? Близко его видела?

— Примерно как тебя.

Лорд вскочил, и его черные глаза метнули пару молний:

— Ты идиотка, Маргарита! Безмозглая курица! Тебе жить надоело? Зачем ты к нему полезла? Чтобы он тебя кокнул? Героиней криминальной хроники стать захотелось? Мечта о славе заела? Обнаружен труп молодой женщины с перерезанным горлом! Думаешь, это будет весело?

Бирман без всяких эмоций в голосе ровно заметил:

— Птичка, там много людей было? А если бы он прямо там на кого-нибудь напал на почве съехавшей крыши? Ты же обещала, что будешь сидеть в норе...

Влад смотрел на меня с такой укоризной во взгляде и неодобрением на лице, что ему, собственно, можно было ничего и не говорить.

Я машинально начала лепетать оправдания:

— Вы не поняли, я никуда не лезла, я не собиралась ничего, чтобы напал кто-то, никакой славы, но чтобы вспомнили меня, тогда было бы можно попробовать найти...

Я поняла, что несу чушь, и замолчала. Опустив глаза, я в голове мусолила огрызки объяснений, а громы бушевали над моей головой.

Идиотизм, безответственность, глупость, безрассудность...

Толстые волчьи морды с трех сторон от маленькой курочки клацали зубами. Есть ли шансы на свободу, если курочка как выпрыгнет и как вцепится в одну из морд? По всему выходило, что шансов нет.

О, кажется, решают, что со мной делать. Хотите под сказку? Выкиньте меня на улицу и все дела. Я спрячусь в своей замечательной норе и больше не вылезу из нее никогда.

Потом я припомнила пару бесценных советов из учебников по разрешению конфликтов и начала вы-

кладывать из сумки рисунки и фотографии. Молча и спокойно.

Учебники не соврали. Мне удалось привлечь внимание. Влада. Великан с интересом взял в руки рекламку с изображением пены желтых кружев с торчащей из нее ногой. И занялся ее переворачиванием то так, то эдак в попытках понять, где, собственно, верх, а где — низ. Все, кто видят эту рекламку, занимаются именно этим. Сэма уверили, что это ловкий маркетинговый ход, но я уверена, что наврали. Обычная косорукость дизайнера.

Я вздохнула и ткнула пальцем в крупно написанные цифры:

— Представление в клубе начинается в семь. Более-менее интересные номера идут с полдевятого и еще примерно час-полтора. Публика обычно подтягивается в восемь-девять. Ресторан — отдельное здание, стоящее в небольшом скверике. С двух сторон — высокие заборы. Один — какого-то НИИ, там поверху такие штырьки с зазубринами, другой забор — завода, поверху кругляши колючей проволоки. Угол между заборами глухой, в него выходят двери кухни и запасного выхода. Это вот здесь.

Бирман, одарив меня мрачным взглядом, вроде бы стал прислушиваться. Лорд тоже замолчал, но не сел, а навис надо мной этакой темной, властной тучей. Я поехала, но максимально невозмутимо продолжила:

— Еще один забор — ряд бетонных плит, за ними обычная улица. Но он высокий, плиты установлены на стойках, и дырки внизу заложены. Так что перемахнуть через него не так-то просто, хотя возможно. Со стороны проспекта заборчик решеткой и невысокий. Вот здесь въезд на небольшую площадочку. Это vip-парковка. Всего десять машин влезает, остальные — где хотят вдоль дорог останавливаются.

Разложив на столе выклянченный у Сэма чертеж, я перешла к внутреннему устройству:

— В здании два этажа. Есть еще подвал, но в нем только трубы и провода. На чердаке пусто. То есть совсем пусто. Сэм надеялся там типа квартиру сделать, но с подведением воды и канализации не получилась, поэтому чердак стоит как есть. Собственно зал — почти весь первый этаж. Ну и кухня. Есть еще небольшой зал с кабинетами на втором этаже. И офис Сэма. Парочка лестниц, кладовок — собственно и все.

Приглядевшись к плану, Лорд со скепсисом спросил:

— И как мы этот цирк перекроем?

Ткнув пальцев в какие-то палочки на схеме, он обратился к Владу и Бирману:

— Особенно мне вот это нравится. Примерно как в сапера играть. Только подсказки с циферками не открываются.

Я вытащила наверх фото, стыренные из большого альбома «Наш клуб-ресторан»:

— Как вы это все будете перекрывать, дело ваше. Мне кажется, что нужно обязательно освободить вот этот проезд со стоянки, иногда его тоже забивают машинами. И внимательно проследить за всеми машинами на противоположной стороне проспекта. Посетители часто и там их бросают, и это хорошее место, чтобы ждать кого-то выскочившего из ресторана. Ну и самим быть готовыми, тут развернуться сложно, прямо здесь кусты растут, а дальше бордюр посередине проезжей части до перекрестка.

— Ратуйте! Пришла курица и учит уважаемых негоциантов вести бизнес.

В интонации Лорда было столько раздражения, что, умей человечество его концентрировать в полезную энергию, столица могла бы на одной этой вспышке полахать всеми огнями иллюминации целый месяц.

Кажется, внимательнее всего меня слушал Влад. Он ткнул пальцем в план первого этажа:

— Покажи, где будешь ты?

Я объяснила. Великан щелкнул пальцами и показал на местоположение подсобки:

— Нет, вот эту зону надо совсем закрыть.

— Почему? Если он сюда зайдет, ему уж никак не сбежать.

— Птичка, он может не хотеть сбежать. Ему важнее достать тебя. А потом он с чувством выполненного долга взорвется, например. Или откроет стрельбу, чтобы мы его пристрелили. Или аккуратно сдастся по всем правилам. Только тебе это будет уже все равно.

— Слушайте, хотел бы он меня угрохать, давно бы угрохал. Я не знаю, что ему от меня надо, но точно не горло мне перерезать.

Бирман с Владом переглянулись, и это меня насторожило.

— Вы что-то знаете?

Сереза посмотрел на меня, думая, что изобразил успокаивающий взгляд. На самом деле, от этого взгляда что-то внутри меня быстренько юркнуло куда-то в пятки. И затаилось там, мелко дрожа.

— Ритка, ты понимаешь, мы думаем, что он... охотится за тобой. Но не чтобы сразу убить, а чтобы... вступить с тобой в сексуальные отношения.

Выбранный Бирманом оборот речи меня почему-то повеселил.

— Так, может, мне... ну, как бы это сказать... вступить в отношения?

И понеслось... Лорда явно заклинило на теме моего идиотизма. На этот раз и Бирман, и Влад пытались вставить что-то успокаивающее в его пространную речь, но мистер Власть не остановился, пока не выговорился. Хватило минут на десять. Ладно, мальчики, думайте дальше, а мне уже пора. Как мне мимо вас незаметно телепортироваться?

Однажды в заштатном баре Осинка, зажатая несколькими подростками в укромном уголочке, применила нехитрый прием выхода, распахнув кофточку. Вертясь туда-сюда, пока те пялились с открытыми ртами на ее грудь, она постепенно просочилась на свободное пространство, с которого благополучно и улизнула.

Но мне такой способ, пожалуй, не подойдет...

Мне на помощь пришла Паша. Вряд ли, конечно, сознательно. Всего лишь так совпало. Материализовавшись в дверях кухни, бабушка скрипучим голосом перекрыла мерный рокот мужских баритонов и басов:

— Ой, мальчики, у меня бяда.

Мне показалось, или Лорд и вправду едва заметно вздрогнул?

— Ой, сотворила я бяду.

— Бабуль, что стряслось?

Бирмана слово «беда» нисколько не встревожило.

— Ой-ой, потеряла я глаза.

Я поймала себя на внимательном разглядывании безмятежных серых глаз Прасковьи Сергеевны. Я была не одинока. Лорд и Влад занимались тем же. Сережа со вздохом спросил:

— И куда ты их дела?

— Я же говорю — потеряла.

— Где потеряла?

— Спала и потеряла. Наверное, упали за кровать.

Не буду говорить, что я себе представила. Медиакультура приучает к буквальному воображению.

— Опять спала в очках? И как сны? Лучше видно?

— И не говори. Прямо плазма.

Я не сразу вникла в смысл сказанного. Почему-то представились сине-красные шары, летающие в супернавороченном реакторе. Способность к абстрактному мышлению и символизму стала основой развития чело-

вечества. Буквальность его погубит. Однозначно.

Бирман с очередным вздохом встал и, быстро обойдя бабушку, на мгновение скрылся в ее комнате. Потом раздраженно позвал друзей на помощь:

— Мужики, тут кровать подвинуть надо. Так не достану.

Лорд с Владом встали и вслед за бабушкой отправились на спасение «глаз».

Это был мой шанс. За широкой спиной Влада, на мгновение загородившей дверной проем, я быстро проскользнула в прихожую. Сняв с крючка мокрую куртку, я выбралась за дверь. Пусть сидят одни и думают, что хотят. И Левка хорош, обещал первым приехать, и где он? Кинул меня по-черному. Маленькую курочку на растерзание волчарам. Может, я и идиотка, но повторять это двадцать раз не обязательно...

Через пару минут я повторила слово «идиотка» по отношению к себе не менее означенных двадцати раз.

52. Психолог опаздывает

Левка вошел в квартиру Бирмана и с любопытством огляделся. Кусочки старых миров и судеб, угадывавшихся за предметами мебели, составляли вполне логичную мозаику. Только сам Бирман никак в нее не вписывался. Левка знал почему, но все равно эффект казался потрясающим.

Мрачное лицо хозяина дома выражало антонимы слов «радушие» и «гостеприимство». Аккуратно повесив плащ на вешалку и поставив ботинки на полочку для обуви, Левка прошел за Бирманом по длинному коридору и обнаружил остальных гостей, сидящих за столом вокруг нераспакованного торта.

— Она сбежала, да?

Лорд состроил гримасу:

— У нас тут бабушка *внезапно* очки потеряла.

Левка недоуменно посмотрел на друга, но тот не собирался давать объяснений. Тогда Левка пододвинулся к столу и аккуратно снял крышку с торта:

— Наполеон. Рита его любит. Ну, рассказывайте, что вы ей наговорили.

Лорд зло и коротко бросил:

— Ничего.

— Ясененько. И кто из вас громче орал, что она идиотка? Наверняка ты, Серго. Она успела рассказать, что к чему, или вы сразу отпрессовали ее так, что она предпочла слинять?

Бирман, хмурясь, спросил:

— Левка, ты знал, что она придет. Ты эту встречу из-за нее устроил?

— Да. Только она меня вчера так умотала, что я днем прилег немного вздремнуть и только час назад более-менее в себя пришел. Из-за этого и опоздал.

Лорд сощурил глаза и с легким наездом спросит:

— Что значит — она тебя умотала?

Левка рассмеялся:

— А ты о чем подумал? То и значит. Я с ней вчера вечер и полночи провел. В результате физически и морально ослаб. Совершенно фантастический опыт. Никогда ничего подобного не испытывал.

В полной тишине очень довольный собой Левка хозяйски налил себе чаю и отрезал большой кусок торта.

— Ты что, нашу птичку, того... этого?

В голосе Влада отчетливо прозвучали угрожающие нотки. Через мгновение вовремя среагировавший Бирман успел вцепиться в рвущегося к Левке Лорда.

— Серго! Стой! Это разводка!

Левка невозмутимо откусил торт и запил его чаем. Лорд, немного взяв себя в руки, высвободился из захвата Бирмана и грубо бросил:

— Однажды ты, Левка, довыдываешься.

Подождав, пока взлохмаченный мистер Власть плюхнет обратно на стул, Бирман мрачно обратился к жующему Левке:

— Развлекаешься. А за ней убийца ходит. Она сказала, что видела Френда.

— Так я его тоже видел. Совершенно чокнутый мужик.

После очередной долгой паузы Лорд упавшим голосом, почти шепотом, спросил:

— Левка, ну ладно, простительно Маргарите, глупой курице. Но ты-то, психолог гребаный. Ты-то что о себе вообразил? С твоим болевым порогом и обмороками от капли крови? Ты куда поперся, кретин?!

Левка упрямо тряхнул кудрявой копной волос:

— Так, я понял, почему Рита смылась. Похоже, мне тоже пора.

— Шас, разбежался. Я тебя не выпущу, пока все не выясню. Это ты ей все о деле выложил?

— Более-менее. Должна же она знать, что происходит.

Лорд вскочил и, обретая прежнюю властность, экспрессивно заорал:

— Левка, мы ее в морге искали! Думали, все, хана ведьмочке! Какого черта ты молчал, придурок?! Что, сложно было сказать «а кстати, ребята, у Маргариты все в порядке»?! Мы тут с Бирманом ночей не спим, волнуемся, озолотили киоск с сигаретами на углу. А ты, гаденыш, ей за нашей спиной тайны следствия выбалтываешь!

Левка поднял глаза и с изумлением спросил:

— А ты что, теперь и живешь у Бирмана? Здесь?!

— Здесь! Не отвечай вопросом на вопрос! Ты почему ничего нам не сказал о Рите?!

— О Рите я до вчера и сам ничего не знал. Почему ты живешь здесь?

— Бирман пустил, вот и живу. Отвяжись. Как ты Риту нашел?

— По танцам.

Лорд с размаху сел на табуретку и снова перешел на тихий вариант голоса:

— По каким танцам, Левочка?!

— Ты знаешь, я не спец, даже не знаю, как это называть. Точно не балет, там такие тапочки специальные. Не степ, там туфли лаковые с набойками. Ну, обычные танцы. Девушка выходит и танцует под красивую музыку. Босиком.

— И причем здесь Рита?

— Как причем? Она и танцует. Не понял, почему она это дело забросила, но рад, что увидел хотя бы раз. Это очень... интересно.

— Лева, не нервируй меня. Я на взводе и честно тебя предупреждаю — дам в морду. Объясни все толком.

— Так я же объясняю. Рита вовсе не собиралась ловить Френда. То, что он ее нашел, шокировало ее ничуть

не меньше, чем вас. А весь этот цирк был затеян из-за тебя, Бирман. Я так понял, что это ты подкинул ей сумасшедшую идею найти каких-то ее старых знакомых. Она их называет «господа Неизвестные». Она потеряла с ними связь, но надеется, что, услышав о возвращении Несравненной Ривки, они сами к ней придут. И она сможет узнать что-нибудь о Френде. Ну, то есть, это был первоначальный план. Неизвестные не нашлись, зато объявился сам Френд.

Лорд скатал бумажную салфетку в шарик и серьезно спросил:

— Еще раз. Несравненная Ривка — это кто?

— И эти люди — цвет отечественного уголовного следствия? У тебя бессознательный припадок тупизма? Несравненная Ривка — это и есть Рита. Она несколько лет назад по клубам под этим именем танцевала.

Бирман мрачно скривил уголок рта:

— Вот поганка. И она все время после освобождения из Особняка танцами занималась?

— Всю последнюю неделю точно.

Лорд положил бумажный шарик на метательную конструкцию из собственных пальцев и запустил снаряд в сторону Левки. Тот попытался уклониться, и шарик застрял в кудрявом локоне. Получилось похоже на экзотическую жемчужину. Довольный и этим, Лорд начал скатывать новый снаряд. Бирман задумчиво заметил:

— И она ни разу никому не позвонила.

— Ну, вчера она при мне некоему Энскому звонила.

Бирман поразмышлял с полминуты, потом с искренним интересом спросил:

— И кто это?

— Знаешь, он не высунулся из трубки, чтобы предъявить мне документы, предоставить сведения о регистрации, номерах телефонов, имеющейся недвижимости, ав-

томобилях и объяснительную записку о том, какие отношения его с Ритой связывают.

— А жаль. Это многое бы упростило. Ладно, черт с ним. Ты знаешь, где Риту найти?

— Знаю.

— Ну?

— Что мне за это будет?

— Бить не будем. Хорошие зубы, знаешь ли, дорого стоят.

Левка попытался улыбнуться, но холодный огонек в стальных глазах подсказал ему, что сказанное не было такой уж шуткой.

— Ладно. Она в подъезде на подоконнике третьего этажа сидит. Да-да, и не надо на меня так смотреть. Она слишком торопилась смыться и ушла в тапочках-зайчиках. Смешных таких, тряпочных, с длинными ушами. Вы не заметили, что ее ботинки в прихожей остались? А на улице не месяц май.

Лорд облегченно вздохнул:

— Господи, спасибо тебе, что ты так вовремя лишил эту курицу остатков мозгов.

После того, как мистер Власть сорвался с места и рванулся в прихожую, Бирман опустил голову, сложил руки у груди лодочкой и грустно попросил:

— Господи, а нельзя вернуть мозги этому идиоту?

А потом, не меняя интонации, спросил:

— Левочка, дружок, так все же, чем это вы с Риткой занимались вчера вечером? От чего это тебя так утомило?

Серые глаза были абсолютно спокойны. И Бирман просто так сделал почти неуловимое движение правой кистью, словно разминая руку. Но Левке отчего-то стало неуютно. И одиноко. Отсутствие Лорда вдруг остро почувствовалось.

— Я не хотел Ритку одну в нору отпускать. Ну и... проводил. Подозреваю, она специально меня тащила

по самым гнилым местам. Обходными и кружными путями. Через рельсы, притоны, свалки, стройки. Я такой заряд адреналина получил, что мне лет на пять хватит. За четыре часа узнал об этом городе больше нового, чем за всю сознательную жизнь. Как будто попал в параллельный мир. В компьютерную игру. Только с реалити-эффектом.

— Мы сегодня с утра одним таким реалити-эффектом любовались. Черт, Левка, столько времени ушло. Что ты молчал утром? Да мог бы и вчера ночью позвонить. Сутки прозевали. Теперь нам в режиме аврала все делать, причем тихо и незаметно. Звони всем, у нас боевая тревога.

53. Ночь и день

Я подозревала, что Левка меня сдаст, но никак не ожидала представления, которое устроил спустившийся ко мне Лорд.

— Маргарита, слушай, не бери в голову, что я сказал. У меня нервы сдали. Я сегодня утром в морге передрейдфил. Главное, сразу понял, что это не ты, но все равно.

Небрежно бросив мою разбитую обувь в угол подоконника, Лорд молча стал стаскивать с моих ног плюшевых зверушек. Я промычала что-то вроде «ой-ну что ты-не надо-я сама», но он только сдержанно усмехнулся.

Нежные теплые прикосновения сильных мужских пальцев к моим замерзшим щиколоткам вдруг оказались неожиданно волнующими. Поглаживающие мягкие движения приятно успокаивали и... возбуждали. В том самом смысле. В чувственном импульсе изведать с властным красавцем нечто выходящее за рамки благопристойных отношений. Очень далеко выходящее...

Дожила ты, Рита, до того, что уже и на подоконнике от снятых тапочек тащишься. Говорили тебе, не бегай с сотрясением мозга по городу. Явно голова не на месте. Вроде я раньше таких задвигов за собой не замечала. Господи, хоть бы он ничего не понял.

Черные бархатные глаза улыбнулись чему-то загадочному. Наверняка понял...

Вставив поочередно мои ноги в ботинки, Лорд чуть высокомерно высказался:

— Купи себе новые сапоги или ботинки. В этих все равно нельзя ходить. Простудишься в этой рвани. Немногим лучше, чем в плюшевых зайцах по улице шастать. Холодно и сыро.

— Я забегалась совсем. А ты почему здесь?

— Ну, меня вроде как в ссылку отправили. Я теперь на Бирмана работаю. Временно, конечно. Ну, и пришлось из дома уйти, а то маман слишком уж по мозгам ездила.

— Зря ты так. Мамы — они все такие.

— Я тебя со своей маман познакомлю. И посмотрю, что ты тогда скажешь.

Пока я переваривала эту мысль, Лорд продолжил череду неожиданностей: легко поднял меня на руки.

— Цыпленок ты, худенькая такая. Ты вообще ешь хоть иногда?

Я оказалась в полном замешательстве. Нет, мне нравилось, как он меня держал, и вся эта забота в целом была очень приятной, но куда это нас заведет? Я интересую его в изначальном смысле как женщина? Неужели? Думаю, у Лорда должно быть подружек в избытке. Или он не так уж шутил, объявляя себя охотником за ведьмами? И что тогда обещает мне этот расклад?

Мысли уплывали. Слишком здорово было оказаться маленькой и хрупкой женщиной в уверенных мужских руках. Вот бы сейчас сбежать вдвоем куда-нибудь на теплые острова. В прохладное бунгало у синего океана. Сорвать одежду и... Так, Рита, быстро очухалась и выкинула всякие глупости из головы. Это властная аура на тебя действует. Нельзя поддаваться. В конце концов, это нечестно — пока сердечный друг болеет, фантазировать невесть что в объятиях другого мужчины...

Вероятно, почувствовав мое напряжение, Лорд вернулся к незаконченному нами в Особняке разговору. И я, заслушавшись, забыла о своих... сомнениях. Назовем это так.

Войдя в прихожую, Лорд поставил меня на ноги, но не перестал излагать своего видения места женщины в древнеримском обществе. Он считал, что главенство мужчин стало одной из основ империи. Тут я встряла

с напоминанием, что именно женщины обеспечивали стабильность домашнего хозяйства, то есть подчас фактически управляли немалыми поместьями и состояниями. Настроившись решительно побороться с наглым мужским шовинизмом, я еще вставила несколько ядовитых замечаний в длинный монолог мистера Власть о несовершенстве женской природы, и спор разгорелся по-крупному. Лорд легко цитировал общеизвестные источники, чем я похвастаться не могла. Зато могла говорить от лица женщин, как самовыбранный представитель прекрасной половины человечества.

Вскоре от галантности Лорда не осталось и следа. Сверкая черным взглядом, он перешел на личности и заявил, что я в силу недостатка образованности не могу знать, что чувствовали и хотели женщины две тысячи лет назад. Я парировала это тем, что уж ему-то в силу мужской узколюбости это тем более не понять. А заодно быстренько напомнила имена Корнелии, Сервиллии, Эвной и Тертуллы¹, чтобы мистер Власть не думал, что я совсем уж ничего не знаю.

Окончательно мы сцепились после того, как Серго упомянул о заключении браков по выбору отца. Я ляпнула, что, сколько женщину силком замуж не выдавай, любовь не отменить, и что женщины веками обманывали мужей-недоумков, отдаваясь любимым мужчинам по своему выбору. И заодно заботясь о нормальном генофонде, так как рожать надо от достойных мужчин. В ответ Лорд, размахивая руками, брякнул, что это только мое видение мира, определяющееся тем, что я шлюха. И, ни на мгновение не задумавшись, я вlepила мистеру Власть отличную оплеуху.

¹ Жена и любовницы Цезаря

Никогда не знаешь заранее, что пригодится в жизни. Определенно, у меня не вышло бы это настолько красиво, не натренируйся я в свое время с Дориком.

Не знаю, докатились бы мы до натуральной драки, думаю, вполне могли бы. Вмешался захлебывающийся смехом Левка. Встав между нами, он сквозь полурыдания напомнил, что мы, во-первых, не одни на белом свете, во-вторых, собрались не на заседание исторического кружка.

Лорд потер щеку, гордо выпрямился и ушел в кухню, все еще держа в руках злополучных зайчиков. Я виновато огляделась. Бирман и Денисов быстро спрятали улыбки, придав лицам невозмутимое выражение. Сергея выдавали смешинки в глазах, Влада — гримаса нижней части лица.

— Что смешного? — патетически спросила я, но ответа не получила. Махнув рукой, я села на скамеечку и снова разулась:

— И куда он поперся с моими пушистикami?

Нейролингвистам надо обратить внимание на эту фразу. В ней есть что-то нездоровое. Люди ведут себя неадекватно, услышав ее. Бирман с Владом, сгибаясь в три погибели, и хлопая друг друга по плечам, ушли в столовую, заполняя окружающую среду нечленораздельными звуками. Левка, борясь с собственными всхлипами, риторически спросил:

— Ритка, ты... ты... понимаешь, что делаешь?..

— А что я такого делаю? Я вам помочь пытаюсь, а вы — обзываетесь и ржете.

Первым пришел в себя Бирман. Усадив меня в столовой, он принес мне блюдце с куском торта, чашку чая и несколько книг в красивых суперобложках:

— Посиди полчаса, пока мы все обсудим. Это последние переводы. Англия, Германия, Япония. Ты наверняка не читала. А есть кое-что интересное.

Только когда во втором часу ночи тот же Бирман попытался отнять у меня сагу о сложных взаимоотношениях двух японских кланов, я сообразила, что он с самого начала не планировал никаких полчасиков. Я начала было возмущаться, но он только вручил мне большой сверток с бельем:

— Когда я устраивался в ментовку, никто не предупредил меня, что в качестве нагрузки придется еще и гостиничным бизнесом заниматься. Бесплатно и на дому. Я бы, наверное, передумал блистательную карьеру опера начинать. На диване Лорд расположился, так что тебе — детская кроватка в маленькой комнате. Может, Левка и прав, надо было бы тебя в нору отправить, под прищотром. Но мы со всеми твоими выходками так издергались, что не готовы тебя отпустить. И имей в виду, ботинки твои я выкинул. Так что без глупостей.

— Я могу в чужих уйти. Или вообще босиком.

— Птичка, я не сомневаюсь, что ты можешь хоть нагишом уйти. Или даже выпрыгнуть в окно. Но давай будем разумными людьми. Завтра тяжелый день. И тебе нужно как следует выспаться. Ты же сама Левке это внушила. Так что ложись и спи.

Легко сказать. Я честно пыталась заснуть. Но даже через две двери слышала напряжение в громких мужских голосах, телефонные звонки на разные лады, звонки во входную дверь, хождения по коридору и периодически перекрывающие все властные интонации в голосе Лорда. Обнаружив на стенке небольшой ночник, я вернулась в уютный и спокойный мир чередующихся синдзю и сэппуку¹.

¹ Ритуальные японские самоубийства.

Бирман заехал домой переодеться и перекусить около полудня.

— Спит? — коротко спросил он у Левки, выглядящего ровно так же, как и вчера вечером: чистенько и аккуратно. Хотя де факто он оказался вроде как в заложниках ситуации — умчавшиеся в разные концы города оперативники после некоторых сомнений оставили его в качестве «охранника», решив, что в более важных вопросах проку от психолога нет.

Левка, только что в пятый раз объяснивший сестре, что он выполняет важное правительственное задание и не может вернуться домой немедленно, важно кивнул:

— Ага. Книжкой прикрылась и дрыхнет.

Подождав, пока Бирман уничтожит содержимое кастрюльки из холодильника, Левка приступил к расспросам:

— Серега, а откуда ты знал, что она впадает в анабиоз, когда читает? Ты ведь не просто так ей книжек принес.

— Не знал. Решил ее занять чем-нибудь на время.

— Забавно, как люди палятся на мелкой ерунде. Там в столовой в витрине внизу медведь сидит. Это чей?

Бирман одарил психолога очень-очень внимательным взглядом. Но ответил:

— Это любимый мишка Алисы. Она с ним не рассталась лет с пяти и до пятнадцати. А что?

— Пойдем, посмотришь. Алиса — это та фурия, что направила на Лорда спецназовцев? Скажи, она вяжет на досуге крючком? Шарфики? Таким замысловатым узором?

— Я не в курсе.

— Видишь, на медведе шарфик намотан? Веселенький такой. У Риты есть длинный желтый шарф с точно таким же узором и такими же кисточками.

Бирман вспомнил шарф, но не мог сказать наверняка, был ли у того шарфа такой же узор. Не пытается ли Левка блефовать?

— Совпадение.

— Хм, совпадения... Совпадение, что у твоего друга случился роман с Аишей, и ты оказался в курсе расследования Лорда. Совпадение, что Аиша рассердилась, и Лорд собрался в набег на твою квартиру. Уверен, что никто не мог этого знать. Интересно, что совпало так, что Рите все же удалось уйти?

Сергей грустно улыбнулся:

— Звезды выстроились в фигурку индейского домика «фигвам».

— Твоему другу не до шуток. Он влюблен и ради любви готов на все. Но теперь девушка его мечты и слышать о нем ничего не хочет, потому что думает, что стала жертвой чудовищного обмана. Самое печальное, что я ей это подтвердил. Знаешь почему? Рита вроде и не хотела, но невзначай проболталась мне и Лорду о куче разных вещей. Ну, как обычно бывает, милые оговорки, неожиданные воспоминания о том, где ее не было, случайные замечания о том, чего она и знать не должна. Но она ни разу, ни словечком, ни взглядом не выдала тебя.

— Может, потому, что выдавать было нечего?

— Я тоже так решил. Но теперь понял, что ошибся... Бирман, люди редко мне лгут. А если лгут, я об этом знаю. Ты, например, инстинктивно уходишь от прямых ответов, чтобы откровенно не врать, но и правды не говорить. И по тому, как именно ты скрытничаешь, понятно, где собака зарыта. А вот Рита легко сделала из меня дурака. Главное, ты ведь меня честно предупредил: с ней все не так, как кажется. Но я все равно попался...

— Некогда, Левка, теории разводить.

— Только одно, последнее. Ты подсказал мне ее слабое место. Хотя можно было сразу догадаться. Интенсивное восприятие должно компенсироваться адекватным отдыхом. Поэтому Ритка полностью отключается, когда спит или читает. Понимаешь? Она действительно ничего

не слышит и не чувствует. И с ней можно сделать что угодно. Это опасно для нее, поэтому никто и не знает, где у нее нора.

— Опасно для нее — быть сыром в наших мышеловках. Давай спасем ее от семейного монстра. А в остальном потом разберемся.

Бирман уехал. Приехал Гончаренко с большим свертком. Внутри были кусочки ткани и кожи, большое количество веревочек и шнурков, а также осторожно завернутый в газету комок волос. Отчаянно махнув рукой и сообщив, что он все равно не понимает, что с этим делать, Гончаренко умотал куда-то дальше.

Примчалась Аиша с толстым черным пальто и красивым фирменным пакетом, в котором едва умещалась огромная коробка с обувью. Немного поволновавшись, что вряд ли пальто подойдет ведьме по размеру, Аиша тоже исчезла.

Явилась энергичная женщина, назвавшаяся сестрой Влада. Поглядев на спящую Риту, Лелька провела полчасика у бабушки, после чего быстро мобилизовала психолога разогреть и подать для бабушки обед из трех блюд.

После отбытия строгой докторши обалдевший Левка еще минут пятнадцать размышлял, не наступил ли он случайно в какую-нибудь кроличью нору? И, вообще, водятся ли в городе кролики? И есть ли здесь вышеозначенные норы? Или, может, функции нор выполняют канализационные люки? Не окажется ли все случившееся сном? Типа оступился Левочка и лежит башкой вниз в каменном колодце?.. Устроился, называется, на тихую и спокойную кабинетную работу...

Я проснулась в три часа дня. Два часа я потратила на одевания-причесывания-приготовления, оккупировав ванную и полностью игнорируя все стуки и просьбы

из-за двери. Наконец, я в полном «боевом» облачении вылезла, и еще полтора часа Левка отвлекал меня беседами насчет объективности восприятия реальности. Я слушала плохо и почти не отвечала, мучаясь ощущением попадания в зону вне времени. Каждый тик-так старого будильника казался ударом маятника гигантской невидимой башни над городом. И между каждыми двумя ударами я словно успевала прожить небольшую жизнь. А потом, в один из ударов, время оторвалось с привязи и стало совершать огромные скачки, не оставляя ни секундошки для осмысления происходящего...

Когда в кухню протиснулся высокий элегантный мужчина, я, как бы это помягче выразиться, обалдела. На чемпионате по сюрпризам мне не пройти даже квалификацию.

На Бирмане были обычные джинсы и темная рубашка-поло. Просто, модно и стильно. Добавляем небритость, словно срисованную из гляцевых журналов про ковбоев. Белую цепочку на шее. И очки. Очки в красивой серебристой оправе со стеклами овальной формы. Я бы сказала, такие носят писатели. Или ученые...

Вроде полагается девушкам наотмашь поражать мужчин переодеваниями? Эй вы, Мойры, узелки перепутали? Это должен быть мой выход!

Рядом с Сережей я выглядела нелепо и вульгарно. И положение даже не спасала снятая совсем повязка. С пелериной я была похожа на клоуна в пышном воротнике. Без нее — на отвязную нимфу из «Школы здоровья» Одоевского.

Как было бы здорово, если бы можно было пригласить опера сходить куда-нибудь без всяких лишних мыслей об убийствах. Я бы одела красивое платье с летящей юбкой и простым, но элегантным лифом. И какое-ни-

будь ожерелье — стильное, яркое. Мы бы с Сережей хорошо смотрелись вместе. Посидели бы как люди, поговорили... Додумав то, что бывает после таких посиделок-разговоров, я невольно покраснела. Некстати вспомнилась Лелька с предупреждением вести себя прилично. Курица ты, Рита, безмозглая. Сиди уже в своем желтом сраме и выкини все ненужное из головы.

Рассмотрев меня, Бирман хмыкнул. Я понимаю, Сережа, понимаю. Но из этой песни слов не выкинешь.

— В кои-то веки я собрался в злачное место, но оттянуться не получится. Мужчины, сопровождающие тебя, должны быть достаточно трезвы, чтобы драться.

— Драться? Я думала, вы его арестуете?

— Ты, Ритка, чудная. Разговариваешь мудреными метафорами. А простых комплиментов не понимаешь.

— Это комплимент был? Про драку? Я не поняла, но спасибо.

В прихожей меня поджидал очередной сюрприз. Бирман не шутил про выброшенные ботинки. Вместо них мне вручили пару новых сапожек. Зимних. С мехом внутри. На невысоком, но тонком каблуке. Подходящих по размеру, но наверняка слишком теплых. Моя милиция обо мне заботится. Спасибо... Новой обувью я всегда стираю ноги. В кровь. И это, разумеется, то, чего мне, танцовщице, не хватало для полноты ощущений...

Зато от стоящей у подъезда фантастической машины я тихо выпала в осадок. Я точно ничего не перепутала? Может, кто-то из физиков обдолбался и случайно поменял местами альтернативные вселенные? Мы поедем или все-таки полетим?

— Круто. Как это называется?

Бирман ответил, явно наслаждаясь моим восхищением:

— Ламборджини. Но ты не думай, это не моя. Одо-
жил на время у Алиски. Нужна приметная машинка,
а Лорд свою уже засветил.

— Слушай, а Алиса — она кто, вообще?

— В двух словах не объяснить.

— Ясно. А в четырех?

— Потом, все потом. Пора, птичка. Вдохни. Выдохни.
И поехали.

54. Большой концерт

Во всяком самом безупречном плане есть изъян. И если план срабатывает, это не значит, что дефекта нет. Он пока не проявился. В моем плане воскрешения Ривки изъянов было как звезд на куполе планетария. Они ждали своего часа. И в один конкретный вечер не замедлили высветиться все разом.

Я почти не заметила дороги до клуба. Казалось бы, еду по улицам одного из самых дорогих городов мира на сногшибательной машине. Рядом — красивый интересный мужчина. Где-то неподалеку следует охрана. И еду не куда-нибудь, а в известный ночной клуб-ресторан. Все прожигательницы жизни умирают от зависти. Что ж так хочется бросить все и слиться потихому в далёкий провинциальный городок?

В подробности сценария меня не посвятили (Сыру знать устройство мышеловки не обязательно). Поэтому я была второй раз за день шокирована, когда дверцу машины открыл элегантный Лорд. В светлых брюках и шелковой рубашке «а ля рюс» навывпуск. В золотых очках модели «Лаврентий Палыч». И с серьгой в ухе. С золотым колечком, аккуратно охватывающем мочку уха. Отпад...

Опять же, и почему на мне одето не вполне приличное недоразумение? Так бы подошло маленькое обтягивающее платье с заманчивым, но приличным декольте. И сумочка-конвертик. И лодочки на шпильке... Кто бы мне раньше сказал, что кавалеров надо искать в уголовном розыске. Мэл смеялась бы минут пятнадцать. Минимум...

Вечер шел своим чередом. Френда не было. Началось представление.

За пару номеров до своего выхода я поняла, что по-серьезному волнуюсь. С чего бы это? С того, что мне не плевать на мнение тех, кто мой танец увидит? Когда такое было в последний раз? Не помню. В школе вроде был спектакль, где я была третьей ромашкой справа во втором ряду. Мама приходила, и я волновалась, что забуду слова песни, которую все двадцать ромашек пели хором.

Я уже стояла за кулисами, когда сзади на мои плечи легли теплые руки, и мягкий голос Левки проговорил в самое ухо:

— Рита, не волнуйся. Я поменял музыку. Не думай больше не о чем. Иди и танцуй. Станцуй для меня. То, что ты слышишь. То, что ты чувствуешь.

Я сделала три небольших шага вперед и оказалась перед собравшейся публикой. Ранящие душу звуки поплыли над залом. Страстные и страдающие, холодные и обжигающие, тихие и заполняющие собой мир. Выбор Левки меня ошеломил. Мы же в клубе, а не в соборе каком-нибудь. Здесь люди пожрать собрались, а не о вечном поплакать. И эта музыка не нуждалась в танце. Она была прекрасна сама по себе.

Столетия битв за жизнь и счастье. Возвышения и падения. Экстаз и предельное отчаяние. Богиня Времени сокрушает все. Рассыпаются в пыль руины городов, разносится ветром прах старых библиотек, забываются судьбы, погибает любовь, и босоногая богиня смеется над надеждами и мечтами людей. А потом приходит новое мгновение, и богиня возрождает все снова: великие цивилизации, гениальные книги, мудрых магов и вечную любовь. Нескончаемый рисунок колец и спиралей сплетается в ткань мироздания, а богиня все танцует и танцует...

Я замерла. Последний звук растаял где-то в зале.

Левка улыбался мне неземной улыбкой. Чудак, убери это выражение с лица, а то толпа с большим крестом

и терновым веночком из-за угла подтянется, а мне роль любой из Маш при твоём искалеченном тельце совсем не улыбается. Я серьёзно.

Лорд торжественно протянул мне большой букет темно-красных роз. Раскрывшиеся чашечки цветов ещё хранили волшебный аромат, но процесс разрушения уже был запущен.

— Спасибо, Серго, но... можно я их отдам кому-нибудь? Не обижайся, но я срезанные цветы не люблю. Они мертвые.

Чёрные бархатные глаза изумились:

— Да ты что, они свежие, я специально заказал сегодняшней срезки.

— Все равно.

Почему я не додумалась предупредить, что не надо дарить мне цветов? А с другой стороны, если бы никто и не планировал дарить мне цветов, как бы это выглядело с моей стороны? Как разводка на то, что я хочу, чтобы мне подарили цветы. От которых я все равно бы отказалась. Замкнутый круг.

Интересно, видел ли Бирман мой танец? Куда он подевался?

После короткой неразберихи сыр в компании кавалера с серьгой занял один из лучших столиков в центре зала. И углубился в тонкости средневековых традиций целомудрия. Вероятно, это мой костюм навеял Лорду такую специфичную тематику. Откровенно разглядывая мою грудь, мистер Власть вещал что-то о чувстве достоинства у женщины и необходимости соблюдения нравственной чистоты. Честное слово, ещё немного, и он договорился бы до очередной оплеухи. Но тут я отвлеклась.

Толстый лысый мужчина в заметном подпитии, вольготно развалившийся у барной стойки, слишком при-

стально рассматривал меня. Вспомнит? Узнает? Подойдет?

Все три ответа оказались положительными. Мужчина сполз с высокого табурета и направился прямоком ко мне. Судя по движениям незнакомца, он уже успел хорошо накачаться алкоголем. Небрежно прихватив тяжелый стул от соседнего столика, он уселся напротив меня так, как если бы Лорда рядом не существовало. Я почувствовала, как где-то сзади напряглись спины оперативников.

— Деточка моя, я к тебе.

Я быстро накрыла руку Лорда своей ладонью. Сжав пальцы, я послала спутнику мысленный сигнал не двигаться, не отрываясь в то же время от мутных глаз нового участника представления. Икнув, мужчина перешел сразу к откровениям:

— Детка, ты помнишь дядю Геру? Помнишь, сладенькая, как мы с тобой развлекались? Ты такая славная девочка.

Бедные люди — охотники. Расставляют ловушку для кабана, а через нее напролом ломится медведь. Перестраивают все под медведя, а из леса выходит кабан. За чем мне теперь этот урод, когда охота идет за Френдом?

Между тем дядя Гера распустил слюни по полной:

— Курочка моя нежная. Пойдем со мной. Герочка все тебе отдаст, только станцуй еще разок для меня. Только для меня. Как тогда, помнишь?

— Не-а. Не помню. Расскажи.

Надо же, я еще не забыла зазывных хриплых интонаций, которые почему-то считаются возбуждающими. По моему, это исключительно штамп, затиснутый в головы мужчин литературой и телеком. Но Гера повелся, начав заполнять пробел в моей памяти:

— Мы с тобой веселились, детка. Очень хорошо веселились. Ты такая свежая, такая милая. Я хочу тебя. Пойдем, дядя Гера сделает тебе хорошо.

Я вонзила пластиковые ногти в дернувшуюся руку Лорда. Почему они решили, что именно мистер Власть будет выслушивать эти откровения? Бирману было бы проще, вряд ли его можно хоть чем-нибудь удивить из моего «веселого» прошлого.

— Я же не одна, милый. А ты слишком пьян.

Гера вытащил из кармана пачку денег и бросил ее на стол перед Лордом:

— Я перекуплю ее у тебя. Я хочу ее. Сейчас.

К моему ужасу с непроницаемым лицом Лорд выдал:

— Как насчет миллиона?

— Ха, всего-то. Пойдем, цыпочка, я тебя в шелк одену.

— Евро... — добавил Лорд, и Герочка начал смеяться.

Вытерев слезы, он наклонился к Лорду и доверительно поделился:

— Ты, молокосос, да ты хоть знаешь, что за эту бабу отдать можно? Я за нее двух человек положил. Надо будет, и тебя, теленочка, положу. Ха-ха. На заклятие.

Повернувшись ко мне, Гера добавил:

— А давай, милашка, как тогда: победитель получает все?

Неслышно подошедшая официантка принесла бутылку вина и уверенно налила красивые бокалы на тонкой ножке до половины. Вероятно, персонал хорошо знал вкусы дяди Геры и решил, что сделка состоялась. Глупо. Гера уже набрался крепких напитков. Зачем еще и вином лакироваться? Особенно, если и впрямь собираешься заняться любовными утехами?

Гера протянул мне бокал с вином, я его взяла, но поставила обратно на стол.

— Ну же, курочка, давай повеселимся. Давай, заведи нас. Попробуешь нашей крови. Я же помню, тебе это по вкусу...

Лорд вдруг сделал поразительную вещь. Он включил свою властность на другой уровень мощности:

— Гера, вам пора уходить. Отправляйтесь домой и ложитесь спать.

Лично мне захотелось немедленно выполнить все перечисленное. Причем маршем и с выкрикиванием приветственных лозунгов. Дядя Гера неловко встал, покачался, сделал несколько шагов в сторону, но потом отчаянным броском вернулся обратно:

— Курочка... без курочки не пойду...

Сокрушенно покачав головой, Серго грустно спросил у меня:

— И часто к тебе так цепляются?

Ой-ой, неужели Лорд еще ничего не понял? Кто кого здесь ловит? Бирман промолчал о моем позоре? Или откасался от затеи предупредить Герочку о близкой для него вселенской катастрофе в виде Френда?

Вспомнив о Френде, я осторожно оглядела зал. Может, он уже здесь? Яркие платья, костюмы, блеск драгоценностей расплывались пятнами, в которых я никак не могла сориентироваться. Кто из этих красивых людей на моей стороне?

Стальные глаза нашли меня сами. Бирман стоял у барной стойки и обнимал экзотическую девушку. Раскосый волевой взгляд Амазонки выразил что-то вроде поддержки. Спасибо, милые. А теперь подскажите, что мне делать.

Я повернулась к ним чуть боком и показала на уровне стула три пальца, потом, словно невзначай, поправляя прическу, резко провела ребром ладони по своему горлу. Потом показала четыре пальца и ткнула указывающим жестом в Геру. После короткого замешательства Бирман понял.

Сережа повернул ладонь правой руки вверх и качнул ей вверх. Встать. Нужно встать. Две руки сложились в лодочку, которая покрутилась влево-вправо. Танцы? Боже, он хочет, чтобы я прикоснулась к этому козлу? Ладонь показала на арку входа. Выйти.

О«кей. Пару раз плюнуть. Я еще и драконов ловить умею...

Я протянула к дяде Гере руку:

— Герочка, а пойдём-ка, милый мой, станцуем. Ну-ка, обними свою курочку и напомни, как это у нас с тобой было.

Лорд крепко сжал мои пальцы в своей ладони. Черные глаза пытались мне что-то сказать, но я ему только подмигнула, стрельнув глазами в направлении бара:

— Я сейчас вернусь.

Гера лихо опрокинул в себя вино из моего бокала. Вцепившись в мое плечо, он рывком вытащил меня из-за стола и крепко прижал к своему мешковатому телу. В некотором прошлом Гера наверняка был неотразим, но возраст и алкоголь брали свое: он не столько повел меня в нелепом танце, состоящем из хаотичных переставлений ног, сколько повис на мне, не в силах скоординировать свои перемещения. Единственное, что у него отлично получилось — ущипнуть меня за пятую точку.

Я приложила немало сил, двигаясь с Герой к арке входа. Окончательно окосевший «неизвестный герой моего романа» сделал две попытки втравить нас в неприятности, задевая по дороге другие пары. Но, к счастью, сопляки в этих других парах не посчитали нужным ввязываться в скандал.

Я не успела ничего сообразить. Едва мы переступили порог зала, Герочка оказался повержен на землю со стиснутыми в наручниках руками за спиной. Несколько крепких ребят в безукоризненных костюмах быстро вынесли его дальше в вестибюль и вбок, в служебные помещения. На сцене по-прежнему голосила певица, люди спокойно ужинали и решали свои проблемы. Никто ничего не заметил.

Я вопросительно посмотрела на оставшегося рядом со мной Гончаренко. Хоть какое-то утешение — на нем

был помятый костюм, явно знавший лучшие времена. Отцу трех детей-школьников не было дела до ресторанов и балов.

Григорий Семенович отрицательно покачал головой:

— Нет. Не показывался.

— Можно я выйду на пару минут? Подышу свежим воздухом.

— Давай, умничка. Только не одна, Серегу вон возьми.

55. Ведьма ручается

Выскочив на улицу, я резко вдохнула. Был бы снег, я бы, наверное, бросилась в сугроб. Днем я наотрез отказалась от обеда и теперь жалела об этом. Пожалуй, было бы лучше, если бы меня вывернуло. Еще полчаса назад я не могла объяснить себе, зачем так фанатично разыскиваю Герочку. Теперь поняла. Не было мучительной неизвестности. Осталось пережить мучительный стыд.

Я свернула за угол аккуратного здания и примостилась на лавочке, куда обычно выбегали с кухни скоротать минутку-другую поварята. Резкий осенний ветер холодил, но не мог остудить мои горящие щеки. Почти сразу передо мной возникла высокая фигура Бирмана:

— Рита, тебе плохо?

Нет, мне замечательно. Я счастлива узнать некоторые подробности своей биографии.

— Помнишь, ты сказал, что тебе надоело любоваться трупами моих бывших? Иди, любуйся не трупом, это последний мой бывший. Живехонек, как видишь, и даже прыток. Ты хотел его предупредить, пожалуйста: иди, предупреди.

— Да пропади он пропадом, птичка. Все ведь иначе.

Мне на колени легли листы с копиями нескольких газетных вырезок. И ксероксы рукописных протоколов.

— Я грешным делом думал о какой-нибудь оргии. Ну, напился, ну, перешли границы. Бывает. Но чтобы и тут ты мне пару трупов подсунула...

— Причем здесь я? Там партия наркоты пришла, специфическая, вот народ и обдолбался. Обычная драка была.

— Ага. Драка. За любовь некоей красотки. Двое убитых и семь раненых. А красотку так и не нашли. В прессу

твой псевдоним не попал, но Несравненная все равно исчезла... Документов у тебя никто не спрашивал, фотографии мутные, неразборчивые, да и макияжа на тебе килограмм. Из особых примет — желтый костюм и красная грудь. Да не прикрывайся ты, вон, читай, там прямо так и написано.

— Сережа, я не помню. Я ничего не помню. Я не собиралась танцевать. И уж тем более раскрывать, что я и есть Ривка. Но спяну меня потянуло показать класс. И я вылезла на помост, вроде сцены небольшой. А кто-то крикнул, что всех положит. Клянусь, я понятия не имею, почему и как все это случилось. Утром я в чужой квартире очнулась. Одна. И ушла тихо.

— И залегла в какую-нибудь нору.

— А что мне было делать? Я об убийствах узнала только через неделю, мне Осинка рассказала. Она еще выпытывала, что там да как. Я соврала, что ушла раньше, чем драка началась. И все.

— Ты знаешь, кто еще был в том клубе?

— Да откуда. Если я даже Геру не запомнила.

— Птичка, если есть что-то еще, что мне лучше знать, выкладывай сейчас.

Из кухни вывалился Сэм и засеменял ко мне, трагически всплескивая руками и качая головой:

— Убытки!! Разорение! Твои менты говорят, что им одного этого спеленутого мало. Хотят еще и завтра, и послезавтра, и до скончания времен какого-то другого ловить. Как я буду концы с концами сводить? Как хорошим людям объясню, почему они не могут поужинать у меня завтра?

Менее тактичный и вежливый человек так прямо и сказал бы: «Ну, ты, Марго, и свинья». И добавил бы еще что-нибудь непечатное. Люблю Сэма.

— Прости меня, Сэм, я и сама в шоке.

— У меня свадьба дочери на носу! А тут такое! Что скажут!!

Сэм горестно возвел руки к небу, отчего его живот заколыхался волнами, вызвав у меня улыбку. Не обращая внимания на продолжающиеся стенания, я повернулась к оперу:

— Бирман, умоляю, закрой глаза и уши. Или сделай вид, что тебя здесь нет. Пожалуйста.

Сережа удивленно и настороженно кивнул.

Я встала, нырнула пальцами под кожаный треугольник и достала два небольших сверточка. Протянув их Сэму, я пояснила:

— Скажи мне спасибо, что твоего идиота-лабуха вот с этим не засекали. Здесь с десятков доз. И расфасовано под продажу. Менты, конечно, за другим приехали, но и от такой добычи не отказались бы. Тем более что твой шумелка прямо одному из оперов и собирался это втюхать.

Бирман очень выразительно изобразил сфинкса, готовящегося засыпать меня кучей головоломных вопросов. Сэм настороженно посмотрел на опера, и я его успокоила:

— Не волнуйся, я за него ручаюсь.

По дернувшемуся уголку рта Сережи я поняла, что его забавляет ситуация, в которой ему требуется мое поручительство. Но он все же ничего не сказал.

Сэм брезгливо взял пакетики двумя пальцами и засунул их в карман пиджака. Горько вздохнув, он вдруг пожаловался:

— Вот же уродцы. Мало им плачу, что ли? Недостаточно прикармливаю? Так бездарно и такое дерьмо. Вот ты мне скажи, Марго, отчего так живем?

— Боимся жить лучше. У тебя, Сэм, пять детей и шесть внуков. Дети, считай, пристроены. Дочек замуж отдашь — зачем тебе этот ресторан? Слух был, корсаковские евреи барыжили за разумные деньги. Так почему не отдал?

— Жалко. Что я делать без него буду?

— Домой поедешь, сосватаешь себе жену. Ты уже три года как вдовец. Новая жена — новые мечты, новые силы. За океан слетаешь, брата повидашь. Давно же хотел, а время уходит. Отдохнешь, сил наберешься, а потом вернешься и новый ресторан откроешь. Лучше этого. Бабла у тебя хватит. Куража еще в избытке. И не стыдно будет кому из внуков подарить, когда совсем на покой соберешься.

Сэм задумчиво запустил руки в остатки некогда роскошной шевелюры и энергично почесался. Если кому нужно доказательство, что мы произошли от обезьяны — вот оно. Увидев это один раз, лично я перестала сомневаться.

— Ладно, скажу. Я с корсаковскими договорился. Только пока молчок.

Я обняла его и нежно чмокнула в обвисшую толстую щеку. Сэм поприжимал меня немного к себе (жениться, Сэм, однозначно пора жениться), потом выпустил и вздохнул:

— Ты особенная, Марго. Дай Бог тебе счастья.

Я улыбнулась до ушей. И Сэм, размякший от эмоций, со всей широтой души сдал меня, что называется, с потрохами:

— И насчет того дельца с наследством Одоевского — все будет хорошо. Я сделаю все, как ты сказала. Так что если хочешь, пусть менты этот гребаный сарай хоть сожгут. Корсаковские все равно собираются что-то новое строить.

Махнув рукой, Сэм бодро засеменил к входу в ресторан.

Бирман вцепился в мою руку и оттащил подальше от ресторана. Развернул меня к себе и, встряхнув за плечи, мрачно высказался:

— Как ты до двадцати пяти дожила, не понимаю. Тебя давно должны были кокнуть. Убийства, наркотики, шантаж. Что еще у тебя за душой, птичка? В этом городе есть хоть одна криминальная история, в которую ты не замешана?

— Ты неправильно все понял.

— Что тут понимать. Почему ты отдала ему наркотик?

— Потому что он не пустит его в дело. У него невестка беременная умерла от передоза, он любую наркоту ненавидит. И лабуха-неудачника выгонит, да так, что у того руки отсохнут дурь толкать.

Стальные глаза мне не верили. Ни единому моему слову не верили. Только где-то внутри ментовских мозгов составлялись списки сведений, требующих проверки, и вопросов, на которые я должна ответить.

— И я его не шантажировала, наоборот, подсказала, как защититься.

— А он разрешил тебе сжечь ресторан. Хороший компромат был у Одоевского. У Сэма две дочери. Которая из них?

— Да не в дочках дело. И это... это не мой секрет.

— Ага, не твой. Старший сынок твоего бывшего любовника уже разгромил и офис, и квартиру последней жены Одоевского. Там война идет настоящая. Наследнички сбились с ног свое сокровище разыскивать. Не знают, бедолаги, что ты первая до шляпной коробки добралась.

— Сережа, я не искала архив. Я знала, что Одоевский всегда хранит несколько тысяч под рукой. И в коробку полезла за деньгами.

— Врешь, птичка. Ты знала. Кто еще в курсе, что архив у тебя?

— Так он не у меня. Он за океаном. И никто не в курсе. Я и Сэму сказала, что видела только несколько роликов.

— А он, по-твоему, дурак?

— Нет. Поэтому не выдаст меня. Одоевский-сынок, как понимаешь, последний человек, с кем захочешь иметь дело в вопросах скользких фильмов.

— И с чего ты так добра к Сэму?

Слово «добра» прозвучало издевательски. Я замялась, но потом, то утыкаясь в стальной взгляд, то убегая от него, рассказала:

— Я когда из дома ушла, он меня часто кормил. Так просто, ничего взамен не хотел. Я приходила, а он ставил передо мной тарелку. И не объедков каких-нибудь. Нет, как себе и своим ребятам. Ты не думай, я стеснительная была, не злоупотребляла его добротой. Ну, может, раза три в неделю приходила. И вроде как отработать просилась. Но он всегда отказывался. Тут, правда, момент такой тонкий есть — я светлая, русская. Если бы в его масть была, он бы меня, наверное, на кухню взял бы. Та девчонка, которой я букет отдала, сюда за каким-то дебилом увязалась, а тот ее бросил. Сэм ее на дороге подобрал. Вот увидишь, он ей здесь мужа найдет, да так дело представит, будто чище невесты свет не видывал.

Бирман только зло сплюнул куда-то в сторону:

— Женщины у экранов плачут в три ручья. Трогательная история.

Я пожала плечами. Холодная осенняя погода не располагает к полемике. Особенно, если в качестве защиты от сырости и ветра использовать три кожаных треугольника и километр болтающихся шнурочков.

56. Поцелуй

Зазвонил телефон.

Бирман выслушал короткое сообщение, коротко бросил «во дворе», после чего крепко обнял меня за талию и втолкнул поглубже в тень, за деревья. Прислонив меня к толстому стволу старого ясеня, он зажал мой рот ладонью и тихо прошептал:

— Молчи.

Я замерла, стараясь не слишком заметно трястись. Через пару минут от ресторана в разные стороны разошлись люди Лорда, проверяя буквально каждый куст и каждую трещинку асфальта. Дождавшись, пока до нас дойдет Малышев, Бирман тихо скомандовал:

— Быстро возвращаемся, бегом.

И потащил меня к ресторану.

У бокового крыльца стояло три мента в пуленепробиваемых жилетах, касках и с автоматами в руках. Они быстро расступились, пропуская нас внутрь, после чего снова выстроились в стенку.

— Что происходит? — шепотом спросила я, но ответа не дождалась.

Пробежав через кухню, Сережа завернул к лестнице, ведущей на второй этаж. По ней спускался Лорд:

— Расслабьтесь, все чисто.

— Черт...

Бирман чистота разочаровала. Серго, повернувшись к нему, спросил:

— С днем рождения поздравить?

Голос Лорда выдал, что мистер Власть испытывает какую-то сильную эмоцию, но я не могла понять, какую именно. Волнение? Да, пожалуй, но не только. Бирман кивнул головой и непринужденно ответил:

— Поздравляю.

— Как, по-твоему, стоит она того, а?

— Выходит, что стоит.

Лорд засмеялся и превратился в обычного веселого парнишку:

— Значит, точно не знаешь. Левка должен мне двадцать баксов.

— Вот гаденыш.

— Блюдет свой маленький гешефт.

Лорд сбегал по ступенькам, в пару широких шагов преодолел разделявшее нас расстояние и с этакого разбега впился в меня жестким поцелуем. Я... растерялась. Один из летчиков-испытателей сверхзвуковых самолетов сказал что-то вроде: «Вы не знаете, что такое растерянность, если не были растеряны на скорости три Маха»¹. Уверена, этому наверняка мужественному парню не приходилось отражать такие вот насильственные поцелуи, когда некое тело в три раза больше по массе неожиданно впечатывает свои требовательные губы в ваш мягкий ротик.

Моим мозгам понадобилось несколько секунд, чтобы, во-первых, осознать, что происходит. Во-вторых, прекратить бесполезные автоматические попытки оттолкнуть незваного кавалера. А в-третьих, запустить программу «целоваться, так целоваться».

Я не была девушкой, одаренной от природы ярким сексуальным темпераментом. Но в играх мужчин и женщин у меня была неплохая практика. Я обвила голову Лорда нежными ручками, расслабилась телом, заставив мужчину подтянуть меня к себе еще ближе. И ответила

¹ Число Маха в воздухоплавании — отношение скорости летательного аппарата к скорости звука.

чувственным и манящим поцелуем. Немного усилия здесь, чуть-чуть проведем кончиком языка там, нижней губкой спустимся ниже. Лорд любил дорогие сигареты, но пользовался неприятной зубной пастой или любил специфические жвачки-конфетки. Надо ему потом намекнуть, что девушки таких экспериментов со своими вкусовыми пупырышками не любят.

Мистер Власть умел подчинять себе других людей, но пока не научился подчинять себе физиологические реакции своего тела. И обучения этому предмету он явно не проходил. Затеянная им провокация обернулась против него. Теперь он хотел меня всерьез. Я сделала едва уловимое движение бедрами и чуть прикусила его верхнюю губу. Понимает ли он, что теперь я контролирую ситуацию, а им управляет инстинкт?

Отлетев в сторону, я больно стукнулась сразу о несколько ступенек и осталась сидеть на лестнице.

— Ведьма!

В злом голосе Лорда я уловила нотку неуверенности. Бойся, придурок, бойся. Теперь не будешь бросаться на беззащитных девушек со своими идиотскими поцелуями.

Красное лицо Властелина Света пылало от гнева и возбуждения. А Бирман улыбался. Я просто не поверила своим глазам. Еще один джентльмен от слова «жулье». Хоть бы вступился за девушку, что ли.

Лорд нервно полез в карман, покопался там и резко бросил что-то Бирману. Сергей ловко перехватил звякнувший предмет в воздухе. Ключи?

— Отвези ее туда, откуда взял. Охрана уже на месте.

Два мента обменялись рукопожатием, крепким и дружественным, после чего Лорд удалился. Мда, молодцы!

Бирман протянул мне руку, и я встала, пытаюсь расправить запутанные веревочки костюма. Хотя теперь можно будет его выкинуть с чистой совестью.

— Ушиблась?

— Да. Но пара лишних синяков общий баланс не изменят.

— Если так дальше пойдет, вы с Серго переубиваете друг друга. Зачем ты его дразнишь?

— Он первый начал.

— Ты ему нравишься, глупая. А как за тобой ухаживать, он понятия не имеет.

— Я не глупая. Это он debil. За мной очень просто ухаживать. Как за любой другой девушкой.

— Ох, Ритка, ты не любая другая девушка, в том-то и дело.

— Мило. И с чего ты решил замолвить словечко за Лорда?

— Ему только что очень повезло.

К нам подошла Амазонка. Сергей остановился и одним резким движением стянул с меня парик. Надо заметить, пристраивал он его на голову восточной девушки куда бережнее и деликатнее. Девушка одарила меня нелюбезным взглядом, но по-мужски уверенно протянула руку:

— Я — Аиша. Не волнуйтесь, я буду бережна с вашим имуществом.

Стиснутые ее рукопожатием пальцы сразу заболели, хорошо, что она не решила испытать меня на прочность немного дольше.

— Рита. Можно на ты. И если имуществом ты назвала этот волосяной кошмар, то мне на него плевать. Будь сама осторожна.

Бирман не дал мне продолжить знакомство с Аишей. Он протащил меня к гардеробной, где возбужденные гости торопились разобрать одежду. Отдельные слова и фразы, долетавшие до моих ушей, никак не проясняли, что же произошло. Зато старомодное черное пальто нам отдали без очереди. Дожила ты, Рита, до vip-обслужива-

ния по высшему разряду. Просочилась вперед банкиров и олигархов-лайт. Радуйся, такие моменты могут и не повториться.

Под прикрытием вооруженных ментов вслед за Бирманом я добежала до шикарной серебристой машины. Может, кто-нибудь объяснит мне, что происходит?

57. Рассвет над городом

Бирман уверенно управлял машиной, держась за руль одной левой рукой. Правой он выгасил из-за уха сигарету и ловко прикурил ее. А я думала, он не курит.

— Одну стрельнул. Больше не буду. Раз уж сорвался, теперь главное до пачки в день не дойти.

— Что случилось-то?

— Твой Герочка скоропостижно скончался.

Я осмысливала фразу несколько секунд. Еще несколько всматривалась в своего спутника, решая, не было ли сказанное замысловатой шуткой. Слишком уж легкомысленно, слишком поверхностно было сказано. С минуту я размышляла о превратностях судьбы. И только потом до меня дошло, что еще один человек заплатил жизнью за роскошь пообниматься со мной. Как там звали царицу, что любовников сбрасывала в пропасть? Очень милостивая была женщина. Получил — заплатил. Все честно. И безотлагательно.

Все мои тренировки, диеты, танцы, которые казались мне такими важными и значимыми, нужны были только ради того, чтобы кто-то свел счеты с Герой. Я выманила лысого толстяка на свет из неизвестности. И убила. Предъявила счет и заставила оплатить по самой высокой ставке.

— Рита? Ты поняла?

Что тут не понять? Интересно, он сам не боится со мной по ночному городу рассекать? Посмотрю поласковее, и милый дядюшка нанесет удар откуда-то из-за моей спины. Роковая женщина. В натуре.

От почти невыносимой мысли перехватило дыхание. Кирилл. Я словно наяву представила себе его несимметричные, но такие милые черты лица и карие глаза, лу-

чащиеся восхищением и любовью. Я знала, что его не выпишывают из-за того, что так ментам легче его контролировать и охранять. Но могут ли два охранника спасти журналиста, если два подразделения ментов не спасли Геру?

— Кирилл в больнице?

Я постаралась, чтобы голос прозвучал спокойно.

— Нет. С позавчера в Особняке. Я его видел вчера, с ним все хорошо.

Я уставилась в темное окно, за которым мелькали картинки ночной жизни. Яркие витрины, рекламки, подсветки и уличные фонари скадывались в цветную мельгешашую мозаику, и я пыталась угадать в ней подсказку, намек на то, что сулит мне будущее. Ничем не хуже, чем гадать на кофейной гуще. Даже лучше. В плавающих огоньках можно увидеть намного больше, чем в грязной кляксе. Главное — хотеть увидеть. Но я не видела ничего.

— Не хочешь ещё что-нибудь спросить?

Я пожала плечами. Я хочу спросить. Почему женщина, которая меня родила, бросила меня так жестоко? Почему мужчина, которого я называла отцом, отказался от меня так легко и спокойно? У тебя есть ответы, Бирман? Вряд ли они хоть у кого-то есть. А остальное... буду я знать, не буду — какая разница.

Не дождавшись ответа, Сергей сам начал рассказывать:

— Вам за столик принесли вино. То самое. Отравленное. Мы зациклились на приходе Френда, и никто не задумался, как и откуда появилось это вино. Я решил, что это выбор Геры. А Гера, наверное, думал, что это ваш заказ. Официантка по имени Фаина устроилась к Сэму неделю назад, почти одновременно с тем, как ты начала танцевать. И после того, как она разлила вино за вашим столиком, она спокойно ушла. Мы ее уже в розыск за-

явили. Устроилась она на работу по фальшивым документам, но пальчики её остались. Будем искать.

На мгновение я представила себе, что это я разливаю смерть по красивым бокалам на тонкой ножке. Такое это сладостное ощущение — знать, что властвуешь над чужой жизнью. Я бы смогла. Посадила бы за столик Френд и поднесла бы ему терпкую отраву.

— Мы не знаем, насколько Френд в курсе того, что ты принципиально ничего не пьешь. Может статься, что знает, но, может, и нет. А вот Лорду очень повезло. Понимаешь, он все время держал бокал в руке и собирался пригубить отраву. Не хотел пить, но опасался, что это будет выглядеть подозрительно. В его шутке насчет дня рождения была только доля шутки. Смертельную дозу он вряд ли бы выпил, но серьёзно отравиться мог.

Я закрыла глаза и представила себе лицо Френда. Я — темная ведьма. Я — суккуб, поглощающий жизни. Я желаю тебе зла, дядюшка. Боли, страдания, ужаса. Ты празднуешь очередную победу. Но я достану тебя. Ты не сможешь удержать то, что разбудил. Ты ищешь своего ангела мира и надежды? Не удивляйся, когда найдешь меня. Ты жаждешь прикосновения прекрасной волшебницы? Не корчись, когда я коснусь тебя. Ты ищешь свет? Я покажу тебе дорогу. В тот свет, где ты останешься со всем один, со всей своей болью, сомнениями и страхами...

Машина резко затормозила. Но впереди и по бокам была пустая дорога. Сережа внимательно вглядывался в меня. Я попыталась посмотреться в окно. Вроде все в порядке.

— Рита, тебе плохо?

— Да нет. Просто глаза закрыла.

— Ты бледная, и глаза у тебя больные. Ещё и голодная вторые сутки. Хочешь поесть? Заедем в Мак, слопаем по бургеру. Или хоть пирожок какой-нибудь.

— Ты ешь. Я не хочу. Меня вывернет.

— Слушай, так нельзя. Не расстраивайся из-за Геры. Он свое получил. Сам же признался, что ту старую драку затеял и в ней двух человек положил. Может, судьба его нашла: что посеял, то и пожинать пришлось.

— Хорошенькая судьба — полуголая девица, танцующая босиком по ночным клубам.

— Лучше так, чем толстая баба, жрущая попкорн у телека. Не думай об этом. Хочешь, отвезу тебя в Особняк, к Кириллу?

— Нет. Он ничего не знает. А я не готова быть феей.

Может, я и смогу потом, когда избавлюсь от зловещей тени Френда за спиной. Буду милой и очаровательной феей, ласково лепечущей фантазии о страшных чудовищах. Мы с Кириллом будем прижиматься друг к другу под одеялом и хихикать над моими страхами. Будет так здорово быть глупой и нежной. И можно будет забыть об убийствах, скитаниях по улице, безумных старушках и суровых ментах.

Смогу ли я забыть? Хочу ли забывать?

— Ритка, ты чудесная фея. Красивая фея. Умная фея.

— Спасибо за утешение. Но все не так. Сам знаешь.

Стальные глаза рассыпались грустными смешинками:

— В этом деле я каждые два дня думаю, что наконец-то все знаю. А потом ты вытаскиваешь из своей волшебной шляпки очередного кролика.

— Все. Кроликов больше нет. Правда.

— Не верю.

— Ладно, что ты хочешь знать? Спрашивай.

— Почему ты не пришла на третий вступительный экзамен на биофак?

Рот у меня непроизвольно открылся. Средства массовой информации внушили мне неверное представление о том, что могут узнать о человеке следственные органы. Ясно, что можно узнать, где человек учился или не учит-

ся. Но куда не поступил? Они что, проверяли все вузы страны?

Кажется, мое изумление немало повеселило Бирмана. Я поправила пальто, устроилась поудобнее и ответила:

— Я заболела сильно. Пневмонией. Я еще перед вторым экзаменом под дождем вымокла насквозь и замерзла. А спала в парке, в домике брошенном, согреться особо негде было, костры жечь я боялась, да и не умела. В общем, простудилась, лечилась аспирином и в итоге добегалась до отключки. Хан меня тогда спас.

— Откуда у тебя документы Марины Григорьевой?

Вот это плохо. Кто меня за язык тянул? Кроликов, оказывается, давно всех выловили. А я тут сижу с умным видом, думаю, что в тельняшке. Бирман снова улыбнулся, прекрасно понимая, что этого кролика я ему отдавать не собиралась.

— Знаю я, птичка, знаю про твои успехи на ниве ухода за старушками. Нанимателей твоих могу перечислить. И агентства, где твое резюме есть. Так кто такая Марина?

— Она нимфой была у Одоевского. Потом на наркотики подседа. Вылетела на улицу. Мы однажды случайно встретились, и она меня развела: хочу, дескать, лечиться, но не на что. Кто бы деньгами пособил, только у нее ничего не осталось, разве что паспорт и диплом. Я ей за документы эти и заплатила. И еще несколько раз приплачивала, пока она не пропала. Я ее по притонам искала и по клиникам. А оказалось, что она замуж вышла. За Пашу Лыбина. Теперь она Марианна Лыбина.

— Машка Лыба? Ну и связи у тебя, птичка...

— Она делает вид, что меня не узнает.

— Глупо с ее стороны. Хотя я боялся, что ты выдашь что-нибудь вроде «она умерла» или «ее убили». Уже готовился списки трупов неопознанных проверять, сводки изучать в поисках подходящей жертвы.

Машина сделала крутой вираж, выезжая по пандусу на кольцо. Сергей чуть приоткрыл окно, выбросил окурок и впустил внутрь теплого салона порыв влажного ветра. Не захотел мусорить в чужой машине — намусорил в огромном городе. Так живем.

— Поройся в бардачке. У Серго должны быть еще сигареты.

Я протянула ему аккуратную, только начатую пачку. Бирман снова затанулся.

— Едем дальше, птичка? Кто такой Энский?

Я задумалась. Отслеживая мои контакты и собирая все, что только можно было обо мне найти, Бирман наверняка видел фамилию Вяземского в списках моих знакомых. Почему никто не сказал ему, что он и есть тот самый Энский? Наверное, по принципу «это же и так все знают». Смешно вышло.

— Энский — мой друг. Просто друг. Хороший человек. Основа мира. Реалист и программист.

— А поточнее идентифицировать его личность нельзя?

— Нет, Сережа. Ты и так выпотрошил мою жизнь наизнанку. Хватит и того, что есть. Энского я тебе не отдам.

— Вот видишь. Я же сказал, хоть один кролик, но останется. И объясни, если Энский — программист, зачем тебя понесло к Дорику? Неужели хороший человек не мог купить тебе комп?

— Да он и покупал. Продиктовал мне, что спросить в магазине. А Дорик одно время работал на отца. Я надеялась вытрясти из него контакты друзей папаши.

— Ох, и врушка ты, Ритка.

Бирман одной рукой ловко крутанул руль, и машина легко развернулась, почти не снижая скорости. Промчавшись до следующего перекрестка, он повторил маневр. До меня вдруг дошло, что на такой скорости мы должны были бы уже уехать за сотый километр.

— Слушай, а куда мы едем?

— Да так, туда-сюда катаемся. Тачка у Серго классная. Давно я за рулем таких красоток не сидел. Сейчас бы на автобан и втопить двести. Хочешь, садись за руль?

— Нет уж, спасибо. Катайся сам. Я водить едва умею.

— Я тебя потом научу.

Простая фраза, которую Сережа ляпнул, не особо задумываясь над ее смыслом, повергла меня в задумчивость.

— Знаешь, у меня не слишком получается со всякими «потом». Я думаю, что все спланировано, все предусмотрено, все устроено. Но кто-то вмешивается, и вся моя жизнь летит вверх тормашками. Причем так летит, что теперь мне до конца жизни не отмыться.

Бирман улыбнулся:

— А я думал, ведьмам наплевать на отмывания.

Заметив мой недоумевающий и чуть обиженный взгляд, он пустился в объяснения:

— Ладно, слушай. Думаешь, ты одна такая на белом свете? Я тебе сейчас свой сюжетец для драмы расскажу. Я, Ритка, был ботаником в школе. Самым натуральным ботаником. Таким сосредоточенным на себе и своих любимых растениях мальчиком. Я и поступать собирался на биофак университета. И я знаю, о чем ты сейчас подумала. Но у меня тоже не сложилось.

Бирман свернул на широкий проспект и ровно помчался по левой полосе к большому кольцу.

— В последнем классе я познакомился с одной девочкой. Мы в разных школах учились, но жили в соседних подъездах. И она тоже в университет собиралась, на филологический. Мы иногда вместе ездили на занятия подготовительные. Она мне нравилась. Это когда еще не любовь, но уже симпатия...

Он мог бы и не продолжать. Я быстро представила, какой набор ужасов мог последовать. И от этого пред-

ставления стало горько. Но к моему изумлению Бирман ехидно усмехнулся, прежде чем после длинной затяжки продолжить:

— Оставалось две недели до выпускных. Был такой красивый теплый май. И уже светло по вечерам. Поэтому она решила прогуляться от метро до дома вдоль линии метро по парку. Ее избили и изнасиловали...

И что мне сказать? Что мне жаль? Тупая фраза, ранящая еще больше, чем жесткая констатация фактов. Утешение — это не по моей части. Хотя теперь ясно, почему Бирман был так шокирован моим ночным вояжем через лес.

Потом я вдруг подумала, что история, возможно, не закончена. Что, если она умерла? А Сережа нашел ее тело, случайно наткнулся на разодранное изломанное окровавленное тело, брошенное на кучу листьев, словно ненужный хлам...

Бирман автоматически прикурил новую сигурету, кажется, уже даже не замечая этого. Я уловила нервное веселье своего спутника и поразились, как это он может смеяться над такой трагедией. Я всмотрелась в него и сообразила, что смеется он не над трагедией, а надо мной. Не дав мне опомниться, он объяснил:

— Все, что ты придумала сейчас в своей хорошенькой, хоть и частично зеленой головке, не имеет ничего общего с реальностью. Ее действительно изнасиловали. В парке. Вечером. Но никто ее не убивал и даже, если уж быть честным, особенно и не бил. Она сама дошла до дома, ночью родители отвезли ее в больницу и следующим вечером забрали домой. А меня утром менты повязали, потому что она заявила, что насильник — я.

Я буквально потеряла дар речи. Бирман скривил уголок рта и завершил историю:

— Я подписал чистосердечное. Сразу после того, как мне пару зубов крайне неудачно вынесли. И мне не уда-

лось бы отвертеться. Мать купила показания двух собачников, которые подтвердили, что я весь вечер с ними гулял. И дала взятку прокурору района. Иначе я бы сел. И заполучил бы клеймо на всю жизнь. Хотя... оно и так есть. Меня еще несколько лет при любых нападениях на женщин в районе таскали по допросам. У меня даже привычка сложилась — всегда обеспечивать себе алиби.

В глубине серых глаз прятался осколок боли от несбывшихся надежд. Было неловко думать о Бирмане как о тихом мальчишке, увлеченном биологией. И еще более неловко понимать, что его жизнь оказалась перевернутой из-за чьих-то лживых слов.

— Ты стал ментом, чтобы бороться за справедливость?

В ответ на столь патетический вопрос Сережа рассмеялся. Стряхнув пепел с сигареты за окно, он продемонстрировал мне сносное дымовое колечко и более серьезно ответил:

— Я ненавидел ментов. Даже на улице, увидев форму, обходил их стороной. В армию ушел с радостью, после много чего перепробовал: в теплые моря сплавал, в геологической партии поработал, тачки гонял из Германии. А потом Влад в редкостное дерьмо вляпался. Покойный его начальник предложил мне в мента поиграть, чтобы его вытащить. Получилось неплохо, вот я и заигрался. Справедливость здесь ни при чем, птичка. Риск, азарт, охота. Хорошая охота — на монстров. Но сложились иначе, играл бы за другую сторону.

Я задумчиво изучила строгий профиль опера:

— Значит, не рыцарь правды, а бродяга. Не воин света, а охотник. Не идейный борец за лучший мир, а искатель приключений.

В стальных глазах мелькнули смешинки:

— Ну, ты и сказала.

— Я бы тоже хотела куда-нибудь сплавать. Я моря никогда не видела.

— Я тебе потом покажу.

Очередной окурок выполнил быстрый старт, набрал приличную скорость и скрылся за окном в глубокой темноте ночи.

— Вот что, Бирман, хватит друг друга изводить. Поехали в Мак. Только мне не гамбургер, мне нагетсов десяток. Еще картошку по-деревенски, большой стакан колы и игрушку.

— Зачем тебе игрушка?

— Не знаю. Они прикольные.

— Ой-ой. А кроликов-то еще целый заповедник...

Мы сидели в шикарной машине в центре гигантских каменных колец жестокого города. И уплетали вредный и безумно вкусный фаст-фуд — пишу настоящих богов мегаполисов. Мы были в центре необъятного мира и на самом его краю. Мы веселились и дурачились, рассказывали друг другу смешные истории. Но я знала, что если сделаю хоть одно лишнее движение, волшебство момента исчезнет навсегда. Странно быть настолько рядом и так бесконечно далеко.

Где-то за домами в город крался на мягких лапах мутный рассвет. В крохотных квартирках кое-где начинали просыпаться люди. Одеваться, спешить по своим делам. Хорошо, когда есть куда спешить. Мужчины целовали сонных женщин, женщины склонялись к детским кроваткам, дети закутывались в одеяла и отказывались идти в детский сад. Город медленно стряхивал с себя ночные кошмары, тщетно надеясь, что день будет счастливее и радостнее.

Потом на стекле появились крохотные точки. Город плакал...

58. Другая девушка

Я проснулась на детской кроватке в квартире Бирмана. В курточке веселенького спортивного костюма, натянутой прямо на голое тело. Желтый ужас был комком сложен на стуле. Рита, ты — сонная тетеря. Проспишь все самое интересное в своей жизни. Любая героиня женского романа давно удавилась бы от сознания собственной тупизны.

На кухне мне предстало удивительное зрелище: растрепанный Лорд в джинсах и свободно болтающейся рубашке. Хмуро поглядев на меня, Властелин света кивнул на плиту:

— Обедать будешь? Яичница. Чуть подгорела.

Поковыряв лопаткой загадочные шкурки на сковородке, я отказалась использовать их в качестве пищи. Обойдусь чаем.

— Где все?

— Бирман в отдел почапал, его начальство на ковер вызвало. Левка домой поехал. Остальные — в Особняке, совещание через час. Сейчас Гончаренко приедет, я свалю. Ты есть будешь? Нет? Тогда я сам доем.

— У тебя красные глаза. Ты совсем не спал?

— Некогда спать. Мы облажались. Все надо сначала начинать.

— Почему сначала? Я могу танцевать сколько надо. И Сэм разрешит.

— Маргарита, мы создали у Френда впечатление, что охотимся за тобой. И он чувствовал себя в безопасности. Но теперь он знает, что ты на нашей стороне. И понимает, что из охотника стал добычей. Мы сегодня перевезем тебя в другое место. Пока все не кончится, поживешь под нашей охраной.

— Послушай, Серго, я могу рискнуть еще раз, если это поможет его поймать.

— Хватит уже твоих безумных идей. Посидишь под замком, хоть по ночам с мужиками шляться не будешь.

— Я не шлялась.

— Левку ты умотала. Бирман, наоборот, тебя в отключке приволок под утро. Кто следующий?

— Ты? Только пешком я с Левкой нагулялась, на твоей машине меня Сережа покатал. Придумай что-нибудь оригинальное.

— Большая кровать с балдахином подойдет?

— Балдахин — это такая штуkenция сверху, с веревками? Подойдет. Затяну тебя в шнурочки покрепче и... отшлепаю.

Лорд не донес до рта чашку с кофе. Горячая жидкость вылилась на рубашку и джинсы. Серго вскочил и автоматически выплеснул еще часть кофе в свою тарелку. Поставив чашку на стол и вытирая одежду салфеткой, Лорд сердито выговорил:

— Маргарита, ты хоть что-нибудь воспринимаешь серьезно? Ну, ведь не маленькая уже, вроде и жизнью битая. Так откуда столько наплевательства на все и всех? Ты должна взвешивать последствия своих поступков, понимать свою ответственность...

Вот только нотации мне и не хватало. Воспитательная речь Лорда воспринималась примерно так же, как жужжание мухи, долбящейся в окно в знойный день. Где они, мухи? Попрытались в щелки-норки до весны. Хорошо быть мухой. Или не очень?..

Педагогический монолог Серго и мои занимательные размышления о жизни в виде мухи прервал звонок телефона. Мерзкий резкий звук разнесся по квартире. Уверенная, что это звонят бабушке — какая-нибудь вредная старушка вроде ее подружки Марфы, любящей поругать

весь мир — я сняла трубку и автоматически коротко ответила:

— Да.

От первых же звуков чужого голоса ноги вдруг стали ватными, а в глазах потемнело.

Френд решил со мной пообщаться напрямую:

— Привет, Машенька. Не забыла старого друга? И я рад тебя слышать. Только опять ты за старое взялась. Неужели нужны тебе все эти придурки? Забыла дорогу к свету? Я тебе помогу. Ты нужна мне, моя дорогая. А я нужен тебе.

Четкая дикция и идеально правильный выговор слов Френда создавали ощущение, что он вещает по радио сводку погоды на завтра. Но в интонации проскальзывала едва ощутимая угроза.

Я медленно съехала спиной по стене и села на пол. Сердце выскакивало из груди, голосовые связки словно свело судорогой. Я хотела быть спокойной и уверенной, но вместо слов я издала непонятное сипение. Френд засмеялся:

— Что, обрадовалась? Я слышу, слышу, дыхание перехватило. Свидимся скоро, Машенька. Знаю, менты пасут тебя. Мне ни подойти, ни в щечку чмокнуть. Приходи ко мне сама, а? Что мне сделать, чтобы ты пришла?

Вышедший в коридор Лорд плюхнулся рядом со мной и попытался втиснуть свое ухо параллельно с моим. Одновременно он очень быстро набирал что-то на своем мобильнике — отправлял кому-то экстренное сообщение.

— Если приглашаешь, Джордж, то приглашай. Где и когда мы встретимся?

Собственный голос показался мне потусторонним. Говори, Рита, говори, голос вернется.

— Не так быстро. Я еще не все приготовил. Пока прощения хотел у тебя просить. Виноват я, Маша, опростоволосился сегодня. Простишь дурака?

Лорд сделал жест пальцами, но я его не поняла. Со-средоточившись на разговоре, я спросила:

— Так ты расскажи, чем провинился, я подумаю, сто-ит ли тебя, дурака, прощать?

Лорд чуть отодвинулся и энергично затряс головой. Кажется, пытается донести до меня мысль, что я говорю что-то не то или не так. Я только пожала плечами.

Френд после паузы глухо возмутился:

— Строгая ты, Маша. Вечно расспросы да допросы. Нет бы, простила, да и все. Всегда тебе все знать надо. А я ничего такого и не делал.

— Короче, Джордж, что натворил? Выкладывай, а то времени нет на пустую болтовню.

Лорд закатил глаза. Френд объяснил:

— Обманулся я сегодня. Шарфик твой желтый запри-метил. Думал, ты куда-то по делам пошла. Или в гости. Поцеловал тебя, а то — не ты, другая женщина.

— Ты целовал другую девушку?

Прозвучало ли в моих словах достаточное возмуще-ние? Я изобразила, что что-то пишу. Лорд протянул мне мобильник. Идиот. Я повторила жест.

— А-а, Машка, ревнуешь? Ничуть не изменилась. Не расстраивайся, свет моей души, я сразу понял, что ошибся. Она не встанет между нами. Я о ней позабо-тился.

Черные бархатные глаза отразили мой собственный ужас.

— Что ты с ней сделал?

— Говорю же — позаботился.

Странные звуки в трубке, вероятно, означали смех.

— И где она?

— Не переживай о ней. Она воровка, красивую вещь у тебя украла. Я только меточку ей свою на па-мять оставил, да и отпустил. Полежит денечек, да и очухается.

— Вот что, Джордж, давай обойдемся без меточек. И нечего к другим женщинам приставать. Сам говоришь — приходи, а у самого ничего не готово. И что звонить без дела? Приходи лучше сам, я уж расстараюсь, тебе встречу организую.

— Вокруг тебя разных ушлых людишек много. Один вон, слышу, даже в трубку сопит. Районный опер уехал, значит это брюнет из начальников. Так что лучше я сам расстараюсь.

— Когда ждать твоего звонка?

— Все время жди, Маша. Каждую минутку. До встречи, мой ненаглядный свет.

Короткие гудки отдались в моем теле ломотой. Лорд уже орал что-то в мобильник. Оторвав у него от уха трубку, я с отчаянием объяснила:

— Шарф. Мой шарф. Кто-то из девочек его взял. Галя или Кристина.

На время я потеряла нить событий. Лорд развил истеричную деятельность, начав с тотального обыска двора и всех подъездов. Увы, проверить каждую квартиру на предмет наличия в ней мужчины с биноклем не представлялось возможным. Потом в квартиру Бирмана набилось множество незнакомых людей. Все спорили, кричали, размахивали руками. Затем все исчезли, остались только грустный Левка и невыспавшийся Фенек.

В следующий момент моего включения в реальность я ехала в милицейской машине. Авто несло по грязным улицам города с жутким завыванием и полной иллюминацией. Многомиллионному монстру такое не в диковинку. Подумаешь, что-то еще стряслось. Сирена всего лишь один голос в хоре звуков его жизни. В прошлой жизни мне казалось, что это может быть круто: пронестись через весь каменный лабиринт под завывающие жуткие звуки. Но теперь я чувствовала, как вопли сире-

ны отрезают драгоценные кусочки времени, а тех, что останется, может и не хватить.

Крестину нашли быстро, во дворе соседнего с норой дома, в дальнем углу отсека для мусорных баков. Девушка лежала за контейнерами без сознания, в крови и ее быстро госпитализировали в одну из клиник центра города.

К моменту моего появления возле норы каждый метр пространства в трех дворах вокруг был занят. Множество людей суеилось, что-то измеряло, копалось в мусоре, чертило схемы и собирало в пакеты окурки. Меня бдительно стерегли три гиганта, похожих уже даже не на биониклов — на трансформеров. Главного из них звали Чарли, но настоящее ли это имя или прозвище, мне было неудобно уточнить.

Поскольку мое участие в поисках и объяснениях не понадобилось, меня затолкали обратно в машину и под те же завывания повезли дальше.

Часы промотали еще один отрезок времени, и я оказалась в больнице. Зачем и почему, я не понимала, но от меня уже ничего не зависело. Сыр переместили из точки А в пункт Б, потому что кто-то где-то что-то сказал. Я долго стояла в длинном больничном коридоре, бессмысленно подпирая стену и ожидая неизвестно чего. Вокруг сновали люди в халатах, менты, санитарки и мужчины в костюмах и пальто. Как это там называется — бедлам?

Потом чуть поодаль материализовались Лорд, Гончаренко и Глеб Каслинский — еще один умник из команды Лорда. Каслинский курил, несмотря на несколько замечаний пробегающих мимо людей в халатах. Лорд что-то писал в телефоне. Гончаренко стоял рядом, засунув руки в карманы.

Я подошла к ментам и, ни к кому конкретно не обращаясь, тихо спросила:

— Что он с ней сделал?

Лорд впервые за все время нашего знакомства первым отвел глаза в сторону. Какие сантименты. Неужели все так плохо?

— Ну же, скажите мне.

Каслинский сквозь сжатые зубы зло буркнул:

— Подобрал камень и проломил голову.

Если помощник Лорда хотел меня шокировать, то просчитался. Я почувствовала только злобное торжество. Ты, Френд, мне за все заплатишь. Может, ты и купил мне билет в ад, но тебя я заберу с собой. Ты думаешь, что спрятался там, во тьме. Но я — дитя тьмы, и я тебя там достану. Улыбнувшись, я ответила своим мыслям вслух:

— Хорошо.

Тихий голос Левки сзади строго и холодно спросил:

— Что хорошо, Рита? Объясни, что во всем этом хорошего?

Я обернулась и спокойно ответила:

— Кровь. Страсть. Злость.

Ого! Оказывается, карие глаза умеют гневаться. Но Левка ничего не сказал. Только обошел меня так, словно вокруг было силовое поле. Каслинский не сдержался:

— Кому-то слезы, а кому-то хорошо. Может, пойдешь, сама потолкуешь с дядюшкой?

— Пойду. Дорогу подскажете?

Лорд крепко вцепился в мою руку повыше локтя:

— Прекратите! Я запрещаю!

Хорошо ему запрещать, а у меня синяки останутся, как пить дать.

Несколько оборотов стрелки по кругу, и я оказалась в центре полемики Лорда с Чарли. Трансформер считал,

что меня надо отправить на Дельту Павлина. Хорошая идея. Каких-то двадцать световых лет, и я на светиле, кажется, похожем на Солнце. Может, там есть планеты, похожие на наши? И меня возьмут в число колонистов?

Все оказалось куда прозаичнее. Павлином называли некоего Павлинова, а Дельтой оказалась бронированная комната, куда предполагалось меня запереть. А я уже размечталась: галактические путешествия, встречи с инопланетянами. Мир бывает так... обычен.

Лорд настаивал на Особняке. Мнение сыра никого не интересовало. И все случилось так, как случилось.

59. Побег из больницы

Бесконечный больничный коридор казался мне похожим на ленту Мебиуса: куда ни пойдешь, придешь в исходную точку. Я полировала спиной безликую стенку. И терпеливо ждала, когда большие мальчики вспомнят о том, что потеряли сыр.

Возле меня притормозила невысокая женщина:

— Рита?

Я взглянула на нее и попыталась уцепиться за стенку покрепче. У женщины были безумные глаза. И это не было веселое пьяное безумство, наркотическое отсутствие или депрессивная апатия. Это был дикий взгляд навсегда ушедших в никуда мозгов.

Мгновенно сунув мне какой-то предмет в руку, женщина шепнула:

— Тихо!

И исчезла за поворотом. Все заняло доли секунды.

Трубка в моей руке завибрировала. Но звонка я не слышала. Я шлепнула по зеленой кнопке и поднесла телефон к уху, уже зная, чей голос услышу.

— Маша, дорогая моя. Как я рад, что могу с тобой поговорить.

— Ты все приготовил?

— И даже больше. Я, Маша, тебе подарочек припас. Хорошенький подарочек. Живой. Скажи, ты ведь любишь Сашу?

Я сжала кулак, и длинные ногти, оставшиеся с прошлого вечера, легко впелись в мою ладонь. Боль придала мне уверенности. Я должна быть сильной. Я должна победить. Пауза на несколько секунд позволила мне выровнять дыхание. И я, как ни в чем не бывало, ответила:

— Разумеется, я люблю Сашу. Давай конкретнее, что за подарочек?

— Какая ты суровая, Маша. Так вот сразу тебе все и расскажи. Попроси меня повежливее.

— Куда уж вежливее? Не хочешь — не говори, больно мне твои подарочки нужны. И без тебя мужиков хватает, скоро уж некуда подарочки складывать будет.

— Мой подарочек особый. Саша ведь всегда был твоим любимчиком. Сашенька-красавчик, Сашенька-умница, Сашенька-молодец. Ты ему все прощала, все для него делала. И даже девочку ему подсунула ту, что сама выбрала, верно?

Передо мной словно наяву возникло улыбающееся лицо брата с глубокими сапфировыми глазами. Нет, не может же быть, чтобы Френд мог...

— Я тебя не понимаю, Джордж, а поконкретнее нельзя? Ты о чем?

— Не о чем, а о ком, милая. О девочке Анютке мы. О длинноволосой девочке с такими упругими грудками и мясистой попкой. Так приятно все это, свеженькое, потискать. Малышка отзывчива на ласку.

В трубке раздался жалостливый сдавленный стон, окончившийся резко оборванным всхлипом. Я утратила самообладание. Господи, ты есть там, наверху? Милая Анютка, она же даже не понимает, что происходит. За что она мучается? Зачем?

Расширив ногтями ранку на ладони, я поднесла руку к лицу и вдохнула еле уловимый запах собственной крови. В голове прояснилось. Никакой паники, никаких сомнений, только холодный расчет и логика. Голос должен быть равнодушным и безмятежным:

— Неужели эта заурядность тебя интересует? Не поверю, что ты способен променять меня на нее.

— Верно. Мне нужна ты, Маша. И ты придешь ко мне. Одна. Без свиты.

— Хорошо. Но если я узнаю, что ты хоть пальцем тронул другую женщину, тебе не поздоровится. Какие бы ни были грудки, уяснил?

— А-а, голубушка, ревнуешь? Поторопись, милая.

— Где она? Оставь ее и я — твоя.

В трубке раздался довольный смех:

— Мы, Машенька, только в первом акте финала. Я жду тебя. От Лязговской иди по шоссе в сторону от центра. И если увижу хоть одного мента рядом, передрежу сладкой Сашиной малютке горлышко. До встречи, мой ненаглядный свет...

Короткие гудки отрезали меня от собеседника. Черт тебя возьми, мама. Ну, неужели ты не могла прикончить его еще тогда? Замочила бы по-тихому и похоронила на дачке в бетоне. Никто бы и не догадался. Понимаю, тебе уже наплевать на все наши проблемы. Но хоть там, наверху, замолви за меня словечко...

Я нажала отбой. Звонить с этого же телефона мне показалось рискованным, и я разыскала больничный телефон-автомат. На одной лестничной площадке мира, видимо, наступил коммунизм, потому что телефон оказался бесплатным, только разговор можно было продолжать не больше пяти минут. Этого должно было хватить. Я потыкала в кнопки, набирая полузабытый номер. Ромка сразу ответил. Хорошо, что большинство людей не меняет телефоны по нескольку раз за день.

— Это Рита. Мне нужна твоя помощь.

— Бить будут?

— Возможно. Но зато покатаешься на отличной тачке.

Коротко объяснив Ромке задачу, я непринужденно направилась в ближайшую ординаторскую и надела на себя первый попавшийся белый халат и белую же шапочку. Теперь можно будет раствориться в сообществе медиков. Второй кражей стала чья-то ярко-оранже-

вая куртка. Не вещица, а мечта! Сидит на мне неплохо. И в карманах предусмотрительный кто-то ничего значимого не носит. Дай Бог здоровья этому хорошему человеку!

Хотя, может, маскарад мне и не понадобится? Пока мужчины заняты пережевыванием версий и причинно-следственных связей, может никто и не заметит моего отсутствия?

Я осторожно спустилась по лестнице на первый этаж. Но не стала сворачивать к основному вестибюлю. Я не я, если в конце очередного мебиусного коридора нет небольшой дверки, за которую персонал выбегает перекурить в теплые денечки. Расправив полы халата, я одернула куртку и тихо зашагала мимо процедурных и приемных.

Не повезло. Меня нагнал Бирман. Не знаю, откуда он взялся и как догадался, через какую именно дверь я попытаюсь смыться. Хорошо, что хоть у кого-то мозги на месте. Плохо, что мне это — лишние хлопоты.

Бирман грубо вцепился в мой локоть (ладно, пусть и на этом локте синяки будут) и сурово спросил:

— Ты куда собралась?

— Пройтись.

— Далеко?

— Во двор, воздухом подышать.

— Я с тобой.

— Хорошо.

Сергей толкнул дверь, и мы оказались на заднем дворе больницы. Я молча села на ступеньки крыльца. Бирман облокотился на столбик перил внизу, явно перегородив мне дорогу к выходу. Ну и что, теперь мы будем тренировать стальной взгляд?

— Ты разбила коленку.

— Споткнулась. Плевать.

— Мы в больнице. Хоть зеленкой помажь.

- Само пройдет.
- Чего ты ждешь?
- Метеоритного дождя.
- Рита, я же не идиот. Ты что-то задумала.
- Я просто устала, Сережа.

Бирман внимательно считал трещинки и шербинки на старых каменных ступенях. Я с видом статуи фараона Рамзеса сосредоточенно изучала кучу жухлых осенних листьев, скопившуюся в уголке между стеной и крыльцом. Время остановилось. Наконец, Сергей, словно нехотя, спросил:

- Отвезти тебя домой?

Домой. Интересно, что он имеет в виду. Пустую съемную комнату, наверняка с бумажной ленточкой, утыканной печатями? Разгромленное им самим жилище Кирилла? Может, подразумевается квартира родителей, откуда я ушла десять лет назад? Нет у меня никакого дома. Я покачала отрицательно головой. Будто прочитав мои мысли, Бирман вдруг предложил:

- Хочешь, поживи у меня, я уговорю Лорда.

Я снова покачала головой. Спасибо, Сережа, но ничего уже не изменить. И вряд ли ты сам осознаешь особенную логику, по которой, приглашая меня пожить у себя, уговаривать ты собираешься Лорда. Теперь, как это говорится, или Френд, или я. Наиболее, конечно, вероятно, что мы оба — покойники. Но выбора у меня больше нет. Да и был ли он вообще хоть когда-нибудь?

К подъезду подкатил мотоцикл. Парень в легкой синей курточке, из-под которой торчал белый халат, ловко развернул своего грязного железного коня и стянул с головы шлем. Небрежно оставив шлем болтаться на ручке мотоцикла, врач вбежал в здание, не обращая внимания на скопление людей и машин возле приемного покоя.

Помолчав еще минуты три, я встала и, одернув чужую куртку, сообщила Бирману:

— Мне можно уединиться в помещении с нарисованной на двери девочкой?

— Даже думать не хочу, что ты вытворишь, если я скажу «нельзя». Иди. Но я тебя подожду у двери, поняла? Так что без глупостей, птичка.

Прости, Сережа, но у меня другие планы.

За дверью с девочкой меня ждал Ромка. Обняв меня и покружив, он восторженно, хотя и тихо, воскликнул:

— Скажи, что я самый крутой чувак в этом обдолбанном городе!

Я приложила палец к губам и согласилась. Протянув ему небрежным жестом связку ключей Лорда, я показала на красивую машину через окно:

— Вон тот серебристый «мерседес». Гони куда хочешь и как хочешь, у него спецномера, гайцы тормозить не будут. Часа на два должно хватить. И спасибо тебе.

Ромка восхищенно присвистнул и подмигнул в ответ. Он натянул на себя яркую оранжевую куртку и проникновенно пожелал:

— Удачи!

Бирмана хватило минуты на три. Потом он, недолго думая, вломился в помещение, чтобы застать Ромку стоящим на внешнем карнизе окна. Я едва успела затаиться в углу дальней кабинки.

Ромка — один из лучших трейсеров в городе, а может стать, и в мире. Жаль, я не видела, как он наверняка красиво и элегантно сиганул метров с трех вниз. А вот то, как он картинно и легко впрыгнул в шикарную машину Лорда, успела увидеть. Эту бы энергию в мирных целях...

Бирман, не рискнувший повторить Ромкин трюк, прилично отстал от мнимой меня. Сначала он бежал следом за набирающим скорость «мерсом», затем остановился и несколько раз подпрыгнул, размахивая руками. В его крике мне отчетливо послышалось что-то нецензурное. Я знаю, Сережа, что именно ты обо мне дума-

ешь, но можно было бы и не орать на весь квартал об этом.

Бирман помчался лично сообщить Лорду об угоне его тачки, вместо того, чтобы спокойно позвонить. Поэтому я вышла обратно во двор, одела оставленный Ромкой шлем и аккуратно уселась в широкое седло железного коня. Только бы не навернуться где-нибудь по дороге с этой мощной блестящей штуки. До этого я управляла мотоциклом два раза в жизни. Примерно по пять минут каждый.

Я еду, Френд. Пора выяснить, наконец, наши отношения...

Часть 4

60. Охотники на монстров

После эмоционального, но бесполезного обмена определениями вроде «долбодятел», «олигофрен», «имбецил», «маразматик» и другими откровенно нецензурными выражениями, Лорд и Бирман все же объединили усилия в попытке понять, что произошло, и куда отправилась Рита.

Быстрый разбор полетов и просмотр записей с камер наблюдения показал, что, во-первых, никто из врачей клиники не ездит на мотоциклах, во-вторых, никому в клинике не по карману дорогая модель мотоцикла «бмв», пусть и заляпанная грязью до малоузнаваемости. В-третьих, мотоцикл нашелся благополучно припаркованным у одной из ближайших станций метро, а его владелец, ясное дело, как раз за час до этого написал заявление об угоне. Помимо прочего выяснилось, что три человека из команды Лорда сначала видели, как угоняют машину босса, затем видели, как Рита уезжает на мотоцикле, но ни одному из них и в голову не пришло, что нужно что-то предпринять. Они лишь повосхищались крутизной байка и посмеялись над Бирманом.

Опрос команды и персонала клиники привел сыщиков к шокирующему выводу: перед тем, как Бирман перехватил Риту внизу, она минимум минут десять болталась по больнице в полном одиночестве. Снова обменявшись серией вдохновенных ругательств, команда отбыла в Особняк. К невероятному облегчению главного врача больницы, отчаявшегося призвать к порядку нервных ментов.

«Мерседес» Лорда часа через полтора после угона сравнительно удачно заблокировали в Химках. В авто оказалась пара малолетних дебилов, которым добрый дя-

денька дал машину покататься. Дяденька был с бородой, красным носом и в очках, поэтому концы удачно ушли в воду. Кто-то из знакомых Лорду ДПСников пригнал «мерс» к Особняку, но целая и невредимая машина вызвала только раздражение у Серго. Он бы предпочел увидеть авто разбитым, но с Маргаритой (можно немножко, слегка, чуточку пораненной) внутри.

Большинство обитателей города расплозлось из офисов и кабинетов по домам: к ужинам, просмотру телепередач и кроваткам. А в Особняке начался очередной мозговой штурм. Но медленное перебирание командой уже известных фактов и событий скорее напоминало коллективное мозговое уныние. Сказывались бессонные ночи и накопленная усталость.

Я позвонила Бирману с лестницы выхода из метро.

— Бирман.

В голосе угадывались все оттенки негативных эмоций. Злость, раздражение, досада. И острое желание свернуть кому-нибудь шею. По всей видимости, мне.

— Привет. Это Рита. Не ругайся только, времени мало.

— Объясни, что случилось.

— Мне дали телефон. Он позвонил. У него Анютка. Девушка, в которую влюблен Саша. Он угрожает, что убьет ее.

— Черт, Ритка, ну почему ты ничего не сказала.

— Чтобы дать шанс Анютке.

— Птичка, не делай глупостей. Подожди, мы приедем.

— Мы тратим время на ерунду. Слушай. Я на Лязговской. И он потащит меня куда-то за город. Скорее всего, или по этому шоссе, или по ближайшим.

— Ритка, остановись. Пожалуйста.

— Да слушай же. Тебе нужно найти женщину. Фаину. Тряси все, что сможешь рыть на папашу. Она явно

из его сферы эзотерики и космических струн. Около тридцати—тридцати пяти, средний рост, чуть полноватая, карие глаза, крашенная блондинка, но с темными корнями волос, неопрятная. У нее была травма ноги или есть заболевание суставов, это выдает ковыляющая походка. Одета бедно и дешево, но все вещи новые. И будь осторожен, она чокнутая, натуральная сумасшедшая. Не исключено, что и на учете состоит.

— А-а, это я должен быть осторожен?

— Сережа, мы оба знаем, что нужно Френду. Мама умела держать его на расстоянии. Значит, и я смогу. Если уж совсем ничего не выйдет, буду искать дорогу к свету. Кристину он выкинул, значит и Анютку убивать не так уж хочет. У тебя есть как минимум пара дней.

— Ритка, купи прямо сейчас, у метро, складной нож или что-нибудь похожее на оружие. Спрячь в одежде, чтобы не быть совсем с голыми руками.

— Я не смогу ничего сделать. Я не умею.

— Как только подвернется возможность — не думай, не сомневайся — покалечь, убей его. Ножницы, вилка, любая железка — в горло, в глаз. Тяжелым бей: по голове, по коленям, по рукам, куда придется. Дотянешься — бей сильно в пах, потом сразу добивай, пока не очухался.

— Хорошо. Все, я пошла.

— Подожди еще минутку.

— Какой смысл? Увидимся. Береги себя.

— Ритка, не уходи...

Долгие проводы — лишние слезы. Я нажала отбой и аккуратно пристроила телефон под майку. Переделалась я еще по дороге к метро. Все же я предпочитаю спортивный стиль, особенно собираясь на свиданку с маньяком.

По шоссе бодро сновали машины. Люди толпились на многочисленных остановках, теснясь на тротуаре, суженным длинным рядом ларьков. Большую часть

крайнего ряда проезжей части занимали маршрутки и хаотично припаркованные машины. Я направилась пешком в сторону от центра. Не торопясь, но и не разевая рот по сторонам, я выбралась за пределы основной толкучки. Аккуратная дорожка с бордюрчиками по бокам вела куда-то далеко. Но едва я миновала середину первой панельной пятиэтажки, сбоку, за маленьким газончиком, притормозила старая и грязная иномарка. Окно плавно опустилось, и из-за него мне улыбнулся Френд. Потом машина тронулась с места и завернула в первый же проезд во двор.

Я спокойно дошла до этого поворота и свернула к лабиринту ракушек. В темноте осеннего вечера гаражи казались декорацией к антиутопическому фильму. И это впечатление полностью оправдалось. Я прошла не слишком далеко. Едва ракушки скрыли меня от проезжей части, на меня напали сзади. Руки оказались заломлены назад и мгновенно связаны, вонючая тряпка заткнула рот. Злоумышленник чуть толкнул меня вперед, я прошла несколько метров и после болезненного удара под коленку легко свалилась в открытый багажник.

Френд быстро обыскал меня. Найденный телефон улетел в сторону. Но пакет с барахлом плюхнулся мне на ноги. Неплохо. Если дядюшка считает, что запасное белье и зубная щетка мне понадобятся, это настраивает на позитив.

Крышка хлопнула и отрезала меня от мира. Отлично. Я тебе покажу свет, Френд. Такой будет свет...

Звонок Риты словно сыграл роль пинка расследованию. Сонные и замороженные охотники на монстров лихорадочно начали раскапывать новые пласты информации. Телефон, с которого звонила Рита, оказался зарегистрирован на Рогальского. Сам телефон нашли во дворе жилого дома на Лязговском шоссе. Гончаренко

засел пробивать все номера из памяти телефона, но большая часть из них оказалась телефонами редакций, издательств и разных клубов любителей зеленых человечков. Остальные принадлежали старым друзьям и знакомым. Все они уже были внесены в список контактов Рогальского.

Сосредоточившись на идее «шерше ля фам», менты быстро перебрали еще раз то, что знали о женщинах в окружении Рогальского.

Уборщица в квартире почти сразу выпала из списка подозреваемых. Почтенная дама, разменявшая шестой десяток лет, отличалась редкостным флегматизмом и никак не тянула на Лукрецию Борджиа.

Литературная агентша Рогальского — Жанна Гвоздика — поначалу казалась неплохой кандидатурой на роль Фаины. Сорокалетняя разведенная женщина, без детей, владеющая небольшим загородным домиком по Рязанке, подходила по многим пунктам. Если бы оперативники не успели уже познакомиться со счастливым женихом Анны и выяснить, что за городом живет ее вредящий папаша-алкоголик.

Была еще некая Серафима — корректор и редактор текстов книг. Но по здравому размышлению, она на отравительницу не тянула. Бледное, хлипкое, боязливое и бесполое существо так истово оплакивало все печали мира, что у него не было времени как-либо в этот мир интегрироваться.

Отпечатки Фаины с пальчиками всех этих дам не совпали.

Тема женщины зашла в тупик.

Александр Рогальский, услышав имя Анютки в сочетании с терминами «похищение», «заложница», «местонахождение неизвестно», немедленно впал в истерику. С некоторым трудом все же удалось узнать у него нужную инфомацию. Саша пообещал вылететь в столицу так

быстро, как сможет. Положив трубку, Фенек грустно сказал, что пусть кто хочет сообщает младшему Рогальскому то, что пропала еще и его сестра.

Телефон похищенной девушки оказался заблокирован. В общежитии, где жила Анютка, о том, что одна из девушек пропала, ничего не знали. Но всполошились. Комендантша даже притащила пару подружек потеряшки к телефону. Всхлипывая, девушки поведали, что Анютка не пришла ночевать, и они решили, что она осталась у кавалера. Тем более, такое случалось и раньше.

Оторвавшись от изучения фотографий дачи, Мерзляков вскользь заметил, что с этими девушками всегда так. Лорд только вздохнул. Их предыдущее дело включало в себя три истории о студентках, просто не пришедших ночевать. Тело одной в итоге так и не нашли. Думать об этом не хотелось.

Контакты и знакомства Френда составляли отдельную пухлую папку. Правда, сокамерники и разные «коллеги» по отсидке давали Георгию Симонову не слишком лестные оценки. По общему мнению, Джордж был психом и изрядно доставал всех бредом про свет и прекрасную волшебницу. Но за скептическими отзывами угадывались осторожность и осмотрительность: у Френда явно была репутация человека, с которым лучше не связываться. Все оперативные разработки не принесли достоверных сведений о контактах Френда в столице хоть с кем-либо из старых знакомых. Если не считать Евгения Рогальского...

В двенадцатом часу Лорд, зевнув, констатировал:

— Ничего уже не понимаю. Совсем ничего.

Выбравшись из кресла и сделав несколько энергичных движений, он сдержанно распорядился:

— Давайте-ка сделаем перерыв. Левка — ты домой, спать. Гончаренко — тоже. Бирман, и ты отправляйся,

третьи сутки на ногах. И без споров. Все оставшиеся еще раз все проверяют. Идея нужна. Если что придумаете — звоните. Я домой к маман сметаюсь. Туда-обратно. Она раз пятнадцать уже звонила, все нервы истрепала. Если не приеду, точно ад устроит. Один плюс — может, жратвы прихвачу.

Бирман краешком рта улыбнулся. Вроде бы Лорд все это время был в его подчинении. Но явно норовил взять командование на себя. Немного поколебавшись, он все же спросил у Серго:

— Слушай, неохота через полгорода пилить. Может, здесь есть койко-место для ночных тупиц? Вдруг увижу во сне таблицу какую примечательную. В профиле нашего дела.

Лорд ехидно усмехнулся:

— А-а, меняю диван на диван. У тебя, правда, куда более винтажный вариант. Устраивайся вон, в приемной, на моем обычном месте. Подушка и плед — на верхней полке в шкафу. Но не рассчитывай тогда до утра дрыхнуть — вернусь, разбужу...

Лорд попался в очень простую ловушку. Не будь он измотан расследованием, не торопись вернуться обратно в Особняк, не волнуйся из-за закидонов мамы, не расстраивайся из-за пропавшей ведьмы, он вряд ли пропустил бы примитивную засаду. Но... Ночная тьма и самоуверенность мистера Власть стали дополнительными преимуществами нападавшего. Не помогли ни занятия по каратэ, ни оружие в кобуре, ни рация со специальным сигналом вызова подкрепления...

61. Плохое и худшее

Привыкший к коротким промежуткам сна, в четыре Бирман проснулся сам. Никакие таблицы ему не при-
снились. Новые идеи у сонной команды отсутствовали. Предложив всем желающим отправиться отдохнуть, он засел за ноутбук Лорда. Подсмотренный еще пару дней назад пароль открывал широкие возможности, но Бирман отправился в блуждания по интернету.

Без пяти пять вернулся Гончаренко, и Сергей развернул к измученным коллегам экран компьютера:

— Смотрите. Некто с ником Rogalsky время от времени писал на форуме некоего клуба двадцать пятью чувства. И здесь, на форуме, у него есть три особо яростные поклонницы. Ники: Aelita, Mirabel и Kassiopea. Все три — агрессивные и неадекватные. Подписи Аэлита и Кассиопея встречаются еще на десятке разных сайтов в контексте обсуждения идей Рогальского. Космические струны, мировое информационное пространство, взаимодействие торсионных полей. И подобная хрень. Есть у нас кто по информационным технологиям? Нужно найти женщин за этими никами.

Резко вышедший из сонной апатии Каслинский ответил:

— Я позвоню Борису Юрову. Пусть работает. Это хоть что-то.

— На самом форуме зарегистрировано около двухсот женских ников. Тридцать четыре отметились в темах Рогальского. Надо их всех проверить.

Гончаренко облегченно вздохнул:

— Я их всех из-под земли достану.

Через полчаса невидимые ребята из команды Юрова начали присылать на электронный адрес Лорда тонны данных. IP-адреса, провайдеры, сети, прокси-сервера, пользователи... Команда бросилась в лихорадочную работу по отработке этих сведений. Аэлита и еще тринадцать ников из списка пользователей форума оказались клонами.

Гончаренко с Аишей рванули по установленному адресу проживания Агриппины Николаевны Горловой. В квартире обнаружили только старенькую маму Агриппины. Та утверждала, что дочка отправилась в путешествие с женихом. С очень представительным и видным мужчиной. Иностранцем. Джеком Кройсантом. Вроде так старушка расслышала. Куда отправились? Так на родину жениха, в Англию. С родителями будущего мужа знакомиться. Чем дочка занималась? В большой фирме работала на важной должности. Дома и квартиры продавала богатым людям. Зарабатывала очень хорошо, вон и телевизор новый купили, и холодильник. А на ремонт все собирались накопить. Может, в будущем году сделают. Дача? Нет, отродясь у них дачи никакой не было. Да и зачем Гриппочке дача, когда жених в Англии нашелся...

Разбуженная директор большой фирмы подтвердила, что Горлова работала у нее лет этак пять назад, но звезд с неба не хватало. Зато была прищучена за увод клиентов из фирмы налево, после чего ей самой вежливо предложили уйти по собственному желанию. Возможных клиентов Горловой риэлторша не знала, но после угрозы наезда на фирму со стороны силовых структур согласилась немедленно подготовить список всех бывших клиентов.

Приехавший в разгар переговоров с риэлторшей Левка начал бубнить что-то про важность выбора имени ребенку. По его мнению, ник «Аэлита» кричал о недовольстве девочкой своим именем и вытекающих из этого проблемах. Бирман невежливо поделился с психологом

своими знаниями ненормативной лексики. А потом занял его отбором тех клиентов, что готовы были доверить свои миллионы Гриппочке.

В восемь противно заверещал мобильник Сергея.

— Бирман.

— Меня зовут Нина Андреевна Лордкипанидзе. Мой сын сейчас живет с вами.

Бирман скривился от выбранного женщиной оборота речи. Потом объясняй всем, кто с кем жил.

— Да, Нина Андреевна, Серго живет в моей квартире.

— Вы понимаете, какую ответственность на себя взяли?

Бирман не понимал. Сколько там лет Лорду? Точно не пять. И даже не пятнадцать. И за плечами у Серго куча раскрытых дел, требовавших интеллекта и везения. Не говоря уже о способности Лорда подчинять себе все и всех. Ответственность... ха!

— Вы же взрослый мужчина, как вам не стыдно забивать голову нежного мальчика фантазиями о ведьмах?! Что за мерзавку вы ему подсунули?

Бирман улыбнулся. Милая Нина Андреевна только что вкатила ему идеальную прививку от властности Лорда. Что бы ни делал теперь Серго, достаточно будет вспомнить «нежного мальчика». Левка был прав.

— Я могу понять, что у вас есть физиологические потребности. Удовлетворяйте их с кем хотите. Но не провоцируйте моего сына на нежелательные контакты с неприличными женщинами!

Что ей ответить? Что у Лорда всяких женщин, и в массе своей вполне приличных, перебивало более чем достаточно и без помощи Бирмана? Что Серго вообще не нужна помощь, он снимает девушек несколькими властными взглядами? И, получив свое, шагает дальше,

даже не потрудившись узнать имя подружки на один раз? Увы, что ни говори, все будет напрасно.

— Я требую, чтобы вы оградили моего ребенка от неподобающего общения!

И опять же, что можно сказать в ответ? Все уже свершилось. «Нежный мальчик» втрескался в ведьму с серебристыми глазами со всем пылом человека, который впервые в жизни услышал даже не «нет», а неопределенное «не сейчас». Но пока Рита еще не понимает, какую власть над мистером Власть получила. А вот если поймет, Лорду придется выбирать: мама или возлюбленная.

Бирман поставил бы на Риту, но думать о птичке в золотой клетке категорически не хотелось. Лучше представлять, как серебряные глаза вспыхивают детским восторгом при виде накатывающих на берег волн. И как загораются азартом гонки. Или улыбаются миру...

Держись, ведьмочка, держись, птичка, только держись...

— И знайте, вы ответите за все ваши грехи перед Господом!

Бирман только вздохнул. Разумеется, ответит. Ему бы только Ритку из лап Френда вытащить, а потом он готов сразу за все ответить.

— Я хочу, чтобы вы немедленно передали Сержу, что он должен вернуться домой. Я его жду дома. И пусть включит телефон. Игнорирование родной матери — очень дурной поступок. Я уже немолода, со мной может что-нибудь случиться в любой момент, мне может понадобиться его помощь, а я не могу ему позвонить. А если бы со мной что-нибудь стряслось? Он бы всю жизнь себе этого не простил.

Острое предчувствие беды заставило Бирмана перебить бесконечные сетования старой женщины:

— Нина Андреевна, Серго не приезжал к вам ночью?

— Нет, и это очень грустно, потому что молодые должны возвращать свои долги...

Уронив трубку, Бирман бросился сам искать Лорда, отчаянно надеясь, что ошибается. Но он не ошибся. Серебристый мерседес был аккуратно поставлен на стоянку, но сам Лорд исчез.

62. Домик в деревне

Поездка в багажнике оказалась для меня непростым аттракционом. Я болталась по днищу багажника, царапаясь о рассыпанные мелкие железки. Пытаясь удержаться от ударов головой, я тщетно упиралась посильнее ногами и только зазря измочалилась. Светлая мысль попытаться прикинуть, куда именно меня везут, испарилась бесследно на втором или третьем лежачем полицейском. Машина подпрыгивала, я подпрыгивала вместе с ней, а затем всей тушкой плюхалась обратно. Руки быстро затекли, и я перестала чувствовать — есть ли там еще в конце моих конечностей растопырки, именуемые пальцами.

Но все, даже самое плохое, когда-либо заканчивается. Это такой вселенский закон движения времени. Закончилась и моя поездка. Крышка открылась, и я увидела ярко-синее небо. Пронзительно чистое и глубокое осеннее небо. Красота, что и говорить.

Резиденцией маньяка оказался огромный недостроенный дом с большущей ямой рядом. С первого взгляда было понятно, что махину давно забросили, и другой вселенский закон — увеличения энтропии — с чувством удовлетворения начал приводить местность к исходному состоянию. Нарядный фасад потерял задуманный лоск, кое-где пустые рамы, очевидно, приманивали птиц, размеченные тропинки давно заросли травой. Но размах замысла все еще поражал воображение.

Френд грубо протащил меня внутрь дома, заставил подняться по недостроенной лестнице и втолкнул в большую комнату с наглухо заколоченным фанерным щитом окном.

— Машенька, побудь здесь немного, я должен уладить кое-какие дела.

Голос прозвучал лелейно, и я всерьез начала вспоминать все чертовы учебники по распознаванию типов личностей, поведенческих мотивов и прочей лабуде. Ну, что-то же должно мне помочь понять, где у этого придурка включаются тормоза? А если даже тормозов нет, стоп-кран должен быть запроектирован? Даже не явный, а инстинктивный, природный? Мне нужно продержаться хотя бы пару дней.

Тупые сценаристы. Глупые сказочники. Во всех ваших идеях нет ни грамма реальности. Где?! Где белые рояли в углах моей темницы? Где случайно оброненные преступниками ножи, чтобы освободить руки? Где хотя бы железные пластины или осколки стекла? Почему здесь нет выставки огнестрельного оружия или хотя бы пары образцов самурайских мечей? Зря я так с ходу отвергла идею Бирмана о запасе чего-нибудь опасного. Френд меня, конечно, обыскал, но ведь не так тотально.

Умная я всегда. Особенно потом.

О! Я зря ругалась. Вон в углу, за картонками, валяется что-то. Ну-ка, посмотрим. Оказалось, что элементарное действие по доставанию предмета руками, связанными за спиной, больше всего похоже на выступление клоуна-неудачника. И публике не смешно, и самому противно. Когда же я разглядела добычу, я минут десять вдохновенно вспоминала все известные мне ругательства.

В фильмах героиням в разорванных одеждах обязательно кладут под руку что-нибудь вроде тяжелого гаечного ключа или кухонной вилки. Мне подложили розовый кукольный чепчик с красным бантиком. Кто-то там, наверху, явно угорает от моего вида. Когда помру, я с вами всеми разберусь. Боги, демоны — на все будет плевать. Я такое там, в вашей загробной богадельне, устрою...

Поорав немного и исчерпав запас обидных обзывалок, я боком улеглась на полу и попыталась отключить-

ся. Ничего не вышло. Организм, взбудораженный происходящим, категорически отказывался игнорировать сигналы опасности и расслабляться. Выберусь из этой передраги, пойду на курсы аутотренинга. Буду денно и ночью тренироваться, чтобы научиться засыпать по команде мозгов, а заодно и просыпаться в нужный момент.

Ладно, Рита, заснуть все равно не удастся. Давай, думай. Учебники — учебниками, и кое-как вымученные экзамены с тройками в зачетке — всего лишь игра условностей, где и экзаменаторы, и студенты разыгрывают известные роли. Теперь у тебя не практический семинар и не экскурсия в центр реабилитации жертв насилия. Ты сама вот-вот станешь жертвой насилия. И убийства. Думай, Рита.

Что я знаю? Что Френд чокнут на маме. Что теперь он уверен, что я — воскресшая она. Что явное упоминание на женщине не останавливает этого психа от весьма жестокого обращения с этой женщиной. Что Френд — убийца мужчин, которых так или иначе считает обидчиками своей прекрасной волшебницы.

Зачем он похитил меня? Если бы дело было только во влечении, он легко мог получить все, напав на меня в моей же норе. Тем более что когда он начал слежку, я о его существовании еще и не подозревала. Значит, есть что-то, что я должна сделать или сказать? Что??

Мамуленька, дорогая моя, там, на небесах, очнись от радостного забвения кошмаров бытия, пошли мне знание о том, как мне надо себя вести, чтобы выиграть время?

Левка, светоч вселенной, пошли мне из своего безопасного кабинета светлую мысль. Ты должен разбираться в этих хитроумных завихах мозгов. Чего этот урод от меня хочет?

Как нам всегда хочется, чтобы кто-нибудь помог, а? Брось, Рита, глупости придумывать. Передача мыслей

на расстояние — вещь пока недоказанная. Равно как и общение с душами умерших. Думай сама.

Словно в ответ на здравые размышления умная мысль всплыла из глубины моей собственной памяти. Ритуалы. Многие маньяки всегда следуют ритуалам. Френд не мог изнасиловать и убить меня в моей собственной квартире, потому что это было бы неправильно. Это не согласовывалась с тем, что он однажды придумал в качестве обязательного сценария «путешествия к свету».

Свет. В письмах Джорджа часто встречалось что-то про «подари мне свет». Он умолял об этом прекрасную волшебницу, называл ее светом своей души и разными прочими слащавыми глупостями. Значит ли это, что волшебница должна «подарить свет» по доброй воле? Кажется, где-то говорилось про достойную награду. Секс становился наградой за какие-то дела? Какие? Убийство любовников? Мама знала про убийства? И провоцировала их, соблазняя глупых и бестолковых мужчин на подоконниках и в рабочих кабинетах? Нет, не верю. Она в чужих объятиях забыться хотела, убежать от реальности.

В любом случае, моя единственная надежда — затянуть процесс «дарения света» настолько, насколько хватит сил. Где-то в городе целая толпа умных и сильных охотников за монстром идет по следу, и чем спокойнее и мудрее я буду, тем больше шансов, что им хватит времени найти меня и Анютку. Живыми.

В маленький круглый глазок от выпавшего из фанеры сучка я видела, как на землю опускается тьма. Постепенно и неотвратно планета поворачивалась другим боком к светилу, отдавая существ на этой стороне во власть богов и богинь ночи. Наконец, в окружающей затхлой и неподвижной темноте остался маленький

овальный кусочек чистой и глубокой темноты — окошко в далекий космос. Из космоса мне подмигивала маленькая звездочка. Где-то там, далеко-далеко, под светом звезд расцветали неведомые сады. Суетились люди в загадочных и непонятных городах. Решали свои проблемы. Возможно, где-то там, в свете этой звезды, есть другая девушка, которая смотрит сквозь дырочку на наше солнце и мысленно просит о помощи. Держись, милая, держись, сестричка. Кто-нибудь поможет. Кто-нибудь услышит.

Время шло медленно-медленно. Не то, чтобы я торопила события, но чем больше я буду ждать каких-либо действий в напряжении, тем меньше шансов, что я их все-таки дождусь в адекватной форме. Не хотелось бы трое суток провести в нервозе, чтобы потом в критический момент взять и вырубиться.

Шум. Машина. Приближается. Кто-то приехал.

Серьезный степенный человек неторопливо вычитывал рукопись. На самом деле это была, разумеется, не рукопись, а распечатка. Очередная версия книги об относительности миров и множественных вселенных. Хорошая книга получилась. В меру разумная, в меру загадочная. Надо будет следующую написать про параллельные миры. Несколько цитат из Хокинга, несколько из Кинга, а основная часть — история одного вроде бы безумца. Славный получится коктейль.

— Джек, я Машкиного хахалю привез.

Джек поморщился, прерванный на середине обдумывания пришедшей в голову идеи еще одной книги. Но смысл сказанного поразил его настолько, что идея выскользнула из головы, и он переключился на друга:

— Которого?

— Как это, которого? Мента чернявого.

— А другой?

— В памятнике архитектуры сидит. Приклеился. Да же пожрать не вылезает.

— Где журналист?

— Не знаю где. Из больницы выписался, домой не доехал. Есть мысль, что он у бабы осел. Ну, вертихвостка там рядом все крутилась, то к дочке звезды липла, то Маше зубы заговаривала.

— Завтра разузнаешь все толком.

— Не дрейфь, прорвемся. Возьмем всех. Машенька спит?

— Я не проверял. Но в ее комнате тихо.

— Ты с хахалем где разбираться будешь?

— Затащи его в дом и оставь у лестницы. Я сейчас же и займусь. Потом все приберешь и поедешь за журналистом и вторым ментом. Сделаешь все хорошо — завтра сможешь рассказать Машеньке про свет.

— Джек... ты правда хочешь?..

— Ты достоин награды, мой друг. Настоящей награды. Маша должна подарить тебе свет. Ты же так долго ждал.

Джордж затрясся, словно в лихорадке:

— Боже мой, Джек...

— Эта Маша особая, Джордж. Волшебный свет специально для тебя.

— Джек, брат мой, я все для тебя сделаю. И Машенька будет моя... Мой свет...

63. Разговоры, разговорчики

Джек спустился в большое помещение, некогда запланированное под парадный вестибюль. Здесь хорошо бы смотрелись бархатные платья и бриллианты в блеске хрустальных люстр. Здесь были бы к месту надменные бабские рожи с проступающими сквозь косметику простецкими чертами крестьянок Лисьегогорска и Межболотинска. Здесь могли бы разыгрываться драмы с летящими вниз по лестнице беременными красавицами. Здесь... какая разница, что могло бы быть?

В тусклом круге света от болтающейся на проводе лампочки, на каменном полу, лежала беспомощная жертва чужого безумия. Джордж четко выполнил все указания брата. Руки пленника были сзади зафиксированы наручниками. Щиколотки связаны прочным шнуром. Шея перехвачена веревкой со скользящей петлей, а конец веревки закреплен на массивном столбе, который должен был бы поддерживать перила.

Пленник невозмутимо уставился на своего палача. И для того, чтобы оторваться от этого черного взгляда, Джеку потребовалось усилие. Тренировки по управлению собой неожиданногодились.

Хороший выбор. Отличная добыча. Предвкушение жестокого зрелища разлилось по клеточкам тела особой радостью, нетерпением и одновременно нежеланием ускорить волнующий момент. Наконец-то ему попалась достойная жертва. И сегодня все будет сделано на высшем уровне. Так, как давно не получалось. Главное — не торопиться, не подгонять себя. Главное — насладиться ритуалом сполна.

Пленник чуть повернулся и непринужденным светским тоном спокойно спросил:

— Ты позволишь Маргарите увидеть мое убийство?

В вопросе таилось пожелание, посыл на то, что Маргарита просто-таки должна увидеть это убийство. Джек не собирался следовать чужим установкам, но внезапно подумал, что мысль отличная. Грязная девица, скулящая при виде крови любовничка, корчащегося в смертных муках. Отличное дополнение к картинке.

— Тебе будет проще помереть в ее компании?

— Мне все равно, в чьей компании помереть. Если уж действительно помирать.

— Тогда зачем тебе ее присутствие?

— Чтобы превратить ее в ведьму.

Джек рассмеялся. Как же все эти мелкие и мерзкие людишки наивны и глупы. Даже этот крепкий дурачок, взявшийся разгадывать чужие замыслы, по уровню мышления не ушел дальше глупых подстилок, читающих в его книгах про НЛО и верящих, что по космосу носятся гигантские летающие тарелки.

— Ведьм не существует.

Ответный тихий смех пленника неприятно резанул уши. Вот дебил, что это он себе позволяет? Джек слегка пнул свою жертву ногой, смех прекратился, но в голосе осталось легкая насмешка:

— Я проиграл одному хорошему человеку двадцать баксов. Ты не веришь во все то, о чем пишешь. Ты нашел хорошие и сравнительно легкие деньги. Да и двери в высокие сферы приоткрыл.

— Завидно?

— Немного. У тебя есть чему поучиться.

Джека порадовала такая похвала. Не зря, значит, этот мент добился многого. Умеет быть умным, когда надо. Сразу сообразил, кто здесь сильнее, и признал свою неполноценность.

Черные глаза изобразили что-то похожее на смире-

ние, и пленник размеренным спокойным баритоном попытался объяснить:

— Я не верю в магию как систему правильных заклинаний и символов. Но я верю в показания датчиков и измерительных систем. Я прогнал Маргариту через несколько тестов. Сугубо физиологических. И у нее есть необычные показатели. Выбывающихся не за пределы норм, а за пределы представлений о том, что в принципе может быть. И показатели эти объективны, потому что получены неоднократно, и потому что во время исследования твоя дочь спала и о самом факте экспериментов даже не подозревает.

Джек снисходительно фыркнул.

— Тесты — ерунда. И она мне не дочь.

— Да, кровного родства нет. Ты не устаешь об этом твердить. Но фишка в том, что кем бы мы ни были по сочетанию генов, мы еще умеем учиться. Маргарита провела рядом с тобой все детство, всю ту пору, когда дети впитывают в себя шаблоны поведения, стереотипы реакций, варианты эмоций. А она очень наблюдательна.

— И что?

— Разве ты не видишь, что она на тебя похожа? Она научилась у тебя слишком многому. Ты создал ее такой, какая она есть. Ведьмой.

— Дурацкие бредни.

— Зря ты отрицаешь очевидное.

Джек нетерпеливо перебил чернявого мента, торопясь выговорить накопленную за долгие годы злость:

— Маша очень ошиблась с этим вырожденком. Мальчишки выросли никчемными, но хотя бы нормальными. А эта подзаборная гадина не могла не вырасти в такое же отродье, что произвело ее на свет. Я предупреждал Машу, угрожал даже. Но ей хотелось девочку. Я не смог ей отказать. Но надо было утопить эту жалкую мерзавку, пока она была маленькой.

Внимательные черные глаза готовы были выслушать все, и Джека прорвало:

— Столько Машиных сил, и все попусту. Выросла обычная потаскушка. Невоспитанная, вульгарная, пошлая. Никакой скромности, ни одной попытки соблюсти приличия. Ни вкуса, ни чувства такта, ни хотя бы благодарности к матери. Червивая падаль с гнилого дерева...

Беспомощный пленник спокойно выслушивал длинные гневные тирады. Иногда он словно пытался кивнуть в знак согласия, и это провоцировало Джека на новые и новые разглагольствования о дурном происхождении приемной дочери и ее распущенности.

Исчерпав ругательства и немного разрядив гневный запал, Джек остановился. После паузы пленник мягко и доброжелательно заметил:

— Мой светлый друг разбогатеет. Я снова в проигрыше. Значит, ты хотел ее. Ты выгнал ее, потому что заметил, что она выросла в красивую женщину.

Джек приосанился и горделиво отверг мерзкое предположение:

— Я любил и люблю одну-единственную женщину в жизни. И я сохраню ей верность до гробовой доски. Никому не изгадить светлого воспоминания о моей дорогой Маше. Никаким проституткам не соблазнить меня грубым телесным развратом.

— Надеюсь, твоей дорогой Маше икнулось на том свете как следует.

Писатель от души двинул распростертого на полу мужчину ногой в живот. Пленник застонал и торопливо извинился:

— Прости, перешел черту. Джордж так огрел меня по башке, что я плохо соображаю.

В сказанном чувствовалась легкая небрежность. Но Джек не обратил на нее внимания. Его порадовала

спокойная констатация пленником собственной беспомощности. Это очень хорошо, что жертва понимает, что она жертва. Джек не любил, когда его планы срывались из-за глупого и бесполезного сопротивления.

Черные глаза пленника поймали взгляд Джека, и мент продолжил беседу:

— Я атеист. И материалист. Но поскольку мне самому от рождения доступно многое из того, чему другие безрезультатно учатся годами, я на досуге разными экстраординарными способностями интересуюсь. Исключительно с точки зрения психологии и физиологии. Так вот у тебя, Джек, несомненно, есть дар убеждать и очаровывать людей. Ты экстраординарен в своем таланте.

Евгений Рогальский довольно улыбнулся. Так приятно знать, что другие заметили твою уникальность и готовы прямо заявить о ней.

— Конечно, я экстраординарен. Я с самого детства знал о своей исключительности. И с малолетства готовился к великой судьбе...

Джек припомнил один случай из детства, потом другой, третий. Внимательный слушатель изредка подкивал ему и выражал свое полное согласие со всеми выводами Джека о мелочности и глупости остального человечества. Когда тема детских обид и непонимания в школьном коллективе исчерпалась, чернявый мент перевел разговор на обсуждение Френда:

— Я восхищен результатами твоей работы с Джоржем — добиться столь фанатичной и рабской преданности непросто. А ты еще совсем ребенком имел дело со сводным братом, старше и сильнее, да еще и играл на его поле. Твои успехи впечатляют.

— Джордж — глупый и тупой. Весь в своего идиота-папашу. Даже внешне похож. И, поверь, я легко внушил ему, что он мне по жизни все должен. Чувство вины — мощная кнопка. А он был виноват передо мной, потому

что переспал с моей матерью. Он был виноват перед отцом, потому что переспал с его женой. Он был виноват перед собственной матерью, потому что предал ее любовь, переспав с той, что разрушила их семью.

— Как ты узнал об этом?

— Застукал их вместе. Случайно оказался там, где меня быть попросту не могло.

— Ясно. И ты сделал из брата козла отпущения.

— Да.

Рогальский доверительно рассказал пленнику о проделках с вынужденным родственником. Как Джорджа наказывали за хулиганство брата, как били за чужие выходы, как...

Беседа с чернявым ментом определенно очень нравилась Джеку. Как приятно иметь дело с таким разумным человеком. Понимающим человеком. Ведь даже по вопросам понятно, что пленник сочувствует ему, разделяет его собственное негодование и видит корни проблем.

— Скажи, а как твоя жена относилась к Джорджу? Рядом с тобой он выглядит низкопробной и грязной скотиной. Наверняка он вызывал у нее отвращение. Как она его терпела?

— Она его не терпела. Сначала еще пыталась притворяться. Ради меня. Но потом избегать его стала.

— Джордж ухаживал за ней. Ты ведь знаешь о его одержимости светлыми волшебницами?

— Это все для Маши было мерзко, отвратительно. Ухаживания раздражали ее. Но она не опускалась до грубости. Она спокойно отвергала все его притязания.

— Я прочитал много книг по истории. Красивые эффектные женщины редко довольствуются одним-единственным сексуальным партнером. Они получают столько предложений, что рано или поздно принимают одно из них. А многим по определению время от времени необходимо разнообразие на сексуальной кухне.

— Чушь. Любой женщине нужен один-единственный любимый. И никакого разнообразия им не требуется. Да и о каком, собственно, разнообразии может идти речь?

— Ну, придется одна и та же рожа, тянет поцеловать какую-нибудь другую и сравнить впечатления. Ты не замечал, Маша никогда не проявляла интереса к другим мужчинам?

— Она никогда! Слышишь? Никогда! Даже не смотрела на других мужчин! Она любила меня! Только меня! И она даже не могла дотронуться до других мужчин. Когда ее даже случайно задевали, ее это всегда шокировало!

— Откуда же столько разговоров о ее приключениях?

— Мерзкие люди не могли простить ей ее чистоты и невинности и поэтому наговаривали на нее.

Легкое сомнение, облачком пронесшееся по лицу пленника, вызвало раздражение Рогальского, и он бросился объяснять и доказывать ему клеветническую породу человечества. На примерах из жизни его верной жены Маши, которую столько раз пытались оболгать и замазать в грязи никчемные ничтожества, не достойные даже лизать след от ее обуви...

Джек говорил и говорил. Вспоминал и пересказывал с одной истории на другую. Делился тем, что никогда никому не рассказывал. Выкладывал подробности убийств и описывал собственные эмоции.

Пленник все так же с интересом и пониманием слушал излияния Джека. А потом вдруг закрыл глаза. На две-три секунды. Веки несколько раз дрогнули и открылись. Взгляд черных глаз остался спокойным, но Джек вдруг понял, что менту потребовалось слишком много сил, чтобы выполнить одно простое движение. Запекшаяся на черных волосах кровь напомнила ему о том, что он собирался сделать.

Магия пленника разрушилась...

Желтый круг от тусклой лампочки давно потерялся в мягких лучах дневного света, падающих в зал сквозь провалы окон. Где-то за окном даже поблескивал одинокий солнечный луч, случайно прорвавшийся сквозь темную облачную массу.

Время! Поганый мент держит его на крючке разговоров и тянет время! Специально заводит разговоры о всем подряд. И Джек ведется на эту игру. Разливается соловьем. Балаболит, будто лекцию читает. Будто других дел нет.

Циферблат старых, еще советских часов бесстрастно продемонстрировал Джеку, что намеченное «на рассвете» вот-вот превратится в «после обеда».

— Говнюк! Мразь! Дебил!

Черные глаза блеснули грустным удовлетворением. Жаль, что не удалось продержаться еще дольше, но, может, этого хватит ребятам, чтобы найти логово монстров? И хорошо бы, чтобы кого-нибудь осенило, что монстров — двое. Давайте, мужики, действуйте.

Девчонки, а вы держитесь. А ты, Маргарита, еще и думай. Ты можешь заморочить им головы не хуже меня. Включи свое колдовство и разберись с ними. Выкини цивилизацию из головы. Будь ведьмой.

Джек поднялся до середины лестницы и крикнул:

— Джордж! Где тебя носит? Ты мне нужен!

Через несколько долгих минут на площадке второго этажа показалась массивная фигура Френда. За ним шла ведьма в элегантном желтом платье, куда более уместном на каком-нибудь приеме иностранного посла. Ведьма подчеркнуто осторожно наступала босыми ногами на холодный пол. Руки ее были заведены за спину, и, по всей видимости, связаны.

Лорд немного перевел дух. Жива. И более-менее в порядке.

Но тут измученные черные глаза встретили острый ледяной серый взгляд. Сосредоточенный взгляд инфер-

нальной сущности, жаждущей испить человеческой крови и идущей на запах этой крови. Взгляд невозможно было выдержать. Что-то первобытное внутри кричало от ужаса, мелко дрожало и требовало немедленно сделать ноги.

Это не выкидывание цивилизации. Это возврат туда, где одна клетка вдруг обнаружила, что можно подзакусить соседкой. И оказалось, что это весьма приятно.

Эх, Маргарита. Ты что, загрызть папашу собралась?

Папашу не жалко, но что, если кровь придется тебе по вкусу? Ты представляешь, какая будет с тобой морочка? Выгуливать тебя по ночам, прятать от солнечных лучей, обкрадывать станции переливания крови и ни в коем случае не держать поблизости осиновых деревьяшек. Хлопот не оберешься.

Спустившийся к пленнику Джордж отлично знал, как и что делать. Натренировался за свою долгую жизнь. Заранее приготовленный железный прут коротко просвистел в воздухе. Звук, с которым металл врезался в живую плоть, хруст ломающейся кости и короткий стон пленника прозвучали в голове убийцы прямо-таки волшебной музыкой. Не удержавшись, Джордж нанес по беспомощной жертве еще несколько ударов ногами. Пленник не издал больше ни звука, но Джек не сразу понял, что чернявый мент потерял сознание.

Коротко поблагодарив брата и сделав несколько дыхательных упражнений, эксперт по индивидуальной настройке космических струн успокоился. Ничего. Не так уж важно: часом раньше, парой часов позже. Надо ненадолго переключиться, подумать над книгой. Джордж пока все приготовит, а потом можно будет сразу начать.

64. Переступить черту

Глазок в фанере возвестил мне о занимающемся рас свете. Но я не сразу поняла, что означает порозовевшая овальная дырочка. Я пыталась прислушиваться к голо сам. Неподалеку разговаривали мужчины. И одним из них стопроцентно был мой папаша.

Отец говорил много и достаточно громко. О Маше, о Джордже, о своем детстве. Многословные монологи лились нескончаемой чередой слов. Собеседник отца время от времени вставлял в разговор короткие фразы и вопросы, но слишком тихо. Я не могла узнать его по го лосу. Был ли это Френд?

Расклад был принципиально иным, чем представля лось Бирману и Лорду. Отец не был пленником, это ясно. Иначе он не излагал бы свои бесценные мысли так, слов но выступает перед большой аудиторией. Значит, он знал о моем похищении и был соучастником Френда?

Монстров оказалось двое, и это все здорово усложня ло. Я уже смирилась с мыслью, что мне придется любой ценой тянуть время с дорогим дядюшкой. Но как и с по мощью чего сражаться с отцом? Разговаривать со мной он не будет. Никаких вариантов «похода к свету» можно даже и не рассматривать. Тогда что?

Я успела расслышать тихие шаги в коридоре и быстро распростерлась на полу в нелепой беспомощной позе. В комнату втиснулся благодостный дядюшка. В его голосе соединились радость и детский восторг:

— Машенька, ты знаешь, что мне сказал Джек? Что я достоин награды, и ты проведешь меня в свет. Ты пони маешь? После всех этих лет, после стольких неудач, по сле всех разочарований мы сможем обрести истинный

свет. Я уже все приготовил, еще немного, и мы войдем в свет.

Мило. На какое-то время я забыла, как дышать. То есть рулит всем этим вовсе не Френд, а мой папашка? Он знает, что я не Маша, и пообещал меня братцу в качестве награды. За что? За какие такие заслуги? А женой он тоже награждал дорогого Джорджа? Или это только моя привилегия — топать к свету?

К моему удивлению, Френд присел и распутал веревки на моих руках. Я села, осторожно прикидывая, смогу ли я нейтрализовать Френда чисто физически. Но он был настороже. И следил за моими движениями очень внимательно.

Нейтрализовать... Ты, Рита, лапы свои сначала релаксируй. Пальцы на правой руке вообще синие. И обе руки ты не чувствуешь. А, нет, чувствуешь. Резкую боль в жутких ссадинах на запястьях.

— Я принес тебе твоё платье, Машенька. Все должно быть, как следует. Правильно. Ты ведь помнишь это платье, да?

Конечно, помню. Я все помню. Я всю историю человеческой цивилизации помню. Все-все платья мира.

Чистая желтая материя колыхнулась прямо перед моим носом.

— Давай, помогу тебе переодеться. Как раньше. Чтобы тебе не мучиться с молнией.

Отказаться не было никакой возможности. Френд был настроен слишком решительно. И у меня выламывало руки болью, которую я почти не могла вынести. Пришлось терпеливо пережить и раздевание, и одевание. Помогло мысленное упражнение по тренировке памяти. Я вспомнила всю ненормативную лексику из запаса Кузьки Кронштейна.

Заботливый Френд показал мне, что получилось, в овальном зеркальце. Трындец здравому смыслу,

но платье мне шло. Я бы даже сказала, оно мне нравилось. Только мама, оказывается, была размера на три толще.

Чуть раздраженный голос отца продолжал что-то бубнить. Значит, кроме меня, Френда, Анютки и отца в доме есть кто-то еще. Еще один монстр?

Нет, ладно, один, допустим, двое. Но я что, попала на всемирный конгресс маньяков? Или на слет убийц по обмену опытом? На конференцию «Современное убийство — здоровое и экологичное»? За что мне такие «милости» от провидения?

Беда была еще и в том, что в пьесе, где мне досталась главная роль, я не знала слов. На каком языке мама с этим психом общалась? На высоком литературном? На грязном аргю? Как она его называла? Джордж? Френд? Гошенька??

— Скажи, а с кем это Евгений разговаривает?

— Ну как с кем, Машенька? Это же твой последний бугай. Крепкий, черт. И с норовом мужик, сразу видно. Джек очень доволен, говорит, раньше ты предпочитала неудачников и хлюпиков, и все было неинтересно. А этот ему очень понравился. Вон сколько времени с ним толкует. Но ты не волнуйся, мы все равно с ним быстро разберемся.

Мой последний бугай? Мужик с норовом? Кирилл... Мои дорогие родственнички все же добрались до журнала...

Я вам покажу бугая. Я вас в капусту покрошу.

— Мы наведем порядок в твоей жизни. Эти два мента очень тебе надоели, да? Докучливые такие, никак не понимают, что ты ими не интересуешься.

Еще и два мента? Надо полагать, это Бирман и... Лорд? То есть, подразумевается, что я с обоими успела. Оля-ля. Нет, я, конечно, симпатичная и глазом моргну — многих мужиков заинтересовать сумею. Только ничего,

что сейчас у меня шов в зеленке через полголовы просвечивает?

Два мента... не подведите меня, мальчики. Думайте, работайте, ищите. Пусть вам повезет. Эй, бабки-дедки покойные, не спать там, в райских куцах или на адских сковородках, вылезли из своих иных миров и все помогаем. Вашу кашу разгребаю, так что можете и пособить внучке. Может, по крови и не родной, зато по духу — точно вашей.

Френда заиклило на ласковом повторении:

— Машенька... Ты такая светлая... Машенька... Волшебница моя...

И меня посетило вдохновение. Рецепт власти стар, как мир: разделяй и властвуй.

Глубоко вздохнув и убедившись, что руки по-прежнему плохо слушаются, я пустила пробный шар:

— Мне кажется, ты так много сделал для Джека, что он мог бы разрешить тебе больше свободы. Почему он должен решать, чего ты достоин? Ты всегда был достоин самого лучшего.

Стоп, Ритка, не торопись, не так резко. Не пугай его. Осторожней.

— Ты всегда был умным, добрым, милым. Ты всегда заботился обо мне. Ты всегда был достоин света. Но ты слишком редко получал награду.

Серые глаза Френда вспыхнули старой, затаенной, глубоко спрятанной обидой.

— Ты сама говорила, что он должен разрешать, но что я никогда не должен говорить с ним об этом сам. Все осталось по-прежнему. Но теперь он разрешил мне. Он все понял, понимаешь?

Аллес капут. Какая несчастливая звезда прибила меня, сиротинушку, к этому дурдому?

— Он понял, что ты дорос до того уровня света, когда уже не нужны разрешения. Он ничего не может с этим

сделать. И он боится, что весь свет достанется тебе одному. Ты пережил так много несчастий, ты долго был одинок. Твои страдания привели тебя к свету. Ты боролся, ты был мужественным и верным. А что делал он? Ничего. За что награждать его?

Есть контакт, Ритка, попала. Теперь говори. Говори, уговаривай, заговаривай. Эй, кто там, на небесах есть вмняемый? Можно мне глоток воды? Нет? Тогда хоть немного времени дайте.

Вокруг стало темно и тихо. Я полностью сконцентрировалась на внушении безумному дядюшке того, что было выгодно мне.

— Он никогда не понимал меня, как ты...

— Он недооценивает, насколько много ты для него делаешь...

— Он не награждает тебя...

— Он отнял меня у тебя...

— Он стоял у тебя на пути...

— Ты должен освободиться от его власти...

— Ты должен избавиться от его контроля...

— Ты должен помочь мне...

— Ты можешь помочь мне...

— Я сделаю все сама...

— Я уничтожу его власть над тобой...

— Ты совсем немного поможешь мне...

— Мы пойдем вместе к свету...

Свет пробивался сквозь щели в фанере, в комнате было почти светло. Бубниловка отца смолкла, где-то что-то происходило. Громкий крик отца, зовущий Джорджа, заставил меня вздрогнуть. Горло и губы саднило от сухости, в уголке рта я чувствовала крохотную трещинку. Попытка сглотнуть насухо оказалась резко болезненной. Но просьба дать мне попить осталась безответной. Френд снова обмотал мои руки веревкой, хорошо хоть

на этот раз без затягивания узлов, и я вышла вслед за ним на лестничную площадку.

Внизу, на каменных плитах лежал... Лорд. Связанный и с разбитой головой.

Черт, мистер Власть, ты-то как вяпался? Вспомни, как ты ругал Левку, а сам? Самому мозгов не хватило на помощь позвать? Бирман знает? Пал Лексеич? Кто-то из твоих ребят? Левка?

Значит, все это время, пока я зомбировала невменяемого дядюшку, ты заставлял говорить моего отца? Отличная магия для двоих. Синхронный танец. Вслепую. Спасибо, партнер. И держись.

Я ведьма. Ведьма, с раннего детства, годами впитывавшая семейную страсть к смерти и крови. Пришла пора попробовать свои силы.

Френд нанес зверский удар по ноге беспомощной жертвы железным прутом. Но я осталась абсолютно спокойной. Да, рана страшная. Да, перелом. Плохой перелом. Да, кровь. Но я многое видела в этой жизни. Слишком многое для своих двадцати пяти. Я могу представить себе, что сейчас чувствует Лорд, но это не заставит меня испугаться. Ведьмы не боятся крови.

Отец невозмутимо поднялся по лестнице и проследовал мимо меня в одну из комнат. Надо торопиться. И я светским тоном прочирикала дядюшке:

— Ты ведь не позволишь ему отнять у тебя это торжество? Это ведь ты все сделал и все подготовил? Так почему он должен пользоваться плодами твоих трудов? Он отнимет у тебя свет.

Френд поднял железку и отнес ее в угол помещения, аккуратно прислонив к стене. Прибрался, однако. Навел порядок.

— Дай мне освободить тебя. Ты достоин свободы. И света. Позволь мне дать тебе такой свет, как никогда

раньше. Я сделаю тебя счастливым.

Дядюшка поднялся по лестнице и подошел ко мне вплотную. И я его поцеловала. Дотянулась пересохшими губами и чмокнула в обвисшую щеку. В идиотском рейтинге всех моих поцелуев этот сразу занял почетное последнее место. Ну, или первое, если считать, начиная с самых мерзких.

— Я все сделаю сама. И мы будем свободны. Совсем свободны от него. У нас будет столько света, сколько мы захотим. Ты сможешь быть, как он. Сможешь быть лучше него. Ты всегда был лучше.

Френд исчез на минуту, не больше. Потом что-то больно впилося в одно из моих запястий. Веревки соскользнули. Руки дядюшки сжали что-то холодное и скользкое в моих почти бесчувственных пальцах. Получилось? А если я попробую напасть на Френда прямо сейчас, шансы есть?

Дядюшка, словно услышав отголосок моих мыслей, слегка вывернул мне пальцы на другой руке:

— Пойдем, моя дорогая волшебница. Пойдем, станем свободными.

Ладно, будем решать задачи по мере поступления. Начнем с того, кто менее псих, но более убийца. Странные тебе мысли на ум приходят, Рита. Можно ли быть убийцей более или менее? Убиваешь один раз, значит, становишься убийцей. Это как с девственностью. Лишиться ее можно лишь однажды. Даже если зашить потом нужное место, можно обмануть глупого мужчину, но сама все равно будешь знать, что все уже было.

Френд решительно подтолкнул меня, и я спокойно вошла впереди него в «кабинет» отца. Папашка удобно расположился в дряхлом кресле и держал на коленях толстую пачку листов. Еще одна книга, значит. Я крепче сжала за спиной рукоятку. Спокойно, Рита. У тебя есть

шанс выиграть переход на следующий уровень. Только будь самой плохой девочкой на свете.

— Зачем ты ее привел?

— Я думал, ты хочешь поговорить с ней.

Я покосилась на дядюшку. Он с нежным выражением на лице любовался гордым профилем друга и брата. Прощается? Запоминает? Кто его там разберет, что у этих ма-
ньяков на уме.

Папаша сложил рукопись в аккуратную стопку, удовлетворенно откинулся на спинку кресла и негромко высказался на мой счет:

— Генетика — первопричина наших поступков и характеров. Мать, бросающая ребенка в мусор, по определению генетически дефектна. Их всех надо бы сразу стерилизовать. И потомство их тоже. Как ни посмотри, а воспитание не способно изменить базовой генетической программы...

Бла-бла-бла. Трынди, папочка, сколько хочешь.

Я сделала несколько шагов вперед так, словно была подтолкнута сзади.

Я не была уверена в себе. Смелые рассуждения, которые я излагала дядюшке, были всего лишь словами. Таким же бла-бла, как и длинные речи папочки. Смогу ли я сделать то, о чем так легко толковала? Как вообще это делают? Вдруг я промахнусь? Или окажусь недостаточно сильной? И даже если все получится, я останусь один на один с жаждущим света безумцем. Что я буду делать тогда?

Еще несколько шажочков, вроде бы по инерции. Между мной и отцом осталась жалкая пара метров. Тихо, Рита, не торопись. Пусть говорит. Он любит говорить.

— Джордж, как ты считаешь, может, следует дать Машеньке возможность побыть наедине с любимым? В последний раз? Помнишь, как это было тогда, на даче, с тем высоким архитектором?

Врет. Наверняка врет. Мама ничего не знала. Она хорошая была, мама. И любила меня. Единственный человек, кто меня вообще хоть когда-нибудь любил. Просто так, бескорыстно. Только потому, что я есть. Я люблю тебя, мама. И я выплачу твои долги.

Я словно невзначай немного потопталась на месте.

— Думаю, тебе, наша новая Маша, будет интересно посмотреть, как твои любовники расстанутся с жизнью. И я дам тебе попробовать их крови. Настоящей крови. У нее очень специфический вкус. Тебе понравится. Ты ведь тоже монстр.

Точно подмечено.

Мужчина сидел передо мной так спокойно, расслабленно и с таким покровительственным выражением лица, словно рассуждал не об убийствах, а о своих дурацких книгах. Попробуем твоей крови, папочка?

Я сделала последний шаг. Переступила невидимую черту. И всадила нож в горло отца. Глубоко, сильно. И рука не дрогнула.

65. Всеобщая мобилизация

Бирман испытывал некоторое чувство неловкости, вдруг оказавшись на чужом месте. Час назад сидеть за столом Лорда казалось ему естественным. Сейчас — неприятным. Но никто бы не понял его попытку отказаться.

Пал Алексеич отдал абсолютно четкий приказ. Все отделы и службы Особняка теперь работали на него, Бирмана. Оперативники, следователи, эксперты. Плюс команды из других ведомств. Плюс несколько отрядов омовцев. Плюс спасатели, вертолеты, спецподразделения...

Это выходило за рамки возможного. Еще вчера этого не могло быть. Но вчера осталось во вчера, а сегодня Бирману предстояло доказать, что генералы не ошибаются. В другом раскладе районный опер, которому и не снился такой взлет, был бы даже доволен собой. Но в этом неумолимые часы играли на его нервах отсчетом маленьких кусочков времени, каждый из которых мог стоить жизни Ритке, Серго и Анютке.

Начал Бирман с того, что собрал всю команду в том самом зале с летающими девами и младенцами и еще раз проговорил все, что было известно о деле к этому моменту. Завешанная бумагами стена с фотографиями, стрелками, схемами и кружочками выглядела как план боевых действий. Но пока охотники проигрывали.

Глеб Каслинский коротко описал сценарий нападения на Лорда:

— Его ждали прямо возле дома, там вдоль дорожки растут кусты, за ними в темноте легко спрятаться. В одном месте удобно подогнать машину, и как раз там есть свежие поломанные ветки. И земля утоптана. Ботинки

с небольшим каблуком. Сорок третий размер. Такие же следы есть на проезжей части.

Сделав длинную мрачную паузу, Глеб добавил:

— У Лорда было при себе два ствола, он меньше и не носит никогда. И у него черный пояс по каратэ. Но, если судить по месту нападения, он не сопротивлялся.

Фенек озвучил то, о чем многие успели подумать:

— Вырубили его, как Весенина тогда на даче. Дубинкой по голове. Сволочь Френд. Ты, Бирман, как хочешь, а мы его живым брать не будем.

— Вам не только Френда брать придется.

Глаза Левки казались еще больше и невероятнее. Он не мог скрыть своего шока, и карие блюдца словно гипнотизировали всех тревогой на грани истерики. Голос Левки оставался спокойным, интонации речи были размеренно-профессиональными, но присутствующим хватало вот этого тоскливого взгляда, чтобы проникнуться отчаянием психолога:

— Мы все подзабыли о Евгении Рогальском, списав его в покойники. Но я полагаю, что его исчезновение — его же собственная идея. Импульсивность, необузданность, жестокость, склонность к погромам и разрушениям (помните разгром в норе Риты?) — это Джордж. Несомненно, что именно Джордж-Френд напал на Риту и Весенина на даче. Нет вопросов и к убийству, за которое его осудили — однозначно, это была его выходка. Полагаю, на Серго напал тоже он...

Пауза снова вышла слишком долгой, слишком тяжелой. Но затем Левка сделал над собой усилие и ровно, спокойно продолжил:

— Но картина убийств любовников Марии Рогальской, а затем и близких друзей ее дочери — принципиально иная. Аккуратность к деталям, неторопливость, планирование, подготовка убийства по определенному сценарию — полагаю, это почерк Джека. Рассудительно-

го, спокойного Рогальского, который использовал брата для слежки и, возможно, соучастия в убийстве. Но главной движущей силой всего этого механизма убийств являлся он сам.

Левка умолк, и Бирман смущенно поймал себя на желании произнести что-нибудь вроде «аминь». Но Левка еще не закончил:

— Рита нужна, чтобы быть приманкой и, возможно, наградой для Джорджа. Помните, она говорила, что в его взгляде была одержимость? Есть множество свидетельств того, что Джордж был увлечен Машей Рогальской. А мы знаем, что некто оплатил создание фотографий, где Риту сделали очень похожей на Машу. Кому это могло быть нужно? Только самому Рогальскому, который таким образом сфокусировал манию брата на приемной дочери.

Толкование Левки проясняло тонкости вероятного союза двух монстров, но ни на миллиметр не приближало к знанию того, где эти самые монстры засели в данный момент.

Бирман подвел черту под всеми речами и выкладками:

— Самое главное сейчас — место. Надо прочесать все контакты Горловой и найти того ушибленного на голову клиента, который вручил ей ключи от своей хаты. Хата должна быть за городом, предположительно по одному из трех близлежащих к месту захвата ведьмы шоссе. И место должно быть достаточно уединенным, чтобы не привлекать внимания. Трясите всех друзей, знакомых, родственников Горловой — кому-нибудь она да проговорила.

Когда все разошлись, Сергей нагнал психолога уже в коридоре и приглушенно спросил:

— Ты не сказал ничего о времени. Сколько по твоим прикидкам у нас есть?

Левка покачал головой, нервно стиснув руки:

— Нисколько. Рогальский и Френд раздобыли все для любимой игры. Один хочет убивать, другой — пойти к свету. Не исключено, что все уже кончено. Еще на рассвете.

— Нет. Не верю. Серго не даст так просто себя убить. Да и Ритка... она что-нибудь придумает. Они живы, Левка.

— Я надеюсь. Очень надеюсь. Иначе и мне не жить.

Карие глаза были так уверены в этом «не жить», что Бирман невольно отвел взгляд, понимая, что соврать что-нибудь ободрительное достоверно не сможет. Но он все же вполголоса заметил:

— Не болтай глупостей. Я найду их. Обоих. Живыми.

— Я не верю в высшие сущности, но... да поможет тебе Бог.

Пал Алексеич внимательно выслушал все доклады и рассуждения. Но не понял почти ничего. Блестящий пронизательный ум генерала оказался парализован мыслью о том, что его воспитанник, его надежда и гордость оказался в ловушке безумного маньяка. Он знал, что подталкивая Серго к выбору семейной профессии, навязывает ему, в том числе, и риск, связанный с этой профессией. Но он всегда подстраховывал мальчика и был уверен, что никаких опасных инцидентов быть не может. Но вот, случилось...

Генералу нравился деятельный опер, которого он поставил во главе своих людей. И Бирман пока оправдал его ожидания, спокойно и даже легко приняв на себя всю ответственность за дело. Люди разбежались и разъехались по городу, сели на телефоны, застучали клавишами. Сложная схема взаимосвязей между жертвами, убийцами, свидетелями, сообщниками уже не казалась сплошной головоломкой. Из нее складывалась почти полная картинка безумства. Почти — пото-

му что пока в ней не было последних, самых важных кусочков мозаики. Генерал знал, что в делах вроде этого настанет момент, когда все решается в отчаянные секунды. Иногда ментам везет, словно кто-то подсказывает нужные решения и выводы. Иногда — нет. И тогда остается лишь марасть бумагу бесполезными объяснениями.

Бирману в этом деле везло. Просто везло. Поэтому Пал Алексеич нарушил все писанные и неписанные правила Особняка, отдав все в его руки.

Но почему же все-таки все случилось именно так? Почему умница Серго стал заложником, а этот высокий парень с репутацией авантюриста — нет? Что Пал Алексеич скажет Нине, если стряется беда? Сможет ли нанести такой удар любимой женщине? Не говоря о том, что вряд ли сможет пережить его сам...

Влад и Колька на пару перелопачивали материалы по делу, отыскивая какую-нибудь незамеченную ранее зацепку. Оба в суматохе лихорадочной работы и нервного напряжения чувствовали себя не в своей тарелке и немного не у дел. Влад попытался подсунуть Бирману бутерброд, но тот забыл его на столе в кабинете Лорда.

Колька несколько грустно заметил:

— Крепко Серега в деле этом увяз. Сдал бы Ритку сразу — отдохали бы мы сейчас на дачке какой. На природе... Шашлычок, водочка, закусочка. Красота.

— Холод собачий для красоты на природе. А Серега с этим делом, как пить дать, и погончики поменяет, и работку покруче найдет. Ты много генералов в нашем ОВД видел? А так, чтобы они еще и Серегу по плечу свойски хлопали? То-то и оно.

— Если все плохо обернется, Серега главным стрелочником будет. Для этого его генерал и выдвинул — своих людей из-под удара убрать.

— Каслинский болтал, что для Алексеича Лорд все равно, что сын. Генерал не об ударах думает. Он старой закалки охотник, ему монстра поймать важнее.

Колька нетерпеливо перебил его:

— Слушай, Влад, смотри, в записной книжке Рогальского отметочка есть. Рядом с данными на Дорика, который любитель пострадать был. Если память меня не подводит, это домашний телефон Горловой. Глянь, как интересно написано «помощь в выписке из квартиры». Психи чувт друг друга на расстоянии и кучкуются.

Денисов принялся размышлять вслух:

— Рогальский в свое время не додумался выписать Ритку из своей квартиры. А может, не с руки было, приватизировал он все только на себя, а Ритка несовершеннолетняя была. Выходит, заботливый папаша искал пути окончательно выкинуть дочурку из квартиры.

— И не только это. Смотри еще. Прямо списком телефончики. Продажа квартиры. Недвижимость, услуги. Агентство, продажа срочная. Квартиры, срочный выкуп. Срочное решение квартирных проблем.

Денисов присвистнул:

— Надо бы проверить, может, Рогальский уже успел фатерку на продажу выставить? Срубит бабла, от дочки руками братца избавится, не исключено, что и от докучливой поклонницы тоже. И полетит как Джек Кройсант за бугор. Еще и книжечку настрочит о том, как он лично боролся с вселенской тьмой. Деньжат загребет, по телеку выступит...

— Пойдем, добавим мазочек к занимательному полотну. Если не успеем ничего другого, хоть с самолета эту тварь снимем.

Влад нетерпеливо и все же веско возразил:

— Успеем, Колька. Должны успеть.

Приехавший в Особняк Александр Рогальский первым делом начал качать права. По привычке. Он часто начинал неприятное общение именно с этого. И это работало. Увы, к моменту, когда он все же добрался до Бирмана, Акеле успели раз десять объяснить, что подобные приемчики здесь не пройдут. Поэтому он начал разговор с почти спокойного наезда на сестру:

— Объясни мне, как и зачем Рита втянула в свои криминальные игры Анютку?

Невозмутимые стальные глаза медленно изучили красивое лицо Акелы, потом Бирман все же снизошел до объяснений:

— Рита никого никуда не втягивала. Это ваш общий папашка развлекается на всю катушку. Он заманил Риту в ловушку, шантажируя ее жизнью знакомой девушки.

— Да какая там девушка, ну, переспали пару раз. И все...

Но до Акелы дошел смысл сказанного, и он растерянно переспросил:

— Папашка??

— Точно. Пойдем, Глеба выловим, и выкладывай все, что знаешь о планах родителя в отношении продажи квартиры.

— А я ничего не знаю.

— Вспоминай. Агриппину Горлову знаешь?

— Нет.

— Думай, Александр. Невысокая, некрасивая фанатичка, обожающая мистику и книги твоего отца. Риелторша. Представлялась часто Аэлитой.

— Не знаю.

— А имя Джек Кройсант тебе что-нибудь говорит?

— Отец иногда называл себя Джеком. Но он очень гордится своей фамилией, его уговаривали под псевдонимом писать, так он отказался наотрез.

— Кройсант — это рогалик, на английский манер. Все равно, что французский круассан. Так что гордиться фамилией Джек не передумал. Только намеревался заняться этим на чужих просторах. Он в последние несколько месяцев не говорил о загородных поездках к друзьям? Может, на экскурсии? На рыбалку и все такое?

— Нет. Он на даче любил с цветочками ковыряться.

— Ага. Там знатные цветочки росли...

— Этой осенью я, когда к нему заезжал, у него большой букет желтых цветов в вазе напольной видел. Они как раз в сентябре цветут, шары такие махровые. Я еще удивился, что у нас вроде таких нет. Но он сказал, что это от поклонницы.

— А бирки с указанием точного места, где цветочки выросли, на букете почему-то не оказалось... Толку от тебя... нет.

Отчетливо прозвучавшие в голосе Бирмана презрительные нотки заставили Акелу резко огрызнуться:

— Если бы наши доблестные стражи порядка лучше работали, от меня бы и толку не надо было бы ждать. И почему от меня должен быть толк? Я — всего лишь родственник жертвы, брат.

Бирман усмехнулся уголком рта и парировал:

— Ты брат? А где ты был, когда папаша сестру твою из дома выкинул? Ты хоть раз поинтересовался, где она живет, на что? Она даже школу не закончила, ребенок совсем, сирота. А вы, два здоровых мужика, делишки свои решали, а на сестру наплевали. Что ты мне здесь пальцы раскидываешь? Ты бы их раскидывал, когда она от пневмонии умирала. На лавочке в парке.

Опустивший глаза Акела тихо попытался оправдаться:

— Я в армии был. Я ничего не знал.

Стальной взгляд неожиданно смягчился. В этом высказывании красивого, сильного и уверенного в себе мужчины Бирман вдруг уловил знакомые интонации,

иногда проскальзывающие у ведьмочки. Она вот также смотрела в пол и мямлила какие-то «извините-простите». Выходит, старшим мальчишкам тоже порядком досталось от папашки.

И Сергей спокойно завершил бесполезный обмен словами:

— Ты не хотел знать. Но это не важно сейчас. Сядь в вестибюле, в уголке, и не мешай. Думай. Но не вздумай уйти. Запишу в сообщники к папашке.

Очередной сбор охотников за монстрами был менее представительным, но куда более быстрым. Без лишних церемоний и реверансов доска на стене пополнилась сведениями, контактами, стрелками и кружками.

Зоя Федорова подтвердила предположение Влада и Кольки:

— Я связалась с Кулебякой. Не пирожком, а Тарасом Мыколаевичем. Так он себя величает, казак недоделанный. Он — директор агентства недвижимости. И непонятно, зачем Рогальскому понадобилась Горлова, если у него был знакомый куда круче. Так вот, этим летом Джек консультировался с ним насчет продажи дачи и покупки какого-нибудь загородного домика попримичнее. Но подобранные варианты рассматривать не стал, две назначенные встречи пропустил. А недавно позвонил и предлагал Кулебяке купить его квартиру.

Бирман в ответ только кивнул:

— Валить собрался. Дальше.

Фенек развеял туман вокруг личности официантки-отравительницы:

— Мадам Штайн заявила, что Агриппину Горлову не знает, а вот на фотке ее узнала. По ее словам, эта женщина на презентации последней книги Рогальского объявила себя предводительницей его фан-клуба и произвела впечатление не вполне адекватной особы. И Штайн

уверена, что Женечку агрессивность этой женщины напугала. Он ей на нее даже жаловался. А Сэм подтвердил, что Горлова и есть Фаина.

— Согласуется со словами Ритки о том, что Горлова сумасшедшая. На учете не состояла, если и обращалась к врачам, то анонимно и в коммерческие клиники. Быстро концов не найдем. Но можно попробовать. Проверь разрекламированные сети поликлиник — а вдруг?. Давайте дальше.

Григорий Семенович Гончаренко добавил несколько мазков к портрету монстра:

— Гражданка Подвалова так любит рассказывать о неземной любви Рогальского к умершей жене, что не способна запомнить ничего другого. Но она выболтала нечто интересное. По ее словам, Рогальский в конце лета туманно намекал ей на то, что устал от холостяцкого образа жизни, чем изрядно ее потряс. Но в последней беседе дорогой Евгений жестко заявил, что она его неправильно поняла. То есть что-то изменилось в том раскладе.

Сергей в ответ предположил:

— Понял, что Горлова сумасшедшая, и решил ее использовать, а потом избавиться от нее. Или испугался, что был слишком откровенен. Дальше.

Каслинский смерил Бирмана недружелюбным взглядом. Сергей был в простой рубашке, но отчетливо ощутил на плечах погоны. Каслинский был не в восторге от решения Пал Алексеича, назначившего неизвестно кого главным. И Глеб даже не пытался скрыть свою неприязнь. Но его голос прозвучал нейтрально. И в том, что он сообщил, чувствовалась дотошность профессионала, знающего, как из-за маленького гвоздя выигрываются войны.

— Семен Орехов подал мне одну идею. Рогальский — один из учредителей Темпорального фонда. Это гово-

рильня для облегчения карманов богатых дураков. Кормят их лапшой о научных разработках машины времени и межгалактического корабля. Печатают красивые буклеты. Полученные деньги кладут в карман. А чтобы благодетели не сомневались, их раз в год собирают в красивом зале, произносят пафосные речи, кормят-поят, танцульки устраивают. Типа великосветский бал. И Рогальский на этот бал своих знакомых всегда норовил привести. Для придания себе значимости. Последний бал был в сентябре. Надо проверить списки приглашенных.

— Отличная мысль, Глеб Львович. Займитесь, пожалуйста.

Все понимали, что собранные данные приближают разгадку. Но острое чувство цейтнота заставляло нервничать. Охотники проигрывали в гонке со смертью.

Зазвонивший телефон хотелось выкинуть в окно. Подальше. Вон в ту глубокую лужу возле лавки. Но Сергей привычно ответил:

— Бирман.

— Здравствуйте, Сергей Сергеевич, это Семен Моисеевич Финкельштейн беспокоит. Вы просили меня связаться с вами, поскольку я являюсь адвокатом Маргариты Евгеньевны Рогальской.

— Рита попала в беду.

— Простите, что перебиваю, но я в курсе дела. Я уже узнал о неприятной ситуации, в которую попала моя клиентка, и счел своим долгом навести кое-какие справки, так сказать, неофициальным порядком. Возможно, вам будет интересно узнать то, что удалось мне найти.

— Семен Моисеевич, умоляю, давайте без словесных игр, время уходит. Рассказывайте, мне абсолютно все сейчас интересно и важно.

— Насколько я понял, вас интересует некая Агриппина Горлова? Запишите три фамилии: Горюнова, Кра-

мольская, Брошкина. Это нотариусы, с которыми она работала. Если поднять сделки с недвижимостью за последнее время, можно определить примерно круг клиентов госпожи Горловой. Понимаете?

— Еще бы я не понимал. А откуда информация?

— Я не уполномочен раскрывать свои источники. Но, поверьте, они заслуживают доверия. Это очень надежные и проверенные источники.

— Я верю. Спасибо огромное, я сейчас же этим займусь.

— Удачи, я буду ждать хороших новостей.

Горюнова Эмма Дормидонтовна сообщила, что не работала с Гриппочкой Горловой, потому что нахлебалась с одной единственной сделкой, проведенной этой «бес-толковой, тупой, непонятливой короной».

Крамольская Радия Первомаевна приехала в Особняк лично с пачкой бумаг и яростными заявлениями о собственной добропорядочности. Из бумаг следовало, что Горлова участвовала в десятке сделок за пар лет, причем сделки были мелкими и малоинтересными. Из слов Крамольской вытекало, что была еще пара-другая сделок, к которым приложила руку Горлова. И вот те сделки были жирными по мелькавшим суммам и приятными во всех отношениях. Сотрудники Особняка начали выявление всех возможных адресов клиентов риелторши.

Брошкина Нателла Сулеймановна оказалась в заграничной турпоездке. Но милостиво распорядилась, чтобы ее помощница выдала всю необходимую информацию. Помощница растерялась настолько, что предложила ментам самим приехать и посмотреть все необходимое в компьютере. Приехали не менты, а очень милый и чуть застенчивый паренек, который и пробыл-то в конторе не больше часа. Та самая помощница даже немного огорчилась, что он не остался на чай с тортиком. Но Борису

Юрову было не до тортиков. Он открыл доступ через сеть ко всем компам конторы, и к моменту своего возвращения в Особняк его сервера уже закончили поиск по всем имеющимся дискам и базам. Фамилия Горлова встречалась в доверенностях всего три раза.

Все усилия казались безнадежными.

Бирман задумчиво курил очередную сигарету и пялился на экран компьютера, уже не столько думая о деле, сколько тупо отсчитывая секунды. Восемьсот три... великая и ужасная Ирина, ты так хотела править миром... восемьсот четыре... да здравствуют Каролинги!.. восемьсот шесть... есть ли жизнь в созвездии Кита?.. восемьсот девять... интересно, а Софи Жермен была ведьмой?..¹

И почему он, Сережа Бирман, не родился магом? Взмахнул бы волшебной палочкой и остановил бы время. Или надо было спросить у Ритки какое-нибудь ведовское заклинание, позволяющее узнать все ответы. Что бы еще проверить на совпадения?

...восемьсот двадцать два... и миллионы мартышек долбят по кнопкам...²

Озарение пришло внезапно. Уронив окурок, Бирман бросился в соседний кабинет, где мрачный Каслинский с помощью зажигалки уродовал плафон настольной лампы, а Фенек нервно копался в толстом те-

¹ В 803 году скончалась византийская императрица Ирина, ослепившая сына в ходе борьбы за власть. В 804 году родился Людовик II Немецкий, внук Карла Великого. NGC 806—1 — спиральная галактика в созвездии Кит. 809 — одно из простых чисел Жермен. Софи Жермен — француженка, женщина-математик XVIII — XIX веков, внесшая вклад в механику, теорию чисел и дифференциальную геометрию.

² RFC-822 — Формат почтового сообщения Internet

лефонном справочнике столичных медицинских учреждений.

— Есть! Нашел! Горлова работала по сделке некоего Драко Митрича. И Дмитрич был гостем на балу Темпорального фонда. Он так и записан, в одно слово, без имени и фамилии, без пояснений. И он внесен в список под предпоследним номером, вместе еще с двумя гостями Рогальского. Все эти митричи — один человек. Надо искать его самого и все, что у него за душой есть. В нотариальных документах речь о каком-то доме. Думаю, это и есть наше бинго.

Драко Митрича нашли в Праге. Он подтвердил, что давно знаком с Евгением Рогальским и является страстным поклонником его творчества. И, разумеется, он не мог не довериться рекомендации кумира, поэтому поручил именно Агриппине Горловой продажу своего загородного имения.

Горлова стала седьмым риелтором, взявшимся за эту непосильную задачу. Нужны были срочно деньги, а российские миллиардеры почему-то не торопились вложить свои денюжки в недострой. Пусть и на большом участке, но без подъездной дороги, пусть и с громадным домом, но без отделки верхних этажей, пусть и с водопроводом, но без воды, и так далее и тому подобное. Жадный Митрич хотел получить миллионов пять в евро, но больше одного не давали. Да и тот потенциальный покупатель слинял, едва услышал о недооформленных документах на землю.

Митрич подробно описал Бирману свое недвижимое имущество и даже прислал карту с указанием расположения построек. А также пару фоток, на которых запечатлел исторический момент возведения дома-громадины.

Усадьба находилась по Семеновскому шоссе. Нужно было свернуть по бетонке и проехать еще километров

двадцать, потом найти поворот на деревню Хмырики, а уже за ней разглядеть где-то в лесу колею, ведущую к усадьбе. Колею проделали тяжелые грузовики, но за пару лет она заросла, и найти ее можно было лишь с определенной сноровкой.

С фасада усадьбу украшал высокий забор — кирпич с зеленым металлом в проемах. Большие кованые ворота с замысловатым узором открывались вручную, без автоматики. Но с остальных трех сторон подход к дому оставался открытым и свободным. На участке была выкопана яма — планировалось строительство открытого бассейна, но российские зимы внесли коррективы в эти намерения. Иногда яму затягивало водой, иногда она полностью пересыхала. Что с ней в данный момент — Митрич не знал.

Основной дом был построен с размахом, в три этажа. Но желтый фасад был отделан только с парадной стороны, причем включал в себя не только штукатурку и краску, но и декоры окон в виде изящных балясинок. Две другие стены выглядели как криво уложенная кладка бетонных блоков, а с тыла недостроенные панорамные окна второго и третьего этажа были заколочены фанерой.

Агриппина месяц назад отчиталась Митричу о том, что наняла новую охрану, а также обрадовала его известием о том, что заинтересовала усадьбой сразу двух финансовых воротил. И Митрич был очень доволен новой агентшей...

66. Подари мне свет

Облако крови, в котором я оказалась, нисколько меня не испугало. Наверное, это семейное. Папаша издал неприятный хрип и обмяк в кресле. Окативший меня фонтан красной жижи быстро иссяк, образовав на полу огромную лужу. Острый резкий запах наполнил легкие, грозя вывернуть наизнанку не только пустой желудок, но и всю меня с ног до головы. Аккуратно переступив на сухое место, я едва не упала, все-таки подскользнувшись мокрой ногой на гладкой поверхности. А может, надо было упасть?

Френд засмеялся. Смейся, псих, смейся. Ты следующий.

Но дядюшка был начеку. Вывернув мне руку с ножом за спину, он заставил меня бросить оружие.

— Машенька, дорогая моя, ты все-таки выбрала. Выбрала одного из нас. Меня...

Мамуля, напомни мне в моем светлом будущем, чтобы я не повторяла твоих глупых ошибок. Никаких треугольников. Никаких выборов. Никаких клятв мужчинам. Явись передо мной призраком и напомни.

Так-с. А мне самой логично потребовать награду? Как бы это выразить так, чтобы не спровоцировать дядюшку на агрессию? О, нет... снова моток веревки. И снова стянутые запястья. Хорошо хоть, теперь не за спиной.

Френд бесцеремонно схватил меня за руку повыше локтя (там и без того полно синяков, дядюшка, можно так не вцепляться) и потащил обратно к лестнице.

— Ты мне тоже многое обещал.

Прокатит попытка высокомерно покапризничать? Нет, тут не до капризов. Не съехать бы башкой вниз

по этой чертовой лестнице. Босые ноги идеально скользят по гладкому полу.

— Будем делать все по порядку.

Пересчитывая щиколотками края каменного идиотизма, я вслед за дядюшкой оказалась на первом этаже.

Так, Рита, сосредоточься. Ты на новом уровне. Все надо начинать сначала. Что хочет Френд? Сходить к свету. А потом прикончить светлую волшебницу. Значит, чтобы растянуть время, нужно сначала держать Френда на расстоянии, сколько хватит мозгов, потом по максимуму растянуть процесс «дарения света» и если уж помирать, то медленно-медленно...

Может, напомнить дядюшке про Анютку? Что наболтать, чтобы он ее отпустил? Или не надо напоминать? Анютка — слишком очевидная кнопка для получения от меня всего, что хочет Френд. Мы отвлеклись, забылись, пусть все так и остается.

Пока я лихорадочно размышляла, что делать дальше, Френд решил перейти к действиям и с размаху ударил распростертую на полу жертву ногой в спину.

— Оставь его. Он нам больше не нужен.

Ответные слова дядюшки немного прояснили мне сценарий игры, где я делала ставки вслепую:

— Ну как же не нужен, Машенька? Я все сделаю, как надо. Я еще лучше все сделаю. Ты же сама говорила, что Джек слишком торопился, слишком все быстро делал. Мы не будем спешить. И все получится хорошо.

Бедная моя голова. Не осилить мне этой логики.

То есть весь этот цирк был из-за того, что Джорджу очень хотелось убивать, а Джек не разрешал? На правах более сильного забирал всех жертв себе? Джорджику доставались только зачистки несчастных провинившихся Маш? А хотелось тоже ножичком помахать?

— Я все для тебя сделаю, Машенька.

Очнувшийся Серго из-под полуприкрытых век пы-

тался оценить ситуацию. Он видел меня, но не видел Френда, который пинал его сзади. Я очень осторожно показала Лорду два пальца, потом качнула головой и оставила только один.

Вслух я протяжно произнесла:

— Не будем спешить, как ты и сказал. Давай сделаем все красиво. И я что-то проголодалась. Может, мы пообедаем?

Серго едва заметно улыбнулся. И как он может, вообще? На нем живого места нет.

— Машенька, ну что ты о мирском, о глупом. Надо довести дело до конца.

Френд обошел жертву по кругу:

— Я лучше Джека. Намного лучше. Я сделаю все еще красивее.

Новый удар прямо по сломанной ноге Лорда заставил меня все же вздрогнуть. Надо это прекратить. Не сопротивляйся, Серго, потеряй сознание. Так проще.

Можно ли в этом безумном сценарии обойти один акт? Почему бы нам уже не пойти к этому проклятому свету? Если свет — награда, давайте уже вручим ее монстру, прошедшему на следующий уровень. А убийство пропустим.

Как мне спровоцировать Френда отвлечься от искалеченного Серго? Требуется поэма про волшебный свет? Или приглашение должно быть в площадно-грубом стиле? Или в восточном?

Вдох, выдох. Начнем, пожалуй.

— Френд, милый, ну зачем ты тратишь силы? Докажи мне, что ты мужчина. Ты же хотел в свет?

Мимо. Никакой реакции. Что там еще можно придумать?

— Ты слышишь? Я хочу тебя. Давай будем вместе. Сейчас. Давай пойдем по дороге к свету.

Лорд застонал и широко открыл глаза. Он понял. Черный бархат был полон ужаса:

— Не надо.

Не мешай мне, Серго. Других вариантов нет. Ну, по крайней мере, я их не вижу. Лежи тихо, милый мой, и не рыпайся. Ведьма тебя прикроет.

Я еще несколько секунд поразмышляла. Стянутые веревками запястья и стеклянные глаза безумца не слишком располагают к психологическим этюдам. Но я все же произнесла нужные слова:

— Джордж, я хочу, чтобы все было как раньше. Я хочу подарить тебе свет.

Френд повернулся ко мне, и в глубине его дикого взгляда зажегся огонек понимания.

К моей иррациональной радости, он все же не стал искать свет прямо перед Лордом. Протащил меня в одну из комнат. Кровать была жесткой и узкой, и я больно треснула ногами, когда монстр толкнул меня на нее. Терпи, Ритка, это только начало. Я спокойно повернулась на спину и подняла связанные запястья за голову. Френд засопел и завозился, дрожа от нетерпения.

Где-то я читала, что милосердное сознание отключается, если не может вынести происходящего. Я хотела провалиться в какое-нибудь черное небытие, только бы не ощущать мерзких движений чужого тела, но сознание оставалось на месте и фиксировало каждый грубый вдох, каждое невыносимое прикосновение.

Так и не нашедший дороги к самому себе, Павел Васильевич Одоевский пришел мне на помощь. Циник и распутник, тщетно всю жизнь искавший свою чистую и прекрасную женщину-мечту. Романтик, продававший любовь, но веривший, что его драгоценная половинка вот-вот встретится ему за следующим перекрестком времени. Я перенеслась в лиловую спальню со множеством подушечек. В ушах раздался фальшиво-спокойный голос моего наставника: «Расслабься. Не сопротивляйся. Береги ноги, не давай затекать рукам. Демонстрируй по-

корность, но не будь рабыней. Закрой глаза, отключи обоняние. Полностью сосредоточься на себе. Сумеешь отключить мозг — сумеешь расслабиться, а значит, будет меньше травм. Представь, что это только игра. Что ты в ином месте и других обстоятельствах...»

Я представила себе роскошный загородный дом, мягкий ковер на полу, запах дерева... и сквозняк, пробирающийся по полу. Фу, не то. Зеленый шумящий лес, охапки душистых трав, легкий теплый ветерок... и муравейник под пятой точкой. Нет, едем дальше. Дворец султана, нежные шелковые покрывала, восточные сладости... и заунывные звуки зурны. Опять не попала... Нет, иное место мне не поможет. Надо думать об обстоятельствах.

Мама. Чего ждала слабая женщина, искалеченная, опустошенная духовно, зависимая от воли двух мерзавцев? Чего могла хотеть уставшая женщина, ненавидящая мир, но так и не рискнувшая разрушить все ради иной вероятности? Чего она добивалась? Власти? Страсти? Смерти??

Френд вдруг влепил мне тяжелую оплеуху:

— Лгунья! Ты не со мной! Ты не вошла в свет!

Я не удержалась и улыбнулась. Притворяться я отлично умею. Жаль, мне вовремя не сказали, в чем главное требование прохода к свету.

— Видит бог, я этого не хотел. Но тебя нужно вернуть в свет. Вернуть в любовь. И все будет, как раньше...

Странно все же слышать патетические слова о любви от трясущегося пожилого мужика с полуспущенными штанами.

— Я должен это сделать. Должен позаботиться о тебе. Ты очистишься и вернешься ко мне. Все будет, как прежде...

Нет, Френд. Ничего уже не будет как прежде.

67. Беги, Анютка, беги

Френд ушел. Я повернулась на бок, и меня вырвало грязной слизью. Несколько минут я лежала и мысленно купалась в ванне со льдом. Не очень помогло. Но в глубине сознания обнаружился узкий глубокий тоннель. По нему быстро-быстро ползла маленькая девочка и кричала, взрывая воображаемым звуком мою черепную коробку изнутри. «Ритка, время уходит. Еще можно успеть что-то сделать. Пока он ушел, у тебя есть время».

Я осторожно слезла с кровати, шагнула к письменному столу. Может, попадется что-нибудь вроде ножниц или хотя бы карандаша. Вспомнилось, как Сережа вещал что-то вроде «воткни острое в глаз». Интересно, спорят ли они сейчас с Владом на обнаружение моего трупа? Ставки наверняка выросли.

Осмотрев пару комнат, я не нашла ничего, что можно было бы использовать как оружие. Повезло в помещении, которое, видимо, планировалось как библиотека или бильярдная. У камина на подставке болтались железные штуки, одна из которых напоминала маленькое железное копьё. Тяжелое, но вполне мне по силам. Не так уж плохо, если разобраться.

Я отправилась на поиски Анютки. Кричать громко я побаивалась, да и сомневалась, что Анюта ответит. В конце коридора я обнаружила запертую кладовку и с третьего раза снесла железкой хлипкий замочек. Внутри кладовки было темно. Света не было, и я скорее инстинктом, чем чувствами обнаружила съжившийся в углу живой комочек. Схватив Анютку за руку, я решительно потащила ее в коридор. Девушка всхлипнула, но глаз не открыла. Как можно мягче я проговорила:

— Анютка, это я, Рита. Не сопротивляйся, идем со мной.

Словно во сне Анютка двигалась за мной по длинной кишке нижнего коридора. Повезло. Один из боковых аппендиксов оканчивался элегантной дверью. Я вытолкала Анютку на улицу и, прижав к стене, четко проговорила:

— Запомни. Восемь, девятьсот шестнадцать, восемьсот двадцать два... повторяй за мной. Восемь, девятьсот шестнадцать...

Проговорив мантру телефона раз шесть-семь, я сменила пластинку:

— Беги вот туда, за калитку и чуть левее, через лес. Найдешь тропинку и беги до дороги. Там должна быть дорога. Останови любую машину. Проси телефон и звони Бирману. Поняла? Не ментам. Бирману. Скажи, я здесь. И Лорд здесь. Бирман знает, что делать.

Полные невыразимого ужаса глаза Анютки вдруг озарились проблеском мысли:

— Бежим вместе.

Бедная девочка, она боялась и леса, и того, что могло ждть ее на дороге. Но выбора не было. Я постаралась ее успокоить:

— У нас не хватит времени. Он нас догонит. У тебя одной есть шанс. Я его отвлеку, а ты беги. Беги, Анютка. Все будет хорошо. Повтори еще раз: восемь, девятьсот шестнадцать, восемьсот двадцать два...

Решительно столкнув девушку со ступенек, я строго приказала:

— Все, давай, пошла. Беги!

Анютка послушно бросилась бежать — ровно так, как я ей объяснила. Хорошая девочка. Спортсменка. Бегать — это то, что она отлично умеет делать. Если я сама не выберусь, буду помирать с мыслью, что хотя бы ее выручила.

Надо было только ей сказать, чтобы руки мне развязала. Умная ты, Рита, ведьма. Особенно потом.

Теперь Лорд. Мистер Власть лежал без малейшего движения. Я даже не услышала его дыхания и на мгновение испугалась, что все уже кончено. Но он почувствовал мое присутствие и открыл глаза. Я неловко плюхнулась на колени и попыталась внушить ему надежду на то, вот что сама не слишком верила:

— Держись, Серго. Держись, осталось недолго. Помощь уже близко.

Бескровные губы сделали усилие, но смогли выговорить всего один слог:

— Ты...

— Молчи. Рогальский мертв, но Френд вернется. Я выпустила Анютку. Она позовет на помощь. Продержись еще немного.

Снять с Лорда наручники я не смогла. Равно как и распутать веревку на его ногах. Кажется, мои нелепые попытки освободить его только причинили лишнюю боль. Беги, Анютка, беги, милая. У нас остается все меньше времени.

— Прости, Серго, ничего не получается.

Лорд попытался что-то еще сказать, но получился только сдавленный стон.

— Тише, тише. У тебя сломана нога. И тебя здорово избили. Твой шанс — лежать спокойно и не тратить силы. Все будет хорошо.

— У... хо... ди.

В черном взгляде отразилось спокойная обреченность, но я отрицательно покачала головой:

— Нет. Это благородно, но бесполезно. Мы спасемся вместе. Держись.

Я осторожно убрала волосы с его лба и повторила:

— Держись. Тогда и у меня будет смысл держаться.

А потом я забрала кусочек его боли. Самый невыносимый, самый острый кусочек, который грозил остановить сердце очередным уколom. Не знаю, как я это сделала. Просто сделала и все.

Серго порывисто вздохнул и повторил:

— Уходи.

Я улыбнулась и встала. Я ведьма. Если уж мне суждено подохнуть здесь и сегодня, я это сделаю. Нет — значит, нет.

Я ждала Френда в коридоре. Никаких иллюзий я не питала. Драку я проиграю. Вопрос в выигрыше времени. Чем больше времени потратит на меня монстр, тем больше шансов у Анютки добраться до дороги. Господи или кто там есть наверху, помогите бедной девочке добраться благополучно. Пошлите ей на дороге доброго человека. Дайте девочке шанс выжить. Если уж нужна жертва, я вам вполне подойду. Еще и представление устрою. Вы же любите ритуальные битвы и реки крови. Обещаю, все будет, по высшему разряду.

Увы, драка с Френдом кончилась для меня слишком быстро. Мой замах железкой почти пропал даром, я только чуть зацепила руку противника, чем привела его в иступление. А вот его подсечка сработала на все сто: я тяжело рухнула на пятую точку. Помнится, ей очень хотелось приключений. Надеюсь, эта тяга к экстриму удовлетворена. Непонятно, за что пострадали ребра — мощный удар ногой явно сокрушил парочку из них.

Дыши, Рита. Дыши мелко, не вдыхай глубоко. Когда ты выберешься из этой переделки, ты пойдешь на курсы по боевому размахиванию ногами. И будешь тренироваться сутками, без всякого нытья и увиливания. Ясно?

Френда мое сопротивление повеселило. Но еще один удар со спины отбросил меня почти на метр. Тихо, Рита, затаись, пусть подойдет, пусть окажется рядом. Выждидай. Прикрой глаза, но не целься, как следует. Вот так.

Я со всей силы вонзила каминный аксессуар в ногу монстра, с внутренней стороны бедра, так высоко от колена, как могла дотянуться. Почти сразу я огребла удар

по несчастной ключице, кажется, не замедлившей снова сломаться. Но я не отпустила железку, продолжая загонять ее в ногу врага. Немного выровняем шансы. Изломанная нога Лорда против проткнутой ноги монстра.

Френд страхнул меня с железки и выдернул ее из ноги с тяжёлым кряхтением. Я увидела, как брючина начала быстро пропитываться кровью, и обрадовалась. Хоть что-то. Монстр нацелился окровавленной железкой мне в глаз, но я не дрогнула. Тебе, Френд, порошу не хватит убить меня этой штукой.

В злобном глухом голосе уже не было ничего человеческого:

— Ты — зло. Ты — тьма. Ты сгубила свою бессмертную душу. Я верну тебя в свет. Я спасу тебя от мрака. Мы снова будем вместе. Ты будешь любить только меня.

Вот же завихи у людей. Главное, чтоб любили только его.

Беги, Анютка. Беги, хорошая девочка, пока этот придурок не вспомнил о тебе.

68. Пограничная зона

Почему я так легкомысленно относилась к связанным рукам? Мне казалось, что можно много чего ими сделать. Несколько экспериментов с шелковыми шарфиками и махровыми поясками явно не давали нужного опыта и понимания ситуации. Связанными руками сделать ничего нельзя.

Я шагала по мокрому холодному лесу. Монстр вёл меня, как зверька на веревке. Иногда я падала, и монстр волочил меня по земле. Я цеплялась за корни деревьев, тормозила ногами, задыхалась от боли в боку. Монстр хромал, и рюкзак на его плече становился все тяжелее.

Я не чувствовала пальцев рук в онемевших кистях, но все еще не была готова пожертвовать ими совсем. Я поцарапала лоб острой веткой, и левый глаз заливало кровью. Будто мало было на мне чужой крови. Путь казался бесконечным. Деревья выступали из-за деревьев, коричневый ковер мокрых листьев выстилался во все стороны одинаковым и бессмысленным узором.

Анютка, милая, беги скорее. Беги изо всех сил. Древесные феи помогут тебе. Лесные нимфы защитят от напастей. Ты должна добежать. Если даже и не меня, ты успеешь спасти Серго.

Я не заметила, как исчезли деревья. Вдруг оказалась в центре большой поляны. На этот раз Френд сам свалил меня на землю. Придавив меня коленом, он перерезал веревки между запястьями. Но только для того, чтобы подтащить меня к столбу и связать снова так, чтобы руки оказались сзади, за гладкой деревянной поверхностью вертикально вкопанного бревна.

Вот очередное разочарование в продукции мирового кинематографа. Обычно красоткам с завязанными

за спиной руками достаточно лишь немного подрыгать ими, чтобы веревки свалились. Увы, любое мое движение приводило к другому эффекту: боль в запястьях усиливалась, а узлы, кажется, затягивались туже.

Общая идея масштабного замысла Френда сразу стала мне очевидна. Немного дровишек, чуть-чуть бензинчика, и готово дело — полное очищение ведьмы Риты. От жизни. Умирать не хотелось. Вспоминать всю жизнь тоже. Чтоб ты сдох, Френд. Взял бы, да и подох прямо сейчас. Чтоб тебя черти в ад утащили и там водили бы в свет всем коллективом.

Я не знала, сколько времени у меня есть. Но знала, почему это время есть. Ритуал. Все должно быть по правилам. Несправившаяся с походом к свету ведьма должна сгореть. Дотла. Красиво. А такое аутодафе требует подготовки. Подготовка уже была проведена. Но оставалось внести в картину несколько важных завершающих штрихов.

Френд достал из рюкзака груды свечей и отправился их расставлять по сложному рисунку, в котором я не видела смысла. Но, судя по вниманию Френда к положению каждой парафиновой палочки, смысл был и весьма важный. Часть свечей была уже оплавлена, а многие свечи можно было назвать огарками. Эти огрызки не будут гореть несколько часов. Максимум несколько десятков минут. Или секунд.

Не выстоять мне долго...

Хорошая картинка. Осенний лес, красивая поляна, тихо мерцающие в траве огоньки. Где-то я уже все это видела. Только желтых листьев не хватает. Почему я так уверена, что должны быть желтые листья?

Острое ощущение дежавю вселило в меня настойчивое желание вспомнить. И через пару секунд меня осенило...

Лес, поляна. Человек, перепрыгивающий через ящики и канистры. Пули, впивающиеся в его тело — безжа-

лостные стальные осы. Скорбные шапки, скомканные в руках одинаковых ребят в камуфляже.

Бирман. Он погибнет из-за уже мертвой меня...

Я вдруг словно наяву увидела маленькую сгорбленную старушку. Смешную бабушку Прасковью Сергеевну в белом платочке и заношенной кофте, с завязанным на талии старым пояском от халата и в тапочках, натянутых на шерстяные носки. Тихо умирающую бабушку с крепко прижатым к груди семейным портретом.

Где-то далеко от нее рыдала Алиса, стиснув в руках маленькую рамку и отчаянно царапая ладони железной скобкой на этой рамке, совсем не замечая ни боли, ни капающих на белый ковер капелек крови.

Влад с Колькой в тесной комнате со стенами мерзкого желтого цвета глушили дешевую водку, избегая смотреть друг на друга.

В ином измерении Левка, закрыв страдающие глаза, пилил вены тупым лезвием старого и ржавого раскладного ножа.

И последним я увидела Хана. Он сидел на коленях у мокрого и грязного тела с залитой кровью головой, и по его щекам катились слезы...

Видения снесли последний, державшийся на честном слове шарик-ролик в моей запутанной голове. Спокойное отношение к собственной смерти отменяется. Я еще поборюсь с заползающим в душу могильным холодом.

Я сделала несколько маленьких вдохов-выдохов, расслабилась и позволила какому-то первобытному чувству завладеть телом и разумом. Что, Френд, думаешь, я позволю тебе убить еще и Бирмана? Черта с два. Ты еще не понял, с кем связался. Я — ведьма. И мне подвластно все. Свет, тьма и вселенная между ними. Давай, посмотри на меня, Френд. Ты хочешь свет? Будет тебе свет. Я —

Свет. Я самый рассветлый свет на всем белом свете, светлее не бывает.

Проникаясь этим сознанием, я представила ослепительно белые одежды, сияющий обруч на абсолютно белых волосах, усыпанные сверкающими блестками руки, и танец, который могла бы исполнить в роли Королевы Света. Белый танец. Танец возрождения, восхищения, вдохновения.

Я не могла пошевелить руками, не могла подняться с колен. Но я все равно могла танцевать. Могла завораживать.

Иди же ко мне, взгляни на меня, слушай меня, узнай меня.

— Я — Машенька. Добрая и нежная. Сияющая звезда, ангел мира и надежды. Я здесь. Я с тобой. Я пришла, чтобы сделать тебя лучше...

Темная фигура, копошившаяся возле ящика неподалеку, выронила дощечку из рук и резко повернулась ко мне. Давай, чертово отродье, брось свою адскую кухню.

— Я — Маша. Чистая и прекрасная. Я пришла, чтобы принести свет в твою измученную душу. Я излечу твою боль...

Френд сделал неуверенный шаг ко мне. Давай, двигайся, забудь о своих делах.

— Я — Мария. Красивая и желанная. Я пришла, чтобы наполнить радостью твою скучную жизнь. Я заберу твои сомнения и страх...

Я словно оказалась в круге света. Спокойная волна омыла меня и расплескала вокруг ощущение эйфории. Френд подошел ко мне вплотную, и вместо старого безумного человека я вдруг увидела в нем молодого и энергичного мужчину, верящего в свою исключительность и счастливую звезду. Звезду по имени Маша.

Он любил ее. Я даже не знаю, может ли земное слово выразить то, что он чувствовал к одной-единственной

женщине на свете. Буквально единственной. Других не существовало. Впрочем, и настоящим мужчиной был исключительно он сам. Не могло быть иначе в замкнутом мире для двоих с человечеством в роли одной большой декорации. Это был мир любви и полного наплевательства на все, что вокруг.

Несколько сказочных мгновений я наслаждалась контактом. Невозможно отказаться от такой любви, такого восхищения, такого поклонения. Но я не была той, кому предназначалась эта любовь. И я от нее отказалась.

Королева Света? Нет. Я — Темная Леди, хозяйка мира зла, ужаса и мрака. Нет никакого света. Нет надежды. Нет радости. Я заберу у тебя, придурок, все, что еще подерживает в тебе жизнь.

Темная сторона моего сознания обрушила в самый центр драгоценного света любви боль и отчаяние:

— *Ты ударил меня. Ты оскорбил мою любовь. Ты заставил меня страдать...*

Френд поднял руки к голове и закричал. Чужой страх затопил меня, грозя сломить волю. Но я соткала из этого страха зеркало. Зеркало для монстра. Слабый старый человек пытался уйти от моего взгляда, но я не отпускала его, заставляя слушать, подчиняться и верить:

— *Ты никогда не найдешь меня. Ты никогда не будешь любим. Ты никогда не будешь счастливым...*

Темная Леди любит поразвлечься над жалкими людишками, мечтающими о глупой вечной любви. Нет никакой любви, есть только мираж сознания, сон разума, рождающий дурманящую мечту о понимании и счастье.

— *Зло развело твою душу. Ненависть уничтожила твой мир. Ты не можешь быть светом. Ты не можешь видеть свет. Тебя поглотила тьма...*

Френд упал на колени и протянул ко мне руки, иступленно выкрикивая заветное имя: «Маша! Маша!»

Но я была непреклонна. Я холодно излила свой гнев на ничтожество, ползающее у моих ног:

— Я — Тьма. Великая вечная Тьма. И я пришла за тобой. Теперь ты мой...

Крик, который издало извивающееся существо, был воплем агонии.

Монстр несколько раз дернулся всем телом и затих.

Я победила...

Насладившись торжеством и ощущением собственного могущества, я осознала, что ничего не вижу, не чувствую собственного тела, и остаюсь в сумеречном пространстве, смешанном из пятен света и теней. Как найти дорогу обратно?

Я — Маша. Я — богиня любви. Нет-нет, я мстительная темная ведьма...

Это бред. Я не Маша. У меня другое имя. Кто я?

Меня пробрал холод, на лицо упало несколько обжигающих снежинок. Грубая ткань на спине впиалась в нежную кожу. Окружающий полумрак сгустился, его бесформенность пугала. Дышать стало тяжело, где-то в груди что-то хлюпало. Откуда-то вытекала кровь. Я не знала, откуда, но чувствовала, как с каждой ушедшей каплей становится все холоднее. Кто я? Где я?

Из пятна приблизившегося света выплыло прекрасное женское лицо. Тревога и страх, которые были на нем написаны, относились ко мне. Я так ужасна?

Нежный и ласковый голос подбодрил:

— Моя малышка. Такая красивая. Такая добрая. Я тебя спасу. Ты не умрешь здесь. Я буду твоей мамой. Я научу тебя танцевать. И буду очень любить.

Вихрь снежинок поднял меня, подбросил, и та же прекрасная молодая женщина со смеющимися темными глазами закружила меня по аллее, засыпанной желтыми осенними листьями. «Рита! Риточка моя!» Короткий миг

полета — и уверенные руки подхватили меня. Я зарылась в черные волосы, рассыпанные по плечам. «Я люблю тебя, Рита!» — промурлыкал мне в ухо дорогой голос. «Я люблю тебя, мамочка!» Мягкие тёплые губы поцеловали меня в крепкую щечку, затем в крохотный носик, ласково чмокнули в бровь и лобик. Я попыталась прижаться покрепче к такому родному, такому близкому существу, но мама растворилась, оставив только последние слова. «Люблю тебя»...

В тумане проступили какие-то очертания. Я вернулась на поляну в лесу. У моих ног неподвижно лежало тело. Догорали свечи возле луж разлитого бензина.

Вокруг стояла абсолютная, немислимая тишина. Где-то бушевало море звуков, но сквозь невидимую стену, окружающую поляну, они не пробирались, оставаясь в другом мире, бесконечно далеком и недоступном. Равнодушная громада города уже выпустила из-под своего притяжения этот клочок земли, но и сельским просторам он был не нужен. Сумрак в пограничной зоне. Край между мирами. Место, где свет и тьма неразличимы...

От затекших рук боль одной молниеносной судорогой прошла через тело и метнулась к голове. Черт, теперь, кажется, придется сдохнуть...

69. Осенний лес

Машина мчалась по шоссе, сияя синими огнями, завывая сиренами и заставляя посторониться упрямые «джипы» и «крузеры». Мерзляков летел по встречке, лишь изредка вклиниваясь в ползущий из города поток. Бирман, которого Слава не пустил за руль, был вынужден признать логичность отказа: беспрерывно говорящие телефон и рация отвлекали бы его самого от дороги. За головной машиной, повторяя маневры и выражи, неслись еще два авто.

Пал Алексеич рвался ввести в действие планы развертывания внутренних войск, схемы высадки с воздуха и все прочие силовые ресурсы. Все это было бы здорово, если бы Бирман не опасался, что поднятый армией барабум спровоцирует Френда на расправу над заложниками.

Сергей снова и снова смотрел на одну и ту же точку на карте, пытаясь понять, не упустил ли он чего-либо важного. Все сходилось. Должно было сойтись. В обведенном кружочком квадратике его ждала неизвестность. Рита, Аня, Серго. Живы? Ранены?

На телефоне высветился незнакомый номер. Сергей автоматически шлепнул по кнопке приема и глухо ответил:

— Бирман.

— Вы должны помочь. Я — Анютка. Она сказала, вы знаете, что делать. Вы должны ей помочь. Она там. И она ждет вас. Понимаете, я — Анютка...

Истеричный голос торопился выложить все сразу. Бирман попытался вскочить и ударился головой о крышу. Дыхание перехватило, но он максимально спокойно спросил:

— Аня, где ты?

- Я не знаю. Я остановила машину на дороге.
- Дай трубку водителю.

Бирман на ходу выскочил из тормозящей машины и бросился к стоящему на обочине «вольво», возле которого обнимались две женщины. Все сошлось. Из остановившихся недалеко автобусов посыпались забронированные омовцы и сразу начали пробираться через лес к спрятанной в глубине усадьбе.

Анютка плакала навзрыд. Ее сбивчивые слова ничего не проясняли, а, скорее, запутывали ситуацию. Страшный монстр с кривой усмешкой. Жуткие голоса. Кровавые следы. И ведьма. Ведьма с ног до головы в крови, в разорванном платье, с острой железкой в связанных руках. Ведьма заставила Анютку бежать через мрачный черный лес, и девушка не посмела послушаться злых ледяных глаз, сделала все, как ведьма приказала.

Бирман бросился к усадьбе, вокруг которой стягивалось кольцо ОМОНа. Чарли выслал пару своих ребят на разведку, и после их сигнала дом был занят за считанные секунды. Поднявшись по ступеням, Сергей невольно охнул, увидев расprostертое на полу тело Лорда, но склонившийся над жертвой Чарли резко крикнул: «Живой! Дышит!» Вокруг сразу началась суета, прибежали ребята-медики и мгновенно развернули что-то вроде походной больнички.

На втором этаже несколько омовцев молча взирали на колоссальную лужу крови, в центре которой в кресле полулежал труп с перерезанным горлом. Но Бирмана не интересовал труп. Он заметил цепочки кровавых следов, выходящих из лужи. Большие следы ботинок и маленькие следы босых ног. Повинуясь окрику Сергея, омовцы поспешили осторожно освободить пол там, где был хоть намек на кровавые отпечатки.

Промчавшись несколько раз по коридору первого этажа, Бирман обнаружил, что следы выходят на улицу с одного из боковых выходов, но никуда дальше крыльца не спускаются. Но затем он нашел и выход через кухню.

Сергей ворвался обратно в дом:

— Чарли, бери ребят, давай быстрее за мной, они там, дальше в лесу.

И, не дожидаясь, пока командир омовцев отдаст приказ, Бирман вытащил оружие и помчался к лесу по узенькой тропинке, петляющей среди травы и кустарника. Где-то сзади затопали тяжелые ботинки.

В лесу было темно и сыро. Голая ветка хлестнула Сергея по лицу, и в его голове сам собой возник тихий и наполненный ирреальным ужасом голос: «Запомни, что бы там ни было, ты не успеешь. Тебе туда нельзя». Знала ли она, что речь пойдет о ее собственной жизни? Сказала, что не знает. И посмотрела так печально, словно думала, что ничего уже не изменить. Эх, Ритка, Ритка, лучше бы о себе думала.

Выскочив на открытое место, Бирман на мгновение притормозил. На большой круглой поляне он сразу увидел жертвенный столб и привязанную к нему девушку. Она полусидела, полувисела с опущенной головой. Руки ее были заведены назад, за столб, и стянуты в запястьях веревками. Под ее ногами было небрежно брошено несколько охапок хвороста. Разбросанные вокруг ящики, коробки, канистры складывались в сложную и продуманную линию. Было похоже, что на поляне затевалась игра в пейнтбол.

От столба расходились кругами и спиралями сотни догорающих свечей.

Сзади заорал Чарли:

— Серега, стой!

Но едкий запах бензина уже впрыснул в кровь ударную дозу адреналина. Сергей знал, что сзади рассредото-

чиваются ребята в камуфляже, бронированные по последнему слову техники. Где-то подтягивается кольцо оцепления. На перекрытом шоссе гудят сирены. Все это будет бесполезно, если в покрытую радужными пятнами траву упадет хоть одна искорка.

Бирман рванулся прямо к столбу так, как никогда в жизни не бегал. Перепрыгивая через наваленные в беспорядке ящики, бутылки, доски, он краем глаза видел, как падают свечи в дальнем секторе самого большого круга. И как опасно наклоняются тонкие фитили к разноцветным переливающимся лужам.

Темный бугор сбоку от Риты он сначала принял за мешок, и лишь почти споткнувшись об него, понял, что это тело. Рядом с телом в траве тускло блеснул металл оружия. Но Бирману было некогда думать о том, что к чему. Небрежно сунув свой пистолет в кобуру, он прыгнул к жертве у столба, вытащил нож и в несколько движений перерезал стягивающие руки ремешки. Рита свалилась ему под ноги. Он плюхнулся на колени и осторожно перевернул ее.

Холод бледной кожи на мгновение стиснул его сердце отчаянным страхом. Лицо с глубоко запавшими закрытыми глазами казалось безжизненным. Но глубоко под пальцами Сергея всё же ощущались едва заметные толчки.

«Держись, птичка, держись, милая, только держись...»

Сбоку взметнулся яркий язычок пламени. Бережно прижав ведьмочку к себе, Бирман быстро поднялся и оказался в плену у расползающихся по сторонам огненных змеек. Не особенно раздумывая, он помчался прямо по ним обратно к хищным зарослям голого леса, к людям, к машинам.

Веселые пляшущие языки пламени стремительно бросались друг к другу, сливаясь, срастаясь, переплетаясь. Стихия, обретая силу и мощь, вырастала в единого

всепожиряющего колосса. Начали взрываться канистры и банки. Стена огня заторопилась за беглецами, стремясь догнать ускользающую добычу...

Бирман остановился только в подлесе, далеко от пожара, там, где несколько крепких рук осторожно забрали его ношу и почти сразу начали колдовать над ней со шприцами, бинтами и мудреными фразами.

Чарли набросил на него одеяло и резко свалил на землю, одарив парой тяжелых хлопков по спине. После чего заботливо спросил:

— Ну, ты даешь. Как сам?

— Жить буду.

Едва выговорив ответ, Сергей зашелся надсадным тяжелым кашлем. К нему сразу поспешил кто-то из эскулапов с баулом в руке.

Последний лист затянувшейся осени сорвался с высокой ветки и начал свое медленное кружение вниз.

70. Длинные дни

Я очнулась через сорок часов после спасения. В идеально стерильной клинике с вежливыми врачами и милыми сестрами. В персональной палате с расставленной по кругу хитрой аппаратурой. В паутине проводов и трубочек, вкачивающих и выкачивающих из моего тела жизненно важные жидкости.

По словам местного светила экстремальной медицины выживания — Брусникина Петра Петровича, я на удивление легко отделалась. Вывих плеча, перелом ключицы и переломы четырех ребер никак не угрожали моей жизни. Множественные синяки — тем более. Разодранные до кости запястья причислялись к мелким ранкам, и в счет серьезных травм не шли. У меня даже сложилось впечатление, что вежливость врачей прячет под собой разочарование — жертва психованного маляка-убийцы должна была бы быть изувечена посolidнее.

Кроме врачей я никого не видела, а сами врачи на все мои попытки задать вопросы отделялись дежурными фразами вроде «не торопитесь, вы все узнаете в свое время» или «вам пока рано волноваться на этот счет». Постепенно я стала раздражаться, а потом и вовсе закатила нечто вроде скандала, потребовав, чтобы кто-нибудь мне все объяснил.

В качестве весьма посредственного объяснителя ко мне прибыл Лорд. В космической коляске с множеством рычажочков и пультов. Оказалось, Серго занимает палату в этой же клинике, но на другом этаже. У него был измученный, но очень довольный вид. Роль героя пришла ему по вкусу. Его даже навестил большой генерал, что было сродни награждению орденом.

От всех заслуг аура власти Лорда обрела очертания нимба. Теперь это был повелитель, знающий не на словах, что такое глотать собственную кровь. Он долго и обстоятельно описывал мне свои эмоции во время общения с Френдом. Но к моей досаде не мог внятно объяснить, что и как происходило потом.

Из его путаных рассказов я поняла только одно. С пылающей поляны меня вынес Бирман. Как он там оказался и не пострадал ли сам, Лорд мне не сказал. Зато теперь я точно знала, что мое видение исполнилось, пусть не так и не тогда. Но моя попытка предупредить Сережу была бесполезной, видение было обо мне и для меня.

После того, как мне разрешили встать, моими постоянными посетителями стали четыре милых молодых человека. В промежутках между процедурами они задавали мне всевозможные вопросы. Я часами скармливала им мелодраматический бред о взаимоотношениях родителей, щедро употребляя слова о волшебстве любви и магии притяжения родственных душ. А любые другие темы рассматривала как вызов моей памяти, откуда извлекала малоинтересные подробности вроде того, что во дворе больницы, откуда я отправилась на randevу с папашей и Френдом, растет кустик с маленькими желтыми цветочками (описание куста и цветочков на трех страницах прилагается).

Постепенно я и вовсе начала завираться — сцена моей встречи с Френдом разрослась до размеров эпической поэмы с участием трех прохожих, двух любопытных и восьмерых второстепенных персонажей. Причём в момент рассказа я искренне верила во все свои сказки, и даже если молодые люди прямо указывали мне на нестыковки, я легко делала связку в нужном месте, убивая логику где-то рядом.

Я морочила голову и психиатру, который проторил ко мне ежедневную тропу, подбирая, какой же ярлычок

с броским диагнозом мне подойдет. Я пыталась изобразить глупышку, не вполне понимающую, что и как произошло. Но обмануть мне удалось только его ординаторов. Ярлычок мне все равно приклеили — многословный, но относительно нейтральный, без незамедлительного перевода в заведение психиатрического профиля.

От реального помешательства меня спас Левка. Он явился с большим букетом желтых хризантем как-то под вечер. После моего истеричного требования цветы он унес в ординаторскую. Но потом, держа меня за кончики пальцев, торчащих из-под бинтов, он коротко и понятно изложил мне все события, произошедшие с момента моего исчезновения из больницы. А затем выложил и другую информацию.

Анютку уже выписали из обычной больницы. С рекомендацией заниматься в группе психологической поддержки. Думаю, Анютка теперь сама кого хочешь поддержит. Акела не отпускает ее от себя ни на шаг, провоцируя скандалы даже в общественных туалетах. Этому вот психологическая поддержка, наверное, не помешает.

Бирман наглотался дыма и отделался парочкой легких ожогов. После нескольких дней маеты в Склифосовского, он уже носился по городу с новым делом.

Обгоревшее тело с пожара опознали по зубам. Оказалось, что есть снимки челюстей Френда. Левка долго морочил мне голову заумными фразами из патологоанатомических экспертиз, но потом попросту объяснил: «Ты его мощно тюкнула железкой. Он крови много потерял. Плюс натаскался тебя туда-сюда. И эмоционально перенапрягся. А сам уже не мальчик. Ну и все, сердце встало».

Агриппину повязали тем же вечером, как только она сошла с автобуса в Хмыриках. Сопротивлялась она яростно и отчаянно, но абсолютно бесполезно. И ее сразу поместили в психушку, в уютную палату с мягкими стенками,

ввиду ее очевидной неумняемости. Какой-то там острый психоз. С точки зрения Левки, дама болела на всю голову давно, но встреча с роковыми братцами придала этой болезни характер резко прогрессирующий и фатальный.

Убийство отца списали на Френда, хотя по паре пропущенных вскользь фраз я поняла, что лично у Левки остались сомнения на этот счет. Я не стала ему ничего объяснять. Меньше знает — лучше спит.

Совместное явление Хана и Брусникина в моей палате оказалось веселым зрелищем. Навестили они меня вдвоем, видимо, исключительно из вежливости, потому что весь час пребывания у меня они не переставали спорить о медицинских случаях, не имеющих ко мне никакого отношения. Брусникин говорил об антивирусных препаратах, Хан — об иммуностимуляторах. Петр Петрович высказывался за физиотерапию, Семафоров толковал о щадящей хирургии. При этом споры были очень спокойными, без каких-либо лишних эмоций и переходов на личности. Куча аргументов с обеих сторон, примеры из практики, ссылки на статьи. Просто выездной медицинский семинар.

Оба медика занимались в жизни примерно одним и тем же: вытаскивали незадачливых искателей приключений на пятую точку со свиданий с душами предков. И у них явно нашлось, о чем поговорить. А я была лишь привычным фоном, на который эскулапы не обращали внимания.

Перед уходом Хан все же вспомнил, куда и зачем приехал, и скупко поблагодарил меня за «чудо». Оказывается, Клава-Барби, напуганная «гадиной внутри», рванулась исследовать свой организм и благополучно избавилась от доброкачественной опухоли. Вроде бы это происшествие совершенно поменяло ее характер. Ох, сомневаюсь я.

Еще через день поздно вечером я увидела на пороге палаты Бирмана. Он шепотом заявил, что проник в клинику нелегально, но в остальном казался невыносимо обычным. И в качестве подарка он принес подписанную им, Владом и Колькой смешную открытку с изображением дырявого ботинка, просящего каши. Ботинок должен был что-то означать, но что — я не могла сообразить. Мое чувство юмора начисто атрофировалось. Нужно было бы хоть как-то отреагировать, но я только вертела плотный листочек с картинкой в забинтованных руках.

Мои скомканые слова благодарности Сергей даже не дослушал. Зато догадался объяснить мне, что я в закрытом госпитале МВД. Секретный режим объекта не допускал никаких визитов, поэтому рассчитывать на свидание с кем-либо раньше, чем меня выпишут, не приходилось.

Битый час Сережа забивал мои мысли ежедневными мелкими подробностями чужой жизни, старательно обходя тему всего, что случилось. Влад познакомился с длинноногой Русалкой из бассейна. Лелька сделала новую прическу. Коле дядька из деревни привез почти тонну картошки. И теперь большинство семей ОВД «Хрипаново» обеспечено этим полезным овощем на ползимы, по меньшей мере. Очень, очень интересно.

После приличного количества лет совместной жизни Степан преодолел барьер нерешительности и сделал Алисе предложение. На отчаянный шаг боевого полковника вдохновило происшествие с Лордом и бабушкой. Сложного обоснования связи между звонком Алисы Степану и бриллиантовым кольцом я не поняла. Как не поняла и сути родственных отношений между Сергеем и Алисой. Сам Бирман называл ее то сестрой, то теткой, чем окончательно меня запутал.

Осинку выписали из больницы. Ариадна провозгласила «Последнюю прощальную гастроль», на которую

она собиралась отправиться вместе с «Тернопольской-пехт». Поправлялся и Дионис. Его память оставалась полной белых пятен, но это неожиданно сыграло роль мощной пиар-пружины: сразу три крупных галереи наперебой пригласили нового просветленного гуру фотографии устроить персональные выставки.

Слушая Сергея, я чуть кивала головой, угукала, подкивала, но разговор не поддерживала. Что я могла ответить? Что сказать, когда тема монстра снята с повестки дня? Похвастаться новым катетером? Сообщить о новой повязке?

Отчаявшись втянуть меня в подобие разговора, Бирман выложил и другие новости: Кирилл уволился из своей редакции и обивает пороги разных издательств, рекламируя свою будущую книгу: космическую оперу из жизни давних и далеких галактик. Елена Афанасьевна собралась в паломничество по православным монастырям, а Виктор Николаевич представлен к престижной премии.

Я выразилась в том духе, что все это здорово. Серые глаза внимательно изучили мое лицо, но я не могла угадать их настроения. Я ничего больше не могла.

Напоследок Бирман приберег известие об аварии в Нижнем Новгороде. Константин Воробьев (бывший Рогальский) на новеньком «вольво» протаранил ворота собственного особняка. Жизнь Косте спасла подушка безопасности, однако ноги оказались зажатými в металлической ловушке, и теперь Косте придется значительное время посвятить медицинским процедурам. Моё проклятие сбылось, но Сергей ничего о нем не знал, и я снова отделалась несколькими кивками.

Мне не хотелось вспоминать о мудром Каа. Ни о чем не хотелось вспоминать. И уж о детстве — особенно. Кажется, мне удалось внушить это пристальным серым взглядкам. Бирман быстро попрощался и тихо ушел.

Тоскливые дни тянулись и тянулись. Лорд предложил мне присоединиться к его исследованиям разных необычных способностей. Закидывая меня научными терминами и педалируя разные зомбирующие лозунги вроде «тебе это необходимо», «ты будешь рада» и «ты этого хочешь», Серго дня три излагал мне свое видение программы. В результате стало очевидным, что формула, изложенная мной Левке — «Электроды на башку и в лабиринт» — полностью описывает все предполагаемые исследования.

Серго верил, что я должна почувствовать себя польщенной от такого внимания и доверия, но мне не хотелось становиться лабораторной крысой. Я не находила предложение столь уж лестным и, тем более, обязательным к принятию. Сообразив, что я склоняюсь к отказу, Лорд усилил давление, и в результате его ежедневные визиты стали мне в тягость.

Мы обходили молчанием все, что произошло в усадьбе. Ну, не считая одной моей неловкой попытки зайти в эту тему. Я промусолила несколько слов благодарности — все же говорильня Серго спасла жизнь нам обоим — но он только кивнул головой и сразу перевел разговор на что-то другое. Я понимала, что он тоже благодарен мне, что он восхищается тем, насколько крутая ведьма из меня получилась. Но из всех моих посетителей только он так и не сделал ни одной попытки подержать за кончики моих пальцев.

Тараканы в голове Серго были исключительно его проблемой. Я ни о чем не жалела.

В один из визитов Левка вручил мне телефон, но вспыхнувшее желание позвонить всем друзьям быстро рассеялось. Я не хотела отвечать на вопросы. Не хотела говорить, что у меня все хорошо. И не хотела выслушивать чужое нытье.

Зато я привыкла болтать с Кириллом. На моё счастье Бирман и Лорд не издавали журнал «Занимательные факты из биографии Риты Рогальской», а сам Кирилл был полностью поглощен иными вселенными, галактиками и межзвездными кораблями, поэтому никаких неприятных подробностей дела Кирилл не знал. Он воспринимал все случившееся как некую болезнь, которой мы оба переболели, и он строил планы «после выздоровления», в которых было много литературы, книг, рукописей, а также наших совместных поездок на симпозиумы авторов фантастики. Все эти планы казались мне красивой сказкой.

Пережитый страх излечил меня от вспышек ревности. Кирилл упоминал о консультациях с Беллой, но я не испытывала никаких эмоций по этому поводу. Консультации — так консультации. Мне все равно.

Но и слово «любовь» теперь значило для меня нечто совсем иное, чем раньше. Я прикоснулась к такой любви, которую не дай бог испытать никому. И хлебнув этой отравы, боялась думать, что могу оказаться в таком же капкане чувств.

Я говорила и думала, что люблю Кирилла — люблю искренне и глубоко, сильно. Но я лишь увлеклась интересным мужчиной. До любви этому ростку было ещё ой как далеко. Буду плыть по этому течению, а там... куда река времени вынесет.

Пока река времени вынесла меня на порог новой дружбы. Я часто видела Левку. Он проводил много времени с Серго, но всегда забегал ко мне, иногда не больше, чем на четверть часа. После нескольких обсуждений заморочек Френда мы переключились на другие истории. Левка рассказывал мне ситуации из жизни пациентов, я выкладывала ему байки из уличного прошлого, и все это было весело и невинно. Левка несколько чопор-

но сообщил, что у него есть подружка, и это сняло между нами все проблемы из серии «может ли мальчик дружить с девочкой».

Левка был уверен, что в некотором будущем я смогу составить ему конкуренцию на профессиональном психологическом поприще. И даже предложил помощь в устройстве на работу. Я не стала отказываться, но где-то внутри была убеждена, что ничего из этого не выйдет.

Завоевать мои симпатии Левке и без всяких ухищрений ничего не стоило. Но он еще и спасал меня от скуки, привозя мне разные неожиданные книжки. За новую книжку я была готова не знаю на что. Жаль, что из-за этого Левке пришлось поцапаться с Брусникиным. Книгоманка Рита прочитала сразу два труда по маркетингу за одну ночь, после чего провалилась в глубокий сон днем, изрядно всполошив весь медперсонал.

Мне тревожили мысли о видении, обещавшем Левке падение в бездну отчаяния. Но теперь я знала, что это просчет моего подсознания. Множество сигналов сложилось в образ опасности, подстерегающей именно его. Я увидела это в виде картинки, но не обязательно, что реальность её повторит. Дело не в том, какой нож окажется у него под рукой. Дело в том, что я знаю роковой сценарий. А значит, я могу его изменить.

Медленно и вместе с тем незаметно прошел месяц со дня моего спасения. Кости срослись, швы затянулись. С точки зрения медиков, я уверенно шла на поправку. Я знала, что страшный, но в то же время важный и значимый кусочек моей жизни прожит, время строить новую жизнь. Но я не чувствовала себя в этом новом потоке

Найти новую работу не проблема. С норой будет тяжелее, но город большой, не может быть, чтобы в нем не нашлось маленького убежища для меня.

Немилосердное зеркало, обнаруженное мной в туалете для медсестер, изобразило седое существо с искусанными губами и запавшими глазами. Губы заживут, синяки под глазами пройдут, но вот производителей краски для волос кормить мне теперь до скончания дней.

Можно забыть о старой дружбе с Олесей, а значит, прощайте тусовки. Я все равно их не любила их, но было немного грустно, что какие-то двери для меня закрылись и, скорее всего, навсегда.

Брусникин утряс вопрос с продлением моей сессии, отправив в институт справку о прохождении длительного лечения. Еще два года мучений на экзаменах, и я обрету заветную корочку. Документ о высшем образовании. Нужен ли он мне? Сможет ли открыть передо мной новые двери? Кто знает.

Я строила планы, размышляла о перспективах, составляла приоритеты... Но в действительности не понимала, как буду жить дальше...

71. Сияние за горизонтом

За несколько дней до назначенной выписки сразу после ужина в дверь моей палаты тихо проскользнул Бирман с охапкой одежды в руках. Он прижал палец к губам, предупреждая все мои вопросы, и мне осталось только держать рот на замке. Бесцеремонно усадив меня на кровати, Сергей натянул мне на ноги толстые шерстяные носки, а поверх них ужасные кирзовые сапоги. На голову мне он водрузил драную кроличью шапку вида «послевоенная гордость дедушки». Поняв, что он задумал, я молча подчинялась, когда он засовывал меня в бесформенное ментовское пальто и когда, взяв за руку, тащил вниз по узенькой пожарной лестнице в торце здания.

В больничном скверике оказалось несколько нелепых деревянных сооружений, и Бирман решительно повел меня к одному из них. Я уже начала задыхаться от быстрой ходьбы, когда он втолкнул меня в разваливающуюся шестиугольную беседку, заколоченную с трех сторон фанерными листами. Сооружение казалось хлипким, но немного защищало от легкого ветерка.

— Ритка, смотри какая зима! Я тебя вытащил немного воздухом подышать. А то ты совсем заплесневеешь. Снег идет! Правда, классный?!

Между черных стволов деревьев порхали крупные белые снежинки. Они таяли на теплом черном асфальте, но ложились тонкой основой будущих сугробов на крыши беседок и мерзлую землю. Неужели правда, зима? Неужели эта бесконечная осень кончилась?

— Видишь, там, между деревьями, словно сияние за горизонтом? Это Москва. Если сможешь, выбирайся как-нибудь вечером посмотреть. Это очень красиво.

Внезапная догадка мелькнула у меня в голове, и я спросила:

— Ты раньше тут был? Ты лежал в этой больнице?

— Не я. Влад. Его однажды подстрелили, а я ему водку и котлеты таскал.

Наверное, у меня был слишком потрясенный вид, потому что Бирман засмеялся:

— Ерунда, ничего серьезного.

Прозрачный чистый воздух рождал особое спокойствие, а вместе с ним и острое чувство близости другого человека. Сергей балансировал на средней балке пола, вокруг которой чернели дыры от прогнивших досок, а у меня вдруг сжалось сердце.

— Знаешь, я словно вышла из кинотеатра после страшного фильма. И теперь не знаю, что делать дальше, потому что все, что было до этого, забыла.

Бирман перемахнул через провал пола и спрыгнул на землю. Обойдя один из поддерживающих хлипкую крышу столбиков, он легко обнял меня за талию, подтолкнул чуть дальше, и я поднялась на небольшую ступеньку, когда-то служившую входом. Наши глаза оказались почти на одном уровне, и он с улыбкой ответил:

— Только не говори, что ты забыла самое главное.

— Что главное?

— Ты должна мне желание. Любое желание.

Мы стояли на самом краю мира. Сзади — прогнившие стены, впереди — лес неизвестности. Самое время для желаний.

— Я помню. У тебя есть желание?

Сергей притянул меня к себе и тихо ответил:

— Поцелуй меня, птичка.

Не-е-ет. Не сейчас... Я всматривалась в серые глаза, пытаюсь найти подсказку, что это шутка, что мне послышалось, что ничего такого в виду не имелось. Но Сережа был серьезен и терпеливо ждал, что я отвечу.

Кривая ухмылка монстра возникла в моем сознании и заставила меня чуть вздрогнуть. Автоматически я попыталась отступить назад, но осторожные крепкие руки удержали меня.

— Не бойся, птичка, не убегай. Все плохое позади. Поцелуй меня.

Я не могла врать все понимающим серым глазам и тихо созналась:

— Я... я отдалась Френду.

— Я знаю. Тебе пришлось. Ты очень сильная. И очень красивая. Поцелуй меня.

Я уставилась на свои изуродованные запястья в рубцах от веревок, вспомнила, как мои руки заливала чужая кровь и отчаянно прошептала:

— Я убила отца.

— Я знаю. Выбора не было. Не думай об этом. Поцелуй меня.

— От меня одни несчастья. Все... все умирают.

— Все всегда умирают. Но ты жива, и я жив. Пока мы живы — поцелуй меня.

Ясный серый взгляд ждал. И я решилась. Несмело коснувшись краешком губ теплой щеки, я замерла, вдруг почувствовав себя в безопасности. Не было страха, не было сомнений. Только спокойное знание, что все хорошо, пока кто-то особенный для тебя живет где-то в этом безумном мире...

Не знаю, сколько мы простояли так. Но когда я смогла отстраниться, острое чувство потери чего-то важного оказалось последней каплей в море моих невыплаканных слез. И я расплакалась, уткнувшись в крепкое плечо Бирмана. Я плакала, плакала, плакала и никак не могла остановиться. А он только гладил меня по голове и утешал:

— Вот и умница, поплачешь, и все пройдет. Плачь, птичка, теперь плачь. Все уже позади. Ты победила, выиграла, выжила. А боль в душе время излечит. Дышать

будет все легче, все спокойнее. Ты молодец, Ритка. Ты сильная, ты умная, ты со всем справишься.

От ласковых слов становилось горше, больнее, и по мокрым щекам стекали новые слезы, смывая пережитый ужас и возвращая меня в нормальный мир.

— Все у тебя будет хорошо, слышишь? Все образуется, наладится. Ты смелая, ты веселая, у тебя все получится. Все плохое позади, птичка, все страшное осталось в прошлом...

Я хлюпала носом и давилась слезами, тщетно пытаюсь справиться с собой, а спокойный голос рассказывал мне о хорошем.

— Ты особенная, Ритка, ты добрая, ты нежная. Вот увидишь, скоро все изменится, и ты забудешь ужас, забудешь боль и слезы. Ты будешь счастливой, веришь? Очень счастливой. Тот, кто спускался так глубоко во тьму, знает, чего стоит свет...

Наконец, слезное извержение постепенно сошло на нет. Размазав остатки соплей по и без того мокрому плечу куртки Бирмана, я подняла голову, боясь встретиться с Сергеем взглядом. Легко приподняв меня за талию, он переставил меня на землю, словно шахматную фигурку. Теперь он снова был на голову выше, а в его голосе появилось ехидство:

— Психотерапевты бестолковые, наверняка не меньше тонны бумаги глупостями измарали, а поплакать девочке не дали.

Я вдруг улыбнулась, представив целую комнату, заваленную исписанными листами и затопленную небольшим слезным наводнением. Я улыбнулась? Точно? Я же вроде разучилась? Или все-таки не совсем?

— Тебе надо чаще улыбаться, Ритка. Мир становится лучше.

Я невольно улыбнулась еще шире, разглядев веселые смешинки в серых глазах:

— Тебе тоже. С улыбкой ты на десять лет моложе.

Сергей откровенно заржал:

— С возвращением, ведьмочка. У меня как раз юбилей через месяц будет. Круглая дата. Тридцатник.

— Дряхлый старик. Ты, наверное, динозавров помнишь и мир без интернета?

— А как же, весьма уныло было. Всякие ти-рексы туда-сюда бегают, всех подряд жрут, а в кино ходить за полкилометра приходится.

— И много ты рексов завалил?

— Мульйон. И еще одного дракона с гребнем вдоль спины. Он приметный был, весь район терроризировал. Я его приемом дзюдо свалил, за что был воспет в старинной саге «Великий воин Серега Бирман побеждает Змея Горыныча».

Я только хмыкнула:

— Прямо богатырь земли русской. Ты знаешь дзюдо?

— И не только. Мне редко достаются маленькие побитые ведьмы в качестве подозреваемых. В основном, приходится иметь дело с разными малоприятными личностями. Иногда и руками-ногами отбиваться.

— Лорд сказал, ему новое звание присвоили. А тебе?

— Пока только обещали. Но мне новую работу предложили. Такую, о которой я и подумать не мог.

Прежде чем я успела подумать, сидящая внутри моей головы наивная девочка Рита с непосредственностью ребенка выпалила:

— Хочешь, я буду рядом?

Но Сергей, снова улыбнувшись, только покачал головой:

— Лети, птичка, на свободу. Тебе долго крылышки подрезали, а сейчас и вовсе подпалили. Но перышки отрастут, вставай на крыло и лети, посмотри мир. А потом свей свое собственное гнездышко и поживи спокойной тихой жизнью. Без улиц и ночных походов через пар-

ки, без трупов и сломанных костей, без капризных старух и полоумных мужчин вокруг.

Бирман отпускал меня. Отогретая его теплом замерзшая птичка могла расправить крылышки и улететь в высокое небо. Хотела ли я этого? Была ли этому рада? Не уверена...

Никто из нас не заметил приближения тайфуна в виде Лорда, обнаружившего мое отсутствие в палате и быстро сообразившего, где искать беглянку. Это было колоритное зрелище: молоденькая худенькая сестричка, бегом толкающая огромное кресло на колесах, и неторопливо шагающий рядом амбал-охранник. Сам Лорд рисковал вывалиться из своего транспортного средства прямо на ходу.

— Ты дурак! — сходу заявил Серго Бирману. — Хочешь ее в могилу свести? Посмотри, у нее коленки голые. И синие уже. Что, слабо было еще и штаны додуматься спереть?

Повернувшись ко мне, он припечатал:

— А ты — идиотка! Пальцем поманили, она и побежала по лесам козой скакать.

Всмотревшись в мое заплаканное лицо, он снова сердито набросился на Бирмана:

— Что ты ей сказал?

— Да ничего особенного. Что птичка все еще должна мне желание. Эту попытку не засчитываем.

Я потрясенно уставилась на него:

— Нет, Бирман, это не честно.

— Охрана! Выведите отсюда этого придурка! И больше не впускайте! Никогда!

Бирман развел руками, коротко кивнул мне на прощание и послушно ушел за гориллоподобным охранником. Я осталась слушать нотацию Лорда:

— Маргарита, я знал о том, что ты склонна к безответственным поступкам, что ты импульсивна и эмоцио-

нальна, но ты, кажется, вообще готова наплевать на здравый смысл. Тебе необходимо выздороветь и физически, и морально, но ты делаешь все, чтобы усложнить эти процессы...

Индусы называют это кармой. Не успел из моей жизни выписаться один читатель нотаций, как тут же на вакантное местечко норовит пристроиться другой.

Следующим утром все еще раздраженный Лорд хмуро встретил улыбающегося Левку:

— Тебе уже рассказали?

— А как же. Охранники, сестричка на посту, сестричка у процедурной, Брусникин лично, еще и заморыш, который зам Брусникина. Только сама Ритка промолчала.

— Она плакала, Левка. У нее были такие опухшие красные глаза. И такие... печальные что ли.

— Ох, Серго, это хорошо для нее, понимаешь? Я готов часть души продать, чтобы узнать, что именно Бирман сделал, чтобы заставить Ритку выплакаться. Она же как замороженная все это время была. А теперь улыбается, смеется. Ни у меня, ни у наших светил этого не получилось, хотя, уж поверь мне, я лично очень старался. А Бирману хватило нескольких минут. Причем, я уверен, он специально потащил ее в эту беседку, знал, что там камеры не достают. Теперь мне только гадать остается, что именно ее из эмоционального анабиоза вытряхнуло.

— Ты думаешь, он хочет перейти мне дорогу?

Левка только хихикнул:

— Да-да, только об этом он и думает. Не глупи. Я разговаривал с Чарли. Он же был на этой чертовой поляне. Надо быть совсем без башни, чтобы так к Ритке броситься, как Серега бросился. А если бы не бросился, Ритка сгорела бы. Без вариантов. Ты можешь беситься, можешь бороться, но он всегда будет много значить для нее. И, кстати, ты тоже его должник. Промедли он немного,

и ковылять бы тебе без ноги, а то и вовсе не ковылять никак.

— Я все равно ему Маргариту не отдам.

В голосе задумчивого Левки прорезались родительские интонации:

— Ты реши сначала, зачем она тебе самому нужна. Ты же ее коснуться боишься. То хочешь броситься перед ней на колени и стоять так остаток жизни. То готов придушить, чтобы никогда больше не видеть. Хотя, полагаю, самое лучшее для тебя — забыть о ней.

Лорд только махнул рукой:

— Забыть? Я хочу ее, Левка. Но, понимаешь, даже уже не тело ее. Тело я по-любому получу. Я хочу, чтобы она вся была моей. До самой последней тайной мыслишки — только моей. И чтобы никто не значил для нее столько, сколько я. Я любви ее хочу. Настоящей любви.

Неземные карие глаза встревожились, но в голосе слышалось нечто елейно-противное:

— О, боги, пошлите всем нам мир! И любовь!

Серго холодно спросил:

— Не понял? Ты что, не на моей стороне?

Левка подвинул стул и удобно уселся на него. Сложив руки в замок на коленях, он терпеливо и все же чуть раздраженно объяснил:

— Я на стороне света, Лорд. Если ты начнешь воевать с Ритой, мне придется потерять двух самых близких людей. Я не настолько силен духом и сломаюсь. А без меня здесь будет намного... скучнее. Так что в теории я за то, чтобы вы с ведьмой обрели в объятиях друг друга счастье. Но, Серго, я был бы идиотом, если бы верил, что на практике для этого достаточно декларировать что-то про любовь. Ты сильно обожжешься, если попытаешься применить к Ритке свои любимые приемчики. Никто не знает, на что она способна. Это тебя манит, но это же и погубит.

Черные бархатные глаза вспыхнули весельем:

— О, великий мудрец! Какую замечательную банальность ты только что изрек!

— Мир банален, Серго. Как бы мы ни старались, мы лишь разыгрываем программы, записанные всего четырьмя буквами. А может, тремя поколениями разных там очарованных и странных частиц.¹

Лорд досадливо поморщился и перевел разговор на обсуждение сложных махинаций одного депутата с криминальным прошлым.

¹ Четыре азотистых основания являются своего рода буквами для ДНК. Очарованный и странный — ароматы (типы) кварков, причем оба названных относятся ко второму поколению.

72. Угрозы и советы

Ариадна Тернопольская не могла пропустить благотворительный концерт, организованный одной важной особой. Особа прислала великой звезде персональное приглашение поучаствовать в деле возрождения лесов Тимбукту, и ежегодное участие Тернопольской даже не обсуждалось, оно как бы было встроено в шоу с самого начала. В этом году звезда предприняла неслыханные прежде меры безопасности, и прежде всего, по ограждению себя от нежелательных контактов с настырными ментами. Но она не предполагала, что у меня хватит наглости явиться к ней прямо в гримерку.

Когда я вошла в гримерку Ариадны и закрыла за собой дверь, некий юный ловелас проворно отпрянул от некогда шикарного, но уже увядшего бюста великой актрисы. В глазах Ариадны полыхнул гнев. Отлично. Давай, гневайся.

— Ариадна, есть разговор. Выстави своего подлизу.

— Рита, как ты смеешь?!

— Смею, смею, Ариадна. И еще не то посмею.

— Выйди вон! Пусик, дружок, позови охрану!

Я пожала плечами и удивленно спросила, словно Ариадна брякнула нечто смешное и невозможное:

— Ты действительно этого хочешь? Выгнать меня? Уверена?

Ариадна вспыхнула, потом признала, что ни в чем не уверена:

— Ладно, иди, Пусик, это ненадолго. Я тебя позже позову.

Я облокотилась на столик, заваленный театральной дребеденью, и решила по театральному же принципу выдержать паузу. Изучив морщинки и следы операций

на лице Ариадны, я улыбнулась. И тут великая звезда не выдержала:

— Выкладывай, зачем пожаловала. Что надо?

Очень хорошо. Раздражение и страх. Ровно те эмоции, которые я и планировала вызвать. Спокойная молчанка или истеричный крик не позволят мне узнать то, что хотелось. Расскажи мне, Тернопольская, из-за чего все началось.

— Ариадна, я в целом все хорошо себе представляю. Это тебе пришла в голову гениальная идея сосредоточить внимание Френда на мне. Глупый Дионис, не знавший об отсутствии кровного родства, подсказал тебе весь этот план. Отец заказал ему мои фото. И сделал на стороне фотомонтаж со старых фото мамы. Получалось, что я на нее похожа, хотя в действительности это не так. Чисто театральный прием. Ты же знаешь, что может хороший грим.

— Какой фотомонтаж? Ты бредишь? Прочитай эту сказочку на ночь своим ментам.

— Да нет, это как раз менты просветили меня насчет того, что мама вовсе не снималась в фотостудиях, мама фотографировалась на память с подружкой. Поэтому и нужно было травить фотографа.

— Менты копались в моем доме? Да я их засужу!

— Это вряд ли. Давай продолжим. Думаю, папашка сам пожаловался тебе на вышедшего из тюрьмы братца. Ты знала об одержимости Френда своей подружкой. И могла захотеть возродить эту одержимость и направить ее в нужное русло только по одной причине. Чтобы Френд отвлекся на подставную Машу и перестал представлять опасность для моего отца.

— Делать мне больше нечего.

— Конечно нечего, потому что ты ничего не знала о том, почему Френд был опасен. Видишь ли, у папочки было очень специфическое хобби: он честь жены защищал нехитрым образом — убивал всех, кто смел претен-

довать на роль маминых любовников. А Френд об этом не только знал, он ему еще и помогал: выслеживал жертв, от трупов помогал избавляться.

— В память о Маше я найду тебе хорошую наркологическую клинику. И весь этот бред ты там быстренько забудешь.

— Как Веня Маслов?

Лицо звезды исказила гримаса. Великой звезде изменила театральная закалка. Она и подумать не могла, что менты докопаются до истории с Масловым.

— Ариадна, освободившийся Френд знал, кого, где и как убил отец. Это было опасно, потому что за время заключения Френд окончательно съехал крышей и во всеуслышание нес разный бред про избавление звезды от угрожающих ей черных дыр. Достаточно было кому-то поумнее прислушаться, и пасьянс бы сложился. Не в пользу папаши.

— Ты больна.

— Ага, наверняка. Только был в раскладе такой момент: папашка очень, очень соскучился по убийствам. Подставив меня в качестве Маши, он встал на скользкий путь. Как только Френд узнал о моих похождениях, старая партия стала разыгрываться на новый лад. Отец знал, что я не Маша, но он слишком хотел убивать. Так хотел, что ему уже было неважно, что любимая десять лет как мертва. А Френд все это воспринял так, будто и не было этих долгих лет отсидки.

— Семейное сумасшествие передалось тебе в полном объеме. И без всяких генов.

— Ты права. Но я все же не понимаю, зачем тебе был нужен мой папашка? Что и кому ты хотела доказать? Он же ничтожество. Неужто тебе не хватало настоящих мужчин?

Звезда презрительно поджала губы и одарила меня взглядом небожительницы, снисходящей до глупости простых смертных:

— С чего ты решила, что дело во мне? Мы договорились, что он женится на Олесе. Это был бы очень разумный, очень красивый брак. Он хотел выйти в самые высокие круги, я бы ему устроила неформальные контакты с нужными людьми. Олеся обрела бы должный уровень в свете. И вообще ей пора образумиться...

Вот это прихлопец... Как много мне еще предстоит узнать о мире... Старый придурок и выжившая из ума звезда договорились о новой ячейке общества, а меня из-за этого чуть не сожгли на костре. Ничего себе причинно-следственная связь. Осинка здорово меня киданула и в этом раскладе. Но зачем ей сдался мой папашка? Неужели она и вправду могла с ним... ну это, как там, в семье полагается... исполнять супружеские обязанности? И ее бы не тошнило каждый раз?

Пожав плечами, я попыталась прояснить несоответствие только что сказанному:

— Если дело в Осинке, зачем ты ее отравила? Я все удивлялась, с чего ты вдруг заявила ментам, что вино — мой подарок. А ты навешивала на меня всех собак?

Ариадна побледнела, запал уязвленной гордости испарился, осталось воспоминание об ужасе:

— Она украла у меня бутылку. Решила, что это дорогое марочное вино, раз стоит под замком в моей спальне. Я думала, что это кто-то из прислуги и не переживала...

Бедный Левка. Он целый трактат накатал, объясняя сложные мотивы матери, одной рукой подталкивающей дочь к пропасти, а другой — травящей ее, чтобы она упала в миллиметре от края. Такой вдохновенный психологический этюд пропал. Не буду его расстраивать такой простой правдой.

— Похоже, твоя дочь унаследовала твою глупость. А кто додумался кокнуть меня прямо в ресторане и все тем же вином? Хотя, думаю, это не ты. Ты была братикам уже не нужна, они оказались в своей любимой стихии.

Ариадна изобразила демонический смех:

— Никто никогда ничего не узнает!

— Позвоним ментам? Попросим кого-нибудь умного приехать?

— Они не смогут ничего доказать! Любой нормальный адвокат не оставит камня на камне от твоей теории! Не видела я тех бутылок и ничего не знаю. Доказательств нет!

— Да зачем мне доказательства, Ариадна? Ты крупно влипла, запрягшись в одну упряжку с Френдом. В качестве одного из заложников он похитил воспитанника сразу нескольких генералов МВД. И любимчика всей нынешней верхушки этого ведомства. Можно сказать, такого сына полка.

— Ты забыла, кто мой муж? Плевал он на МВД!

— О! Вот напрасно ты так думаешь. Твоему Мурзику помогут распилить бюджет или прикроют от наездов рейдеров, но пачкаться в уголовщине, да еще такой низкопробной, твоему дорогому муженьку не позволят. Он вчера три часа провел в Особняке. Не удивлюсь, если прямо сейчас его адвокаты строчат бумаги о разводе.

— Да я — звезда! Я и без него обойдусь!!

— Два твоих последних спектакля не собрали и половины зала. Живешь ты в апартаментах Мурзика и за его счет. Последний диск выпущен при его финансовой поддержке. Сама по себе ты студиям уже не нужна. Мурзик платил, поскольку женитьба на тебе принесла ему известность, и он, как оборотистый малый, использовал такой факт исключительно к своей пользе. Но ты нарушила статус-кво. И развязала ему руки.

— Не смей меня. Мурзик никогда со мной не разведется. Я устрою ему такое представление, что от его оборотистости ничего не останется. По миру пушу!

— Нет, Ариадна. Ничего ты не устроишь. Один из генералов твоему Мурзику подсказал, что в пустом

ящичке из под вина, скромно спрятанном между твоих пеньюаров, было всего шесть ячеек. И разъяснил, где и как оказались четыре бутылки. Оставшиеся две Мурзик нашел сам. В квартире своей любимой бухгалтерши, с которой, если слухи не врут, он уже двух детишек прижил.

Ариадна посмотрела на меня так, словно я только что прошла по ее могиле. Кажется, такой замысловатый оборот вполне подходит.

— Да-да, Мурзик проверил все вино из всех баров и холодильников в той квартирке. И нашел отраву. Он мог бы проглотить, что ты кого-то там на стороне замочила за неведомые обиды. Но покушение на себя любимого и мать его детей — совсем иной ракурс событий. И, полагаю, ваш бракоразводный процесс будет тихим и незаметным. Иначе он состряпает все нужные показания и отправит тебя за решетку. А то и заставит тебя того особого винца отведать.

Из-под личины великой звезды выглянула разозленная до крайней степени базарная торговка:

— Шваль подзаборная! Проститутка грошовая! Подстилка для пьяных ублюдков! Это все ты! Ты мне несчастье принесла! Уродина! Мерзавка! Ты не понимаешь, с кем связалась! Я тебя уничтожу! Я все про тебя знаю! Я все расскажу! Шлюха! Выродок!

Я минуты три наслаждалась этой руганью. Интересно, есть еще в наших университетах профессора с микрофонами, записывающие ненормативную народную лексику? Я могу подсказать им, где скрыт бесценный кладезь знаний этой самой лексики. Когда мне надоело, я с улыбкой спокойно спросила:

— Ты добра своей дочери желаешь?

Ариадна враз заткнулась. Фонтан красноречия перекрыли вентилем на подводящей трубе. Я спокойно объяснила:

— Мне давно надо было кое-что проверить, да все было недосуг. Олеся Тернопольская с депутатом. Олеся между маргинальными папиками. Олеся в душе с негром. Не хочешь посмотреть на дочурку в лентах новостей?

Ариадна и физиономически стала похожа на торговку с базара. Причем, пожилую торговку. Поджатый рот и усталое выражение глаз состарили ее лет на двадцать. Но мне было ее не жалко. Добивать врагов — так добивать.

— Из-за этого ты подарила Одоевскому злополучное вино, без всякой связи со мной или с Френдом. У тебя были куда более весомые мотивы.

Ответная тихая угроза была похожа на шипение злой змеи. Подколотной гадины. Так, кажется, именовали этот тип женщин наши древние сказочники.

— Я всем расскажу, что пленки Одоевского у тебя.

— Ариадна, двадцать первый век на дворе. Какие пленки? Все давно в электронных архивах. Да и те отнюдь не в моей власти. У моего милого наставника достойные наследники. Сынок, к примеру, колоритный персонаж. Ты с ним дел не имела? И не советую. К тому же, благодаря тебе, у меня теперь весьма обширные связи в ментовках разного уровня. Обросла я, знаешь, знакомствами с операми, следователями, экспертами, даже и с генералами. Думаю, кого-нибудь посвящу в тонкости наших с тобой разборок. Может, и Мурзика просветить насчет падчерицы?

Тернопольская сдалась. Я видела, как поникли ее плечи, а из глаз исчез воинственный огонь. Она смирилась. Но я не обманывалась — пройдет время, и Ариадна обязательно решит мне отомстить из-за угла. Поугрожать немного, что ли?

— Ариадна, ты придумала хитрый план. Беда его была только в несусветной глупости. И напрасности. Монстрам не нужны подсказки, чтобы быть монстрами. Те-

перь из монстров остались только ты да я. Мы с тобой. Я готова тебя отпустить. Живи и радуйся жизни. Но если ты придешь за мной, я с тобой разделаюсь. Причем так, чтобы красивых похорон не получилось.

Кивнув Ариадне на прощание, я шагнула к выходу, но потом обернулась. Осталась еще одна маленькая гадость:

— Знаешь, дам тебе один совет: не бери в пресс-секретари дочери Изабеллу. Она будет у Олеси всех мужиков переманивать. И работать не на твою доченьку, а на себя — искать богатого спонсора, а то и мужа. Ненадежная девица, эта Белла, это я тебе как ее подруга говорю.

73. Занавес

В конце театрального действия актеры выходят к публике и кланяются. В реальной жизни тоже случаются бенефисы и парады персонажей. Потом падает занавес, и ты остаешься один на один со своей собственной реальностью.

До моего отъезда из столицы оставалось несколько дней, когда позвонил Влад и сбивчиво пригласил меня приехать на вечеринку к Бирману.

Теплый пушистый снег валил целыми комками. Я почти целый день бродила перед модными дорогими витринами, но так и не придумала никакого разумного подарка. В конце концов, ругая себя за потакание собственной слабости, я осела в большом книжном магазине и нахапала кучу современной прозы, модной фантастики и экскурсов в альтернативные реальности. Будет, чем побаловать себя на досуге.

Мы с Кириллом опоздали. Все гости уже собрались. В столовой был накрыт стол, и от старинного фарфора с блестящим хрусталем рябило в глазах. Люди выпивали, ели, галдели. Я не сразу разобралась, что почти всех знаю. Мне улыбались и говорили что-то приятное, немного скованно спрашивали о самочувствии, поздравляли со спасением. От этого становилось и тепло, и грустно.

К Бирману было не протолкаться. Влад ухаживал за красивой девушкой — без сомнения, это и была его Русалка. Колька с Аишей сидели рядом, нахохлившись и смотрящие в разные стороны — явно снова поссорились. Лорд, вальяжно расположившись в центре длинного стола, обнимался сразу с двумя красотками. Заметив меня, он демонстративно расцеловал каждую. Я послала

ему воздушный поцелуй. В кухне я обнаружила Олеся — с новой прической, в умопомрачительном прикиде и с сияющими бриллиантами в ушах. Мы обнялись, но я быстро отстранилась. Дружба была разрушена. Мне нечего было сказать бывшей подружке, и это ощущение было взаимным.

Из кухни меня деликатно вытащил Левка. Проведя меня к пятачку коридора возле распахнутой двери в столовую, он вкрадчиво прошептал:

— Я поставил двести баксов на то, что нам с тобой хватит одного квадратного метра для танца. Есть шанс заработать приличные деньги. Станцуем?

Улыбнувшись, я стянула с себя свитер, оставшись в одной майке. И согласилась:

— It makes the world go round.

Мы станцевали. Монетки, которыми нас осыпали, звенели, добавляя веселья музыке старого хита. Призрак Боба Фосса одобрительно кивал в каких-то невидимых измерениях. Публика бесновалась и хором голосила «мани-мани-мани-мани-мани». Я была обольстительна и немного смешна, Левка — красив и в меру карикатурен. Танцевать он не умел, но для этого шоу хореография была не важна. Важно было наше взаимопонимание, а с ним все оказалось в полном порядке. Вместе мы были чертовски хороши и обаятельны.

Аплодировали нам раза в два дольше, чем длился сам танец. А все выигранные деньги я отдала Левке. Мне не критично, а ему пригодятся.

Потом я сбежала от расшумевшейся компании и забралась в комнату бабушки Паши. Она, откинувшись на подушки, наваленные у стены, пыталась собраться с силами для очередного выхода к гостям. Я протянула ей небольшой и потрепанный томик:

— Пляши, Пашенька. Я нашла тебе нечто особое. То самое единственное издание мемуаров Стругского. Пом-

нишь, ты рассказывала о войне, об эвакуации? Однажды я тебе все это снова прочитаю.

Паша прижала книжку к себе, в уголках ее глаз показались крохотные слезинки:

— Светлая моя девочка, ты запомнила. Я уж думала, ты про меня забыла. И Сережа молчал. Потом только Алиса сказала, ты болела тяжело...

— Все уже позади.

Из серых глаз, смотрящих сквозь космические дали на что-то мне невидимое, скатилось еще несколько слезинок. Достав чистую салфетку, я аккуратно вытерла мокрые бабушкины щеки и крепко поцеловала ее.

— Дай Бог тебе счастья, Риточка. И огради от зла.

Паша прошептала не то заговор, не то молитву. Может, подействует...

— Куда ты бежишь теперь?

Никто не задавал мне столь прямого вопроса. Если бы я сама знала, куда и от чего бегу.

Я присела возле кровати и стала неторопливо рассказывать:

— Я уезжаю. Новую работу нашла. Далековато, правда, в Опупеньках, сто тридцать третий километр, зато домина в три этажа и прислуги семь человек. Буду жить-поживать на всем готовеньком. И подопечная приятная — ей под восемьдесят, но никаких трудных закидонов в голове. Парочка тараканчиков и только. Но ты, Паша, не думай, у меня будет два выходных в месяц, я к тебе обязательно буду приезжать.

— А как же кавалер?

— Потерпит пока. Мне немного времени надо — в себя прийти. Слишком много всего произошло. Трудно быть феей, когда так и тянет на проклятья.

Паша только покачала чуть головой. И спросила совсем о другом:

— Ты теперь наследница?

Вот что значит житейская мудрость. Я сама узнала об этом только вчера, из длинного заявления Финкельштейна — самого младшего. И если бы не спич пронырливого не в меру Миши-Мойши, вряд ли сообразила бы, что мне что-то полагается из имущества отца (с некоторой точки зрения, и не полагалось, но я решила рассматривать все как дошедший с опозданием подарок от мамы).

— Пашенька, с этим наследством тьма проблем. Братья хотят все продать. Если наберется, может, я на свою долю квартиру маленькую куплю. Где-нибудь в пригороде. Понимаешь, мне очень хочется свой угол.

— Деточка, тебе жить надо, мужиков любить, детей рожать. Успеешь в угол забиться. Посмотри на меня, ну что мне теперь все эти углы, коль сил нет.

— Без угла тоже худо, бабуль. По чужим горько мыкаться.

— Алиса говорит, бывший жених тебе завод подарил?

— У Алисы язык отсюда и до Нью-Йорка. Не жених, а любовь одна моя, несчастная. Не подарил, а завещал. Не завод, а долю в компании. Но мне ничего этого не надо. Я отступные взяла у его папаши. Чеком. И Лельке этот чек подарила.

Паша пристально на меня посмотрела:

— Большие деньги?

— Как посмотреть. На несколько операций хватит. Может, кому-то эти злополучные деньги счастье принесут.

— Пришла к полуночи, получила динарий, да и тот в руках не удержала. Видно, не в динариях твое счастье.

Я растерялась, но, не заметив моего замешательства, Паша продолжила:

— Иди уже, повеселись с мальчиками.

— Там народу слишком много и орут все. Можно я здесь почитаю?

— Да читай, что разрешения просить. А я пойду — тот славный молоденький хлопчик, Серго, вроде бы уже приехал...

Большая рука закрыла страницу книги, и я автоматически резко сбросила ее.

— Сим-сим, ведьмочка, вернись к нам.

Я подняла глаза и улыбнулась. Поднявшись с пола, я протянула Бирману подарочный пакет, на всякий случай предупредив:

— Аккуратно, не урони его.

Сергей развернул кучу бумаги и достал горшочек, из которого торчали крепкие веточки с глянцевыми листочками.

— У тебя здесь совсем нет цветов. Это фикус. Маленький. Такая разновидность. Он неприхотливый и живет очень долго. Можно забывать его поливать. И не пересаживать. Ну, ты, как ботаник, должен знать.

Сереза дотянулся до подоконника и поставил подарок подальше к раме.

— Спасибо, птичка. Ты у меня кое-что забыла.

На мою ладонь лег золотой браслет со зверушками.

— Здорово, а я думала, что потеряла.

— Это твой банк?

— Ну, не весь. Это так, на случай внезапной войны.

— Я тебе тоже подарок припас. Держи.

Сверток из оберточной бумаги был похож на яйцо. Я осторожно разорвала его сверху. И увидела два больших темно-зеленых кружочка. Подражая только что сказанной мной напыщенной речи, Сереза объяснил:

— В твоих норах совсем нет цветов. Это фикус. Большой. Символ дома и уюта. Он неприхотливый и живет долго. Это я тебе, как ботаник, говорю.

Посмотрев друг на друга, мы вдруг расхохотались.

В комнату заглянул Кирилл:

— Рита! Вот ты где. Поехали, время за полночь.

И тут же снова скрылся в коридоре.

Я положила руку на сильное предплечье и постаралась вложить в несколько коротких и ничего не значащих слов все, что только можно было вложить:

— Спасибо тебе. За все.

Серые глаза в ответ рассыпались смешинками:

— Птичка, ты словно на десять лет вперед попрощалась. Смотри, не пропадай. Звони, приходи, письма пиши.

— Пока, Сережа. Береги себя.

Я не решилась обнять его. И стала жалеть об этом сразу, как только за мной закрылась тяжелая дверь старой квартиры.

Бирман наблюдал из окна кухни за тем, как Рита садится в машину Кирилла, но все же не настолько увлекся зрелищем, чтобы не услышать тихие шаги сзади. Это оказался Левка:

— Так и отпустишь ее?

— А что я, по-твоему, должен сделать?

— Ну, не знаю. Ты ей жизнь спас.

— Не ей первой. Даст бог, и еще кого-нибудь спасу. К тому же мне что, плату натурой потребовать? Или клеймо поставить «спасена Бирманом, подходить запрещается»? Я ее не для себя спасал. Для нее самой. Чтобы она могла жить, смеяться. Любить, наконец...

Серые глаза легко выдержали экзамен карих. Левка задумчиво заметил:

— А Серго собирается за ней приударить.

Бирман пожал плечами:

— Ну, сцеплюсь я из-за нее с Лордом. Пострадает только сама Ритка. Мы и так на пару едва ее не прикончили. К тому же мы оба — менты. То, чем мы живем, ей забыть надо. И поскорее. Весенин, по крайней мере,

не притащит к ней в дом трупы и убийства.

— Благородно, но глупо.

— По-твоему, что ей сейчас больше всего нужно?

— Любовь?

— Мечтатель ты, Левка. Сон ей нужен. Спокойный сон в полной безопасности. В чистой кровати с мягкими подушками и теплым одеялом. Еда. Завтраки, обеды и ужины по расписанию. И книги. Много книг, чтобы можно было выбирать и, если одна книжка не понравилась, менять ее на другую.

— Она вроде не в санаторий, а на работу собралась. В какие-то Опуеньки.

— То, что надо. Я проверил — там тихая милая старушка и семья нормальная без заскоков. Ничего непостоянного для Ритки. Зато спокойная обстановка, кормежка, отдельная комната и библиотека есть.

— Теперь ясно, с чего глава этой нормальной семьи так распахивался, когда Лорд на него со своими проверками вышел.

Бирман иронично фыркнул, но потом серьезно продолжил:

— Я, Левка, помню, какой увидел Ритку в первый раз: яркой, хорошенькой, веселой и — чего уж там — сексапильной. А сейчас от нее одна тень осталась. Полсотни килограмм живого веса не наберется. И волосы белые. Она все еще боится резко выпрямиться или повернуться, потому что голова кругом идет. Ей время нужно, хотя бы физически окрепнуть.

— А я думаю, все наоборот. Она чуть не погибла. И ей захочется жить и любить на всю катушку. Ты же видел, как она сейчас отплясывала.

— Я уже пожалел, что столы эти глупые наставил. Ей бы места побольше.

— Очень хорошо, что столы. Народ решит, что Серго там с раскрытым ртом сидит в ожидании десерта,

а не потому, что его парализовало. Шоу с тапочками продолжается.

Бирман грустно усмехнулся:

— Он у меня тапочки-зайчики эти выпросил. Не знаю, зачем.

— Если у Ритки с Лордом сложится, они будут замечательной парой. Ему нужен кто-то, кто будет воспринимать его просто как мужчину. А ей он даст абсолютно все, что только может захотеть женщина. Деньги, власть, любовь, да еще и титул.

— А мне ты зачем Лорда рекламируешь? Ритке расскажи. Особенно насчет титула. Думаю, возможность стать принцессой ее повеселит.

— Княгиней. Предки Лорда — настоящие князья.

— А старшая княгиня Нина Андреевна переживет такой мезальянс сына?

— Как всегда — зришь в корень. Но Лорд что-нибудь придумает.

— Да хорошо бы кабы так, но мы-то знаем... — скороговоркой пропел Сергей. — Ты к чему этот разговор затеял?

— Да глупо, конечно, но я вроде как за Лорда и Ритку. Понимаешь, Лорд — вождь, Властелин Света. Ритка — его подруга, Великая Госпожа. Она сбалансирована его закидоны, а он сделает ее благородной матроной. А я буду советником, великим визирем — Хранителем Мудрости. Мы втроем покорим мир.

Бирман вдруг вспомнил один допрос, речь в котором шла о госпоже. И автоматически представил себе ведьмочку в коже и с хлыстом в руке, а Лорда и Левку — склонившимися перед ней. Покорители мира, куда деваться. Смеяться над Левкой было все равно, что обидеть несмышленного малыша, но удержаться он не смог. Карие неземные глаза нахмурились, и Сергей, прекратив все-таки ржачку, примирительно объяснил:

— Не называй Ритку госпожой. Придумай что-нибудь другое.

— Почему?

Бирман снова хихикнул. Откровения Риты насчет отклонений Дорина не вошли в протоколы, так что Левка ничего не узнал о некоторых умениях ведьмочки. Бедный Хранитель мудрости, сколько неожиданных открытий ждет его в жизни.

— Левка, тебе сколько лет? Двадцать?

— Двадцать два.

— Тебе пока еще не покорить мир. Поговорим лет через десять.

Левка смутился и перевел разговор на другую тему:

— Почему ты не переходишь к нам?

— Предложение, конечно, лестное. Но как ты себе это представляешь? А промаршируйте-ка, дорогой товарищ Бирман, вот отсюда и до обеда? И это после общих пьянок? Дружба дружбой, но Серго меня сожрет. Не сразу, но в перспективе — обязательно.

— Логично мыслишь. Но все равно жаль. Так и останешься в районе?

— Посмотрим.

Бирман, чуть помедлив, сменил тему:

— Я слышал, ты поздравления принимаешь? Со второй племяшкой?

— Да.

В ответе не прозвучало радости, и Сергей решился предложить:

— Не покупай ничего детского. Я тебе все привезу. У меня тут несколько коробок разного барахла для младенцев припасено. Одежда, игрушки. Ты не думай, не старье, все новое, в упаковках, с этикетками... Алиска узнала, что беременна, накупила всякой всячины, но... потеряла ребенка. Даже если она снова решится, ничего из этого не возьмет. А тебе пригодится.

Левка медленно кивнул головой, пряча взгляд, в котором мелькнуло что-то похожее на отчаяние:

— Мне быть гордым не с руки. Это здорово меня выручит. Спасибо, друг.

Прозвучавшее «друг» было и горьким, и пронзительно искренним. Бирман мысленно чертыхнулся. Завязывать надо с такими душевными порывами.

— Не за что.

После паузы Хранитель мудрости чуть торжественнее, чем следовало бы, произнес:

— Если хоть в чем-нибудь будет нужна моя помощь, только дай знать.

— Взаимно, Левка.

Мужчины обменялись крепким рукопожатием, и вечер покатился дальше своим чередом — к рассвету...

74. Люди на кладбище

Я стояла у могилы, богато разукрашенной цветами, и читала надпись на огромном камне, занявшем половину очень дорогого пятачка столичной земли. «Любимой». Что ж, это была правда. Отец действительно любил ее. Каждую ее клеточку, каждое движение, каждый взгляд и вздох. Любил до одури, до сумасшествия. До семейного сумасшествия, обещающего великую, жестокую и несчастливую любовь.

Сбоку от камня был отполирован кусочек поверхности, на котором ровными маленькими буквами были выбиты имена отца и Френда. Никого ни о чем не спрашивая, я после всех экспертиз забрала тела Джека и Джорджа и кремировала останки. Урны с пеплом я отвезла в Коломну, и милая, хоть и слегка сумасшедшая (вполне ожидаемо), старушка рассыпала прах обоих своих сыновей над слиянием двух одинаково мутных рек.

Акела был немного шокирован и моим решением, и тем, что я быстро все провернула в одиночку. Мнением Кости я не поинтересовалась, хотя подозревала, что и у него было свое видение вопроса. Думаю, в конце концов, все согласилось, что я была вправе сделать то, что считаю нужным. А что еще им оставалось?

Галина Симонова рассказала мне историю моего усыновления. Я не была тайным ребенком порочной страсти, я не была плодом любви мамы к брату мужа, я вообще не имела кровного отношения к Рогальским. Я была замершим вокзальным подкидышем. Однажды вечером Маша Рогальская, возвращаясь с одной из свиданок, услышала между свистом ветра, стуком колес и гудками электровоза непривычный звук. Под одной из лавочек

платформы она обнаружила грязный сверток, в котором оказалась задыхающаяся кашлем синяя девочка. Понадобилось три года и невесть сколько ухищрений, но она все же удочерила меня...

Холодный ветерок принес мелкий противный снег и начал швырять его горстями мне в лицо, словно напоминая о том, что случилось больше четверти века назад. И где же мой красавец-братик?

Ждать пришлось еще минут пятнадцать. Наконец, высокая фигура в новой кожаной куртке неуверенно приблизилась к могиле, и я, не поворачивая головы, поздоровалась:

— Привет.

Акела кивнул головой и пристально уставился вглубь гранитного монолита, словно пытаясь силой взгляда разнести камень на щебенку. Я стояла молча, понимая, что ему тоже нужно время. Попрощаться с прошлым. Подумать о будущем.

Я почувствовала, что он скажет, за мгновение до того, как прозвучали слова, и вздохнула с облегчением. Он все решил правильно.

— Я забираю Анюту в Питер.

В голосе прозвучала твердость и житейская горечь.

Я представила себе камни Петропавловки и необычно яркое желтое солнце над темной водой Невы. Желтый, привезенный издалека песок, взлетающего над волейбольной сеткой мужчину в желтой майке — сильного и беззаботного. Счастливую девушку в легком летнем желтом платье. Простую, веселую, открытую...

Почувствовав легкую встряску, я открыла глаза и поняла, что это брат взял меня за плечи и тревожно вглядывается в мое лицо:

— Рита, ты в порядке?

В темных сапфирах, таких знакомых с детства, я уловила его беспокойство обо мне. Тревогу за родного чело-

века. Сердце наполнило щемящее чувство нежности, благодарности. Брат. Кто бы мы ни были, мама скрепила нас крепкими семейными узами. Мы всегда останемся друг для друга братом и сестрой.

— Поехали со мной. Дела подождут. Да и все уже решено. Я Анютке предложение сделал. Ты слышишь? Поехали вместе. Мы семья, Ритка. Понимаешь? Кроме тебя, у меня никого больше нет.

— Я знаю. Я приеду к вам. Правда. Только чуть позже.

Брат отпустил мои плечи и спросил, сам до конца не понимая, что хочет узнать:

— Как Кирилл?

Я пожала плечами, и он раздраженно махнул рукой:

— Дурочка. Чего ты боишься?

— Себя.

— Ясно. Лорд или Бирман?

— Причем здесь они?

— Ты прячешь глаза, Рита, вот причем.

Мы помолчали еще немного, каждый о своем. И Акела снова первым нарушил тишину:

— Ты ведь что-то скрыла, да? Все было не так, как менты сказали? Что там, во тьме, Рита? Скажи мне. Я смогу все принять. Теперь смогу. Просто расскажи...

— Я приеду в Питер. И тогда все расскажу.

— Ну, хочешь, я останусь здесь, с тобой...

— Нет, Акела. Со мной все в порядке. Не волнуйся, у нас у всех все будет в порядке. Какое-то время.

Пауза тянулась, растягивалась, удлинялась, а потом резко оборвалась:

— Ладно, мне пора. До встречи, сестренка.

Брат неловко чмокнул меня в щеку, махнул рукой и быстро ушел.

Я, подумав, добавила в свою мысленную картинку важную деталь. Весело улыбающаяся женщина в желтом платьице держала на руках малыша-годовасика. В руке

малыш держал погремушку — яркий желтый шар на колечке. Издалека услышавший грохот погремушки волейболист помахал жене и сыну рукой.

Да-да, жене и сыну. Именно так. Я этого хочу. И это будет.

Я подождала еще немного, размышляя о разных высоких материях. Все, хватит.

«Прощайте. Мама. Отец. Дядюшка. Простите меня. За все. Да обретут ваши души в ином мире покой».

Едва я отошла от могилы, зазвонил мобильный.

— Ах ты, проклятая змея! Гадюка подколодная! Тварь подзаборная!

Голос Изабеллы доносился как из другой вселенной. И зачем Кирилл дал ей мой номер? Я слушала оскорбления бывшей подруги и шагала по широкой аллее к выходу. Остановившись в воротах кладбища, я бросила все еще говорящий что-то мобильник в мусорку. Вот так. Несколько минут я стояла совсем одна посередине мира.

Кирилл ждал меня, облокотившись на дверцу машины. Теплый взгляд карих глаз согревал лаской и подбадривал. Я поежилась на холодном ветру и медленно пошла вперед.

Я — ведьма. Я построю свой новый цветной мир.

Москва, 2010—2011, 2017

***Все персонажи и события являются вымышленными.
Любые совпадения — случайны и непреднамеренны.***

Оглавление

Часть 1	3
1. День рождения	5
2. Семейный секрет	13
3. Книжная ярмарка	19
4. Журналист	30
5. Фотографии	36
6. Средний брат	40
7. Родные и близкие	48
8. Ведется следствие	55
9. Служебный роман	63
10. Неудачный визит	69
11. Чужие тайны	76
12. Белые халаты	83
13. Старший брат	95
14. Три ишейки	103
15. Любовный омут	110
16. Милый дом	116
17. Тупики и стены	125
18. Гейм овер	129
19. Подарок для банкира	134
20. Бабочка на булавке	141
21. Роковая страсть	149
22. Два молодца	154
23. Песня года	160
Часть 2	165
24. Добрый друг	167
25. Встреча в подzemке	174
26. Злой волшебник	180

27. Обходные маневры	184
28. Старые чемоданы	190
29. Розовый туман	195
30. Вопросы этики	203
31. Дорогою добра	212
32. Из огня да в полымя	220
33. Птичка в чужой норе	228
34. Мечты сбываются	236
35. Городские новости	244
36. Версии и догадки	248
37. Сокровищница	257
38. Тени прошлого	265
39. Проигранная войнушка	276
40. Семейный пасьянс	285
41. Предсказания	292
42. Алиса в стране абсурда	299
Часть 3	313
43. Простая западня	315
44. Далекие и близкие голоса	320
45. Птичка в клетке	328
46. Факты и выводы	338
47. Возвращение Ривки	345
48. Звезды говорят	350
49. Земляные работы	354
50. Танцовщица	361
51. Курица и негоцианты	366
52. Психолог опаздывает	375
53. Ночь и день	381
54. Большой концерт	392
55. Ведьма ручается	400
56. Поцелуй	406
57. Рассвет над городом	411

58. Другая девушка	421
59. Побег из больницы	429
Часть 4	437
60. Охотники на монстров	439
61. Плохое и худшее	446
62. Домик в деревне	451
63. Разговоры, разговорчики	457
64. Переступить черту	466
65. Всеобщая мобилизация	475
66. Подари мне свет	490
67. Беги, Анютка, беги	495
68. Пограничная зона	500
69. Осенний лес	507
70. Длинные дни	512
71. Сияние за горизонтом	522
72. Угрозы и советы	531
73. Занавес	539
74. Люди на кладбище	549

Татьяна Латукова

Ведьма в лесу

Ведьма 1.0